

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

СРЫВАЙТЕ МАСКИ!

ИДЕНТИЧНОСТЬ
И САМОЗВАНСТВО
В РОССИИ XX ВЕКА

СРЫВАЙТЕ МАСКИ!

Шейла Фицпатрик —

заслуженный профессор кафедры современной российской истории Чикагского университета, специалист по советской социальной, политической и культурной истории, особенно сталинского периода.

Родилась в Австралии, училась в Мельбурнском и Оксфордском университетах.

Работает в США с начала 1970-х гг.

Преподавала в Колумбийском университете, Техасском университете в Остине.

В Чикагском университете — с 1990 г.

Является членом Американской академии наук и искусств,

Австралийской академии гуманитарных наук,

ученого совета Мельбурнского университета,

а также почетным профессором

Сиднейского университета и экс-президентом

Американской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований.

В 2002 г. получила премию Фонда Эндрю Меллона за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.

Публикации последних лет:

Русская революция (3-е изд., испр. Оксфорд, 2008).

Политические туристы. Гости из Австралии в Советском Союзе, 1920–1940-е гг. (совместно с К. Расмуссен. Мельбурн, 2008).

Среди книг, изданных на русском языке:

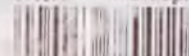
Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня (Москва, 2001).

Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город (Москва, 2001).

История
России

2011 Завершена подготовка издания
СРЫВАЙТЕ МАСКИ!
ИДЕНТИЧНОСТЬ И

1045678 448.00р.

2100045617800111

РОССПЭН

SHEILA FITZPATRICK

**TEAR OFF
THE MASKS!**

**IDENTITY AND IMPOSTURE
IN TWENTIETH-CENTURY RUSSIA**

**PRINCETON; OXFORD
PRINCETON UNIVERSITY PRESS
2005**

СЕРИЯ
СИМБИОЗМА

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК

СРЫВАЙТЕ МАСКИ!

ИДЕНТИЧНОСТЬ
И САМОЗВАНСТВО
В РОССИИ XX ВЕКА

Москва
2011

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)6-2

Ф66

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Фицпатрик Ш.

Ф66 Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик; [пер. с англ. Л. Ю. Пантиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 375 с.: ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1413-7

Работа Шейлы Фицпатрик, специалиста по советской социальной, политической и культурной истории, посвящена проблемам индивидуальной идентичности в советском обществе, процессам ее «переделки» после революции 1917 г. и их социальным последствиям, а также начальному этапу новой трансформации идентичности после распада Советского Союза.

Книга предназначена для специалистов-историков и для широкого круга читателей, интересующихся советской и российской историей.

УДК 94(47+57)(082.1)

ББК 63.3(2)6-2

ISBN 978-5-8243-1413-7

© Sheila Fitzpatrick, 2005

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2011

Памяти Майкла Даноса

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Большинство глав этой книги уже выходили раньше отдельными статьями. Исключение составляют главы 1 («Как стать советским человеком»), 12 («Истории жен») и 15 («Как стать постсоветским человеком»), которые печатаются впервые. Первые варианты некоторых глав написаны еще в начале 1990-х гг., и с тех пор вышло довольно много работ на эту же тему. В новых главах я ссылаюсь на недавние публикации, однако в отредактированных старых текстах, как правило, не привожу ссылок на работы, которые появились позже или были мне неизвестны, когда писался первоначальный вариант, поскольку это могло бы нарушить логику изложения. Я делаю в данном случае исключение только для диссертаций, изданных впоследствии как монографии, и публикаций статей и докладов, которые на тот момент еще не были опубликованы.

В этой книге, как почти во всех трудах, создававшихся в течение длительного времени, прослеживается определенная эволюция перспектив, интерпретации и фактического материала. Возможно, читателю будет интересно взглянуть на даты появления статей и научных докладов, которые легли в основу той или иной главы: в начале каждой из них приводятся сведения о публикации более ранних ее вариантов или разделов.

Выражаю свою признательность за разрешение на переиздание отдельных глав:

Издательству Оксфордского университета (Oxford University Press) – *The Bolshevik Invention of Class: Marxist Theory and the Making of «Class Consciousness» in Soviet Society // The Structure of Soviet History / ed. R. Suny. New York, 2002.*

Издательству университета Индианы (Indiana University Press) – *The Problem of Class Identity in NEP Society // Russia in the Era of NEP / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, Ind., 1991.*

Издательству Чикагского университета (University of Chicago Press) – *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1995. Vol. 65. No. 4; Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. No. 4.*

Институту славяноведения в Париже (Institut d'études slaves) – *Lives under Fire: Autobiographical Narratives and Their Challenges in Stalin's Russia // De Russie et d'ailleurs. Mélanges Marc Ferro. Paris, 1995.*

Фонду «Дом наук о человеке» (Maison des Sciences de l'Homme) – *The Two Faces of Anastasia: Narratives and Counter-Narratives of Identity in Stalinist Everyday Life // Parler de soi sous Staline. La construction identitaire dans le communisme des années trentes / sous la dir. de B. Unfried, I. Herrman, B. Studer. Paris, 2002.*

Издателю Чарльзу Шлаксу-младшему – введение к публикации: *From Krest'ianskaia gazeta's Files: Life Story of a Peasant Striver // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 1–2.*

Издательству Принстонского университета (Princeton University Press) – переработанный вариант введения («Lives and Times») к книге: *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, N.J., 2000. P. 3–17 (здесь гл. 8).*

Журналу «Slavic Review» – переработанный вариант статьи: *Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 1; дополненный вариант статьи: The World of Ostap Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 3 (здесь разбит на гл. 13 и 14).*

Историческому колледжу (Historisches Kolleg) и мюнхенскому издательству «Р. Ольденбург» (R. Oldenbourg Verlag) – *Intelligentsia and Power: Client-Patron Relations in Stalin's Russia // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Ansätze der Forschung / Stalinism before World War II. New Lines of Research / hg. von M. Hildermeier. München, 1998.*

Многие люди делились со мной мыслями, которые в итоге вошли в эту книгу, но, поскольку это происходило не один год, мне труднее, чем обычно, назвать их всех поименно. Вначале моим самым главным и незаменимым собеседником был мой муж Майкл Данос, умерший в августе 1999 г. Много идей я почерпнула у своих чикагских аспирантов. Катерина Кларк, Рон Суни, Леора Ауслендер и Катриона Келли оказывали мне интеллектуальную и моральную поддержку и помогали в работе своей конструктивной критикой. Мне было очень приятно иметь дело с редактором издательства Принстонского университета Бригиттой ван Рейнберг. На последнем этапе неожиданный подарок в виде Премии за выдающиеся достижения от Фонда Меллона облегчил мне работу, позволив сложить с себя некоторые преподавательские обязанности. Я благодарна Бенджамину Зайичеку и Хайди Бертуд за научное сотрудничество при написании новых глав, а также Джун Фэррис, библиографу литературы, посвященной славянским и восточноевропейским исследованиям, в Чикагском университете – за самоотверженную помощь в розыске материалов.

ВВЕДЕНИЕ

Рис. 1. Карикатура Осберта Ланкастера (Daily Express. 1941. 18 July. P. 4).
Подпись под рисунком: «Каррузерс, а мы с вами кто – рабочие, крестьяне
или интеллигенция?»

ГЛАВА 1

КАК СТАТЬ СОВЕТСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ*

В большинстве обществ лозунг «Срывайте маски!» не пользуется особой популярностью, поскольку в основе их функционирования лежит допущение, что цивилизованность требует определенной доли маскировки. Однако революции подобное допущение отменяют; одержав победу, они срывают маски, т. е. лишают силы все негласные соглашения о саморепрезентации и социальном взаимодействии, которые были достигнуты в дореволюционном обществе. Так случилось в России после Октябрьской революции 1917 г., заложившей фундамент Советского государства, то же самое произошло и в 1991 г., когда это государство развалилось. В такие переломные моменты отдельному человеку приходится «пересотворять» себя, находить или создавать в самом себе личность, подходящую для нового послереволюционного общества. Процесс пересотворения является одновременно процессом реконфигурации (новой организации сведений о себе) и открытия (новой интерпретации их значения). Он всегда включает стратегические решения (как мне представлять себя в этом новом мире?) и может побуждать человека к онтологической рефлексии (кто я на самом деле?). Те, кто занят пересотворением себя, как правило, не любят обсуждать происходящее, утверждая, что в глубине души они всегда были новыми советскими (постсоветскими) людьми, каковыми сейчас стараются стать.

Во время революции миллионы людей, составляющих общество, по необходимости приступают к такому пересотворению, однако воинствующие революционеры при этом одержимы стремлением

---

* Многие разделы этой главы взяты из моей статьи: Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in Twentieth-Century Russia // Kritika. 2001. Vol. 2. No. 3. Благодарю Леору Ауслендер, Катерину Кларк, Рональда Суни, Юрия Слезкина, Катриону Келли и участников семинара Чикагского университета по исследованиям России за глубокую, вдумчивую критику первых вариантов главы.

к подлинности и прозрачности. Они ревностно выискивают и «разоблачают» «двурушников», пытающихся скрыть свою настоящую идентичность, «карьеристов и приспособленцев», щеголяющих мнимой революционностью в своекорыстных целях. В первые два десятилетия после 1917 г. «бдительность», позволяющая выявлять и разоблачать подобных врагов революции, считалась одним из главных достоинств коммуниста. Чистки, периодически проводившиеся в рядах самой коммунистической партии, в государственном аппарате и учебных заведениях в 1920–1930-е гг., выполняли ту же задачу искоренения затаившихся врагов. Спустя полвека постсоветская Россия постаралась не становиться снова на путь чисток и проверок на лояльность. Однако, по наблюдениям политолога Майкла Урбана, на первом этапе перехода к постсоветскому обществу (когда в политике действовали почти сплошь бывшие коммунисты) не одного, так другого политика постоянно обвиняли в том, что он «на деле» остается коммунистом либо в глубине души еще «не перестроился». Урбан интерпретировал подобные обвинения как способ, который позволял обвинителям придать достоверность собственному новому имиджу постсоветских демократов¹ и, *mutatis mutandis*², в самый первый революционный период отчасти давал плоды.

В этой книге рассказывается о переделке идентичности в обществе, брошенном в водоворот революции. Я исследую, как отдельные люди, оказавшись в такой ситуации, решают вопрос своей идентификации – главным образом, как они создают себе новый образ, подходящий к новым жизненным обстоятельствам, однако на протяжении довольно долгого времени остающийся ненадежным и уязвимым. Меня интересуют также социальные последствия этого: какие социальные практики (чистка, самокритика, доноительство) и особенности менталитета (подозрительность, забота о выяснении «подлинного лица» окружающих) развиваются в условиях, когда каждый человек старается пересотворить себя и отстоять свое заново изобретенное «Я», зная, что соседи заняты тем же самым. Моя работа, в отличие от многих исследований «идентичности», опубликованных в последние годы, посвящена в первую очередь индивидуальной, а не национальной или групповой идентичности. Как только в фокусе внимания оказываются индивиды, немедленно всплывает тема самозванства – в данном случае без нее при исследовании идентичности не обойтись. Самозванец – человек, кото-

---

¹ Urban M. The Politics of Identity in Russia's Postcommunist Transition: The Nation against Itself // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 3. P. 747.

² С соответствующими изменениями (*лат.*). – *Прим. пер.*

рый выдает себя за другого, претендует на идентичность, не принадлежащую ему по праву. В революционных условиях крайне важно разоблачать самозванцев, прикидывающихся революционерами. Но вместе с тем опасно тонкая грань отделяет самозванство от вполне похвальной практики самоформирования или перевоплощения, которого революция требует от всех граждан страны³. Как разрешали это затруднение в Советской России, как отличали одно от другого в повседневной жизни – одна из тем моей книги.

В первые годы советской власти всех волновала главным образом проблема идентичности с точки зрения социально-классовой принадлежности. Большевики захватили власть от имени пролетариата и полагали, что именно пролетарии могут быть опорой советской власти, а «буржуи» (в 1920-е гг. этим словом часто называли членов любой группы, которая была привилегированной при старом режиме) – только ее противниками. В итоге причины и следствия до некоторой степени поменялись местами, и те, кто поддерживал революцию, считались «пролетариями», а те, кто выступал против нее, – «буржуями». Так или иначе, новые правители придавали классам достаточно большое значение, чтобы проделать в 1920-е гг. большую работу по статистическому анализу классовой структуры населения и различных учреждений страны, а также проводить политику дискриминации «классовых врагов» (т. е. людей, которые являлись врагами по определению, в силу своей принадлежности к особому социальному классу) и выдвижения тех, кого классовое положение делало естественными союзниками революции.

Категория «класс», увы, оказалась весьма неоднозначной. Классовую принадлежность не так легко установить по внешним признакам, как расу или пол, и гораздо труднее определить по имени и родному языку человека, чем национальность. Конечно, классы связаны с социальным положением, но во время революции (и как раз из-за нее) социальное положение и род занятий у многих людей изменились. Возможными критериями классовой идентичности оставались манеры, т. е. формы саморепрезентации, которые человек мог усвоить, а мог и не усвоить, и биография. Последняя приобрела ключевое значение для определения классовой принадлежности индивида в советском обществе. Изложение собственной биографии с ответами на вопросы и замечания слушателей стало обычной советской практикой в самых разных ситуациях, включая чистку и выступления с «самокритикой» на собраниях; во всех

---

³ Более подробно (в том числе определение «перевоплощения») см. ниже, с. 29.

личных делах содержались автобиография и анкета, призванные осветить историю политической и профессиональной деятельности человека и выявить его классовое положение до мельчайших подробностей, учитывая и то, как оно менялось со временем. При наличии правовых и административных структур, которые осуществляли дискриминацию по классовому признаку, люди, естественно, стремились составлять автобиографии так, чтобы скрыть «плохие» с классовой точки зрения моменты, а сомнительные – представить в наиболее выгодном свете. Привычка к утаиванию и ретушированию тех или иных фактов, неразрывно связанная с общим процессом пересотворения себя, коего требовала революция, стала второй натурой советского гражданина, так же как и противоположная привычка к разоблачению и доносительству.

Эта книга – исследование индивидуальных практик самоидентификации в Советской России. В ней не рассматриваются государственные практики формирования идентичности с помощью пропаганды, средств массовой информации и учебных заведений или групповая социализация среди сверстников в школах, пионерской и комсомольской организациях, хотя эти темы сами по себе небезынтересны. Мало говорится также об интеллектуальных дебатах по поводу идентичности или индивидуальных духовных исканиях философского плана. Я с радостью обратила бы внимание и на дебаты, и на духовные искания, если бы обнаружила таковые, но в действительности и то, и другое – удивительно редкое явление. Коммунистическая партия и Советское правительство вырабатывали свою политику по таким вопросам, как классовая дискриминация, почти не дискутируя об этих вопросах (если подобное все же случалось, я это отмечаю) и не подводя под них теоретическую базу. Молчание Русской революции о ключевых проблемах социальной практики составляет яркий контраст с пылкими спорами и глубоким теоретизированием деятелей Французской революции на такие темы, как доносительство. Что же касается индивидуальных философских исканий, то мы и здесь сталкиваемся с красноречивым молчанием. Судя по дневникам и воспоминаниям, советские граждане прагматично заботились о презентации своей идентичности, возможно, добросовестно трудились над созданием «советского» имиджа, но редко задавались метафизическими вопросами бытия (кто я в этой бесконечной вселенной?). Может быть, это связано с чрезвычайными тяготами жизни в Советском Союзе 1920–1930-х гг., под влиянием которых складывались модели поведения, характерные для обществ военного времени. Живя под властью политического режима, постоянно руководившего своими гражданами и часто каравшего их, люди проникались фатализмом, который, как это ни парадок-

сально, по-видимому, избавил их от многих страхов и неврозов, широко распространенных в тот же период на капиталистическом Западе⁴.

Историографическая заметка

Эта книга написана социальным историком, который начал печататься в 1970-е гг. Однако тема ее ближе историкам советской культуры, особенно когорте молодых последователей Фуко, появившихся на сцене во второй половине 1990-х гг. и положивших начало исследованиям «советской субъективности»⁵. Такое сочетание автора и темы поначалу может смутить некоторых читателей – причем не тех, кто незнаком с предметом, а как раз тех, кто хорошо его знает. Поэтому имеет смысл сразу отметить, что речь идет не об атаке на школу «советской субъективности» по Фуко и не о присоединении к ней, а о чем-то совершенно ином. Наилучший способ объяснить, что это за «иное» и как я к нему пришла, – краткий экскурс в мою интеллектуальную автобиографию. Читатель, не занимающийся профессионально советской историей, может пропустить этот раздел.

Меня как социального историка долгое время не удовлетворяло понятие класса в роли аналитической категории для изучения советского общества и раздражали дискуссии советских и западных марксистов о «классовом», в частности пролетарском, сознании в советском контексте⁶. Я хорошо знала историю русских рабочих, чью «сознательность» превозносили советские авторы. Эти рабочие в основном жаждали порвать с рабочим классом или дать такую возможность хотя бы своим детям, и в первые пятнадцать

---

⁴ О советском фатализме см.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 261–266.

⁵ Чтобы получить общее представление об этой области исследований, см.: Russian Review. 2001. Vol. 60. No. 3. P. 307–359. Рубрика «Советская субъективность» содержит статьи Эрика Наймана («On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them»), Игала Халфина («Looking into Oppositionists' Souls: Inquisition Communist Style») и Йохена Хельбека («Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts»).

⁶ См., напр., мою статью «Большевистская дилемма: классы, культура и политика в первые годы советской власти» (The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture and Politics in the Early Soviet Years // Slavic Review. 1988. Vol. 47. No. 4) и ответ авторам отзывам на нее – Суни и Орловски (Reply to Suny and Orlovsky // Ibid.).

послереволюционных лет легко добивались этого благодаря советской политике выдвижения пролетариев и беднейших крестьян⁷. Разумеется, социальные историки в СССР были вынуждены пользоваться в своей работе марксистскими классовыми категориями, и делали это в крайне статичной, грубо материалистической манере. Когда в 1970-е гг. социальной историей Советского Союза стали заниматься и на Западе, я выступила против тенденции принимать классовые характеристики за чистую монету и сосредоточиваться на вопросах, которые мне казались марксистской схоластикой (*действительно* ли русские рабочие обладали пролетарским классовым сознанием; были ли крестьяне, получившие от большевиков клеймо «кулаков» – деревенских эксплуататоров, – *действительно* кулаками или только «средняками») ⁸.

Однако в конце 1980-х гг. я сама начала относиться к классам серьезно. Не потому, что уверовала в марксистскую аналитическую систему, а потому, что вдруг поняла довольно очевидную вещь: деление на классы служило критерием классификации⁹. Классы нужно принимать всерьез, поскольку *классификация по классовому признаку* была в советском обществе очень серьезным делом. Она не имела никакого отношения к реальной социальной структуре, зато имела самое прямое отношение к судьбе отдельного человека, его удачам и неудачам. Лично мне споры о том, были ли крестьяне «настоящими кулаками» или городские жители «настоящими пролетариями», могут казаться схоластическими, но для миллионов людей практические последствия таких дискуссий имели жизненно важное значение. Ярлык кулака означал гибель: если ты кулак, стало быть, подлежишь экспроприации и депортации. Ярлык пролетария означал, что ты можешь из наемного работника превратиться

---

⁷ См.: Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge, 1979; Idem. *Stalin and Making of New Elite* // Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992.

⁸ См., напр.: Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism*; Afterword: Revisionism Revisited // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 357–373, 409–413. См. также замечания по поводу статьи «New Perspectives on Stalinism» («Новый взгляд на сталинизм»): *Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 4. P. 375–408; Vol. 46. No. 4. P. 379–431.

⁹ Рон Суни предположил, что так я косвенным образом отреагировала на знаменитый «лингвистический поворот», совершившийся в среде социальных историков-марксистов благодаря авторам, которые вновь обратили самое пристальное внимание на проблемы языка и восприятия (см., напр.: Jones G. S. *Languages of Class: Studies in English Working Class History, 1832–1982*. Cambridge, 1983). Конечно, после «лингвистического поворота» я нашла больше общего с историками-марксистами, чем раньше.

в начальника, что у твоих детей (и даже у тебя самого) есть возможность получить высшее образование и подняться на новую ступень, перейдя в класс служащих.

Это откровение легло в основу ряда статей, опубликованных в начале 1990-х гг. В них я рассматривала большевистские традиции наклеивания классовых ярлыков и классовой дискриминации, а также появившиеся в результате социальные практики маскировки и разоблачения классовой идентичности. Как раз в эти годы были открыты ранее закрытые советские архивы. Из всех архивных находок тех лет самой интересной для меня стали огромные кипы писем властям от отдельных граждан. Поначалу мое внимание особенно привлекали доносы, которые в 1920–1930-е гг. часто представляли собой попытки дискредитировать чью-нибудь классовую саморепрезентацию. Позже я добавила к ним ходатайства и просьбы, неизменно связанные с саморепрезентацией автора (в 1920–1930-е гг. обычно подчеркивавшего свое «хорошее» классовое происхождение). Претензии на «правильную» идентичность по необходимости сопровождались рассказами о своей жизни, и они меня тоже заинтересовали.

Так и получилось, что стезя социального историка привела меня на территорию, активно колонизируемую молодыми историками культуры, представителями школы «советской субъективности»¹⁰. Различия между нами очевидны. Их интересуют идеология и дискурс и увлекает в первую очередь теория. Меня интересуют социальная практика и повседневность, и я не слишком жалею тотальное теоретизирование, будь оно марксистское или «фукоистское» (разделяя, между прочим, вместе с Марксом глубокие подозрения в отношении идеологии как

---

¹⁰ См. важнейшие работы в этом жанре: Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–39 // *Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000; Idem. Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Basingstoke, 2000; Halfin I. From Darkness to Light: Class Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburg, 2000; Idem. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, Mass., 2003; Kharkhordin O. V. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley, 1999; Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001; Krylova A. Soviet Modernity in Life and Fiction: The Generation of the «New Soviet People» in the 1930s: Ph.D. diss. Johns Hopkins University, 2000. Для всех этих авторов основополагающим трудом послужила «Магнитная гора» Стивена Коткина (Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, 1995), хотя Халфин и Хелльбек со всем почтением критиковали Коткина за то, что тот «так и не поднял проблему сталинистского субъекта» (Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's «Magnetic Mountain» and the State of Soviet Historical Studies // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1996. Bd. 44. H. 3. S. 458).

ложного сознания). Их внимание сосредоточено на «Я» и субъектности¹¹; мое – на идентичности и идентификации. Но, по-моему, различия в историческом подходе как раз и делают научную работу интересной. Появление на сцене новой когорты историков – один из главных факторов, способствовавших оживлению в области советской истории в 1990-е гг. Если бы меня попросили выделить два важнейших аспекта этого оживления, я назвала бы, во-первых, перенос внимания на человеческий опыт, а во-вторых, – решительное окончание «холодной войны» в советской истории (новое поколение, в отличие от своих предшественников-«ревизионистов», не нападало на стереотипы «холодной войны» прямо, но его равнодушие оказалось для этих стереотипов губительнее лобовой атаки). Пятнадцать лет назад еще живо было застарелое представление, будто «советская идеология» – нечто насильно скармливаемое режимом населению и пассивно потребляемое атомизированными представителями последнего. То, что у нас появился «сталинистский субъект» как «полноправный идеологический агент»¹², – большой шаг вперед.

Идентичность: определение и теоретическая основа

Прежде чем двигаться дальше, остановимся на понятии «идентичность». В последние годы этот термин вошел в моду в общественных науках, им бросаются направо и налево, и в результате он сделался обескураживающе многозначным¹³. Меня интересует не столько персональная, сколько социальная идентичность, т. е. то, как человек по-

---

¹¹ Утверждение Йохена Хелльбека и других представителей школы «советской субъективности», что революция первоначально не подавляла, как считали раньше, а продуцировала у индивида сознание своего «Я» (см.: Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming. P. 341), в основе своей справедливо. Но Оксфордский словарь английского языка, давая определение «Я» («то, что составляет действительную внутреннюю сущность человека, в отличие от всего случайного и поверхностного»), отмечает, что это понятие «главным образом *философское*», а философия – такая область, куда историк моего типа заглядывает с осторожностью. В этой книге я постаралась по мере возможности избежать термина «Я» (кроме как в значении личного местоимения), чтобы не всплывали, например, ассоциации с «техниками», используемыми в «заботе о своем Я» (тема третьего тома «Истории сексуальности» Фуко), или с толкованием «Я» как морально-этической ориентации – «ориентации на добро» – у философа Чарльза Тейлора (см.: Taylor C. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge, Mass., 1989. P. 27–33).

¹² Halfin I., Hellbeck J. Rethinking the Stalinist Subject. P. 457.

¹³ Современную критику такой тенденции см.: Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // Theory and Society. 2000. Vol. 29.

зиционирует себя в социальном или групповом контексте, а не то, что он думает о себе как отдельной личности¹⁴. Говоря «идентичность», я имею в виду самоидентификацию и/или самопонимание в соответствии с принятыми в данный момент категориями социального бытия. Конечно, между самоидентификацией (процессом маркирования, которое может рассматриваться только как средство для достижения определенной цели) и самопониманием (т. е. уверенностью человека, что он именно таков, каким сам себя представляет) есть разница. В моем определении эта разница намеренно затушевывается, поскольку я считаю, что самопонимание субъекта доступно историкам только благодаря таким практикам, как самоидентификация. В этой книге «идентичность» – сокращенное наименование результата комплексной ревизии самоидентификации, связанной с Русской революцией¹⁵.

В дискурсе первых лет советской власти ближайшим синонимом термина «идентичность» было «лицо». Слово «лицо» в смысле «идентичность» почти всегда употреблялось с двумя определениями: «классовое» и «политическое». Классовую (так же как и тесно связанную с ней политическую) идентичность следовало «выявить» (т. е., согласно словарю Ушакова, «разоблачить, показать в подлинном виде») ¹⁶. Разговор об идентичности был неотделим от проблем ее

---

¹⁴ Это близко к определению социальной идентичности у Дэвида Лэйтина: «Ярлыки, которые люди присваивают себе (или присваивают им другие), претендуя на принадлежность (или будучи отнесены другими) к социальной категории, по их мнению (или мнению других людей, как принадлежащих, так и не принадлежащих к данной категории), вероятнее всего соотносимой с их историей и характерной для них в настоящем моделью поведения» (Laitin D. D. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, 1998. P. 16). Определение Рома Харре см. ниже, с. 21.

¹⁵ Обращаю внимание читателя на то, что я использую выражение «Русская революция» в широком смысле: для меня это не только 1917 г., но и два десятилетия кардинальных сдвигов, начало которым положил Октябрь (или, если уж быть педантично точной, Ноябрь в соответствии с нашим западным календарем). См.: Fitzpatrick S. *The Russian Revolution*. 2nd ed. Oxford; New York, 1994. P. 2–4.

¹⁶ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1. См. также: Селищев А. М. *Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)*. 2-е изд. М., 1928. С. 48. Интересный обзор терминов, связанных с выявлением истинного лица, см.: Kharkhordin O. V. *The Collective and the Individual in Russia*. P. 175–181. Мне кажется, Хархордин преувеличивает частоту употребления слова «проявить» в 1920–1930-е гг. Ушаков в конце 1930-х гг. назвал его «книжным», тогда как «выявить» – «новым газетным»; во всех примерах, которые он приводит, глагол «проявить» сочетается с существительными, имеющими положительный смысл («проявить героизм», «проявить храбрость» и т. д.). В дискурсе разоблачения главную роль играл глагол «выявить», а не «проявить».

маскировки и утаивания, поскольку революция сделала определенные типы социальной и политической идентичности опасными недостатками, заставляя тем самым их скрывать. Замаскированную идентичность надлежало «разоблачить»¹⁷ – весьма ходовое словечко в раннем советском дискурсе. Двойную идентичность – «двуличие», «двурушничество» («поведение человека, наружно принадлежащего к одной группе, но действующего в пользу враждебной ей стороны (газ. презрит.)»¹⁸) – регулярно обличала советская пресса.

В советском контексте под двойной идентичностью понимается заведомо ложное представление человеком своего реального положения на особой оси идентичности – классово-политической. Но в действительности, помимо социально-политической, существует множество возможных осей идентичности: например, этнонациональная, семейная, конфессиональная, гендерная. У человека всегда много идентичностей, т. е. способов самоидентификации, характеризующей его положение в мире и взаимоотношения с другими людьми. Если идентичность – место в определенной классификации, которое некая личность считает своим, ожидая, что и окружающие признают его за ней, то один и тот же человек может сочетать в себе, скажем, идентичности мужчины, рабочего, коммуниста, мужа/отца, русского.

Самоидентификация основывается на феноменах реальной жизни, таких, как родной язык, происхождение, род занятий, но при этом она подвижна и подвержена изменениям. Изменения могут быть вызваны обстоятельствами: например, когда Советский Союз в начале 1990-х гг. прекратил существовать как государство, идентичность «советского гражданина» моментально утратила жизнеспособность. Наряду со стечением обстоятельств может сыграть роль и личный выбор, как в случае с идентичностью «дворянина»: в советские времена иметь ее стало невыгодно и даже позорно, но в 1990-е гг. она воскресла из небытия после нескольких десятков лет неактуальности. Конструирование идентичности на основе реальных фактов биографии в зависимости от обстоятельств и выбора может давать очень разные результаты. Представьте только, какой широкий спектр возможностей этнической самоидентификации находится, к примеру, в распоряжении человека, говорящего по-русски, родившегося в России, но имеющего дедушку-еврея и бабушку-украинку. Кроме того, значение для самого человека различных типов самоидентификации (например, как жены, женщины, коммунистки, интеллигентки или еврейки) может радикально меняться на разных этапах жизни и под воздействием различных внешних условий.

---

¹⁷ Определение см.: Толковый словарь русского языка. Т. 3.

¹⁸ Там же. Т. 1.

Большинство современных социологов и философов полагает идентичность – социальную, национальную, конфессиональную и пр. – не врожденной чертой, а «сконструированной», т. е. воспитанной культурой окружающей среды. Исключение представляет персональная идентичность: она, отмечает политолог Дэвид Лэйтин, «твердо зафиксирована в изначальном, родовом дискурсе», и человек, придумывающий себе новые имя и репутацию, обычно считается мошенником¹⁹. Тем не менее и по этому вопросу полного согласия среди ученых нет. В своей работе, посвященной социальной психологии, оксфордский философ Ром Харрэ утверждает, что персональная идентичность тоже, по сути, формируется человеком на основе культурных норм²⁰.

Конечно, здравый смысл требует принимать положение о «сконструированности» социальной идентичности с известными оговорками. Как указывает Лэйтин, «социальная солидарность строится на реальном фундаменте»: «Определяя собственную идентичность, люди бывают ограничены своими генами, своим внешним обликом, своей историей, хотя и не являются их узниками»²¹. Если обратиться к советским примерам, – образованный горожанин, не имеющий деревенских корней, вряд ли сумел бы сконструировать себе идентичность «бедного крестьянина», зато сельский житель, чья семья, пусть в настоящий момент и бедная, принадлежала к духовному сословию или процветала когда-нибудь в прошлом, вполне мог получить от своих врагов ярлык «кулака».

Харрэ рассматривает два направления формирования идентичности: конструирование социальной идентичности, означающее отождествление себя с некой группой или категорией, и конструирование персональной идентичности, имеющее целью установить степень своей личности внутри категории. Первое, по его словам, является «главной задачей» для «маргиналов», которые изначально не имеют ясного социального положения и нуждаются в том, чтобы «слиться... с каким-нибудь фоном... приобрести защитную окраску». Второе – для людей, твердо стоящих на своем месте, «тех, у кого слишком много социальной идентичности, кто родился в лоне семьи, класса или нации, слишком детально задающих им способ социального бытия». Для них «проблема – выделиться из толпы», выработать сознание своей личности²². Психологов, лукаво замечает Харрэ,

---

¹⁹ Laitin D. Identity in Formation. P. 14.

²⁰ «Мы творим наше личностное бытие, веруя в теорию “Я”, которая основывается на принятой в нашем обществе концепции личности»: Harré R. Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Cambridge, Mass., 1984. P. 26.

²¹ Laitin D. Identity in Formation. P. 20–21.

²² Harré R. Personal Being. P. 23.

в основном интересует социальная идентичность, потому что они «сами в той или иной степени маргиналы». А как насчет революционных переворотов, когда происходит массовая дестабилизация социальной идентичности? Мне кажется, к таким условиям концепция Харре особенно подходит. В более широком смысле можно сказать, что социал-конструкционистский подход к истории дает наибольшие дивиденды в ситуации, когда огромное множество людей, лишившись социальных «руля и ветрил» (например, во время революции), испытывают величайшую потребность найти социальную категорию, к которой они могли бы прибиться.

Еще один способ рассматривать те же вопросы – обратить внимание на поведение людей, разыгрывающих (как актеры перед публикой) присвоенные себе роли и характеры (социальную и персональную идентичность)²³. Это лейтмотив работ Ирвинга Гофмана, начиная с «Презентации себя в повседневной жизни» и далее: «Фреймовый анализ», «Клеймо» и пр. Гофман сделал большое дело, показав, что такое разыгрывание ролей – универсальное явление, не имеющее ничего общего с мошенничеством, т. е. развил шекспировское: «Весь мир – театр»²⁴. Говоря словами Роберта Эзры Парка, цитируемыми Гофманом: «Вероятно, это не просто историческая случайность, что первое значение слова “личность” – “маска”²⁵. Скорее, это признание того факта, что все всегда и всюду более или менее сознательно играют какую-то роль... В этих ролях мы узнаем друг друга; в этих ролях мы узнаем себя. В некотором смысле, поскольку маска показывает то представление о нас, которое сложилось у нас самих (роли, в которые мы стремимся вжиться), эта маска – наиболее истинное наше “Я”, “Я”, каким мы хотим быть. В конечном счете наше представление о собственной роли становится нашей второй натурой и неотъемлемой частью нашей личности»²⁶. Таким образом, подчеркивает Гофман, нет четкой грани между «циничными» спектаклями

---

²³ Отметим, что приведенные ниже рассуждения о спектакле (performance) не связаны с понятием перформативности, сформулированным в 1960-е гг. философом-лингвистом Дж. Л. Остином (он главным образом рассматривал речевой акт, который совершает нечто, – например, когда священник объявляет венчающуюся пару мужем и женой) и позднее развивавшимся в рамках гендерной теории в некоторых сомнительных исследованиях (см., напр.: *Performativity and Performance* / eds. A. Parker, E. Kosofsky Sedgwick. London, 1995).

²⁴ Но не будем упускать из виду и определенные оговорки. См.: Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, 1959. P. 254.

²⁵ Англ. «person». Наиболее близкий русский эквивалент в данном значении, наверное, «личина». – *Прим. пер.*

²⁶ Park R. E. *Race and Culture*. Glencoe, Ill., 1950. P. 249. Цит. по: Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. P. 19–20.

(когда «индивид не верит своей игре и в конечном счете не заботится о том, верит ли ей аудитория») и «искренними» (когда актер «полностью находится под впечатлением от собственного исполнения»)²⁷. Фактически спектакль может начаться как «циничный» и под конец превратиться в «искренний» (по мнению Парка), или наоборот (если что-то поколеблет уверенность исполнителя, что личность, которую он представляет, «истинная»).

Разумеется, к гофмановскому тезису о повсеместной драматической саморепрезентации можно добавить оговорку в духе Харре: она, если можно так выразиться, *более* универсальна для некоторых людей и в некоторых обществах; маргиналы больше склонны к ней (и, несомненно, больше в ней заинтересованы)²⁸. Революционное российское (советское) общество, с его неустанным беспокойством по поводу классовой и политической идентичности и богатым набором практик маскировки и разоблачения, – именно такой случай. Осознание театральности жизни было не только широко распространено среди населения, но и проникло в официальный дискурс. Театральная метафора маски в 1920–1930-е гг. постоянно использовалась во всех уголках страны, и те же годы стали периодом расцвета особой формы политического театра – показательных процессов²⁹. Образы театра, сценической игры появлялись в самых неожиданных контекстах, например, когда кто-нибудь эзоповым языком заводил речь о голоде 1932–1933 гг. (официально его не признавали): в газетах и бюрократических документах говорилось, что крестьяне «инсценируют» голод, «агитируют», моря себя голодом, нищие «выдают себя за разоренных колхозников»³⁰.

Метафора спектакля не всегда употреблялась в отрицательном смысле. Сталина интересовало умение перевоплощаться, способность актера «стать» персонажем, которого он играет³¹. Глагол «*стать*»

---

²⁷ Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. P. 18.

²⁸ Отметим в этой связи, что наиболее интересная из последних работ о спектакле-представлении на советском материале касается самой маргинальной из всех маргинальных групп: Lemon A. Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism. Durham, N.C., 2000.

²⁹ См.: Cassidy J. A. The Enemy on Trial: Early Soviet Courts on Stage and Screen. DeKalb, Ill., 2000; Wood E. A. The Trial of Lenin: Legitimizing the Revolution through Political Theater, 1920–23 // Russian Review. 2002. Vol. 61. No. 2. P. 235–248.

³⁰ См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 90.

³¹ См.: Марьямов Г. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 87. Контекст – разговор о театральном представлении с актером Николаем Черкасовым и режиссером Сергеем Эйзенштейном в 1947 г.

играл центральную роль в дискурсе социалистического реализма 1930-х гг.³² Если перед обществом стояла задача стать социалистическим, а значит, совершить трансформацию самой своей сути, то задачей индивида было стать культурным человеком, т. е. трансформировать не столько суть, сколько поведение – все равно что выучить роль. Вряд ли будет большой натяжкой предположение, что постоянные призывы «учиться», «воспитывать», «овладевать культурой» в 1930-е гг. составляли часть дискурса спектакля – самого главного для довоенного сталинизма.

Формирование «документального Я» в советском быту³³

Харре предлагает понятие «документальное Я» – данные и рассказы о человеке, его история, документированная в бюрократических бумагах, в досье, помеченных его именем. Это понятие может помочь в осмыслении проблем советской идентичности³⁴. Подобные досье обычно содержат автобиографии, заявления о приеме на работу, характеристики, копии свидетельств о рождении и браке, сведения о судимостях. «Поскольку большинство бумажных битв влечет за собой некую оценку личности с моральной точки зрения, судьба документов того или иного лица может играть огромную роль в его жизни, – пишет Харре. – Хотя у человека только одно реальное “Я”, его может сопровождать по жизни бесконечная толпа документальных “Я”, каждое из которых представляет какой-то аспект его личности, определенный соответствующим делопроизводителем»³⁵. Эта мысль особенно верна в отношении советского общества (и других обществ советского типа), где, говоря словами румынского политического узника Герберта Зильбера, «первой и величайшей отраслью социалистической индустрии было производство досье»: «В социалистическом блоке люди и вещи существуют только в виде своих

---

³² См.: Fitzpatrick S. *Becoming Cultured* // Fitzpatrick S. *The Cultural Front*.

³³ Обращаю внимание читателя на то, что, хотя явления и процессы, кратко описанные здесь, подробно рассматриваются в дальнейшем, я не пользуюсь в других главах понятием «документальное Я», поскольку еще не встречала его, когда писала эти главы.

³⁴ См.: Harré R. *Personal Being*. P. 69–71. Категория, предложенная Харре, в последнее время значительно расширилась с появлением интернетных «документальных Я», т. е. подборок документов, которые можно получить в Интернете, задав чье-то имя и запустив программу поиска (их объем растет день ото дня).

³⁵ *Ibid.* P. 70.

досье. Вся наша жизнь находится в руках тех, кто владеет досье, и строится теми, кто их составляет. Реальные люди – не более чем отражение своих досье»³⁶.

Составление досье с первых лет было главным проектом Советского государства. На протяжении 1920-х гг. старательно собиралась социальная статистика, особенно такая, которая освещала «социальный состав» или «классовый состав» различных учреждений и групп населения. Эта статистика по сути представляла собой коллективный портрет «документальных Я»: она показывала, строго говоря, не количество бывших рабочих среди членов партии, а сколько из них считалось таковыми по документам. Цель столь интенсивной статистической работы можно определить в широком понимании как наблюдение и контроль за населением, хотя подтекст этих анахроничных терминов способен порой ввести в заблуждение³⁷. Статистики, собиравшие данные в 1920-е гг. (многие из них были марксистами, но не большевиками), полагали, что участвуют в научном проекте. Стремление дать правительству четкое представление о населении страны путем создания и группирования «документальных Я» расценивалось как чрезвычайно прогрессивное³⁸. Когда режим в 1930-е гг. практически прекратил систематизировать и анализировать данные, продолжая собирать их только в целях индивидуального надзора и внутренней безопасности, партийные интеллектуалы, несомненно, увидели в этом шаг назад.

Советские «документальные Я» обитали в личных делах, которые заводились на всех наемных работников, членов профсоюзов, партии и комсомола; в анкетах, содержавших ключевой классификационный вопрос о «социальном положении», которые приходилось заполнять по самым разным поводам; в автобиографиях, подшивавшихся в личное дело вместе с анкетой; во внутренних паспортах (их ввели в 1933 г.), где имелись графы «национальность» и «социальное положение»; а также в папках с «компроматом» на членов партии, полученным благодаря доносам, и в объемистых делах, которые органы внутренних дел заводили на отдельных людей, состоящих у них под надзором. В СССР сталинской поры «темные пятна» или подозрительные тени, почти неизбежные в личном деле любого человека,

---

³⁶ Цит. по: Verdery K. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, 1996. P. 24.

³⁷ См.: Holquist P. *To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia* // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / eds. R. G. Suny, T. Martin. New York, 2001.

³⁸ См.: Scott J. C. *Seeing Like a State*. New Haven, 1998. P. 76–83.

могли благополучно остаться там незамеченными на годы или даже навсегда, но при этом постоянно существовала вероятность, что в какой-то момент их извлекут на свет в качестве изобличающей улики.

По мнению Зильбера, чьи слова цитировались выше, «документальное Я» (формируемое бюрократам – составителем и хранителем досье) недоступно своему субъекту. Харре тоже считает, что «память документального Я» (в отличие от «памяти реального Я») «обычно не поддается самореконструкции»³⁹, т. е. субъект не может ее ревизовать и редактировать. В общем и целом это, безусловно, верно. Мы увидим, однако, что в отношении советских «документальных Я» 1920–1930-х гг. необходимы кое-какие оговорки. Содержание этих «документальных Я» не было статичным и могло меняться в результате изменений государственной политики: например, приговоры, выносившиеся судами в начале 1930-х гг. по целым категориям уголовных (в действительности уголовно-политических) дел, несколько лет спустя были в законодательном порядке отменены, и это повлекло за собой занесение в личные дела новых записей – о снятии судимости⁴⁰. Документы в личном деле того или иного человека могли быть изменены, если другой человек посылал донос с компрометирующей его информацией в бюрократическую инстанцию, где хранилось дело. Наконец, и у самих людей имелись некоторые возможности манипулировать своими личными делами. Таким образом, в составлении досье кроме государства принимали участие и отдельные индивиды, а стало быть, говоря о советской идентичности, непременно нужно учитывать «самоформирование» в смысле формирования своего «документального Я»⁴¹.

Как могли советские граждане формировать свои «документальные Я»? Самый простой способ – сообщать ложные данные и фабриковать поддельные документы. Карикатура, напечатанная в конце 1930-х гг. в юмористическом журнале «Крокодил» (см. рис. 2), дает понять, что такая практика была широко распространена. На ней изображена анкета из личного дела. В каждой графе рисунками показаны «правдивые» сведения об авторе, способные доставить ему немало неприятностей (до революции служил в охране, во время Гражданской войны – в Белой армии и т. д.). Поверх этих рисунков написаны обтекаемые «лживые» ответы на вопросы анкеты, которые, наоборот, могли бы помочь карьере автора (социальное положение до революции – служащий, участвовал в Гражданской войне и пр.).

---

³⁹ Harré R. Personal Being. P. 70.

⁴⁰ См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 200, 203.

⁴¹ В отличие от значения «духовное самовоспитание», в котором вполне правомерно употребляет этот термин Йохен Хелльбек.

АНКЕТА

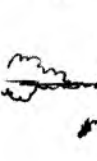
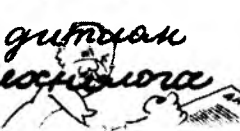
Имя, отчество, фамилия?	 <p>Иванов Иван Иванович</p>
Социальное положение до 1917 года?	 <p>Служащий</p> <p>ОХРАННОЕ</p>
Участвовали ли в революционном движении?	 <p>Участвовал в рабочем движении в 1912 г.</p>
Участвовали ли в гражданской войне?	 <p>Участвовал</p>
Были ли награждены?	 <p>Были награждены</p>
Имеете ли специальное образование?	 <p>Имею диплом инженера-теплотехника</p>

Рис. 2. «Анкета и жизнь». Рис. К. Ротова
(Крокодил. 1935. № 10. 4-я с. обл.)

Можно было купить на черном рынке фальшивый паспорт и соответственно набор основных персональных данных (место и дата рождения, национальность, социальное положение), которые впоследствии будут заноситься в разнообразные личные дела. До введения паспортов крестьяне, уходившие из деревни на заработки, подпоив местных должностных лиц, получали у них справки с отметкой о «хорошем» социальном положении («бедняк» вместо «зажиточный» или «кулак»)⁴².

Помимо прямой фальсификации, в распоряжении советских граждан имелось много других способов манипулировать своим «документальным Я». Его можно было изменить, совершив определенные действия. Например, женщина из бывшего привилегированного класса выходила замуж за рабочего (послереволюционный эквивалент «хорошей партии»), отрекаясь тем самым от своего происхождения и разделяя «классовое положение» мужа. Сын интеллигентов шел после школы на завод, чтобы, отработав там около года, поступить в институт как «пролетарий». Сын кулака, желавший получить высшее образование, пытался попасть на рабфак (рабочий подготовительный факультет) либо сначала в армию (хотя официально туда кулацких детей не брали), чтобы также приобрести «пролетарские» права. Сельский священник отправлял детей к родственникам, находящимся в лучшем социальном положении, и те становились их опекунами или приемными родителями.

Процесс формирования «документального Я», как правило, включал два основных компонента: написание автобиографии, которую человек составлял сам, и заполнение анкеты. В автобиографии можно было опустить щекотливые моменты, например пребывание на территории, занятой Белой армией, в годы Гражданской войны. Если человеку приходилось в жизни сменить много разных занятий, он мог сделать упор на одних и обойти молчанием другие. В сложной социальной ситуации (если, к примеру, бедный родственник жил у богатого и работал на него) одну ее интерпретацию (в данном случае – «эксплуатируемый работник») можно было предпочесть другой («член семьи»)⁴³.

Наконец, в некоторых обстоятельствах существовала возможность оспорить или обжаловать нежелательную социальную классификацию своего «документального Я». Хотя граждане, ходатайствовавшие перед судом об официальном изменении их «сословия», руководствовались ошибочным представлением о том, что может

---

⁴² Много примеров «самоформирования» «документальных Я» будет приведено в очерках о классовой идентичности в части I этой книги, а также в гл. 5 и 6 части II.

⁴³ О двух случаях такого рода см. ниже, гл. 6 (с. 127, 131) и 8 (с. 154).

советский закон, вполне можно было пожаловаться на те или иные дискриминационные меры, заявляя, что твое классовое положение определяется неверно⁴⁴. Так поступали (по сути, пытаясь редактировать отдельные бюрократические «документальные Я») в случае лишения избирательных прав⁴⁵, исключения студента из вуза, объявления крестьянина кулаком с целью чрезвычайного налогообложения в 1920-е гг., вынесения сурового приговора, продиктованного якобы неверным представлением о социальном положении обвиняемого, получения продовольственных карточек низкой категории, выселения «классово-чуждого элемента» из квартиры, отказа жилотдела признать за человеком право на дополнительную площадь из-за его социального положения⁴⁶. Жалобщик объяснял, почему он заслуживает не той социальной категории, какую присвоили ему в учреждении, куда он направляет жалобу, подкрепляя порой свои претензии документами, взятыми из своего «документального Я» в другом учреждении.

Самозванство

Любое конструирование идентичности требует от человека перевоплощаться, в обоих значениях этого слова, предлагаемых Оксфордским словарем английского языка: «1) изображать чей-то облик или характер; играть роль; 2) принимать образ реальной личности, воплощать ее». Но в определенный момент и в определенных обстоятельствах перевоплощение становится самозванством, которое Оксфордский словарь называет «умышленным обманом других людей, мошенничеством». Иными словами, перевоплощение всегда балансирует на грани самозванства, и общество, где значительное число граждан активно занято перевоплощением, рискует превратиться в общество, где широко распространены самозванство и страх перед самозванством. О советской идентичности, во всяком случае, невозможно рассуждать адекватно, не касаясь вопроса о самозванстве.

---

⁴⁴ Примеры см. ниже, гл. 2 (с. 50) и 4 (с. 93).

⁴⁵ О большом числе ходатайств о восстановлении лишенцев в избирательных правах см.: Alexopoulos G. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, 2003.

⁴⁶ В 1920-е гг. «специалисты» получили право на дополнительную жилплощадь для занятий и научной работы. Это решение горячо поддерживали органы образования, но, как правило, не приветствовали жилотделы. См.: Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union*. P. 80.

В советском довоенном дискурсе можно найти два типа самозванства. Первый – так сказать, самозванство политическое, попытка «обмануть партию», ввести ее в заблуждение относительно своего истинного социального или политического лица, стремление скрыть от властей свою истинную идентичность, претендуя на ложную (но не в криминальных целях). Процедуры разоблачения «волков в овечьей шкуре» были институционализированы и поставлены на регулярную основу, члены партии постоянно слышали призывы не ослаблять «бдительности». В 1920-х и начале 1930-х гг. в государственных учреждениях и партийных организациях периодически проводились чистки, дабы убрать оттуда социально-чуждых, самозванцев и другие категории нежелательных лиц, например бывших членов групп политической оппозиции. Чаще всего в таких обстоятельствах выдвигались обвинения в сокрытии клерикального, буржуазного или дворянского происхождения, искажении сведений о своем поведении в годы Гражданской войны или, если дело касалось недавних выходцев из села, о своем статусе в родной деревне.

Разоблачение всегда влекло за собой серьезные последствия. В зависимости от ситуации жертве грозили потеря работы, исключение из вуза, партии или комсомола и т. д. Однако в периоды особой политической напряженности эти последствия могли быть еще тяжелее. В такие времена разоблачители как будто забывали то, что в обычной жизни было им прекрасно известно: у человека для перевоплощения может быть масса сравнительно невинных причин. Самое невинное перевоплощение начинало рассматриваться как самозванство, а мотивы даже незначительных манипуляций с биографическими данными внезапно превращались в злой умысел. Так, расхождения относительно национальности – то ли немецкой, то ли польской – в автобиографиях работника химической промышленности С. А. Ратайчака в конечном счете стали, судя по обвинительной речи прокурора Вышинского, тягчайшим преступлением, когда Ратайчак оказался среди обвиняемых на московском показательном процессе 1937 г.: «Вот Ратайчак, не то германский, не то польский разведчик, но что разведчик, в этом не может быть сомнения, и, как ему полагается, – лгун, обманщик и плут. *Человек, по его собственным словам, имеющий автобиографию старую и автобиографию новую. Человек, который эти автобиографии, смотря по обстоятельствам, подделывает и пересоставляет*»⁴⁷.

---

⁴⁷ Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года. М., 1937. С. 177. Курсив мой.

Такой внезапный перевод играющего роль актера в категорию самозванца, возможно, воспринимался окружающими (и даже самим субъектом) как разоблачение его преступной сущности⁴⁸. Но как-либо проверить это предположение трудно. Зато с уверенностью можно сказать следующее: и субъект, и посторонние наблюдатели понимали, что произошла катастрофическая и фундаментальная корректировка его «документального Я», которое отныне классифицировалось как угрожающее государственной безопасности. Подобная классификация делала любые попытки отредактировать или исправить «документальное Я» заведомо бесполезными и вдобавок ставила под угрозу других людей, имеющих к нему хоть какое-то отношение. Это осознание губительного изменения «документального Я» хорошо передается в замечании одной из жертв Большого террора (считавшей себя невиновной и говорившей именно и только о новой классификации): «Террористка я, вот я кто»⁴⁹. Жертвы изменения «документальных Я» и их родственники редко проявляли готовность смириться с такой классификацией: архив Вышинского, к примеру, полон ходатайств о снятии клейма «врага»⁵⁰. После смерти Сталина, когда был официально приведен в действие механизм реабилитации, кажется, почти все уцелевшие «враги народа», попавшие в эту категорию в конце 1930-х гг., подали соответствующие заявления, стремясь реабилитироваться, т. е. официальным путем удалить клеймо «врага» со своего «документального Я».

Второй, криминальный тип самозванства, когда человек притворялся кем-то другим в корыстных целях, был весьма распространен в послереволюционной России, но, в отличие от политического, вызывал совершенно иную реакцию. О мошенниках и обманщиках много говорилось не только в повседневной жизни, но и в печати, и в литературе⁵¹. Криминальные самозванцы в довоенном СССР, как и во времена гоголевского «Ревизора», любили выдавать себя в провинции за эмиссаров какого-нибудь центрального учреждения. Они повсюду пользовались традицией, повелевавшей встречать таких гостей хлебом-солью и всевозможными подношениями (включая де-

---

⁴⁸ Так предполагает Халфин. См.: Halfin I. Terror in My Soul. Chaps. 1, 5.

⁴⁹ Олицкая Е. Л. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 209. См. также: In the Shadow of Revolution: Russian Women's Life-Stories from 1917 to the Second World War / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000.

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 81а. Лишь в некоторых из этих ходатайств содержалась прямая просьба об освобождении из заключения, но практически во всех утверждалось, что жертва (обычно супруг или сын автора ходатайства) *не является* врагом народа.

⁵¹ Подробнее об этом см. в гл. 13.

нежные), чтобы те вернулись к пославшему их начальству с положительным отчетом о командировке. Виртуозом подобного самозванства был Остап Бендер, обаятельный плут из романов Ильфа и Петрова, который благодаря doskonaльному знанию советского жаргона и чиновничьих нравов ловко перевоплощался в самых разнообразных типичных советских персонажей, в том числе в советского журналиста.

Несмотря на то что должностные лица часто становились жертвами бендеров, советский дискурс проявлял сравнительную терпимость к самозванству такого рода. Газеты 1930-х гг. (особенно «Известия», где главным редактором был Бухарин) смаковали в своих репортажах подробности остроумных мошеннических проделок. Романы о Бендере – близкие по духу газетным статьям – пользовались бешеным успехом у советского читателя и, как правило, встречали снисходительное отношение у властей⁵², хотя Бендер так и не понес заслуженного наказания, да и авторы особенно не тратили время на рассуждения об антиобщественном характере его преступлений. Разумеется, в реальной жизни схваченных за руку мошенников карал суд, и порой весьма сурово. Но криминальные самозванцы (подобно прочим уголовным преступникам) имели большое преимущество перед политическими: они могли исправиться, или, в терминологии 1930-х гг., «перековаться» в новых советских людей.

Идея перевоспитания взрослых и малолетних правонарушителей в 1930-е гг. была очень популярна в советских официальных кругах. Лев Шейнин – загадочная фигура, писатель, публицист, член Союза советских писателей и одновременно старший следователь Прокуратуры СССР по особо важным делам – уделял особое внимание таким проектам, породившим недолговечное, но широко разрекламированное движение: уголовники бросали преступную деятельность, а государство взамен прощало им былые прегрешения и помогало начать новую жизнь. Известный жулик Костя Граф, например, вернулся к профессии топографа и отправился в арктическую экспедицию. «Стройный темноглазый Авесян» так потряс Шейнина чтением монолога Отелло, что тот устроил его учиться на актера⁵³. Самое примечательное – что все это происходило в начале 1937 г., почти одновременно с другим мероприятием, в котором Шейнин принимал самое непосредственное участие, – большим показательным процессом Пятакова, Ратайчака и других «врагов народа». Людям вроде

---

⁵² Они ненадолго оказались в опале после войны. См. ниже, с. 324–325.

⁵³ Подробнее см.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 97–98. Об Авесяне: Шейнин Л. Записки следователя. М., 1965. С. 108–109.

Кости Графа дорога в советское общество была всегда открыта, как блудным сыновьям, чье возвращение в отчий дом приносит особенную радость. А вот таким, как Ратайчак, дорога назад была заказана навсегда – или, по крайней мере, на то время, пока их дела относились к категории «угроз государственной безопасности». Человек, чье «документальное Я» классифицировалось как «враг», перековке не подлежал⁵⁴.

Краткий обзор содержания книги

Эта книга начинается с исследования вопроса, который впервые привлек меня к данной теме, – о классах и о значении этого понятия в Советской России на раннем этапе ее существования. В первых трех главах (представляющих собой переработку нескольких статей, написанных в конце 1980-х – начале 1990-х гг., наиболее известная из них – «Приписывание к классу») речь идет о том, почему большевикам было так важно знать, к какому социальному классу принадлежит тот или иной человек, как они пытались это выяснить (что, в свою очередь, приводит нас к проблеме сбора и интерпретации данных социальной статистики); рассматриваются практические и юридические формы классовой дискриминации, которая в 1920-х – первой половине 1930-х гг. стала играть определяющую роль в судьбе человека, и порождаемые ею способы реакции – уклонения или борьбы. Здесь же я поднимаю тему маскировки и разоблачения – далее она красной нитью пройдет через всю книгу. В главе 3 я утверждаю, что, хотя многие большевики были интеллектуалами, поднаторевшими в марксизме, и объявляли именно его источником своего пристального интереса к классам, мы ошибаемся, если думаем, будто слово «класс» в Советском государстве довоенного периода употреблялось в марксистском понимании. В своем практическом значении это понятие в молодой Советской России имело довольно мало общего с положением в системе социальных отношений, обусловленной способом производства. В первую очередь оно отражало предп

---

⁵⁴ В интеллектуальном плане такая позиция была для советских идеологов неудобна, поэтому практически невозможно найти ее открытую и четкую формулировку, несмотря на существование в реальности недвусмысленных признаков табу на перевоспитание в подобных случаях. В разгар Большого террора педагог Антон Макаренко, активнее других занимавшийся проектами перевоспитания, признался (весьма смущенно и неловко), что некоторые люди – «паразиты по природе» и, следовательно, неисправимы. См.: Филпатрик Ш. Повседневный сталинизм. С. 98, 288 (прим. 55).

санное индивиду место в системе прав и обязанностей – короче говоря, его отношение к государству, примерно так же определявшееся до революции принадлежностью к тому или иному социальному сословию, скажем дворянству или духовенству.

В части II я обращаюсь к вопросу о влиянии практик «причисления к классу» на жизнь отдельного человека и начинаю эту тему с двух зарисовок («Жизнь под огнем» и «Два лица Анастасии», обе написаны в начале 1990-х гг.) о том, как люди оспаривали предписанную им классовую принадлежность. В первом случае это происходило публично, на выборах в ЦК профсоюза, проводившихся в чрезвычайно трудных политических условиях, во время Большого террора, во втором случае – конфиденциально: донос вызвал расследование, в ходе которого жертва доноса упорно старалась сделать все, чтобы ее «документальное Я» соответствовало именно ее версии собственного жизненного пути, а не словам ее обвинителя. Тема редактирования и преподнесения своей биографии – лейтмотив всего этого раздела. В главе «История деревенского правдолюбца» рассматривается один из редких примеров истории жизни крестьянина (изложенной в письме, присланном в «Крестьянскую газету», попутно с длинным списком прегрешений местного начальства), показывающей различные способы, с помощью которых умный и предприимчивый человек пытался самоопределиться на изменчивом фоне бурной эпохи. В главе «Женские судьбы» объектом нашего внимания становится множество рассказов от первого лица, принадлежащих женщинам (и жительницам СССР, и эмигранткам). Особенно подчеркиваются отношение этих женщин к своей автобиографии как к свидетельству, а не исповеди, их пренебрежение частной жизнью, их опыт столкновения с проблемами классов и классовой принадлежности в советский период.

Части III и IV посвящены в основном различным эпистолярным жанрам – письменным просьбам, жалобам и доносам, которые люди в огромных количествах слали властям в сталинскую эпоху. Главное место здесь занимает тема автопрезентации: как авторы писем преподносили себя и свою биографию начальству, стараясь добиться от государства «справедливости», «милосердия» или более конкретных льгот и преимуществ, свести счеты с другими людьми и т. д. В главе «Просители и граждане» дается типология писем граждан во власть; в «Патронах и клиентах» с помощью этих писем как важнейшего источника рассматривается практика патронирования. Доносы – тема глав «Сигналы снизу» (написана вместе с очерком «Просители и граждане» в середине 1990-х гг.) и «Истории жен». Доносы часто касались «истинного лица» своих жертв, содержали обвинения в сокрытии подлинной классовой принадлежности или попытки самой

капитальной реклассификации – утверждения, будто тот, кого все считали честным советским гражданином, в действительности является «врагом народа». В 1930-е гг. доносы на супругов, кажется, еще были редкостью, зато в послевоенный период жены то и дело принялись доносить на мужей. В главе «Истории жен» исследуется этот феномен и показана его связь с послевоенной диспропорцией между полами и законом 1944 г., ограничивающим разводы.

Часть V, о самозванстве, посвящена криминальному самозванству в реальной жизни и литературе довоенного периода («Мир Остапа Бендера»), а также влиянию на отношение к нему послевоенной вспышки антисемитизма и кампании «борьбы с космополитизмом» («Жулик-еврей»). В основе рассуждений о самозванстве лежит мысль, что в обществе, коллективно вовлеченном в проект революционных преобразований, где практика индивидуального перевоплощения становится неизбежностью, самозванство – близкий, но порочный родственник перевоплощения – оказывается в центре общественного внимания. Это внимание может быть тревожным и враждебным в случае политического самозванства, но сочувственным и даже восхищенным, если речь идет о криминальных самозванцах вроде Остапа Бендера, проявляющих завидную сноровку в исполнении новых социальных ролей. Когда после войны, в атмосфере нарастающего антисемитизма, в Бендере и ему подобных (в которых читатель всегда склонен был подозревать лиц нерусской, скорее всего еврейской, национальности) стали безошибочно обнаруживаться еврейские черты, сочувственная терпимость к ним временно иссякла и концептуальное различие между двумя типами самозванства стерлось.

Значительная часть книги посвящена проблемам идентичности и способам самоидентификации в довоенный период 1917–1941 гг., но две главы («Истории жен», «Жулик-еврей») касаются 1940-х и 1950-х гг., а послесловие «Как стать постсоветским человеком» переносит нас в 1990-е. Поэтому нам нужно кратко рассмотреть, какие изменения произошли в послевоенный и постсталинский периоды. В сфере идентичности наиболее важная послевоенная эволюция заключалась в том, что классовая принадлежность, главный предмет забот в 1920–1930-е гг., стала меньше значить. Еще Конституция СССР 1936 г. положила начало тенденции отхода от былого увлечения представителей революционной власти классовыми категориями как способом «расшифровки» населения страны (по выражению Джеймса Скотта). Политика классовой дискриминации в основном была прекращена (исключение составляли недавно приобретенные территории Прибалтики и Восточной Польши, а также советизированные страны Восточной Европы, где она впервые начала применяться в 1940–1950-е гг. как часть общей советской программы «пре-

образований»). Чтобы отказ от классовой дискриминации прочно вошел в административную практику на местах, понадобилось время. В конце 1940-х гг. местные власти в провинции все еще заносили в личные дела данные о классовой принадлежности, включая сведения о классовом и сословном статусе родителей и о том, не был ли кто-нибудь из членов семьи лишен избирательных прав в силу своего классового положения (эту меру официально отменили в 1936 г.)⁵⁵. В Москве ЦК к 1952 г. перестал отмечать социальное происхождение лиц, назначаемых на те или иные должности⁵⁶, и на доносы по поводу классовой принадлежности (у кого дядя кулак, у кого дед буржуй и т. д.) партия реагировала гораздо менее остро, чем до войны. Так, в 1951 г., проведя расследование по доносу на одного врача и его коллег, якобы скрывших факт своего происхождения из семей священников, Комиссия партийного контроля пришла к заключению, что это обвинение справедливо, но несущественно: «Проявлять к ним недоверие нет оснований»⁵⁷.

Недоверие, однако, не исчезло, просто сместился его фокус. Подозрения в сотрудничестве с врагом в отношении огромной массы людей, живших во время войны на оккупированной немцами территории, – со всей привычной круговертью доносов, опровержений, контробвинений – пришли на смену подозрениям, будто «буржуйское» происхождение непременно обуславливает симпатию к старому режиму, белогвардейцам или небольшевистским политическим партиям. В 1940-е гг. целые этнические группы были депортированы якобы за пособничество оккупантам. На любые контакты с иностранцами в послевоенное время смотрели чрезвычайно косо и порой сурово за них карали. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. рост антисемитизма на государственном и бытовом уровне дал пищу слухам (так и не получившим подтверждения, но весьма распространенным в эпоху «дела врачей», в 1953 г.), что евреи стоят следующими в очереди на депортацию.

---

⁵⁵ См.: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1800. Л. 13, 28 (справки из облсовета, 1946 г.); Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СО ГАСПИ). Ф. 1683. Оп. 16. Д. 268. Д. 100 (личный листок по учету кадров комсомольской организации, 1949 г.).

⁵⁶ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 119. Д. 1090 (докладные записки о назначениях, 1949 г.). В этих докладных еще существовала графа «социальное положение», но заполнялась она, как правило, стандартным «служащий».

⁵⁷ См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 6. Оп. 6. Д. 1574.

Еще одним важным послевоенным изменением (точно датировать его невозможно, но к середине 1960-х гг. оно уже прочно закрепилось) была натурализация советской идентичности. В определенный момент революция и ее дестабилизирующие последствия для социальной и политической жизни стали историей. В 1960-е гг. никто больше не задумывался над тем, что значит быть «советским человеком». Это вовсе не означало господства монолитной модели советской идентичности, напротив: в тот период спектр возможностей, доступных советским гражданам, существенно расширился, и повсюду шли публичные дебаты на тему нравов и образа жизни⁵⁸. Но общество уже не состояло из индивидов, учившихся «говорить на большевистском языке», по выражению С. Коткина. Старшее поколение наконец выучило этот язык, а молодежь – большинство населения – владела им с рождения⁵⁹. Люди говорили «по-большевистски» так бегло, что все советские идиомы и персонажи превратились в клише. Иностранцы над ними подшучивали; свои доморощенные критики с пренебрежением писали о «Homo Sovieticus»; в конце 1980-х гг. широко распространенным обозначением правоверного советского гражданина стало презрительное «совок». Никто не говорил больше о чертах будущего Нового Советского Человека: наряду с «реальным социализмом» брежневской эпохи существовал и «реальный» советский человек.

Упрочив свой статус, он заодно приобрел способность порождать пародии и вызывать отторжение. Пока советская идентичность оставалась непрочной, как в довоенную пору, ярко выраженные контркультуры, бросающие вызов господствующей культуре и противостоящие ей, были практически неизвестны. Первыми представителями более или менее настоящей контркультуры стали стилиаги – молодые люди 1940–1950-х гг., которые старались следовать западной моде и протестовали против серости и однообразия советской манеры одеваться⁶⁰. За стилиагами последовали диссиденты 1960–1970-х гг., перенесшие арену борьбы из области моды в сферу политики. В 1970-е гг. западные политологи заговорили об окостенении советской политической системы, подразумевая ее усиливающуюся прочность и одновременно негибкость. Наверняка нечто подобное происходило и с идентичностью, но об этом кому-то еще предстоит рассказать в будущем.

---

⁵⁸ См.: Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, 2001. P. 312–338.

⁵⁹ См.: Kotkin S. *Magnetic Mountain*. Chap. 5.

⁶⁰ См.: Edele M. *Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. Bd. 50. S. 37–61.

А затем наступил крах 1991 г. – событие не менее драматичное по своим последствиям для индивидуальной идентичности, чем революция 1917 г. В послесловии рассматриваются процесс смены идентичности и пересотворения себя в 1990-е гг., дискредитация «Номо Sovieticus» и советских ценностей, стремительный поворот к капитализму и попытки возродить «русскость» и/или предпринимательскую демократию (к сожалению, русские зачастую склонны считать их полярными противоположностями) как основу для постсоветской идентичности. В смысле императива пересотворения себя колесо как будто совершило полный оборот от последнего «великого перехода» после 1917 г. Однако на сей раз речь шла не о том, чтобы стать советским человеком, а о том, чтобы искоренить в себе «советскость». Появилась новая загадка: что значит «постсоветский» помимо чего-то, диалектически противоположного советскому? Какие модели и кодекс поведения приличествуют Новому Постсоветскому Человеку, и как может Старый Советский Человек переделать себя? Завершает книгу рассказ о реконструкции идентичности, которая пока еще не окончена.

ЧАСТЬ I

КЛАССОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

ГЛАВА 2

КАК БОЛЬШЕВИКИ ИЗОБРЕТАЛИ КЛАССЫ*

«Воображаемые сообщества»¹, за которые сражаются революционеры, – это чаще всего нации. Но большевики, взявшие власть в Петрограде в октябре 1917 г., представляли собой исключение из правила. Они сначала «вообразили» не новую русскую или даже советскую нацию. Будучи марксистами-интернационалистами, они вообразили *класс* – международный пролетариат, чья революция, начавшись в России, вскоре охватит всю Европу. Однако международная революция так и не осуществилась, и перед большевиками встала непредвиденная задача – построить социалистическую нацию, до тех пор не существовавшую в их воображении. Их привязанность к международному пролетариату постепенно слабела, пока не исчезла совсем – вероятно, после официального роспуска Коминтерна во время Великой Отечественной войны с нацистской Германией.

Многое из сказанного давно всем известно, однако природа и последствия большевистского изобретения классов для советского общества почти не исследованы. В этой главе я постараюсь доказать, что большевики, лелеявшие в своем сознании воображаемое классовое сообщество, но унаследовавшие после революции в России расшатанную и фрагментированную классовую структуру, сочли своим

---

* Эта глава представляет собой переработанный вариант статьи: *L'Usage bolchévique de la «classe»: marxisme et construction de l'identité individuelle // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. № 85.* Впервые она была опубликована на английском языке в сборнике под редакцией Рональда Суня: *The Bolshevik Invention of Class: Marxist Theory and the Making of «Class Consciousness» in Soviet Society // The Structure of Soviet History / ed. R. Suny. New York, 2002.* Я включила в нее материал из других моих статей: *The Problem of Class Identity in NEP Society // Russia in the Era of NEP / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, Ind., 1991;* *Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. No. 4.*

¹ Термин принадлежит Бенедикту Андерсону: *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.*

долгом изобрести классы, которые, согласно теоретическим постулатам марксизма, просто обязаны были существовать². Таким образом, блестяще подтверждается предположение Бурдьё, что классы в реальном мире в какой-то мере являются продуктом описывающей их марксистской теории³.

Классы и большевистская революция

Марксизм, импортированный с Запада в конце XIX в., быстро завоевал огромную популярность среди русской интеллигенции, особенно (но не только) среди левых революционеров. Промышленный пролетариат и капиталистическая буржуазия были в России важными концептами в политическом дискурсе еще до того, как стали реальными социально-экономическими сущностями. Впрочем, в первые десятилетия XX в. благодаря энергичному проведению государством программы индустриализации, начатой в 1890-е гг., действительность догнала марксистские фантазии. Российский промышленный рабочий класс перед Первой мировой войной был немногочислен, но весьма сплочен и политически активен. Рабочие Москвы и Петербурга создали в 1905 г. первые Советы и сыграли решающую роль в свержении царской власти в феврале 1917 года.

Возглавляемые интеллигенцией (подобно всем прочим революционным группам) большевики стали в 1917 г. массовой партией, добившейся значительной поддержки среди рабочего класса. Они отличались от других социалистических партий своим непримиримым отношением к войне и политике коалиций и компромиссов, и неуклонно прогрессирующей после Февральской революции радикализация рабочих, солдат и матросов сыграла им на руку. К осени 1917 г. ряд успехов на выборах, казалось, подтвердил правомерность претензий большевиков на звание «партии пролетариата», и утверждение, что они получили в октябре народный мандат на захват власти от имени рабочих Советов, выглядит до некоторой степени обоснованным.

---

² Пишу эту фразу с глубокой признательностью Эрику Хобсбауму, чье «Изобретение традиции» наметило некоторые направления сегодняшних исследований. См.: *The Invention of Tradition* / ed. E. J. Hobsbawm. Cambridge, 1983.

³ «Я все чаще задаюсь вопросом, не являются ли сегодняшние социальные структуры символическими структурами вчерашнего дня, например классы – в том виде, какой им обычно придается, – отчасти продуктом воздействия теории, почерпнутой из трудов Маркса... В известных пределах символические структуры обладают совершенно исключительной конституирующей (в философском и политологическом смысле) силой, которую очень недооценивают» (Bourdieu P. *Choses Dites*. Paris, 1987. P. 29).

Одной из самых сильных сторон марксизма в России оказалась способность предвидеть будущее. В 1880-е гг. марксисты и народники спорили о неизбежности капиталистической индустриализации России – и не прошло десяти лет, как марксистское предсказание сбылось. Марксизм совершенно верно увидел революционную силу в российском городском рабочем классе. Его последователи утверждали, что классовый конфликт лежит в основе политики, – по сути предсказав провал февральской коалиции «буржуазного либерализма» (Временное правительство) с «пролетарским социализмом» (Петроградский совет). И большевики, и даже многие их политические противники считали октябрьскую победу еще одним, последним доказательством того факта, что сама история, по крайней мере в России, – на стороне марксистов.

Правда, вскоре выяснилось, что это было последнее не только по времени, но и по сути российское доказательство марксистских аксиом. Не успела свершиться пролетарская революция, как история с убийственной иронией внезапно отеклась от русских марксистов и посмеялась над их теориями, уничтожив классовую структуру российского общества и классовый базис революционной политики⁴. Главными причинами их краха стали война, революция, Гражданская война и голод 1914–1923 гг. С классами дворян-землевладельцев и капиталистической буржуазии покончили революционная экспроприация и эмиграция. Прежняя, бюрократическая элита пала вместе с царизмом. Намечавшееся классовое расслоение в деревне, которое старался стимулировать своими аграрными реформами Столыпин, было остановлено (во всяком случае на какое-то время) благодаря стихийному «черному переделу» 1917–1918 гг. и возрождению крестьянской общины.

Самое печальное, с точки зрения большевиков, – Гражданская война раздробила и рассеяла промышленный рабочий класс, поскольку многие фабрики и заводы закрылись, а города терзал голод. Свыше миллиона рабочих бежали из города в деревню и, по всей видимости, вновь превратились в крестьян-земледельцев⁵. Вдобавок сотни тысяч рабочих уходили в Красную армию, покидали заводы, зани-

---

⁴ Это тема моего очерка: *The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture and Politics in the Early Soviet Years* // Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992.

⁵ Для большевиков это было ударом и в интеллектуальном, и в политическом отношении: ведь они в своих действиях исходили из предпосылки, что в России, несмотря на большое количество недавних выходцев из деревни и крестьян-отходников среди индустриальной рабочей силы, есть «зрелый» рабочий класс, существенно отличающийся от крестьянства.

мая административные посты в новых советских государственных учреждениях, некоторые становились кустарями или мелкими торговцами на черном рынке. Пролетарская карета, которая привезла Золушку на бал революции, обратилась в тыкву.

Явление «деклассирования» коснулось не только промышленных рабочих. Вихрь революции подхватил миллионы граждан бывшей Российской империи – они меняли занятие, место проживания, социальный статус, меняли старую жизнь на новую (может быть). Солдаты царской армии возвращались домой, затем отправлялись добровольцами или мобилизовывались в Красную либо Белую армию (некоторые по очереди побывали и в той, и в другой). Обитатели северных городов бежали на юг и на восток, но зачастую возвращались обратно, когда белые отступали. Бывшие дворяне становились счетоводами и торговали на черном рынке. Жители Поволжья спасались от голода на запад или отсылали из голодающих районов детей. После демобилизации Красной армии по окончании Гражданской войны почти пять миллионов молодых людей были распущены по домам и получили возможность выбирать – вернуться к прежней жизни в свою деревню или свой город либо попытаться счастья где-нибудь в других местах. Железнодорожные станции были забиты солдатами, беспризорными детьми, гражданами, движущимися к какой-то своей цели, которая нередко оказывалась иллюзорной.

В итоге в 1921 г., победоносно закончив Гражданскую войну, большевики очутились действительно в новом мире, где классы и классовые конфликты утратили значение. Класс, совершивший революцию, рассеялся, классы, боровшиеся против нее, исчезли. Марксистская теория не могла больше служить руководством для дальнейших политических действий и основой для взаимопонимания с аморфным, по сути бесклассовым (но, увы, до сих пор не социалистическим) обществом. Революционная фантазия большевиков о классах завела их в тупик. Перед ними встал выбор: либо отказаться от марксистской теории и тем самым поставить под сомнение легитимность собственной революции, либо стоять на своем несмотря ни на что. Естественно, они выбрали последнее. Но это неизбежно диктовало необходимость заново изобрести классовую основу российской политики и российского общества, которую капризная история у них отняла.

Новое изобретение классов в 1920-е гг.

По мнению большевиков, общество разделялось на два антагонистических классовых лагеря. Ядро одного лагеря составлял пролетариат, ядро другого – буржуазия. К «пролетариату» относились про-

мысленный рабочий класс (в начале 1920-х гг. очень немногочисленный, но растущий по мере оживления промышленности в эпоху новой экономической политики – нэпа) и его союзники в деревне – бедные и безземельные крестьяне (хотя бедных крестьян, к несчастью, трудно было выделить в более или менее стабильную социально-экономическую группу). В роли символического лидера пролетариата выступала большевистская партия, называвшая себя авангардом класса-диктатора.

«Буржуазия» представляла собой смесь многих до- и послереволюционных социальных групп, включая остатки прежних классов дворянства и капиталистов, городских нэпманов (частных торговцев и предпринимателей, чья деятельность была легализована с наступлением эпохи нэпа в 1921 г.) и кулаков (зажиточных крестьян, которых большевики считали потенциальными капиталистами). На деле разнородные части этого многосоставного класса мало что связывало между собой, и лидеров он не имел. Но большевики склонны были предоставить роль его символического лидера старой русской интеллигенции – теперь она получила коллективный ярлык «буржуазной» интеллигенции (в отличие от находящейся в зародыше коммунистической), отдельных ее представителей называли «буржуазными специалистами». Таким образом негласно признавалось, что интеллигенция являлась одной из дореволюционных элит (хотя многие ее представители с пеной у рта отрицали подобную мысль), единственной, пережившей революцию в относительной целостности и сохранности, и представляла для большевиков основного потенциального соперника в борьбе за авторитет и лидерство.

Значительные слои общества не имели ярко выраженного пролетарского или буржуазного характера. Тем не менее их следовало связать с тем или иным лагерем, подвергнуть классовому анализу и точно определить их социальное положение. Большевики потратили много энергии и изобретательности на выявление классовых тенденций в таких группах, как «средняки» (не слишком бедные и не слишком зажиточные крестьяне – т. е. подавляющее большинство крестьянства), ремесленники и государственные служащие. Вся советская статистическая индустрия, возникшая в 1920-е гг., занималась проблемами идентификации классов и прослоек, их количественного измерения и определения точного «классового состава» отдельных демографических и институциональных групп, от членов сельской кооперации до новобранцев Красной армии, коммунистов и ответственных работников. Даже во всенародной переписи населения 1926 г. сделана героическая попытка классифицировать респондентов не только по роду занятий, но и по классовой принадлежности.

Но, изобретая классы, большевики не ограничивались пассивной регистрацией и сбором данных. Они активно развивали понятие классовости, создавая классово ориентированные, т. е. дискриминировавшие буржуазию в пользу пролетариата, законодательные и бюрократические структуры. Список подобных структур в 1920-е гг. включал школы, университеты, коммунистическую партию, комсомол, Красную армию (куда принимались и призывались преимущественно пролетарии и не принимались кулаки и прочие «буржуазные элементы»), налоговые ведомства, суды, жилищные комиссии, органы, ведающие выдачей продовольственных карточек (отдававшие предпочтение пролетариям и ущемлявшие буржуазию), а также местные избирательные комиссии (составлявшие списки «классово-чуждых» жителей своего участка, которые не имели права голоса на выборах в Советы⁶). Классово-дискриминационная политика большевиков имела два аспекта – социальной справедливости и социальной инженерии. Во имя социальной справедливости они стремились перераспределить ресурсы и возможности в пользу тех, кто был лишен привилегий при старом режиме, отказывая в них выходцам из прежних привилегированных классов. Во имя социальной инженерии они старались «пролетаризировать» ключевые институты и элиты, дабы упрочить позиции нового режима и сохранить завоевания революции.

Кроме того, благодаря политике и представлениям большевиков возникли совершенно новые «классы», т. е. коллективные социальные единицы, члены которых не имели раньше общей идентичности, общего статуса или сознания, а приобрели все это, уже будучи советскими гражданами. Одну такую группу составляли «бывшие», когда-то занимавшие высокое положение в обществе и пользовавшиеся привилегиями, но утратившие их в результате революции. С ней отчасти совпадала выделявшаяся по юридическому признаку группа «лишенцев» – лиц, лишенных избирательных прав в силу их классового происхождения и принадлежности к старому режиму. Лишение избирательных прав влекло за собой утрату и других гражданских прав, например на жилье, продовольственные карточки, высшее образование. В конце 1920-х гг. общее число лишенцев резко выросло, так же как и дотошность властей, отнимавших у них и членов их семей прочие гражданские права.

До сих пор мы в своих рассуждениях исходили из того, что большевики действовали рационально и изобретение классов слу-

---

⁶ Конституция РСФСР 1918 г. лишила избирательных прав «нетрудовые и враждебные элементы», т. е. кулаков, рантье, священников, бывших царских жандармов и белых офицеров. Этот закон был в силе почти два десятилетия, до принятия Сталинской конституции (см. ниже, с. 55–56).

жило специфическим, поддающимся определению целям. Но это, конечно, упрощение, сделанное ради пушей ясности, и потому верно лишь отчасти. В классовом вопросе большевики в 1920-е гг., как правило, вели себя иррационально, ибо это была их коллективная мания. Классы служили всеобщим критерием, пробным камнем политической и персональной идентичности. Весьма ценилось и культивировалось классовое чутье, подсказывавшее своему обладателю, например, что сельские кузнецы – пролетарии, что женщины во всех социальных слоях тяготеют к мелкобуржуазности, а евреи – «буржуазная нация». Выстраивание подобной классовой космологии было любимым развлечением большевика-самоучки 1920-х годов.

Главное же значение для большинства имел вопрос о классовых *врагах*. Понятие класса неразрывно связывалось с понятием борьбы. Большевистское «классовое сознание» означало прежде всего сознание необходимости проявлять бдительность и беспощадность перед лицом угрозы буржуазной контрреволюции. Большевики-рабочие внимательно выискивали в поведении партийных интеллигентов признаки «буржуазного либерализма» и мягкотелости. Большевики интеллигентского происхождения смиренно склонялись перед безошибочным «пролетарским чутьем» своих собратьев из низов. Несмотря на то что партийная верхушка, проводя политику нэпа, запрещала «разжигать пламя классовой войны», рядовые партийцы повиновались этому указанию неохотно и не в полной мере. Бескомпромиссная нетерпимость к нэпманам, кулакам и «буржуазным» интеллигентам всегда считалась свидетельством большевистской принципиальности.

Вторая предпосылка, которой мы руководствовались до сих пор, – что большевики являлись единственными авторами советского классового дискурса. Но и это нуждается в уточнении. После революции классы захватили воображение не только большевиков, но всего общества в целом и каждого человека в отдельности. Можно сказать, что изобретение большевиками классов породило во всех слоях советского общества классовое сознание (в буквальном смысле, как осознание существования классового вопроса и классовой проблемы) редкостных масштабов и интенсивности.

Граждане нового революционного государства изо всех сил старались усвоить и улучшить доступную им классовую идентичность. Они учили новый публичный классовый язык. И это был не просто оруэлловский «классоюз», которым говорили советские газеты, но избегали пользоваться обычные люди, как иногда полагают. Напротив: он часто увлекал обычных людей, не говоря уже об интеллигенции. В середине 1920-х гг. щеголять классовой лексикой считали своей обязанностью многие группы городской молодежи: комсомоль-

цы, старшекласники, молодые рабочие⁷. Она казалась им не менее интригующей и шикарной, чем блатной язык, жаргон уголовного мира, вошедший в моду в то же время, и действительно стала в 1920-е гг. частью народной культуры городской молодежи, так же как и коммунистической политической культуры.

В других кругах классовый дискурс, возможно, и использовался с иронией, как, например, сокращения названий советских учреждений (Совнарком, ЧК). Но даже это – форма социетального признания. О значимости подобного дискурса можно судить по тому, как он мгновенно стал господствовать в русской сатире и юморе: со времен революции многие десятилетия самые остроумные шутки и самые смешные анекдоты, ходившие в народе, обыгрывали классовую тему. Употребление классовой лексики в повседневной жизни (и злоупотребление ею) служило источником вдохновения множеству сатириков-фельетонистов, карикатуристов и писателей 1920–1930-х гг., от Зощенко и Ильфа с Петровым до Платонова. Несколько иное отношение к классовому дискурсу отмечается в 1920-е гг. в крестьянской среде. Новый классовый жаргон давался крестьянам труднее, чем горожанам, и поэтому меньше их привлекал. Однако они оценили его обличительный потенциал, и словечко «буржуй», которое в деревне до революции было практически неизвестно, хотя прочно вошло в городской сленг, в начале 1920-х гг. стало весьма популярным бранным словом в деревенских спорах⁸.

Отдельный советский гражданин активно участвовал в изобретении классов, поскольку обязан был иметь персональную классовую идентичность. Разумеется, встречались счастливицы, чья классовая идентичность определялась четко и недвусмысленно, но очень многие находились в совершенно иной ситуации. Из-за хаотичности и аморфности общества, высокой социальной и профессиональной мобильности в революционный период социальное положение огромного числа граждан не поддавалось точному определению. Таким людям приходилось «изобретать» себе социальную и классовую идентичность – не то чтобы полностью ее выдумывать, а отбирать и интерпретировать собственные биографические данные максимально выгодным (с точки зрения личной безопасности и карьерных возможностей) для себя образом.

Творческий подход к определению индивидуальной классовой идентичности оказывался тем более необходимым, поскольку в этом

---

⁷ См.: Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). 2-е изд. М., 1928.

⁸ См.: Деревня при НЭПе. Кого считать кулаком, кого – тружеником. Что говорят об этом крестьяне? М., 1924. С. 19.

деле отсутствовали какие-либо четкие правила. По общему признанию, на классовый статус индивида влияли или могли влиять и классовое происхождение, и социальное положение (род занятий) на текущий момент. Но никто не знал твердо, как эти два критерия соотносятся между собой по значимости. Дополнительное осложнение создавало господствующее мнение, будто социальное положение человека в *октябре 1917 г.* имеет особенное значение для установления его «подлинной» классовой сущности. В результате всех этих классификационных затруднений никакая классовая идентификация не могла считаться безупречной. Даже внешне надежная социальная идентичность, бывало, рушилась, не выдерживая ударов, и ее носителя «разоблачали», как говорилось в подобных случаях. Таким образом, отдельным гражданам, особенно тем, чье прошлое или настоящее давали повод для различных толкований, необходимо было не только создать себе классовую идентичность, но и хорошенько позаботиться о том, чтобы сохранить и защитить ее.

Выше уже указывалось, что официально предписанное человеку классовое положение имело в обществе 1920-х гг. важные практические последствия. «Хорошая» классовая принадлежность позволяла вам получить высшее образование, вступить в комсомол и в партию, со всеми вытекающими отсюда карьерными преимуществами. «Плохая» могла повлечь за собой выселение из квартиры или принудительное «уплотнение» (т. е. подселение местным Советом на вашу жилплощадь еще одной семьей), специальное налогообложение, отказ в пособии по безработице или других социальных льготах, а в том случае, если бы вам довелось предстать перед судом, повышала вероятность осуждения и сурового приговора. Так что лица «плохого» социального происхождения чувствовали сильное искушение скрыть его, к примеру – в буквальном смысле изобрести свою классовую идентичность, особенно если они хотели учиться или делать карьеру.

Появился целый набор стратегий, позволяющих избежать неприятностей (т. е. невыгодного классового ярлыка), модифицируя свое поведение таким образом, чтобы оно соответствовало если не духу, то букве господствующих законов, подобно тому как граждане США ведут себя в отношении Службы внутренних доходов и налогового ведомства. Наилучшим примером здесь могут служить кулаки, поскольку советские правовые, налоговые и статистические органы публиковали в 1920-е гг. множество инструкций по распознаванию кулаков и те их читали. Так, скажем, использование наемной рабочей силы считалось признаком кулацкого статуса, поэтому зажиточные (и грамотные) крестьяне, вместо того чтобы расширять посевные площади, нанимая батраков, предпочитали сами заниматься с лошадьми пахать землю к безлошадным беднякам.

Как люди относились к собственной подтасованной или выдуманной классовой идентичности, зачастую трудно установить. Конечно, нельзя безоговорочно утверждать, будто они считали изобретенную идентичность ложной. В автобиографиях, написанных послевоенными беженцами из Советского Союза, авторы нередко рассказывают, что сознательно искажали сведения о своем классовом происхождении, и тут же вспоминают, как искренне они чувствовали себя «советскими» людьми и как страдали, когда им отказывали в этом звании⁹. Кроме того, во многих случаях вопрос об искренности или неискренности вообще не стоял: человек знал, что у него могут быть две классовых идентичности и использовал наиболее выгодную. Возьмем, к примеру, историю крестьянки Сарбуновой из села Свияжск. После раскулачивания мужа и конфискации семейной собственности Сарбунова безуспешно ходатайствовала в суде о возвращении имущества. Затем, разведясь с мужем, она подала «заявление Прокурору [Татарской] Республики, утверждая, что муж ее действительно кулак-лишенец, а она у него за весь период замужества, около 20 лет, была лишь батрачкой»¹⁰. Суд счел развод фиктивным, но кто знает? Несомненно, Сарбунова винила в катастрофе, постигшей их с супругом, главным образом советскую власть. Однако порой, вероятно, обвиняла и мужа, прибегая к «советскому» языку, на котором обращалась к суду.

Придуманная классовая война: претензии пролетариата на гегемонию

Параллельно с «изобретением классов» – темой данной главы – в 1920-е гг., безусловно, происходили процессы, которые можно было бы охарактеризовать как образование «настоящих» классов в марксистском понимании. Но мы их здесь рассматривать не будем, в частности потому, что в конце десятилетия их внезапно остановил новый социальный переворот, связанный со сталинской «революцией сверху»: коллективизацией сельского хозяйства, первым пятилетним планом, поставившим главной задачей индустриализацию страны, и культурной революцией. В этот период, когда государство занялось радикальной социальной инженерией, целые классы были «ликвидированы» и миллионы людей вольно или невольно переменили свое социальное положение.

---

⁹ См.: Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories. Munich, 1959. Series 1. № 51.

¹⁰ Советская юстиция. 1933. № 3. С. 43.

В конце 1920-х гг., в крайне напряженной социально-политической атмосфере, коммунистическая партия призвала к обострению классовой борьбы, мотивируя это якобы надвигающейся внешней угрозой вооруженного нападения со стороны окружающих капиталистических держав и внутренними проблемами коллективизации и первой пятилетки. Пролетариат, по ее словам, ныне был готов раз и навсегда покончить со своими классовыми врагами. Этот «пролетариат», совершенно очевидно, следовало рассматривать как синоним государства и коммунистической партии.

В новой фазе воображаемой классовой войны и реальной государственной агрессии против отдельных сегментов общества важную символическую роль сыграла культурная революция конца 1920-х гг. Культурная революция – это процесс, в ходе которого пролетариат якобы преодолевал буржуазную гегемонию в культуре и претендовал на собственную гегемонию¹¹. Его можно представить как символическую экспроприацию старой интеллигенции (она вся целиком попала под подозрение в результате показательных процессов против ряда ведущих «буржуазных специалистов», обвинявшихся в измене родине и саботаже) и обновление ее как класса путем вливания новых пролетарских и коммунистических кадров. Другим классовым врагам, в частности кулакам и нэпманам, повезло меньше – их «ликвидировали как класс» отнюдь не символически. Разоблачение классовых врагов превратилось в настоящую истерию и охоту на ведьм. Самый вопиющий эпизод этого периода – кампания по раскулачиванию, призванная «ликвидировать кулачество как класс». Она включала не только экспроприацию всех, причисленных к классу кулаков и «подкулачников», но и депортацию значительной части этой группы в отдаленные районы страны. Священники, жертвы массовых арестов, которыми сопровождалось закрытие церквей, в сельской местности также подлежали «раскулачиванию». Городских нэпманов в тот же период силой вытесняли из бизнеса и во многих случаях арестовывали, вся городская экономика национализировалась.

«Повышение классовой бдительности» в эпоху культурной революции означало расширение списков лиц, официально лишенных избирательных прав, и ухудшение положения лишенцев. Их выгоняли с работы, выселяли из квартир, не давали им продовольственных карточек; их дети не могли поступить в институт, вступить в комсомол и даже в пионеры (в возрасте 10–14 лет). В 1929–1930 гг. по государственным учреждениям, школам, институтам, комсомольским

---

¹¹ См. об этом явлении мой очерк: *Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. S. Fitzpatrick. Bloomington, Ind., 1978.*

и партийным организациям, даже по заводам прокатилась волна социальных чисток. Сельские учителя, оказывавшиеся сыновьями священников, теряли работу; кулаков, бежавших из деревни и нашедших работу в промышленности, изобличали доносы; пожилые вдовы царских генералов «разоблачались» и подвергались всевозможным унижениям. Соседи и коллеги обвиняли друг друга в сокрытии классового клейма. Иногда представители отмеченных клеймом классов публично отрекались от собственных родителей в тщетной надежде смыть с себя пятно¹².

Чтобы представить полную картину социальных сдвигов конца 1920 – начала 1930-х гг., нужно учитывать еще два важных социальных процесса. Первый – стремительная индустриализация в годы первой пятилетки (1929–1932), резко увеличившая численность рабочей силы и городского населения, стимулировавшая переселение миллионов крестьян из деревни в город. Второй – широкомасштабное привлечение молодых рабочих и крестьян в состав элиты управленцев и специалистов: с одной стороны, с помощью программ выдвижения и льготного набора в вузы, с другой стороны, путем прямого перевода с физического труда на административную работу¹³. В своем роде это не менее яркий пример социальной инженерии, чем «ликвидация кулачества как класса». Сталин называл своей целью создание новой «рабоче-крестьянской интеллигенции», что по сути означало, как я писала в другой своей работе, формирование элиты, «Нового Класса» Джиласа¹⁴. Сталинскую «революцию сверху», одновременно осуществлявшую программы ликвидации одних классов и образования других, можно, таким образом, считать переходом от «изобретения классов» вообще, характерного для 1920-х гг., к новому этапу – изобретению (и уничтожению) *отдельных* классов.

Выражаясь риторически, великое противостояние пролетариата и буржуазии завершилось в конце 1920-х гг., разумеется, победой пролетариата. Пролетарская гегемония прочно утвердилась. Буржуазия как класс исчезла. С точки зрения марксистской теории, любая возможность ее возрождения исключалась благодаря изменениям в экономическом базисе и способе производства, т. е. переходу от

---

¹² См.: Fitzpatrick S. Cultural Revolution as Class War. P. 115–148.

¹³ О программах выдвижения см.: Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge, 1979. P. 184–205. О прямом продвижении см.: Fitzpatrick S. The Russian Revolution and Social Mobility: A Reexamination of the Question of Social Support for the Soviet Regime in the 1920s and 1930s // Politics and Society. 1984. Fall. P. 119–141.

¹⁴ Подробнее см.: Fitzpatrick S. The Cultural Front. P. 149–182.

традиционного и мелкокапиталистического крестьянского хозяйства к коллективному, от частично допускавшихся в городах частной торговли и частного предпринимательства к государственной собственности и полному государственному контролю над городским производством, распределением и обменом. Пролетарское государство укрепилось, численность пролетариата сильно возросла в результате индустриализации, рабочие навсегда избавились от опасности попасть в зависимость к скопидомам-крестьянам или в экономическую эксплуатацию к нэпманам.

Но какой именно пролетариат стал победителем? Как мы видели, слово «пролетарии» в ранний период советской власти применялось и к промышленному рабочему классу, и к коммунистической партии. В начале 1930-х гг. два аспекта этого понятия начали сливаться. Слова «пролетарии», «пролетарский» все чаще приберегались для официальных и торжественных случаев, в других контекстах предпочтение отдавалось словам «рабочий», «рабочие».

Одна из причин новых правил словоупотребления заключалась в том, что в результате сталинской революции советский рабочий класс изменился. В ходе стремительной индустриализации первой пятилетки в его ряды хлынули новобранцы из крестьян, составлявшие в начале 1930-х гг. большинство рабочих во многих отраслях экономики. Этих вчерашних крестьян, которые едва оторвались от сохи, причем многие бежали от коллективизации и раскулачивания, неопытных, озлобленных, трудно было считать пролетариями по их сознанию и классовой сущности. В то же время промышленный рабочий класс потерял много наиболее способных и «сознательных» молодых кадров благодаря «пролетарскому выдвижению», открывавшему перед ними дорогу от станка к новой административной и профессиональной карьере. Такая траектория порождала массу теоретических проблем. Может ли пролетариат, как прежде, рассматриваться в качестве центра коммунистической вселенной, если рабочих можно и желательно «выдвигать» из него и «продвигать» вверх? Собственно, вся концепция «пролетарского выдвижения» плохо согласовалась с биполярной или диалектической классовой структурой, существовавшей в советском воображении в первые послереволюционные годы, поскольку была насквозь иерархична.

Прекращение классовой войны в 1930-е гг.

Фаза интенсивного сотворения воображаемых классов длилась всего несколько лет. И дело не в недостатке энтузиазма у коммунистических кадров: согласно всем свидетельствам, охота на классо-

вых врагов пользовалась в партии и комсомоле чрезвычайной популярностью, низовые партработники и активисты в массе своей предпочитали этот вид деятельности выполнению более рутинных административных и организационных задач. Отбой сыграло партийное руководство. В первой половине 1930-х гг. оно, по-видимому, удовлетворилось тем, что основные цели – раскулачивание и коллективизация – достигнуты, а может быть, его также начали беспокоить масштабы опустошений в обществе, быстрый рост ГУЛАГа и контингента заключенных в тюрьмах¹⁵, экономические и социальные издержки.

В середине 1930-х гг. руководство решительно нажало на тормоза и предприняло ряд шагов, чтобы восстановить равновесие и уйти от классовой дискриминации. Новые правила приема в учебные заведения, призванные заменить классовые критерии отбора абитуриентов чисто академическими или уравнительными, начали вводиться еще с 1931 г., но лишь через несколько лет были окончательно приведены в систему и стали полностью выполняться. В конце 1935 г. измененные правила приема в высшие учебные заведения и техникумы позволили принимать туда «всех граждан обоюбого пола, выдержавших установленные для поступления в эти учебные заведения испытания»¹⁶. Таким образом, устранялся любой намек на предпочтение пролетариев и снимался запрет на прием «социально чуждых элементов», детей кулаков и прочих лишенцев.

Вообще к середине 1930-х гг. кулацким детям (но не самим кулакам) вернули большинство их гражданских прав, включая избирательные. Новое отношение к кулацким детям получило эффективное публичное подтверждение в конце 1935 г. на съезде стахановцев. Один из делегатов, комбайнер Тильба, описав мытарства, выпавшие ему на долю как сыну раскулаченного, пожаловался, что, несмотря на его стахановские рекорды, местное партийное начальство пыталось не пустить его на съезд из-за неподходящего классового происхождения. В этом месте Сталин прервал оратора знаменитой репликой: «Сын за отца не отвечает»¹⁷.

Прежнему правилу, заставлявшему сыновей именно *отвечать* за своих отцов, особенно ревностно следовал комсомол. Целый ряд

---

¹⁵ В качестве яркого свидетельства озабоченности руководства бесконтрольным ростом числа арестов, ходатайств о высылке кулаков и т. д. см. секретную инструкцию ЦК от 8 мая 1933 г., подписанную Сталиным и Молотовым: Smolensk Archive. WKP 178. P. 135.

¹⁶ О приеме в высшие учебные заведения и техникумы. Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 декабря 1935 г. // Труд. 1935. 30 дек. С. 3.

¹⁷ См.: Комсомольская правда. 1935. 2 дек. С. 2.

сменявших друг друга комсомольских лидеров 1920-х – начала 1930-х гг. старательно поддерживал славу о его пролетарской бдительности. Комсомол всегда пользовался классовыми критериями, принимая в свои ряды новых членов. Само собой, эти критерии вошли и в проект нового комсомольского устава, подготовленный к X съезду ВЛКСМ, который должен был состояться весной 1936 г. Однако Сталин исправил проект, вычеркнув положение о классовой дискриминации вступающих, и рекомендовал комсомолу не считать себя «по преимуществу пролетарской организацией», поскольку «теперь он становится... организацией всей передовой советской молодежи – рабочих, колхозников, служащих и учащихся»¹⁸.

Недолгое время спустя изменилась и процедура приема в коммунистическую партию. После нескольких лет интенсивной вербовки (в условиях столь же интенсивного классового отбора), позволившей увеличить число и процентную долю рабочих и крестьян в рядах партийцев, партия в 1933 г. объявила временный мораторий на прием новых членов. В 1936 г. она обнародовала новые правила приема, которые должны были вступить в силу с 1937 г. Отныне акцент делался не на пролетарском наборе, как раньше, а на привлечении «лучших людей» советского общества. Выражение «лучшие люди» стало новым концептом в советском дискурсе. Оно подразумевало статусную иерархию вдоль некоего континуума (без определенной оси) и явно демонстрировало отказ от дуалистического, манихейского классового подхода, характерного для 1920-х гг. На практике новые правила приема в партию открыли дорогу массовому притоку представителей группы служащих, специалистов и административных работников, которые получили новое коллективное наименование «советской интеллигенции».

Процесс прекращения классовой войны достиг кульминационной точки с принятием новой Конституции СССР, известной как «Сталинская Конституция». Она была обнародована в 1937 г., после длительной подготовки и всенародного обсуждения, и гарантировала всем советским гражданам юридическое равноправие, включая право избирать и быть избранным в советские органы власти. Таким образом, были возвращены избирательные права бывшим лишенцам: кулакам¹⁹, священникам и прочим «классово чуждым».

Именно в связи с подготовкой конституции Сталин сформулировал новую теорию классов в советском обществе, пригодную для

---

¹⁸ Цит. по выступлению секретаря ЦК А. А. Андреева на X съезде ВЛКСМ: Правда. 1936. 21 апр. С. 2.

¹⁹ Отметим, впрочем, что всех гражданских прав кулаки не получили, поскольку сосланным не позволялось покинуть места поселения.

ситуации, когда диктатура пролетариата уступала место «строительству социализма». В своем выступлении, посвященном проекту конституции, в ноябре 1936 г. он сказал, что советское общество прошло первоначальную революционную фазу классовой войны. Классы в нем еще есть, но не антагонистические, т. е. не обязательно находящиеся в состоянии классового конфликта²⁰. Впоследствии Сталин развил эту мысль: «Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества... Советское общество... не знает таких [классовых] противоречий, свободно от классовых столкновений...»²¹ Согласно знаменитой сталинской формуле о «двух с половиной» советское общество в новой фазе строительства социализма состояло из двух основных классов – рабочего класса и колхозного крестьянства – и «прослойки» интеллигенции. Эта «новая», «советская» интеллигенция включала как представителей старой буржуазной интеллигенции (данный термин больше не употреблялся), так и новую группу рабочих и крестьянских выдвиженцев, вливавшихся в нее с конца 1920-х гг. В большинстве случаев к ней также относили служащих. Называя интеллигенцию «прослойкой», Сталин, видимо, хотел изъять это понятие из классового контекста и свести к минимуму любые намеки на иерархию. Однако сознание наличия некоей социальной иерархии (по восходящей – крестьяне, рабочие, интеллигенция) все же закрадывалось в дискуссии второй половины 1930-х гг. среди коммунистов. Выступая на XVIII съезде партии, Сталин, например, упрекал товарищей, которые до сих пор придерживаются «старой теории», будто рабочие или крестьяне, перешедшие в разряд интеллигенции, – «люди второго сорта» по сравнению с теми, кто остался в рядах пролетариата²². Как же они могут быть «второго сорта», вопрошал он, если принадлежат к «культурной и образованной» части населения, пока, увы, не слишком большой. Со временем культура и образование станут доступны всем рабочим и крестьянам, но до тех пор, по его мнению, представители «новой, социалис-

---

²⁰ Сталин И. В. О проекте конституции Союза ССР, 25 ноября 1936 г. // Сочинения. Т. 1 (14) / под ред. Р. Х. Макнила. Стэнфорд, 1967. С. 142–146, 168–170.

²¹ Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии, 10 марта 1939 г. // Там же. С. 366–367.

²² Там же. С. 399.

тической интеллигенции» являлись людьми «первого сорта», по своим социальным достоинствам превосходящими малокультурных крестьян и рабочих.

Классовые траектории: «тогда» и «теперь»

В 1930-е гг., как и в 1920-е, советский классовый подход включал в себя немаловажное ретроспективное измерение. Классовое происхождение человека имело даже большее значение, чем его социальное положение на данный момент. Подлинная классовая идентификация требовала учитывать обе ситуации – «тогда» и «теперь». Недостаточно знать о ком-то, что он рабочий. Главное – какой рабочий: «кадровый», «потомственный» или «из крестьян»? Если речь идет о представителе интеллигенции, то «из старой интеллигенции» или «из рабочих»? Если о колхознике – то о бывшем бедняке или бывшем кулаке?

Подобные приоритеты отразились в статистических анализах различных групп населения, которые предпринимались в 1930-е гг. В сталинский период их было меньше, чем раньше, но почти все ставили во главу угла вопрос насчет «тогда» и «теперь». Например, профсоюзная перепись 1932–1933 гг. отводила специальную графу для членов профсоюза, прибывших из деревни, и даже подробно фиксировала их классовый статус до коллективизации (кулаки, середняки, бедняки)²³. Торговая перепись, проведенная в 1935 г., выделяла администраторов и работников государственной и кооперативной торговли, которые раньше были нэпманами или работали на частных предприятиях²⁴. В обзоре состава руководящих кадров, опубликованном в 1936 г., отмечались те, кто имеет рабочее происхождение, а также не столь многочисленная группа тех, кто трудился «у станка» еще в 1928 году²⁵.

Важную роль идентификации по принципу «тогда и теперь» иллюстрирует стандартная анкета, во второй половине 1930-х гг. заполнявшаяся советскими гражданами при приеме на работу и хранившаяся в их личных делах. Судя по числу вопросов, посвященных той или иной теме в анкете, классовой характеристике человека по-прежнему придавалось больше значения, чем его образованию, судимостям, семейному положению и т. д. Соперничать с ней могла только партийно-политическая принадлежность.

---

²³ Профсоюзная перепись 1932–1933 гг. М., 1934.

²⁴ Итоги торговой переписи 1935 г. М., 1936. Ч. 2: Кадры советской торговли.

²⁵ Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1936.

Кроме того, у нас есть свидетельство Г. М. Маленкова (задним числом критически вспоминая обстановку 1930-х гг.), что к сведениям о социальном положении в личных делах относились чрезвычайно серьезно²⁶.

Вот о чем спрашивали в анкетах:

«5. Социальное происхождение.

а) бывшее сословие (звание),

б) основное занятие родителей.

6. Основная профессия (занятие для членов ВКП(б) к моменту вступления в партию, а для беспартийных к моменту начала работы в советских учреждениях).

7. Сколько лет работал по этой профессии?

8. Год ухода с производства²⁷ или оставления сельского хозяйства.

9. Социальное положение»²⁸.

Эти вопросы подспудно содержали в себе ряд возможностей для сопоставления «тогда» и «теперь». Во-первых, ответы на них давали понять, как изменилось социальное положение респондента относительно положения его родителей. Во-вторых, – сравнить его положение на текущий момент с тем, какое он занимал в начале своей трудовой жизни. Пожалуй, наиболее примечателен 8-й пункт, подразумевающий, как нечто естественное в жизни среднего советского гражданина, кардинальную перемену социального статуса и уточняющий, когда именно она произошла. В целом смысл всех этих вопросов не столько в том, чтобы определить *место* индивида в социальном пространстве, сколько в том, чтобы установить *траекторию* его движения в нем.

---

²⁶ В феврале 1941 г. Маленков говорил на XVIII партийной конференции: «Надо покончить с биологическим подходом при подборе кадров и проверять работников на деле, оценивать их по работе, а не руководствоваться анкетными данными. До сих пор, несмотря на указания партии, во многих партийных и хозяйственных органах при назначении работника больше занимаются выяснением его родословной, выяснением того, кем были его дедушка и бабушка, а не изучением его личных деловых и политических качеств, его способностей» (Маленков Г. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта // Правда. 1941. 16 февр. С. 4).

²⁷ То есть год, когда человек перешел из рабочих в служащие.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5457. Оп. 22. Ед. хр. 48. Л. 80 (Союз рабочих трикотажной промышленности, 1935 г.: личный листок по учету кадров). Хранящийся в архиве листок за 1938 г. содержит те же вопросы. В обоих случаях респонденты (или кадровики, заполнявшие за них анкету) подробно ответили на все вопросы о социальном положении, хотя некоторые графы с вопросами на другие темы остались незаполненными.

В сталинском дискурсе не существовало специального термина для обозначения социальной мобильности, но сама идея была как нельзя более знакома советским гражданам 1930-х гг. Один тип траектории особенно часто описывался и предлагался в качестве образца для подражания. Это советская версия рассказов Горацио Элдже-ра: молодой человек благодаря упорному труду и преданности делу революции пробивается наверх из рабочих или крестьян, партия помогает ему получить образование, и он становится представителем «новой советской интеллигенции», т. е. профессиональной и административной элиты²⁹. Типичный пример – краткий очерк автобиографии, представленный начинающим молодым политиком П. С. Попковым, когда его кандидатура была выдвинута на выборы в Верховный Совет в 1938 г.: «Моя жизнь это жизнь рядового бойца партии Ленина-Сталина. Сын безземельного крестьянина-бедняка, я с 9-летнего возраста пошел в пастухи. Потом был чернорабочим, столяром, рабфаковцем, студентом. В 1937 году я стал инженером...»³⁰ Попков, крестьянский сын, несколько лет в юности трудившийся рабочим разных специальностей, прежде чем воспользоваться плодами «пролетарского выдвижения», был низкого классового происхождения, но к настоящему рабочему классу явно имел мало отношения. Его пролетарские корни вели к изобретенному классу 1920-х гг., а этот класс в конце 1930-х гг. претерпевал концептуальную эволюцию. Он становился воображаемым сообществом, существующим *только в прошедшем времени*, – тем местом, откуда люди происходят, но не тем, где они обитают в настоящий момент.

Не все из траекторий между «тогда» и «теперь» были так удачны, как попковская. По второму пути, часто привлекавшему внимание в 1930-е гг., двигался внешне безобидный советский гражданин, как правило служащий или рабочий, который успешно скрывал «чуждое» происхождение. С юридической точки зрения такие люди всегда имели право на труд, а с 1936 г. – даже избирательное право. На практике, однако, когда их обнаруживали, их присутствие среди работников почти неизменно оказывалось нежелательным, а их попыткам «прикинуться» нормальными гражданами давалось злоестье истолкование.

Под «чуждым» происхождением подобных лиц, конечно, имелась в виду изобретенная в 1920-е гг. буржуазия. Этот класс, так же как и его антипод – изобретенный пролетариат, переживал эволюцию. Но его эволюция была другой: вместо того чтобы быть придуманным в новой форме, он действительно совершал переход от воображаемо-

---

²⁹ Об этом мифе и его подоплеке см. мою статью: Stalin and the Making of a New Elite // Fitzpatrick S. The Cultural Front.

³⁰ Правда. 1938. 2 июня. С. 3.

го к реальному. Часть первоначально изобретенной буржуазии в 1920-е гг. откололась и приняла конкретную форму в лице «бывших» (людей, утративших прежний привилегированный статус в результате революции) и лишенцев (людей, которых лишили избирательных прав как социально чуждых). В 1930-е гг. то же самое произошло с крестьянами, экспропрированными в качестве кулаков во время коллективизации и образовавшими новый социальный класс раскулаченных.

Это один из самых интересных примеров изобретения классов в Советском Союзе, поскольку его можно рассматривать как вторую попытку изобрести класс кулаков, после того как первая попытка не сумела завоевать общее признание. Понятие кулацкого крестьянского класса, для которого характерны эксплуататорские отношения с другими крестьянами, очень привлекало коммунистов в 1920-е гг. Крестьян, однако, было нелегко убедить в существовании подобного класса в их среде, а партийные работники часто затруднялись определить критерии, указывающие на кулака, или сказать точно, какие именно крестьяне в том или ином сообществе таковым критериям соответствуют. Раскулачивание полностью покончило с неопределенностью. Раньше еще возможно было спорить, является ли некий крестьянин, имеющий двух коров, сад и дядю-торговца в соседнем городе, кулаком или нет. Но после официального раскулачивания дальнейшие споры о его статусе не имели смысла: он становился раскулаченным – т. е. по определению бывшим кулаком. Таким образом, ликвидацию кулачества как класса в Советском Союзе можно рассматривать как последний и решительный шаг в деле изобретения этого класса.

Тени старых классовых врагов

...бывало,

Расколют череп, человек умрет –
И тут всему конец. Теперь покойник,
На чьем челе смертельных двадцать ран,
Встает из гроба, с места нас сгоняя,
А это страшнее, чем убийство.

У. Шекспир. Макбет*

Классовый враг доставлял советским коммунистам в 1930-х гг. те же неприятности, что и Банко Макбету. Они его ликвидировали, но призрак вернулся, чтобы дразнить их на пиру. Согласно марксистской теории преобразование экономического базиса и производствен-

---

* Пер. Ю. Корнеева.

ных отношений в Советском Союзе не только устранило последние пережитки капитализма, но и гарантировало невозможность его воскрешения. Тем не менее коммунисты по-прежнему ощущали присутствие классовых врагов, которых они отправили на свалку истории, и сражаться с их призраками оказалось пострашнее.

Сталин мрачно предсказывал это в 1929 г., когда впервые сформулировал теорию, что чем ближе будет окончательное поражение классового врага, тем более отчаянным и бескомпромиссным станет его сопротивление³¹. Тогда многим коммунистам эта теория показалась неправдоподобной и немарксистской. Однако пять лет спустя, после практического опыта «ликвидации как класса» кулаков и нэпманов, данный парадокс, по-видимому, встретил больше понимания. Сталин, во всяком случае, развил свою мысль более полно. Его замечания на эту тему в 1934 г. повторил нарком юстиции РСФСР Н. В. Крыленко: «Как же сегодня стоит этот вопрос? Помещичий класс есть или нет? Нет, уничтожен, разбит. Капиталисты? Нет, разбиты, уничтожены. Торговцы?.. Уничтожены. Где же классы? Как будто нет! Ошибка! Трижды ошибка! Классов нет... А люди есть, они остались... Мы их физически не уничтожали, и они остались со всеми их классовыми симпатиями, антипатиями, традициями, навыками, взглядами, возрениями и т. д. ...Классовый враг, несмотря на уничтожение класса помещиков, остался в лице живых представителей этих бывших классов»³².

Укоренившаяся в сознании коммунистов подозрительность, заставлявшая их везде видеть классовых врагов, не давала партийному руководству с чистым сердцем настаивать на осуществлении политики классового примирения, провозглашенной в середине 1930-х гг. (см. выше), а низовым партработникам – систематически следовать ей. Отношение к классовому вопросу в 1930-е гг. оставалось глубоко противоречивым, и острота противоречий начала по-настоящему сглаживаться только в конце десятилетия, когда на смену вакханалии Большого террора пришли усталость и отрезвление. До этого времени у многих коммунистов (в том числе, несомненно, и у Сталина) голова с сердцем оказывались не в ладу, когда речь заходила о классах и классовых врагах. Умом человек мог признавать, что политика классовой дискриминации изжила себя и классовый враг больше не представляет реальной угрозы, но в душе питал прежние подозрения и опасения.

---

³¹ См.: Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б) // Сочинения. Т. 12. М., 1952. С. 34–39.

³² Выступление Крыленко перед судебными работниками в Уфе, март 1934 г. См.: Советская юстиция. 1934. № 9. С. 2.

Примеров можно найти сколько угодно, и не только среди партийцев. В Смоленском архиве содержится множество материалов партийных расследований по доносам на лиц, «связанных с классовым врагом», которые продолжали сыпаться отовсюду – из села и из города, от беспартийных граждан и партийных активистов³³. Мало того, что граждане проявляли горячее желание информировать власти о скрывающихся среди них «классовых врагах», но и коммунистические чиновники, как это ни поразительно, по-прежнему удостоивали подобные обвинения серьезного и придирчивого расследования. Огромное количество бюрократических человеко-часов тратилось на тщательное выяснение на месте, действительно ли колхозный бригадир А. женат на дочери бывшего священника, а комсомолец Б. пытался скрыть факт раскулачивания дяди.

Партийное руководство иногда (правда, не всегда) относилось к вопросу о классовых врагах спокойнее, чем рядовые коммунисты. Например, местные активисты решительно воспротивились предложению возвращать сосланных кулаков из ссылки по истечении трех лет, выдвинутому на Втором съезде колхозников-ударников в 1935 г., предположительно Я. А. Яковлевым, заведующим сельхозотделом ЦК³⁴. (Предложение провалилось, и ссыльные кулаки оставались ограничены в передвижениях до Второй мировой войны – несмотря на то что их призывали на военную службу наравне с другими³⁵.)

Весьма неуверенную реакцию вызвала сталинская реплика на съезде стахановцев в 1935 г.: «Сын за отца не отвечает» (см. выше, с. 54). Советская пресса 1935 г. оставила это замечание почти без комментариев, что для тех лет совершенно нетипично. Как будто специально для того, чтобы уменьшить его эффект, некоторые газеты вскоре даже напечатали передовицы и статьи, напоминающие об обязанности партии проявлять бдительность в отношении классовых врагов. Сам Сталин ни разу не повторил эту мысль в более официальном контексте, не включил ее ни в один из своих опубликованных трудов, а его соратники, вопреки обычной практике, крайне редко ее цитировали³⁶. В результате, хотя данная сентенция немедленно вошла

---

³³ Среди огромного количества дел этой категории см.: Smolensk Archive. WKP 190 (1935), 195 (1936), 355 (1936), 362 (1937).

³⁴ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. 11–17 февраля 1935 г.: Стеногр. отчет. М., 1935. С. 60, 81, 130.

³⁵ Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 390–391.

³⁶ Я нашла только две цитаты. Одна принадлежит С. В. Кафганову, председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы (Высшая школа. 1938. № 3. С. 16), другая прозвучала в выступлении члена Политбюро А. А. Жданова на XVIII съезде партии (Восемнадцатый съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1939. С. 523).

в советский фольклор и безоговорочно приписывалась Сталину, ее окружала некая загадка. Может быть, только Сталин считает, что «сын за отца не отвечает», а другие члены руководства его мнение не разделяют? Действительно ли Сталин так сказал? Или слухи об этом упорно распускают враги, чтобы смутить коммунистов?

Во время каждого из политических кризисов 1930-х гг. коммунисты спешили устроить облаву на «обычных подозреваемых», инстинктивно чувствуя, что классовый враг в чем-то да виноват. Так было в 1932–1933 гг., когда в стране разразился голод и НКВД при выдаче только что введенных паспортов выкинул из Москвы, Ленинграда и других городов сотни тысяч «классово-чуждых» и лишенцев³⁷. Такие же массовые высылки из Ленинграда последовали за убийством Кирова в 1935 г. Местная газета, сообщая о них, не утруждала себя объяснениями, какая может быть связь с убийцей Кирова, например, у бывшего барона Типольта, который «устроился на фабрике-кухне счетоводом», генерала Тюфясева, работавшего преподавателем географии, бывшего полицмейстера Комендантова – ныне техника на заводе, генерала Спасского – продавца папирос в ларьке³⁸.

Схема повторилась даже в период Большого террора, несмотря на то что «классовые враги» тогда уже не были первоочередной мишенью, как в годы первой пятилетки, и официальная риторика по поводу «врагов народа» не акцентировала вопрос происхождения³⁹. Осенью 1937 г. начальник Ленинградского управления НКВД выделил в особую категорию «врагов народа», которых следует разоблачать и искоренять, студентов университета – кулацких и нэпманских сыновей⁴⁰. В то же время смоленская комсомольская организация исключала из своих рядов десятки, если не сотни человек по причине социально чуждого происхождения, брака с классово-чуждыми элементами, сокрытия подобного происхождения или брака и т. д. (Многие из этих несчастных обжаловали свое исключение и были официально восстановлены в комсомоле в 1938 г.)⁴¹ В Челябинске в число «контрреволюционеров», расстрелянных в 1937–1938 гг., также попали бывшие классовые враги⁴².

---

³⁷ См.: Социалистический вестник. 1933. № 3 (13 февр.). С. 16; № 8 (25 мая). С. 16.

³⁸ Крестьянская правда (Ленинград). 1935. 24 марта. С. 3.

³⁹ Фактически в неопубликованном выступлении в Наркомате обороны 2 июня 1937 г. Сталин открыто заявил, что классовое происхождение не может автоматически служить признаком нелояльности: Источник. 1994. № 3. С. 73.

⁴⁰ См.: Комсомольская правда. 1937. 5 окт. С. 2.

⁴¹ Материалы о восстановлении см.: Smolensk Archive. WKP 416.

⁴² Данные из дел местного управления НКВД см.: Ижбулдин Г. Назвать все имена // Огонек. 1989. № 7. С. 30.

* * *

«Изобретение классов» большевиками в 1920-е гг., возможно, выполняло по крайней мере некоторые полезные организационные и реструктурирующие функции, но за это приходилось платить определенную цену. Во-первых, индивидуальная классовая идентичность, которую нужно было «изобретать», не могла не содержать элементы обмана. Это усиливало недоверие режима к своим гражданам и граждан друг к другу. Во-вторых, представление о *врагах* стало неотделимо от понятия класса, и, таким образом, в социальный цемент большевиков проникло коррозионное химическое вещество, продемонстрировавшее свою едкость во время Большого террора.

Поразительная расплывчатость обвинений против «врагов народа» становится совершенно понятной, если вспомнить, в каком свете представляли в большевистском воображении их предшественники – «классовые враги». Классовый враг потенциально угрожал обществу независимо от своих конкретных действий и личных намерений и зачастую носил маску, скрывая свою истинную идентичность. Он волей-неволей принадлежал к воображаемому сообществу – классу, чьи интересы были враждебны интересам советской власти. От принадлежности к воображаемому классовому сообществу оставался совсем небольшой шаг до участия в воображаемом заговоре. Еще шаг – и воображаемая *классовая* основа заговора отпадала.

ГЛАВА 3

КЛАССОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ НЭПА*

Огромное значение, согласно своей программе, коммунистические деятели придают классовым отношениям. Во многих отношениях проводится *классовый принцип*. Часто приходится говорить и о *деклассированных* группах: «*деклассированная мелкобуржуазная интеллигенция*»... «*масса деклассированных, безработных, масса потерявших свое резко выраженное классовое обличие, масса социальных осколков*»¹

1920-е гг. были великой эрой марксистского анализа советского общества. Статистики собирали данные о классовом составе всех мыслимых общественных учреждений и организаций, включая коммунистическую партию. Старательно анализировалось крестьянство, чтобы разделить его по классовым категориям «бедняков», «средняков» и «кулаков». Постоянно изучалось и сводилось в таблицы социальное происхождение государственных служащих и студентов вузов. Статистический отдел ЦК издавал пособия с перечнем различных занятий и их классовой классификацией: могильщики и шоферы, оказывается, были «пролетариями», а домработницы, носильщики и продавцы относились к «младшему обслуживающему персоналу»².

К сбору подобных социологических данных в столь широких масштабах большевиков побуждало отнюдь не только интеллекту-

---

* Эта глава представляет собой несколько отредактированную версию моей статьи: Problems of Class Identity in NEP Society // Russia in the Era of NEP / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington, Ind., 1991.

¹ Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). 2-е изд. М., 1928. С. 105.

² Словарь занятий лиц наемного труда: Пособие для работников ячеек и комитетов ВКП(б) при определении рода занятий коммунистов и принимаемых в партию. М.: Статистический отдел ЦК, 1928.

альное любопытство. Как говорилось в предыдущей главе, они нуждались в информации, чтобы проводить в жизнь собственное классово-дискриминационное законодательство, касавшееся повседневной жизни людей и их социального статуса в новом обществе. Однако вскоре стало очевидно, что классовая идентификация индивидов – нелегкое дело в обществе, только что пережившем революционный переворот. В 1924 г. должностные лица, проводившие чистку в Пермском университете, столкнулись с чрезвычайными трудностями, определяя классовое положение отдельных студентов, несмотря на подробнейшие расспросы:

«– Чем занимались ваши родители раньше?

– Мой отец рабочий, вот удостоверение.

В удостоверении 20-летней давности значится: рабочий слесарь депо К° Зингер.

– И чем занимался в 18-м году?

– Он служил здесь пекарем, был в артели пекарей...

– Гм, слесарь и пекарь, – недоумевает регистратор.

– А дальше, в 19-м, 20-м годах чем он занимался?..

– “АРА” предложила папе место инспектором в Перми... Инспектором “АРА” он служил до 23-го года... А потом был год безработным.

– А теперь чем он занимается?

– Сейчас поступил на службу. Вот справка биржи труда.

Читают: направляется по требованию частного предпринимателя “заведывать делом”»³.

Такая профессиональная и социальная мобильность сбивала с толку не только большевиков, она смущала и пугала самих людей. Кем был отец той пермской студентки в собственных глазах: временно деклассированным пролетарием или новобранцем в рядах мелкобуржуазных служащих? Разделялась ли его социальная самоидентификация дочерью, которой, чтобы остаться в вузе, нужно было попасть в категорию пролетариев? Если ее ответы удовлетворили экзаменовавшего ее регистратора, считала ли она сама себя пролетарием? А если нет – признала ли свою мелкобуржуазную идентичность?

Большевики и пролетарская идентичность

Самая желанная классовая идентичность в нэповской России – пролетарская – именно по этой причине была и наиболее проблематичной. Большевистская партия называла себя партией пролетариа-

---

³ Ш-рин В. Чистят (с натуры и по официальным документам) // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 126.

та, а октябрьские события – пролетарской революцией. Индустриальный рабочий класс в основном поддержал большевиков в октябре. Большевики полагали, что этот же класс обеспечит необходимую социальную поддержку и новому революционному режиму, «диктатуре пролетариата».

Но что, если это оказалось не так?

В 1920 и 1921 гг. большевики столкнулись с двумя бедами. Во-первых, индустриальный рабочий класс в значительной мере распался. Во-вторых, многие оставшиеся рабочие отделились от большевистской партии, как показали петроградские забастовки в начале 1921 г. и кронштадтский мятеж. Внутри самой партии «рабочая оппозиция» бросила большевистскому руководству серьезный вызов (правда, в конечном итоге безуспешно). Все это на некоторое время спровоцировало кризис веры: партийные лидеры (включая Ленина) стояли на грани того, чтобы разочароваться в русском рабочем классе⁴. Однако порвать связь с пролетариатом для партии оказалось невозможно. Большинство ее членов на 1921 г. до революции были рабочими и называли себя пролетариями. Партийные интеллектуалы, которые часто считали, что, став революционерами, они приобрели и «пролетарскую» идентичность, чувствовали к рабочему классу эмоциональную приверженность. К тому же интеллектуалы-марксисты попали в теоретическую ловушку. Если пролетариат больше нельзя рассматривать как главную опору, на какой же класс могут рассчитывать партия и новая советская власть? На этот вопрос не находилось приемлемого ответа⁵.

Партия осталась пролетарской по собственному определению, и в начале 1924 г., объявив массовый набор рабочих, известный как «ленинский призыв», ее руководство сделало все возможное, чтобы наполнить это определение реальным содержанием. Однако большевики видели в слове «пролетарский» не просто синоним «рабочего». Подлинные пролетарии должны были иметь пролетарское сознание, каковое, с точки зрения большевиков, означало преданность революции и большевистской партии. Многие настоящие рабочие в начале

---

⁴ Подробнее см.: Fitzpatrick S. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture and Politics in the Early Soviet Years // Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992.

⁵ «Получается нелепое положение, – говорил на X съезде РКП(б) Ю. К. Милонов, – мы оказываемся над пропастью, между рабочим классом, который заражен мелкобуржуазными предрассудками, и крестьянством, которое по существу мелкобуржуазно; нельзя же опираться на одно советское и партийное чиновничество? На это опираться, конечно, нельзя» (Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 84).

1920-х гг. не выдерживали испытания и, таким образом, представляли собой «случайные элементы» в рядах рабочего класса, чья сущность оставалась крестьянской или мелкобуржуазной.

Росло также число «пролетариев», часто (но не обязательно) состоявших в большевистской партии, которые когда-то по роду занятий и социальному положению были рабочими, а после революции стали комиссарами и командирами Красной армии или кадрами новой советской и партийной бюрократии. Большевики считали необходимым отличать их от «рабочих от станка», подчеркивая в то же время, что они сохраняют пролетарскую идентичность⁶.

Таким образом, в начале 1920-х гг. при анализе классового состава учреждений и организаций, в том числе самой большевистской партии, использовались две категории классовой идентификации – «до» и «после» революции. Первая категория, социальное положение, определялась на основе социального происхождения и рода занятий в 1917 г. или, в некоторых случаях, во время вступления в партию. Ко второй категории относился род занятий на текущий момент. В итоге партийные кадры из рабочих могли считаться рабочими по социальному положению и служащими по нынешнему роду занятий. Рабочие-большевики, которые, вступая в партию, были крестьянами, считались крестьянами по социальному положению и рабочими по роду занятий⁷.

Для большевиков в 1920-е гг. категория «до», как правило, имела решающее значение. С их точки зрения, действительно важная роль классовой принадлежности заключалась в том, что она обуславливала политическую позицию. Если кто-то накануне революции являлся представителем эксплуататорского класса, то наверняка жалеет о падении старого режима и не любит большевиков. А тот, кто принадлежал к эксплуатируемым массам, – скорее всего, на стороне большевиков и революции.

Оставались, правда, кое-какие проблемы, поскольку социальное происхождение и дореволюционное занятие не всегда совпадали. Например, очень многие рабочие родились и выросли в деревне. В партийных и прочих документах их социальное положение определялось как пролетарское. Но как правильно классифицировать *бывшего* рабочего, выросшего в деревне, а ныне ставшего партийным

---

⁶ По словам Селищева, выражения «рабочий от станка» и «крестьянин от сохи» представляли собой неологизмы в русском языке, введенные большевиками по семантической аналогии с немецким «Arbeiter von Erde». См.: Селищев А. М. Язык революционной эпохи. С. 36–37.

⁷ См.: Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги всесоюзной партийной переписи 1927 г. М., 1928.

работником? Его все равно относили к пролетариям, даже если из тридцати прожитых лет он по-настоящему работал на заводе меньше десяти.

Таких случаев было много, и большевики невольно стали прибегать к понятию *пролетарского воспитания* в качестве критерия классового положения. Никаких формальных правил на этот счет не существовало, но на практике обычно считалось, что как минимум семи лет работы на заводе до революции (или до вступления в дореволюционную партию большевиков и превращения в профессионального революционера) достаточно, чтобы сделать человека пролетарием.

Кроме того, по общему мнению, служба добровольцем в Красной армии во время Гражданской войны также могла расцениваться как пролетарское воспитание, во всяком случае когда дело касалось выходцев из низших слоев городского или сельского населения. Так что, например, один молодой провинциал, по-видимому из крестьян, на законном основании претендовал на то, чтобы стать студентом рабфака (подготовительного рабочего факультета, многим помогавшего получить высшее образование в 1920-е гг.): «Почему же меня не принимают? Я служил в Красной Армии добровольцем, я достоин, я заслужил Рабфак»⁸.

Идентичность пролетарская и рабочая

Когда рабочие старшего (дореволюционного) поколения называли себя «пролетариями», это говорило о том, что на их сознание повлияли контакты с большевиками или другими интеллектуалами-революционерами – в противном случае данное слово не вошло бы в их словарь. Иногда слово «пролетарий» служило взаимозаменяемым синонимом слова «рабочий», но чаще всего использовалось для обозначения особого типа рабочего – участвовавшего в рабочих организациях и акциях протеста, солидаризирующегося с рабочим коллективом завода (или мастерской), рассматривающего капиталистов как классовых врагов, а царизм – как союзника капиталистов.

Когда большевики в 1920-е гг. говорили о пролетариате, они все еще имели в виду тип рабочего, «закаленного в революционной борь-

---

⁸ Ростовский. Хожение по мукам одного рабфаковца // Молодая гвардия. 1924. № 5. С. 212. Отметим, однако, что, когда молодые коммунисты, возглавлявшие РАПП (воинствующую организацию пролетарских писателей в 1920-е гг.), предъявляли те же претензии, они часто встречали скептическое отношение, невзирая на свое участие в Гражданской войне, поскольку происходили из интеллигентских семей.

бе». Но революционная борьба осталась позади, и ожидать воспроизведения пролетарского сознания подобного рода в будущих поколениях, по всей видимости, не стоило⁹. Большевики постепенно трансформировали понятие пролетарского сознания в идею революционной и, наконец, гражданской ответственности, а тем временем дистанция между идеальным пролетариатом и реальным рабочим все увеличивалась.

После того как в 1920-е гг. оживилась промышленность и заново сложился рабочий класс, появился новый рабочий менталитет, а старый воскрес в новых формах. Среди типов рабочей (но не до конца «пролетарской») идентичности эпохи нэпа можно выделить идентичность квалифицированного рабочего, имеющего связь с землей. Марксистские социологи 1920-х гг. часто пытались преуменьшить такую связь или подыскать ей оправдания, но, так или иначе, она явно усилилась в годы Гражданской войны, когда многие рабочие (в том числе квалифицированные) возвратились в деревню. Пожалуй, самое интересное в этой «связи с землей» в годы нэпа – то, что во многих случаях она означала связь с преуспевающим хозяйством, принадлежавшим либо самому рабочему-крестьянину, либо его близкому родственнику¹⁰. В некоторых отраслях промышленности, например на текстильных предприятиях Ивановской области, целые сообщества рабочих успешно занимались сельским хозяйством¹¹. Масштабы этого явления были признаны только в конце 1920-х гг. (и то не совсем открыто), когда множество квалифицированных рабочих и их семей оказались под угрозой раскулачивания¹².

Еще один возникший тогда тип рабочего менталитета можно, мысленно извинившись перед Лениным, назвать «профсоюзным со-

---

⁹ См.: Koenker D. P. *Class and Consciousness in a Socialist Society: Workers in the Printing Trades during NEP // Russia in the Era of NEP*. P. 34–57.

¹⁰ См., например, интересную биографию И. Е. Князева – рабочего, который участвовал в революционном движении начиная с 1905 г. и вынужден был периодически возвращаться в свою деревню в Московской губернии, дабы скрыться от полиции. В 1917 г. на него произвели большое впечатление агротехнические приемы немецких колонистов, и он надолго вернулся в деревню, желая применить их на практике, стал зажиточным фермером, а в середине 1920-х гг. – советским чиновником (Ленинградский С. От земли на завод и с завода на землю. М.; Л., 1927).

¹¹ См.: Семенов Н. Лицо фабричных рабочих, проживающих в деревнях, и политпросветработа среди них. М.; Л., 1929.

¹² Тревожное обсуждение этой проблемы см., напр.: Январский объединенный пленум МК ВКП(б) и МКК. 6–10 января 1930 г. М., 1930. С. 34; Сессия ЦИК Союза ССР 6 созыва. Стенографический отчет и постановления. 22–28 декабря 1931 г. М., 1931. С. 13.

знанием». Профсоюзы времен нэпа, где тон, по всей видимости, задавали рабочие мужского пола, средних лет, коренные горожане, трудившиеся на заводах до революции, были призваны работать в системе, но при этом защищать интересы рабочих (или союза) перед советской администрацией. В условиях массовой безработицы они делали все возможное, чтобы заставить предприятия принимать на работу только членов профсоюза и ограничить приток не состоящих в союзах крестьян. Помимо крестьян, они также не слишком жаловали женщин и подростков, поскольку большинство профсоюзных деятелей считало, что в рабочих местах больше всего нуждаются взрослые мужчины-горожане.

Молодые рабочие послереволюционного поколения часто были на ножах со старшими. О них говорили, что они никого не уважают, чересчур самонадеянны и не подчиняются коллективной дисциплине: «Ребята не желают иногда подчиняться ни администрации, ни мастеру, и никому другому. Если, в целях производства, их переводят в другой цех на худшую работу, они сопротивляются, грозят поколотить за это и мастера, и администрацию. Безусые мальчишки ударяют себя в грудь и орут: “За что мы боролись?”»¹³ Среди молодежи безработица была велика, и молодым людям с трудом удавалось получить место на заводе. Те, кто этого добился, составляли образованную и амбициозную группу, мало отличавшуюся по социокультурному профилю¹⁴ и политической культуре¹⁵ от сверстников студентов и служащих, в своих жизненных планах часто (сознательно или бессознательно) заглядывавшую дальше заводских ворот. В обществе нэпа молодые пролетарии принадлежали к группе избранных. Они представляли собой «смену», новое поколение, будущих строителей социализма. Комсомол и партия жаждали видеть их в своих рядах, в любой вуз страны их зачисляли с радостью, чтобы выполнить квоту на прием пролетариев. Быть молодым квалифицированным рабочим мужского пола в 1920-е гг. означало иметь новый тип пролетарского сознания – менталитет пролетарского выдвиженца, обладающего потенциалом вертикальной мобильности.

---

¹³ Бордадын А. Рабочая молодежь как она есть // Молодая гвардия. 1926. № 3. С. 102. Интересное исследование, посвященное рабочей молодежи, см.: Лебина Н. Б. Рабочая молодежь Ленинграда: Труд и социальный облик, 1921–1925 годы. Л., 1982.

¹⁴ Описание привычного досуга и культурной жизни молодого московского рабочего см.: Антонов С. А. Свет в окне. М., 1977. С. 19–24, 69–70.

¹⁵ О новой политической культуре молодых рабочих см.: Селищев А. М. Язык революционной эпохи. С. 198–200.

Буржуазный «Другой»

В революционные годы... много слов изменило свое значение... в связи с обстоятельствами этого времени, с настроениями и переживаниями общественных групп... *буржуазный, мелкобуржуазный* имеют значение отрицательное¹⁶

Антагонистом пролетариата в марксистской схеме, конечно, была буржуазия. Большевикам особенно не нравилась ее прежняя элитарная социальная роль, хотя в некоторых отношениях их можно считать ее преемниками в этой роли. В советском языке 1920-х гг. определение «буржуазный» применялось ко всем классовым врагам вообще, а также к трем отдельным социальным группам в обществе времен нэпа: «бывшим» (представителям прежних привилегированных классов, включая помещиков и чиновничество), нэпманам и некоммунистической интеллигенции.

Несмотря на то что Россия потеряла значительную часть своей дореволюционной элиты в годы войны, революции и Гражданской войны, в результате экспроприации и эмиграции, большевики все еще видели в прежней «буржуазии» угрозу, поскольку боялись капиталистического *реванша*, организованного из-за рубежа. Ленин пояснял: «Крупные земельные собственники и капиталисты в России не исчезли, но они подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически, как класс, остатки коего попрятались среди государственных служащих Советской власти. Классовую организацию они сохранили за границей, как эмиграция, насчитывающая, вероятно, от 1½ до 2-х миллионов человек, имеющая свыше полусотни ежедневных газет всех буржуазных и “социалистических” (т. е. мелко-буржуазных) партий, остатки армии и многочисленные связи с международной буржуазией. Эта эмиграция всеми силами и средствами работает над разрушением Советской власти и восстановлением капитализма в России»¹⁷. «Бывшие» – представители бывших привилегированных классов, оставшиеся в России, – считались потенциальными союзниками русских и иностранных капиталистов за рубежом. Большевики опасались их влияния в советском обществе, даже если они занимали весьма скромное положение (как обычно и бывало), держались в стороне от политики и старались скрыть свое прошлое. Их детей, которых тоже рассматривали как возможный источник разложения, не принимали

¹⁶ Селищев А. М. Язык революционной эпохи. С. 192–193.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 44. М., 1964. С. 5.

ни в пионеры, ни в комсомол и по мере сил не допускали в высшие учебные заведения¹⁸.

Нэпманы – «новая буржуазия» из частных предпринимателей, порожденная нэпом, – также вызывали большое недоверие и подозрения. Хотя нэпманы, подобно «бывшим», не проявляли особой политической активности или каких-то политических устремлений, большевики все равно смотрели на них как на потенциальных соперников и будущих застрельщиков возврата к капитализму, считая их смиренное поведение признаком коварства. Деятельность нэпманов больше не объявлялась незаконной, как спекуляции на черном рынке во времена военного коммунизма, но это вовсе не означало повышения социальной толерантности со стороны большевиков. Нэпманов изображали в карикатурном виде, как жирных и жадных эксплуататоров: «По аллеям с важным видом в сопровождении разодетых, раскормленных, на диво выхоленных жен ходили сахарные, шоколадные и мануфактурные “короли”»¹⁹.

В большинстве своем они, по-видимому, были парвеню, а не потомками прежних купцов и дельцов-капиталистов²⁰. Тем не менее за ними с тревогой следили, пытаясь нащупать воображаемые связи с представителями старых элит. Один наблюдатель (следователь по уголовным делам) отмечал, к примеру, что «ленинградские нэпманы охотно женились на невестах с княжескими и графскими титулами и в своем образе жизни и манерах всячески подражали старому петербургскому “свету”»²¹. Еще более пугающей (и более правдоподобной) была опасность сближения между нэпманами и новой советской элитой. В условиях нэпа наибольшую выгоду приносила предпринимательская деятельность на стыке общественного и частного секторов, и нэпман, выполняя функцию «толкача», оказывался весьма ценным помощником для большевистских управленцев и работников промышленности²².

В советском дискурсе 1920-х гг. образованные профессионалы (представители интеллигенции) тоже именовались «буржуазными», если они не вступили в большевистскую партию еще до революции.

---

¹⁸ См., например, историю юной Лидии Толстой, которую не приняли в пионеры, потому что ее бабушка, вдова адмирала царского флота, говорила по-французски и была «из бывших», а ее родители знали поэтов Хлебникова и Вячеслава Иванова: Либединская Л. Зеленая лампа. Воспоминания. М., 1966. С. 48–60.

¹⁹ Шейнин Л. Записки следователя. М., 1965. С. 32–33.

²⁰ Изменения социальной структуры советского общества, 1921 – середина 30-х годов. М., 1979. С. 116–117; Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921–1925 гг.). Л., 1969. Кн. 2. С. 70–71.

²¹ Шейнин Л. Записки следователя. С. 158.

²² Ремонтников и наладчиков, снабженцев, экспедиторов по поставкам.

Большевики использовали для обозначения интеллигенции выражение «буржуазные специалисты». В этом заключалась известная ирония, поскольку в прошлом русская интеллигенция поддерживала радикалов, гордилась своей «надклассовостью» и презирала торговую буржуазию за «мещанство». Тем не менее она представляла собой одну из элит дореволюционного общества и, в отличие от других дореволюционных элит, вышла из потрясений революции и Гражданской войны относительно невредимой. Она не питала особой симпатии к большевикам и твердо осознавала свою групповую идентичность. Большевики имели некоторые основания опасаться интеллигенции как жизнеспособной конкурирующей элиты с претензиями если не на политическое, то на моральное лидерство.

«Буржуазные специалисты» оставались в 1920-е гг. сравнительно привилегированной группой, так как большевистское руководство пришло к выводу, что их знания и умения незаменимы. Однако подобная политика не пользовалась популярностью среди рядовых партийцев и сочувствующих большевикам городских низов. «Какие привилегии ни давай, а выходит по пословице: “Сколько волка ни корми, он все в лес глядит”...» – сетовал один советский депутат из провинции²³.

«Интеллигент» становится бранным словом, – с тревогой отмечал в середине 1920-х гг. старый большевик, сам из интеллигентов²⁴. Недвусмысленно уничижительное словцо «интеллигентщина» широко употреблялось в эпоху нэпа, особенно в комсомольских кругах, для обозначения либеральничания, идейных шатаний, слабости и отсутствия необходимой большевистской «твердости». Отвращение, которое чувствовали к интеллигенции многие большевики из низов, хорошо передано в докладе представительницы рабочего контроля в московском Театре им. Станиславского. Работники театра, рассказывает она, смеются над большевистскими лозунгами, находят красные знамена «безобразными с эстетической точки зрения», директор – «отвратительный тип отжившего класса, подхалим»: «Он сегодня пожимает руку нашему партийцу и старается низко ему поклониться, а на самом деле до глубины души ненавидит этого коммуниста, ненавидит все коммунистическое, все, что насаждают рабочий класс и партия»²⁵.

---

²³ Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР 5-го созыва: Стеногр. отчет. М., 1931. Бюл. 10. С. 13.

²⁴ Н. А. Скрыпник. См.: Бюллетень VIII-й всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. (Стенограмма). 12–16 мая 1924 г. Харьков, [1924]. С. 64–65.

²⁵ Выступление Карасевой (Московская контрольная комиссия): III-я московская областная и II-я городская конференция ВКП(б). М., 1932. Бюл. 10. С. 11.

Буржуазные и мелкобуржуазные тенденции

Рядовые большевики в 1920-е гг., к досаде партийных интеллектуалов-марксистов, зачастую исповедовали «генеалогический» подход к определению классовой принадлежности²⁶. На практике это означало, что «буржуй всегда останется буржуем», но и представители других классов не считались недостижимыми для пения буржуазных силен. По мнению большевиков, их революция застопорила естественное продвижение общества к капитализму, и они постоянно были начеку, дабы не допустить спонтанного возвращения на этот путь. «Буржуазные» и «мелкобуржуазные» влияния наблюдались повсюду, им оказывались подвержены выходцы из любого социального класса.

Иногда слова о «буржуазных» и «мелкобуржуазных» тенденциях можно было понимать более или менее буквально: например, если о рабочем, чья жена занималась торговлей, говорили, что он находится под влиянием мелкобуржуазного предпринимательства, а о рабочем-крестьянине, державшемся за свой клочок земли в деревне, — что он проявляет мелкобуржуазные собственнические инстинкты. Но в иных случаях подобные обвинения имели меньше связи с социальной действительностью. Скажем, оппозиционеры в рядах большевиков или лица, ранее принадлежавшие к другим политическим партиям, относились к буржуазным или мелкобуржуазным элементам по определению.

У партии были веские причины бояться обуржуазивания своих кадров. Отобрав власть у старых правящих классов, большевики рисковали вместе с ней унаследовать материалистические буржуазные ценности и соответствующий образ жизни. В 1920-е гг. это называлось опасностью «перерождения» — т. е. утраты партией революционной самоотверженности. К такому перерождению, по мнению большевиков, вело разлагающее влияние «бывших», нэпманов, буржуазных интеллигентов или контактов с капиталистическим внешним миром на партийные кадры²⁷.

---

²⁶ Е. М. Ярославский жаловался, что у большевиков «теперь принято делать чуть ли не так, как делают белогвардейцы, когда берут в плен: они смотрят, есть ли мозоли на руках, и если есть, то это, значит, настоящий крамольник, большевик»: Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стеногр. отчет. М., 1963. С. 105.

²⁷ В первые годы советской власти много беспокойства большевикам доставляла необходимость маскировать свою «пролетарскую» идентичность в соответствии с требованиями международной дипломатии. По воспоминаниям одного мемуариста, например, в 1922 г. рядовые члены партии не могли удержаться от неуклюжих шуток по поводу того, что советским дипломатам на конференции в Лозанне пришлось носить фраки — типичное одеяние «буржуазии» (Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973. С. 43).

Нэпманы могли развратить советских должностных лиц, с которыми вели дела, пробуждая в них «стремление к “легкой жизни”», «действуя подкупом и всякого рода мелкими услугами, угощениями и “подарками”»²⁸. Как отмечалось выше, это были не пустые страхи. В Москве, по крайней мере, нэпманы, представители старой интеллигенции и партийные начальники ходили в эпоху нэпа по одним и тем же ресторанам, и справедливо будет предположить, что в этой среде скорее «буржуазные» ценности воздействовали на коммунистов, чем наоборот. Еще большевики боялись перерождения кадров в результате контактов с буржуазными специалистами, с которыми те работали. Предполагалось, что партийцы, чувствуя социальное и культурное превосходство «спецов», разбиравшихся в своем деле лучше коммунистического начальства, станут подражать им и перенимать их ценности.

Опасность существовала и на семейном фронте, если большевики из низов женились на представительницах старых привилегированных и образованных классов. Такие браки не были редкостью и часто оказывали заметное влияние на образ жизни мужей-коммунистов: в числе последствий подобных мезальянсов отмечались растущая тяга к роскоши, крещение детей, социальное взаимодействие с «классово чуждыми элементами», включая родственников жены. Центральная контрольная комиссия получала от рядовых партийцев много жалоб на тех, кто обзаводился женой из другого класса: «Допустимо ли старым партийцам иметь свою часто мещанско-обывательскую (с женой барынькой и т. д.) личную жизнь? Как реагирует ЦКК на такой вопрос, когда наши члены партии, в особенности ответработники, бросают своих жен крестьянок или рабочего звания и семейство и сходятся с поповнами и бывшими женами белых офицеров?»²⁹ Председатель ЦКК А. А. Сольц вполне разделял тревогу, звучавшую в этих вопросах. Он говорил молодым коммунистам: «Мы являемся господствующим классом, и у нас должно быть такое же отношение. Сближение с членом враждебного нам лагеря, когда мы являемся господствующим классом, – это должно встречать такое общественное осуждение, что человек должен 30 раз подумать, прежде чем принять такое решение... Нужно много раз подумать, прежде чем решиться брать жену из чужого класса»³⁰. Помимо угрозы буржуазного влияния в частной жизни молодых коммунистов и комсомольцев в особенности беспокоила опасность впасть в «мещанство». Это слово, образованное от названия дореволюционного городского со-

---

²⁸ Шейнин Л. Записки следователя. С. 268.

²⁹ Бюллетень ЦКК и РКИ СССР и РСФСР. 1927. № 2–3. С. 55.

³⁰ Комсомольский быт: Сб. / сост. И. Разин. М.; Л., 1927. С. 66.

словия «мещан», всегда имело негативное значение. Оно вошло в употребление еще до революции в дискурсе русской интеллигенции, для которой ценности, ассоциирующиеся с «мещанством», представляли прямую противоположность ее собственным ценностям.

В глазах коммунистической молодежи слово «мещанство» являлось антонимом всего пролетарского, революционного, но имело и еще один специфический оттенок. Для молодых коммунистов эпохи нэпа «мещанство» означало деспотические, патриархальные, узкотрадиционные взгляды на секс, брак и семью. Отсюда следовал вывод (отнюдь не разделяемый многими представителями старшего поколения в партии, включая Ленина), что пролетарии и коммунисты должны освободиться от любых условностей в личной жизни. «Не надо думать, что семья твоя – муж, ребенок и т. д. – может служить препятствием тебе или мне в том случае, если чувства наши друг к другу глубоки и искренни, – писал в 1924 г. молодой «пролетарский» писатель Александр Фадеев. – Мы живем в Стране Советов, и стыдно бы нам было походить на мещан»³¹.

Идентичность в деревне

Сейчас в зажиточные никто не лезет, а все лезут в бедняки, потому что в деревне это стало выгоднее³²

Большевики и прочие русские марксисты полагали, что крестьянство разделено (или, по крайней мере, находится в процессе разделения) на классы: «кулаки» эксплуатируют «бедняков», еще не дифференцировавшиеся «середняки» занимают промежуточную социальную территорию между двумя полюсами. Такой взгляд на крестьянство и его развитие оспаривался в 1920-е гг. неонародниками вроде А. В. Чаянова, и с тех пор его подвергали сомнению многие историки и социологи³³. В любом случае он вряд ли применим к российскому крестьянству эпохи нэпа, хотя бы из-за уравнительного эффекта передела земли в 1917–1918 годах.

Тем не менее какие-то формы экономической и социально-культурной дифференциации российского крестьянства в 1920-е гг. существ-

---

³¹ Письмо А. А. Ильиной, 4 октября 1924 г. // Александр Фадеев: Материалы и исследования. М., 1984. Т. 2. С. 121.

³² Из выступления делегата от Западной области: Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР 5-го созыва. Бюл. 10. С. 13.

³³ См., напр.: Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. London, 1968; Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford, 1972.

вовали. Одни крестьяне полностью зависели от обработки своего надела, другие имели важные дополнительные занятия (торговля, ремесла, сезонный отход на заработки – на шахты, заводы, в коммерческое сельское хозяйство) и благодаря многим из этих занятий вступали в контакт с городом. В частности, вместе с отходниками в сельское общество издавна проникали городские вещи и нравы³⁴.

Большевики склонны были толковать любой конфликт в крестьянской среде как классовый – между эксплуататорами-кулаками и эксплуатируемыми бедняками. Насчет классовой подоплеки можно поспорить, но разного рода конфликты действительно имели место. В годы Гражданской войны, когда отходникам и крестьянам-рабочим пришлось вернуться в деревню и кормиться со своей земли, часто не имея необходимого для этого скота и инвентаря, между новоприбывшими и старожилами возникало много противоречий³⁵. Вероятно, пришельцы, вооруженные опытом, навыками и грамотностью, приобретенными в городе, не проявляли желания считаться со старейшинами общины. К примеру, когда в Саратовской области в середине 1920-х гг. сократился отход и, следовательно, уменьшилась возможность заработка на стороне, бывшие отходники, «бедняки» с точки зрения способности жить исключительно сельским хозяйством, «были вынуждены остаться в деревне и вступили в острый конфликт с кулацкой верхушкой»³⁶.

Разногласия возникали также в силу различий между поколениями, зачастую в связи с отходом, в который обычно отправлялись молодые крестьянские парни, или возвращением молодежи из армии. В Тверской области, например, где миграция и отход давно стали одним из главных факторов крестьянской жизни, между отцами и детьми существовал серьезный культурный конфликт. Молодые тверские крестьяне стремились в 1920-е гг. одеваться по «моду» Гражданской войны (настоящие или самодельные красноармейские гимнастерки, широкие кожаные ремни, буденновки), крестьянских девушек привлекали современные городские платья, вызывавшие нарекания у их родителей³⁷.

Можно предположить, что молодые крестьяне, познакомившиеся на заработках в городе или на военной службе с современными

---

³⁴ См., напр., данные по деревне Вирятино (Тамбовской губернии) на рубеже XIX–XX вв., приведенные в кн.: *The Village of Viriatino* / ed. and trans. S. Benet. New York, 1970.

³⁵ См., напр.: Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. М.; Л., 1925.

³⁶ Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство, 1921–1927. М., 1983. С. 105.

³⁷ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 145.

городскими нравами, были более других расположены к советской власти³⁸. Комсомол, охватывавший молодежный контингент, оказался одним из наиболее успешных проводников советских ценностей в деревне. Крестьянские парни, отслужившие в Красной армии, по-видимому, играли не менее важную роль. В 1927 г. более половины председателей сельсоветов в России составляли бывшие красноармейцы³⁹.

Хотя большевики, называя своих деревенских сторонников бедняками, а противников – кулаками, грубо упрощали ситуацию, нельзя сказать, что применяемые ими классовые категории были совершенно бессмысленны. Слова «бедняк» и «кулак» в деревне давно имели смысл, а в 1920-е гг. благодаря большевикам приобрели практическое значение. После революции определения «бедняк» и «кулак» стали играть новую роль, поскольку большевики вознаграждали тех, кого считали бедняками, и карали тех, кого относили к кулакам.

Основным признаком «бедняка» служило владение наделом, слишком маленьким, чтобы прокормить крестьянскую семью. Таким образом, бедняками были крестьяне, рисковавшие окончательно потерять землю и зачастую вынужденные искать заработок на стороне в качестве отходников. Признаком «кулака» официально считалась эксплуатация более бедных крестьян, выражавшаяся, например, в найме работников, не принадлежащих к членам семьи. На практике же слово «кулак» частенько означало почти то же самое, что «зажиточный крестьянин». Во многих районах кулаки нередко получали доходы не от сельского хозяйства (от торговли, мельниц и т. д.), имея также сравнительно много пахотной земли. И бедняки (обладатели

---

³⁸ Речь не идет об абсолютной корреляции между «современными» устремлениями в крестьянской среде и советскими ценностями. Одной из главных ценностей, которые советская власть предлагала крестьянству, был скептицизм в религиозной области, и в период нэпа во многих селах отмечался резкий упадок православной религиозности. Но до некоторой степени его можно отнести на счет влияния христианских сект: за десятилетие после 1917 г. число сектантов в деревне выросло почти в четыре раза (Ангаров А. Классовая борьба в советской деревне. М., 1929. С. 32). Секты привлекали, по крайней мере отчасти, тот же самый «современный» контингент среди крестьянства и фактически нередко заимствовали советские методы: например, в Саратове баптисты праздновали 1 мая 1929 г. «День бесклассовой солидарности с братьями во Христе», на Северном Кавказе проводили «кампанию по борьбе с неграмотностью в Священном Писании» (в подражание советской кампании по ликвидации неграмотности тех лет) и даже, в советском духе, вызвали на соревнование сибирских баптистов (Коммунистический путь (Саратов). 1929. № 19. С. 41; Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967. С. 226–227).

³⁹ Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. С. 154.

посевных площадей в размере ниже среднего), и зажиточные (владельцы посевных площадей в размере выше среднего) отличались большей грамотностью, чем другие крестьяне («средняки»)⁴⁰.

В годы нэпа крестьяне часто отрицали наличие в своей деревне какой-то особой группы бедняков: «У нас нет бедноты, мы все беднота»⁴¹. Подобные уверения не стоит принимать за чистую монету, поскольку они, разумеется, в первую очередь предназначались для сборщика налогов. Позднее, в начале 1930-х гг., во время коллективизации и раскулачивания, крестьяне столь же часто отрицали наличие кулаков. Но для периода нэпа такое было нетипично, тогда этим словом, кажется, довольно свободно пользовались и крестьяне, и советские должностные лица.

Главная льгота, которая предоставлялась беднякам в 1920-е гг., – освобождение от сельхозналога. Кроме того, бедняков, по крайней мере в принципе, в первую очередь принимали в вузы, в комсомол и партию, на работу в промышленности, на канцелярские и административные должности в сельсоветах. Кулаков карали, лишая избирательных прав, и всюду, куда бедняки имели приоритетный доступ, допускали в самую последнюю очередь. Наличие подобной системы наказаний и поощрений, по-видимому, означало, что исходная предпосылка о симпатии к советской власти бедняков и враждебности к ней кулаков стала до некоторой степени «самосбывающимся пророчеством».

В некоторых ситуациях, например при налогообложении, бедняков определяли по их маргинальному статусу в качестве земледельцев. В другом контексте (прием в вуз, в комсомол, на работу) распознать кандидатов на выдвижение администрации, скорее всего, помогали их грамотность и статус отходников в прошлом или в настоящем. Потенциальные кулаки хорошо понимали свое положение в период нэпа и зачастую старались вести себя так, чтобы не заработать этот ярлык. В Сибири благодаря исследованию читательского спроса среди крестьян обнаружилось, что кулаки покупают «преимущественно юридические книги» и знают советские земельный и уголовный кодексы лучше большинства местных юристов⁴².

Поскольку «лезть в бедняки» было выгодно, в этой группе, безусловно, оказывалось много лиц, для данной категории являвшихся, по сути, самозванцами, – в частности, зажиточные крестьяне, сельские священники и их дети, которые, несмотря на официальную дискри-

---

⁴⁰ См. таблицу: Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. С. 94.

⁴¹ Там же. С. 147.

⁴² Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б), 3–7 марта 1928 г.: Стеногр. отчет. Новосибирск, 1928. Вып. 1. С. 21.

минацию, демонстрировали, подобно беднякам, повышенный уровень грамотности. Неудобства кулацкого статуса возымели обратный эффект. Зажиточный крестьянин, рисквавший получить ярлык кулака, часто принимал меры, дабы избежать его: например, создавал себе образ «бедняка», нанимаясь (с лошадей) к безлошадному односельчанину.

Маскировка и разоблачение классовой идентичности

Срывайте все и всяческие маски с действительности⁴³

Система наказаний и поощрений по классовому признаку в эпоху нэпа искушала носителя «чуждой» классовой идентичности скрыть ее или изобрести себе новую. Иногда дело доходило до прямой фальсификации. Однако, учитывая подвижность российского общества 1920-х гг., чаще всего речь шла не столько о фальсификации, сколько об избирательном использовании разных элементов персональной биографии и семейной истории. Бывший дворянин, ныне «спец» или бухгалтер в каком-нибудь государственном учреждении, резонно называл себя просто служащим. Сын сельского священника, имеющий жену-крестьянку, которая трудилась на семейном участке, чувствовал, что «крестьянская» идентичность не только выгодна, но и вполне подбоает ему.

Как правило, классовая принадлежность человека устанавливалась с его собственных слов, но власти могли потребовать документального подтверждения от сельсовета или работодателя, а внешность и манеры, не соответствующие заявленной идентичности, немедленно ставили ее под сомнение. Поскольку представители «чуждых» классов не имели права голосовать, местные советы были обязаны выявлять их и исключать из списков избирателей. Впрочем, обычно придирчивое исследование классового положения того или иного гражданина проводилось, только когда он намеревался вступить в комсомол или партию, поступить в училище или институт, либо в ходе периодических чисток партийных и комсомольских организаций, учащихся вузов и техникумов, работников бюрократического аппарата.

---

⁴³ Лозунг Ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в 1920-е гг., цит. по: Пешуков С. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970. С. 153, 276–277. Лидер РАППа Л. Л. Авербах почерпнул этот лозунг в ленинском замечании о реализме Л. Н. Толстого, представлявшем собой «срывание всех и всяческих масок».

Сознательное сотворение желательной классовой идентичности принимало разные формы. Одним из способов создать себе новую идентичность служила смена рода занятий (или выбор не такого занятия, как у родителей). Например, дети из семей городских служащих или специалистов очень часто старались обрести пролетарскую идентичность, проработав несколько лет на заводе перед поступлением в вуз. Обычно это делалось из практических соображений (иногда в целях самосохранения), но крайне редко – с абсолютным цинизмом⁴⁴. Для многих юношей и девушек эпохи нэпа образ завода, пролетарского труда имел романтическую притягательность.

Молодые люди «классово-чуждого» происхождения могли получить новую классовую идентичность и другим способом – благодаря их усыновлению друзьями родителей или родственниками, чьи социальные верительные грамоты были лучше. Один священник, к примеру, чтобы социальное положение не помешало его сыну продолжать образование, договорился о его усыновлении дядей, сельским учителем⁴⁵. Сын другого священника пытался уговорить родственника, советского чиновника, усыновить его, отчасти из карьерных соображений, отчасти же потому, что он, после того как пошел учиться, отрекся от ценностей своих родителей и стремился к «советской» идентичности⁴⁶.

Такие ситуации всегда были сложны, поскольку в них играли свою роль всевозможные трения, присущие отношениям между родителями и подрастающими детьми. Дочь одного священника ушла из дому и «порвала все связи» с родителями, сначала жила у брата агронома, потом работала медсестрой, надеясь осуществить свою мечту – поступить в медицинский вуз⁴⁷. Сын торговца, тоже студент, на комиссии по чистке утверждал, что разорвал все «политические

---

⁴⁴ Например, выходец из украинской буржуазной семьи, сын бывшего царского офицера, в Гражданскую войну служившего в петлюровской Украинской национальной армии, после ареста отца создал себе новую идентичность в качестве рабочего Харьковского тракторного завода. См.: Hryshko W. I. *An Interloper in the Komsomol // Soviet Youth: Twelve Komsomol Histories*. München, 1959. Series 1. No. 51. P. 96.

⁴⁵ Судебная практика. 1929. № 8. С. 15.

⁴⁶ Khvalynsky N. *Life in the Countryside // Soviet Youth*. P. 111–114.

⁴⁷ Она поступила в мединститут в Москве в 1924 г., через несколько лет после того, как ушла из дому. За четыре месяца до окончания учебы ее исключили из института (и приговорили к тюремному заключению) за сокрытие социального происхождения. Ей понадобилось хлопотать не один год, чтобы добиться пересмотра решений институтского начальства и суда (Судебная практика. 1931. № 16. С. 13).

связи» с отцом, постоянно ссорился с ним из-за политики и поэтому их нельзя считать представителями одного класса⁴⁸.

Молодые люди часто безуспешно старались заставить родителей изменить свое классовое положение: «Вот сколько мы ни говорим, ни ругаем старика, – брось свое поповство, будет обманывать народ, а он и слышать не хочет. Уперся на своем: вы, говорит, сами по себе, я тоже. Что я буду делать на старости лет, если брошу поповство. Так и не можем уломать его»⁴⁹. Порой дети «социально чуждых элементов» «порывали связь» с родителями и даже обнародовали этот факт в печати: «Я, как сын священника, порываю всякую связь с духовным званием. Учитель Юрий Михайловский»⁵⁰. В одном случае человек, которого чуждое социальное происхождение лишило партийных перспектив, решился даже на более отчаянный шаг: «Вейт скрыл, что он является сыном б. помещика, исправника, дворянина. Когда выяснилось социальное положение Вейта и его за сокрытие такового и малую активность исключили из партии, у него сильно обострились отношения с отцом, и кончилось тем, что Вейт убил его»⁵¹. Хотя изобрести или представить в ином свете свою классовую идентичность было сравнительно легко, она не менее легко попадала под подозрение и оспаривалась, как произошло с Вейтом, с самыми пагубными для человека последствиями. «Разоблачение» утаенной или ложно присвоенной классовой принадлежности в 1920-е гг. являлось предметом главной заботы коммунистов и, соответственно, постоянной тревоги определенной части населения. Помимо нэпманов, кулаков, священников и представителей бывших дворянского и купеческого сословий, находившихся под прямой угрозой, вопрос о классовой принадлежности доставлял больше всего неприятностей служащим, для которых в особенности были характерны неоднозначная классовая идентичность, избирательное и творческое использование взаимоисключающих данных о себе.

Лозунг пролетарских писателей «Срывайте маски!» на первый взгляд относился к литературным приемам, позволяющим показать реальное лицо того или иного социального типа. Однако в действительности молодые коммунисты из РАППа срывали маски, дабы

---

⁴⁸ Следовательно весьма скептически отнесся к этим заявлениям, поскольку студент продолжал жить дома (Красная молодежь. 1924. № 1. С. 126).

⁴⁹ Из беседований комиссии по чистке со студентами Пермского университета в 1924 г.: Красная молодежь. 1924. № 2. С. 127. О подобном же случае см.: Khvalynsky N. Life in the Countryside. P. 113.

⁵⁰ Известия. 1930. 24 февр. С. 5.

⁵¹ Бюллетень ЦКК ВКП(б) – НК РКИ СССР и РСФСР. 1927. № 6–7. С. 12–13.

разоблачать классовых врагов. Этот охотничий инстинкт приносил им успех в коммунистической среде времен нэпа и придавал правдоподобие их сомнительным притязаниям на пролетарское звание. Страх перед затаившимися врагами и привычное подозрение, что любой человек может оказаться не тем, кем кажется, в период нэпа уже стали базовыми компонентами советской политической культуры: «Мне пришлось однажды, проезжая мимо Тулы, зайти в ГПУ. Смотрю, там сидит нашего бывшего барина сын. Меня аж затрясло. А тут поезд подходит, ехать надо. Я спрашиваю у него: “Как ваша фамилия?” А он видит, что поезд уже подходит... так и не сказал»⁵². Подобные встречи с классовым врагом, реальным или воображаемым, пугали коммунистов, особенно необразованных выходцев из низов. Одним из источников тревоги служило опасение, что более культурный классовый враг может их одурачить и заставить плясать под свою дудку. Полуграмотная крестьянка, председательница сельсовета, рассказывала, как она забеспокоилась, когда фамилия в одном документе показалась ей знакомой, и попросила кого-то толком ее разобрать. Оказалось, что фамилия принадлежала дочери прежнего барина, которой понадобилась официальная бумага, по мнению деревенской женщины – наверняка для каких-то злокозненных целей: «А если бы я подписала бумажку и приложила бы печать, она что могла бы натворить с этой бумажкой!»⁵³

Из-за этих страхов публичное разоблачение скрытых классовых врагов, по-видимому, служило средством успокоения и ободрения для многих коммунистов. Когда член ЦКК Р. С. Землячка докладывала на партийном съезде об итогах недавней чистки кооперативов, аудитория следила за ее рассказом с явным увлечением: «[Были вычищены] 109 человек бывших купцов (не по происхождению, а сами бывшие купцы), бывших дворян, почетных потомственных граждан, лиц духовного звания. Среди вычищенных имеется 11 человек бывших министров разных правительств (*движение в зале*), бывших городских голов, членов земский управы. Из числа вычищенных детей бывших царских чиновников, царских аристократов, крупных помещиков, фабрикантов, купцов – 49 человек; из числа вычищенных 57 человек судились при советской власти, занимались при советской власти торговлей 22 человека, бывших офицеров – 82 человека (*движение в зале. Голоса: “Ого!”*)...»⁵⁴

---

⁵² Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР 5-го созыва. Бюл. 12. С. 13.

⁵³ Там же.

⁵⁴ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), 26 июня – 13 июля 1930 г.: Стеногр. отчет. М., 1935. Т. 1. С. 621–622.

Основной предмет внимания в данной главе – главный парадокс эпохи нэпа: непрочность классовой идентичности индивида, с одной стороны, и ее величайшее социальное и политическое значение, с другой. Этот парадокс очень важен для историков периода нэпа, потому что большинство источников тех лет отражают марксистский, классовый подход большевиков к социальному анализу. Если мы будем принимать такие источники за чистую монету, то можем проглядеть тот факт, что классовые роли, которые играли во время нэпа советские граждане, были весьма сомнительны и непостоянны. Если же мы придем к выводу, что классы в советском контексте – категория искусственная, то рискуем упустить из виду немаловажный и специфический аспект общества нэпа: представление своего *классового* «Я» в повседневной жизни являлось частью общего социального опыта.

Остается вопрос, усваивались ли внутренне обычными людьми классовые категории, которыми их наделял новый режим. Поскольку о классовой принадлежности так часто заходила речь в повседневной жизни, было бы странно, если бы не произошло некоторой интернализации. Но это не мешало ни скептическому отношению к советским классовым категориям, ни ощущению двойной или множественной социальной идентичности. Крестьянин мог считать себя одновременно «бедняком» (если таково было его «советское лицо») и просто крестьянином (в повседневном взаимодействии с односельчанами). Человек, называющий себя «интеллигентом» и произносящий слова «буржуазный специалист» с оттенком насмешки, мог тем не менее в каких-то важных моментах находить в себе буржуазные черты.

Кроме того, дополнительную сложность нам создает интернализация классовой идентичности, так сказать, «по факту». Существовал или нет класс кулаков во время нэпа, советское общество 1930-х гг. содержало реальную категорию «раскулаченных» – т. е. тех, кто пострадал в результате драматического факта раскулачивания. Многие колхозные председатели в 1930-е гг. говорили, что они «из бедняков», хотя формально класс бедняков перестал существовать благодаря коллективизации. В рядах руководства промышленности люди «из рабочих», выдвинутые в годы первой пятилетки, занимали почетное место⁵⁵. Разумеется, форма интернализации классовой идентичности зависела от характера определявшего ее факта («выдвижения», с одной стороны; опалы и экспроприации – с другой). Рабочий

⁵⁵ См.: Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1936. В классификации промышленных управленцев здесь особо выделяются не только бывшие рабочие, но и те, кто был рабочим от станка в 1928 г.

выдвиженец, ставший руководящим работником, мог гордиться своим скромным классовым происхождением, тогда как раскулаченному, избежавшему ссылки, приходилось скрывать прошлое. Но с точки зрения интернализации, можно ли сомневаться, что у бывших кулаков «классовое сознание» было даже сильнее (потому что болезненнее), чем у бывших рабочих?

ГЛАВА 4 КЛАСС И СОСЛОВИЕ*

Слово «приписывать» в одном из толкований, предлагаемых нам Оксфордским словарем, означает «вносить в список, записывать, зачислять». *Марксистские* «классы» не имеют с процедурой зачисления ничего общего. Класс в марксистском понимании – некая общность, к которой человек принадлежит в силу своего социально-экономического положения и отношения к средствам производства (или, в некоторых формулировках, в силу классового сознания, порождаемого социально-экономическим положением). В этом заключается фундаментальное отличие класса от того типа общности, к которому человек действительно может быть приписан, – например, от социального сословия (англ. «estate», фр. «état», нем. «Stand»), представляющего собой в первую очередь юридическую категорию, определяющую права и обязанности индивида по отношению к государству.

Данная глава посвящена специфическому сочетанию в Советской России 1920–1930-х гг. двух несовместимых понятий – приписывания и класса по-марксистски. Это сочетание стало плодом марксистской революции в стране со слабой классовой структурой и кризисом социальной идентичности. Марксистское теоретическое обоснование революции требовало, чтобы общество было «классовым» в марксистском смысле, однако неразбериха в самом обществе этому препятствовала. В итоге понадобилось заново изобретать классы, приписывая гражданам ту или иную классовую идентичность, чтобы революционный режим (объявивший себя «диктатурой пролетариата») мог отличать союзников от врагов.

---

* Эта глава представляет собой сокращенный вариант моей статьи: *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 4. Я отредактировала ее, сосредоточив основное внимание на теме класса и сословия и опустив другие вопросы, которые подробнее рассматриваются в предшествующих главах этого раздела.

Я утверждаю в этой главе, что процесс такого приписывания произвел на свет социальные общности, которые походили на классы в марксистском понимании (и современники так их и называли), но которые было бы вернее именовать советскими *сословиями*. Вопрос о том, складывались ли в послереволюционном российском обществе помимо подобных «классов-сословий» настоящие классы по-марксистски, остается за пределами рассмотрения. Рискну только предположить, что процессы классового формирования в Советской России 1920-х гг. сильно затормозились, отчасти в результате аскриптивного использования марксистских классовых категорий¹.

Сословие и идентичность в России начала XX века

Российское общество на рубеже XIX–XX вв. находилось в состоянии непрерывного движения. Кризис идентичности, беспокоивший образованных русских, затронул базовые единицы социальной классификации. К моменту первой переписи населения на современный лад в 1897 г. граждане Российской империи все еще официально подразделялись в первую очередь по сословиям, а не по роду занятий². Сословные категории (дворянин, духовное лицо, купец, мещанин, крестьянин) носили аскриптивный и, как правило, наследственный характер. Исторически их основная функция заключалась в определении прав и обязанностей различных социальных групп по отношению к государству. В глазах всех образованных русских людей сословия являлись чудовищным анахронизмом, подчеркивающим разницу между отсталой Россией и передовым Западом. Либералы утверждали, что сословие «утратило свое практическое значение как социальный признак», и даже заявляли (не

---

¹ В особенности это относится к тем концепциям классового формирования, в которых основной акцент делается на сознание (скажем, у Э. П. Томпсона). Взять, к примеру, проблемы формирования (или реформирования) российского рабочего класса в ранний советский период, учитывая взгляд большевиков на свою партию как носительницу некоего «пролетарского сознания», который настоящие индустриальные рабочие никогда полностью не принимали, но и не отвергали.

² См. форму А переписи 1897 г., воспроизведенную в кн.: Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898. Прил. 1. От респондентов требовали назвать свое «сословие, состояние или звание», а также отрасль экономики, в которой они заняты (сельское хозяйство, промышленность, горное дело, торговля и т. д.).

слишком убедительно), что многие русские якобы забыли, к какому сословию принадлежат³.

Однако, судя по петербургским и московским адресным книгам, состоятельные горожане свое сословие помнили, только не всегда предпочитали для себя именно сословную идентификацию⁴. Многие записи в адресных книгах содержат сословную характеристику: «дворянин», «купец 1-й гильдии», «почетный гражданин» (или, еще чаще, «вдова ...», «дочь ...»). Но те, кто имел какой-либо служебный чин («тайный советник», «генерал в отставке») или профессию («инженер», «врач»), чаще указывали их, в редких случаях добавляя сословное звание, если оно придавало им веса («дворянин, дантист»).

Сословная структура оскорбляла образованных русских людей, поскольку казалась им несовместимой с теми современными, демократическими, меритократическими принципами, появление которых они с восхищением наблюдали в Западной Европе и Северной Америке. Они полагали (не совсем верно, как показали в последнее время историки), что российские сословия отжили свое и сохраняются только в силу традиции и государственной инертности⁵. В начале XX в. стало модно вслед за В. О. Ключевским и другими историками-либералами бранить российскую сословную систему, и былую и нынешнюю, как искусственное творение, навязанное обществу царизмом⁶. (Сословия в Европе эпохи раннего модерна, напротив, считались «реальными» социальными группами, чье существование и корпоративная жизнь не зависели от санкции государства.) Основное недовольство вызывала неспособность сословной системы инкорпорировать две «современные» социальные общности, представлявшие

---

³ Пландовский В. Народная перепись. С. 339. В качестве единственного примера приводится тот факт, что крестьянские респонденты во время переписи 1897 г. затруднялись назвать статус («разряд», а не сословие) своих семей до 1861 г., при крепостном праве: помещичьи крепостные, государственные крестьяне и т. д.

⁴ См.: справочники «Вся Москва» и «Весь Петербург», выходившие с начала XX в. ежегодно или раз в два года.

⁵ По поводу общих проблем сословий см.: Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review*. 1986. Vol. 91. No. 2; Haimson L. H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 1; Rieber A. J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982. P. xvi–xix; Idem. The Sedimentary Society // Clowes E. W., Kassow S. D., West J. L. *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991; Gleason A. The Terms of Russian Social History // *Ibid*. P. 23–27.

⁶ См.: Ключевский В. О. История сословий в России: Курс, читанный в Московском Университете в 1886 г. СПб., 1913.

особенный интерес для образованных кругов России, – интеллигенцию⁷ и промышленный рабочий класс⁸. По общему мнению (не лишённому оснований), здесь нашли отражение подозрительность режима и его страх перед этими группами.

Образованные круги начала XX в. считали само собой разумеющимся, что сословная система даже в отсталой России скоро отомрет и появится современное классовое общество западного образца. Это, конечно, свидетельствовало о популярности марксизма среди русских интеллигентов, но отнюдь не только марксисты видели в капиталистической буржуазии и промышленном пролетариате необходимые атрибуты современности. Подобные взгляды были очень широко распространены, их разделяли даже консервативные российские государственные деятели и публицисты, хотя они оценивали современность по другим критериям. Несмотря на то что в России по-прежнему отсутствовал один из двух больших классов современного общества – прискорбно «опаздывающая» буржуазия, – это не мешало общей уверенности образованных людей, что, когда на смену сословиям в качестве структурной опоры наконец (неизбежно) придут классы, российское общество совершит переход от «искусственного» к «реальному»⁹.

Решительный переход к классовому обществу как будто произошел в 1917 г. Сначала Февральская революция создала структуру

---

⁷ Интеллигенция вышла в середине XIX в. из дворянства как особая группа образованных людей, не состоящих (или не обязанных состоять) на государственной службе. Ее представителям недворянского происхождения (среди которых было много сыновей духовных лиц) иногда давали сословную характеристику «разночинцев». В конце XIX в., когда отдельные профессии, например юриста и врача, приобрели более важное значение в обществе, государство выказало некоторую склонность рассматривать их представителей как новые сословия, однако русские интеллигенты, уже захваченные марксистской идеей класса как необходимой «современной» единицы социальной агрегации, не обратили на эту тенденцию большого внимания.

⁸ Быстрый рост городского индустриального рабочего класса стал результатом довольно беспорядочной индустриализации России под руководством графа С. Ю. Витте начиная с 1890-х гг. Большинство промышленных рабочих, недавние или не слишком давние мигранты из деревни, юридически принадлежали к сословию крестьян.

⁹ О подобных взглядах см.: Freeze G. L. *The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History*. P. 13. Однако, как показал Леопольд Хаимсон (Haimson L. H. *The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia*. P. 3–4), если сословия выражали представление государства об обществе, то марксистские классы, по сути, являлись «альтернативным представлением», составленным квазидиссидентской интеллигенцией на основе наблюдений не столько за российским, сколько за западным обществом.

«двоевластия», напоминающую картинку из учебника марксистской теории: буржуазное, либеральное Временное правительство, чье существование зависело от доброй воли пролетарского, социалистического Петроградского совета. В последующие месяцы стремительно шла классовая поляризация городского общества и политики. Даже кадетская партия, традиционно исповедовавшая «надклассовый» либерализм, неизбежно оказалась вынуждена защищать права собственности и смотреть на политику как на классовую борьбу¹⁰. Летом крестьяне начали захватывать помещичьи земли, и дворяне-помещики бежали из деревни. В октябре большевики, называвшие себя «авангардом пролетариата», свергли Временное правительство и провозгласили создание революционного рабочего государства. Трудно было еще нагляднее продемонстрировать центральную роль классов и реальность классового конфликта в России.

Однако этот момент ясности в классовом вопросе был весьма недолгим. Не успело до внешнего мира дойти известие, что в России совершилась марксистская классовая революция, как только что выявленная в ней классовая структура начала распадаться. Во-первых, революция уничтожала собственные классовые предпосылки, экспроприируя капиталистов и помещиков и превращая заводских рабочих в революционные кадры. Во-вторых, разруха, наступившая в результате революции и Гражданской войны, привела к упадку промышленности и бегству рабочих из городов. Таким образом, по великой иронии революционной истории, российский индустриальный рабочий класс как сплоченная социальная группа временно исчез¹¹. Пролетарская революция действительно была преждевременной, радовались меньшевики. Внутри самой большевистской партии исчезновение пролетариата вызвало резкие перепалки. «Разрешите поздравить вас, что вы являетесь авангардом несуществующего класса», — насмешливо бросил большевистским лидерам в 1922 г. один оппонент¹². Но в некотором смысле провал оказался еще более сокру-

---

¹⁰ См. замечание Уильяма Розенберга, что «по крайней мере на короткий исторический момент доминирующие идентичности очень четко проявили линии социального конфликта» (Rosenberg W. G. *Identities, Power, and Social Interactions in Revolutionary Russia* // *Slavic Review*. 1988. Vol. 47. No. 1. P. 27), и данные о том, как либералы относились к классовой поляризации, в его же кн.: Rosenberg W. G. *Liberals in the Russian Revolution*. Princeton, 1974. P. 209–212.

¹¹ Об этих демографических процессах см.: Koenker D. P. *Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War* // *Journal of Modern History*. 1985. Vol. 57. No. 3. Об их политическом значении см.: Fitzpatrick S. *The Bolsheviks' Dilemma: The Class Issue in Party Politics and Culture* // Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992.

¹² XI съезд РКП(б). Март–апрель 1922 г.: Стеногр. отчет. М., 1961. С. 103–104.

шительным: мало того, что большевики устроили преждевременную революцию, они вдобавок, по всей видимости, преждевременно получили «бесклассовое» общество, в котором отсутствие классов не имело ничего общего с социализмом.

Восстановление классовости

По мнению большевиков, российское общество следовало немедленно снова «сделать классовым». Разумеется, они предпочитали марксистскую классификацию, а никак не старую сословную систему царских времен. Сословия вместе с титулами и чинами были официально отменены в первый же месяц после Октябрьской революции¹³. Однако с самого начала в советском определении классов проскальзывал намек на сословия – возможно, потому что люди подсознательно приравнивали незнакомые категории к знакомым и привычным. Класс «служащих», например, в строго марксистском смысле представлял собой аномалию. По справедливости, служащих следовало бы относить к той же «пролетарской» категории, что и рабочих (и, кстати, иногда, в целях академического советско-марксистского анализа, так и делалось¹⁴), но в широком понимании за ними закрепился особый классовый статус, явно непролетарский по своей политической окраске. Презрительное слово «мещанство», производное от названия городского сословия мещан и означающее мелкобуржуазное, обывательское сознание, употреблялось большевиками для характеристики работников контор и учреждений с достаточным постоянством, чтобы напрашивалось предположение, что новый класс служащих фактически представлял собой советский вариант старого сословия мещан.

Священники и члены их семей в советском понимании составляли еще один аномальный «класс», совершенно очевидно являвшийся прямым потомком прежнего духовного сословия¹⁵. В отличие от «служащих», всего лишь вызывавших подозрения и нарекания, священники принадлежали к заклеяменному классу и считались недостойными звания полноправных советских граждан. В 1920-е гг., когда

---

¹³ Декретом ЦИК и Совнаркома от 11 (24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», подписанным Свердловым и Лениным. См.: Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 72.

¹⁴ См., например, подробную разбивку советского общества на классы по результатам переписи в кн.: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 42.

¹⁵ Однако в серьезных социально-статистических анализах священников и других «служителей культа» относили к категории «лиц свободных профессий».

заходила речь о потенциальных контрреволюционных классовых врагах, о них вспоминали в первую очередь. Принимались меры, чтобы помешать детям этих классовых врагов, также носившим клеймо, получить высшее образование и «проникнуть» (в терминологии того времени) в среду учителей. Уверенность, что священник – по определению классовый враг, была столь сильна, что в конце десятилетия очень многих сельских священников «раскулачивали», т. е. лишали имущества, выгоняли из домов, арестовывали и ссылали наравне с кулаками.

Принцип классового правосудия в суде означал, что обвиняемый «буржуй» или «кулак» в случае осуждения получал более суровый приговор, чем пролетарий. Поэтому обвиняемые иногда пытались добиться своей «реклассификации»: как сообщалось в одном юридическом журнале, «родственниками, а иногда и самими обвиняемыми достаются документы об *изменении их материального и социального положения*, и наблюдкомы разрешают вопрос о переводе из одного разряда в другой»¹⁶. Подобная юридическая реклассификация кажется совершенной бессмыслицей, если смотреть на классы с марксистской точки зрения, но приобретает глубокий смысл, если предположить, что слово «класс» в действительности было революционным названием сословия.

В системе высшего образования лица, которых по классовому признаку не принимали в вуз или исключали из него в ходе социальных чисток, также спорили по поводу своей классовой принадлежности. Вообще классовая дискриминация в образовании была большим вопросом для большевиков, достаточно старых, чтобы помнить времена, когда царское правительство старалось ограничить доступ к образованию для представителей низших сословий («кухаркиных детей») и такую политику осуждали все российские радикалы. Никто не заходил настолько далеко, чтобы открыто заговаривать в публичных дебатах о новой советской сословности, но «политика квот», которая проводилась в образовании в 1920-е гг., имела весьма смущающий подтекст. Когда, например, учителя наседали на представителя правительства, требуя «равноправия с рабочими» при приеме в институт¹⁷, могло показаться, будто какое-то искривление времени отбросило Россию в 1767 г. и в Уложенной комиссии Екатерины Великой идут споры о сословных привилегиях.

---

¹⁶ Советская юстиция. 1932. № 33. С. 20 (курсив мой).

¹⁷ Представитель правительства – нарком просвещения А. В. Луначарский, отвечавший на вопросы на учительской конференции в 1929 г. (Он посоветовал учителям положиться на добрую волю приемных комиссий, а не испытывать судьбу, добиваясь соответствующего закона. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5462. Оп. 11. Д. 12. Л. 37.)

Оттенок сословности просматривался и в «генеалогическом» подходе, обуславливавшем «истинную» классовую принадлежность человека его происхождением, а не классовым положением, в котором он находится на текущий момент по роду своих занятий. «Генеалогический» подход к классам высмеивали партийные интеллигенты¹⁸ и презирали статистики ЦК; последние, определяя классовый статус того или иного коммуниста, использовали два показателя – «социальное положение» (в данном контексте это обычно означало основное занятие человека в 1917 г.) и занятие в настоящее время. Вообще в 1920-е гг. коммунисты, говоря о пролетариях, сравнительно редко обращались к генеалогии: конечно, звание «потомственного рабочего» являлось предметом гордости, но столько рабочих, в том числе и коммунистов, в действительности родились крестьянами, что это, несомненно, служило сдерживающим фактором, так же как и непролетарское происхождение многих партийных лидеров. Как выразился статистический отдел ЦК, кем были родители коммуниста, не столь важно, поскольку это «накладывает менее яркий отпечаток на весь его духовный облик», чем его собственный непосредственный классовый опыт и профессиональная биография¹⁹. Генеалогии привлекали в основном, когда требовалось заклеить классового врага. Независимо от рода занятий или убеждений, сыну священника было не легче избавиться от ярлыка «из духовенства» (т. е. по сути от наследственной принадлежности к духовному сословию), чем сыну дворянина – искупить свое аристократическое происхождение.

Впрочем, если советские законы и создавали новые «классы-сословия», то ненамеренно и незаметно для самих большевиков. Русские интеллектуалы-марксисты были глубоко убеждены, что классы и классовые отношения – объективные социально-экономические явления и что сбор информации о них – единственный путь к научному пониманию общества. Поэтому-то, несомненно, Ленин еще до окончания Гражданской войны настаивал на проведении переписи, которая дала бы сведения о занятиях населения и классовых отношениях²⁰.

---

¹⁸ См.: Fitzpatrick S. The Bolsheviks' Dilemma. P. 28.

¹⁹ Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги всесоюзной переписи 1927 года. М., 1928. С. 26.

²⁰ Невозможность получить такие данные из переписи 1897 г. вызвала у Ленина большую досаду, когда он писал «Развитие капитализма в России». Перепись была проведена в 1920 г., на последнем этапе Гражданской войны, но из-за социальной неразберихи и разброда в тот период ее данные относительно занятий мало чего стоили. См.: Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979. С. 24; Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М., 1987. С. 47–48, 53.

Всесоюзная перепись населения, организованная и проанализированная в соответствии с непреложными марксистскими принципами, была проведена в 1926 г., ее итоги опубликованы в 56 томах. В качестве базовых социально-экономических категорий в ней рассматривались наемные работники (пролетариат), с одной стороны, и «хозяева», городские и сельские, – с другой. Во второй группе, включавшей наряду с городскими ремесленниками и дельцами все крестьянство²¹, те, кто нанимал работников (капиталисты!), строго отделялись от тех, кто трудился в одиночку или с помощью членов семьи²². Эта перепись, которую вдоль и поперек изучали и анализировали демографы, социологи, журналисты и политики тех лет, стала большим шагом вперед в деле «восстановления марксистской классовости»²³. Разумеется, она не могла создать классы в реальном мире, зато создала нечто вроде, так сказать, *виртуальных классов*: статистическую репрезентацию, позволявшую советским марксистам (и будущим поколениям историков) исходить из предпосылки, что в России было классовое общество.

Паспорт и сталинистская сословность

В конце 1932 г. советское правительство впервые после падения старого режима ввело внутренние паспорта. Это была реакция на явную угрозу наплыва беженцев из охваченной голодом деревни в города, и так уже сверх всякой меры перенаселенные в результате массовых миграций в связи с коллективизацией и стремительным развитием промышленности в годы первой пятилетки. Вместе с тем данная мера оказалась некой вехой в эволюции новой советской сословности. Паспорта царского времени идентифицировали своих владельцев по сословной принадлежности, новые советские паспорта точно так же идентифицировали их по «социальному» (т. е., по сути, классовому) положению²⁴.

---

²¹ За исключением безземельных батраков.

²² См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. 10: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. М., 1929.

²³ Вообще об использовании статистики в целях социального конструирования и контроля см.: Hacking I. *The Taming of Chance*. Cambridge, 1990; Scott J. *Statistical Representations of Work: The Politics of the Chamber of Commerce's Statistique de l'Industrie à Paris, 1847–1848* // Scott J. *Gender and the Politics of History*. New York, 1988.

²⁴ Базовые координаты персональной идентичности, задаваемые паспортами 1930-х гг., – возраст, пол, социальное положение и национальность. См. резолюцию ЦИК и Совнаркома СССР от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы в СССР» (Правда. 1932. 28 дек. С. 1). Графа «социальное положение» оставалась в советском паспорте до 1974 г.

Рис. 3. «Напраслина». Рис. Б. Клинка (Крокодил. 1935. № 23. С. 14)

Примечательная черта новой паспортной системы заключалась в том, что паспорта вместе с городской пропиской выдавались городским жителям органами ОГПУ (предшественника НКВД и КГБ), а крестьяне не получали паспортов автоматически. Как и при царизме, сельские жители должны были обращаться за паспортом к местным властям перед отъездом на временную или постоянную работу за пределы своего района, и просьбы их не всегда удовлетворялись. Колхозники нуждались также в разрешении колхоза на отъезд, совсем как в былую пору круговой поруки²⁵, когда членам общины, чтобы покинуть ее, требовалось разрешение от мира. Таким образом, крестьянство было поставлено в юридически особое (и, конечно, низшее) положение, и здесь трудно не заметить сословного подтекста. В течение 1930-х гг. правила выдачи паспортов не претерпели существенных изменений, невзирая на принцип равноправия, который Конституция 1936 г. провозгласила основой советского государства и права.

²⁵ Коллективная ответственность общины по налогам и выкупным платежам после крестьянской реформы 1861 г.

В графе «социальное положение» в паспорте 1930-х гг. обычно стояло «рабочий», «служащий», «колхозник». Представители интеллигенции указывали свою профессию – «врач», «инженер», «учитель», «директор завода»²⁶. Все эти записи, за исключением слова «колхозник»²⁷, как правило, по-видимому, точно отражали основное занятие человека. Несомненно, точности весьма способствовал тот факт, что паспортами ведал НКВД. Кроме того, следует отметить, что вместе со смягчением классово-дискриминационных законов и процедур пошли на спад споры по поводу социальной идентичности. Классовая идентичность, указываемая в паспорте, ни в одном из случаев не несла с собой клейма в прежнем смысле. «Колхозник» и «единоличник» (владелец неколлективизированного хозяйства) – две юридические категории крестьян, пришедшие на смену трем квазиправовым, квазиэкономическим категориям 1920-х гг., – конечно, обозначали низший статус в советском обществе, но ни та, ни другая не делали человека парией, как прежний ярлык «кулака».

К середине 1930-х гг., когда коммунистическая партия и советское общество вынырнули из водоворота коллективизации и культурной революции, приверженность руководства марксистским классовым принципам заметно утратила глубину и искренность. Как уже говорилось выше, режим начал отходить от практики классовой стигматизации и дискриминации, и хотя принятие новой конституции еще мало о чем говорит, но советские методы действительно изменились и в других областях, например в образовании и в рекрутировании новых представителей элиты через комсомол и партию. Ослабление подлинного интереса к классам выразилось и в резком сворачивании социальной статистики – главной отрасли научных исследований в 1920-е гг., в частности в исчезновении вездесущих таблиц, показывающих классовый состав любой группы населения или учреждения, какие только можно вообразить.

При всем том было бы ошибкой думать, будто советские власти не трудились больше собирать данные о социальном и классовом происхождении. Вечный страх перед затаившимися врагами, о котором рассказывалось в предыдущем разделе, вылился в советскую

---

²⁶ См.: McGraw Hill Encyclopedia of Russia and the Soviet Union / ed. M. T. Florinsky. New York, 1961. P. 412; Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. New York, 1968. P. 73–74 (приводится информация Гарвардского проекта по интервьюированию беженцев).

²⁷ «Колхозник» – категория особая, поскольку колхозники, имеющие паспорта, практически по определению не посвящали все свое рабочее время сельскому хозяйству в колхозе. Как и во времена царизма, чаще всего речь в данном случае шла о бывшем крестьянине, который в действительности стал рабочим, но еще не сумел изменить свой юридический статус.

привычку фиксировать и записывать все что можно, но это откладывалось в основном в личных делах. Еще и в 1941 г. Маленков говорил на партийной конференции, что «до сих пор, несмотря на указания партии, во многих партийных и хозяйственных органах при назначении работника больше занимаются выяснением его родословной, выяснением того, кем были его дедушка и бабушка, а не изучением его личных деловых и политических качеств, его способностей»²⁸. Стандартная анкета, которую заполняли все государственные служащие и члены партии в 1930-е гг., учитывала все мыслимые обстоятельства, влияющие на социальную идентичность, включая классовое происхождение (прежнее сословие и чин, основное занятие родителей), занятие до поступления на государственную службу (или вступления в коммунистическую партию), год поступления на госслужбу и текущий социальный статус²⁹.

Переписи населения 1930-х гг., в отличие от переписи 1926 г., касались социального положения кратко и пунктирно. В каком-то смысле это просто отражало изменившиеся внешние условия, в частности экспроприацию кулаков и других частных хозяев, использующих наемный труд. Но негласное возвращение к духу переписи 1897 г. также ясно свидетельствовало, что вопрос о классовой принадлежности (одинаковый в переписях 1937 и 1939 гг.) внезапно утратил сложность и стал почти столь же прост, как прежний вопрос о сословной принадлежности. Классовое положение больше не приходилось «вычислять», тщательно собирая и анализируя экономические данные; у большинства населения оно было весьма удобно записано в паспорте, требовалось только сообщить записанное. В 1937 и 1939 гг., отвечая на вопрос о социальном положении, респонденты попросту должны были сказать, к какой из групп они относятся: к «рабочим, служащим, колхозникам, единоличникам, кустарям, лицам свободных профессий, служащим религиозного культа или нетрудовым элементам». Вдобавок, если они работали на государство, их просили уточнить род своей нынешней «службы» (фраза, заставляющая вспомнить Петра Великого, которому она наверняка пришла бы по вкусу)³⁰.

---

²⁸ Правда. 1941. 16 февр. С. 4.

²⁹ ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 22. Д. 48. Л. 80–81 (личный листок по учету кадров П. М. Григорьева, члена профсоюза работников трикотажной промышленности, 1935).

³⁰ См. бланки переписей 1937 и 1939 гг., опубликованные ЦУНХУ при Госплане СССР: Переписи населения: Альбом наглядных пособий. М., 1938. С. 25–26. Результаты переписи 1937 г. замалчивались и никогда не публиковались, поскольку убыль населения оказалась недопустимо высокой.

Термин «класс» в бланках переписи не использовался, что выдавало некоторую неуверенность в его релевантности как категории³¹. В конце концов, в середине 1930-х гг. Советский Союз официально достиг стадии социалистического строительства: несмотря на отсутствие теоретической ясности в вопросе об отношении социалистического строительства к собственно социализму, это могло означать, что не за горами переход к бесклассовому обществу. Сталин, правда, утверждал, что классы в советском обществе остались, но особые, не антагонистические, поскольку с эксплуатацией и классовыми конфликтами покончено³². Он не давал себе труда подкрепить это утверждение развернутым теоретизированием³³ – теоретическая разработка новых категорий поистине завела бы его на опасную почву: стоит убрать классовую эксплуатацию из марксистской концепции классов, и то, что останется, гораздо больше напоминает российские сословия, чем Марксовы классы.

В духе Екатерины Великой, разъяснявшей принципы сословности в XVIII в., Сталин разбил советское общество на три большие группы: два класса – рабочие и крестьяне (колхозное крестьянство) и прослойка – интеллигенция³⁴. Фактически три сталинские социальные общности представляли собой разумную адаптацию к современным советским условиям четырех основных екатерининских сословных разрядов³⁵. Практической инновацией с учетом советских precedентов стало уничтожение прежней категории служащих, слитой вместе с интеллигенцией и коммунистической управленческой элитой в единый конгломерат под названием «советская интеллигенция».

К началу войны советские граждане полностью свыклись с мыслью, что «класс» (что бы это ни означало) является неотъемлемой частью их общественной идентичности. Как сообщали, с некоторой долей недоумения, авторы послевоенного Гарвардского проекта интервьюирования, их респонденты из числа советских беженцев без малейших затруднений идентифицировали себя в классовых терми-

---

³¹ Вместо него вводился совершенно новый термин «общественная группа».

³² Сталин И. В. О проекте конституции Союза ССР, 25 ноября 1936 г. // Сочинения. Т. 1 (14) / под ред. Р. Х. Макнила. Стэнфорд, 1967. С. 142–146.

³³ «Можем ли мы, марксисты, обойти в Конституции вопрос о классовом составе нашего общества?» – риторически спрашивал он. И лаконично отвечал: «Нет, не можем». См.: Там же. С. 169.

³⁴ Там же. С. 142. Стараясь сохранить доктринальную правоту, Сталин назвал первые две группы «классами», а третью (не определяющуюся отношением к средствам производства) «прослойкой». Иногда эту классификацию непочтительно именуют формулой «два с половиной».

³⁵ Дворянство, духовенство, городские сословия, крестьянство.

нах³⁶, хотя при этом «в весьма малой степени демонстрировали классовую враждебность или классовые конфликты» и, таким образом, предположительно обладали «слабым классовым сознанием»³⁷. Недоумение гарвардских ученых объяснялось тем, что они рассматривали советские классы с марксистской точки зрения, как определяемые эксплуатацией и взаимоотношениями друг с другом. На самом же деле сталинские «два класса и прослойка», конечно, вообще не являлись классами в марксистском понимании – подобно сословиям, они определялись отношением каждой группы к государству, а не к другим группам. Советские граждане обладали ясным и непреложным знанием о своей классовой принадлежности (как их предки – о сословной), поскольку от них постоянно требовали идентифицировать себя с этой стороны.

Одно из наиболее поразительных открытий Гарвардского проекта – очевидное подтверждение заявлений Сталина о неантагонистическом характере сословий-классов из формулы «два с половиной». Учитывая остроту противоречий 1920-х гг., особенно между низшими классами и «буржуазными специалистами», полной неожиданностью оказался тот факт, что респонденты из низов, интервьюируемые на Западе после войны, не проявляли особого антагонизма по отношению к интеллигенции – части новой элиты общества. Нет, отвечало большинство, они не считают, что интеллигенция или какая-либо другая социальная группа пользуется чрезмерными привилегиями. Только «партия»³⁸. Такая позиция свидетельствует о вынесенном респондентами из своего прошлого убеждении, что (партия-)государство взяло на себя роль прежних эксплуататорских классов эпохи царизма. Она также показывает одно из невольных последствий атаки государства на классовых «врагов» в конце 1920-х гг., ослабившей тот самый социальный антагонизм, который призвана была мобилизовать.

Разумеется, утверждение, будто в Советском Союзе в 1930-е гг. возникла полноценная сословная система, будет преувеличением. Тем не менее в советской социальной организации того времени наблюдались многие признаки тенденции к сословности, начиная с вышеупомянутой графы о социальном положении во внутреннем паспорте. Крестьянство отличалось наиболее четко определенными сословными чертами. В отличие от других основных сословий-классов, рабочих и интеллигенции, крестьяне не имели права на автоматическое получение паспортов, и, следовательно, их мобильность под-

---

³⁶ Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet Citizen. P. 74.

³⁷ Inkeles A. Images of Class Relations among Former Soviet Citizens // Social Problems. 1956. Vol. 3. P. 193.

³⁸ Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet Citizen. P. 304–312, 324.

вергалась особым ограничениям. Государство возложило на них трудовую повинность – обязанность посылать работников и лошадей на строительство дорог и лесозаготовки, от которой другие сословия-классы были освобождены. На другой чаше весов лежали принадлежавшее только крестьянам коллективное право пользоваться землей³⁹ и право заниматься индивидуальной торговлей⁴⁰, отнятое в 1930-е гг. у остальных советских граждан.

В советском обществе 1930-х гг. существовали и более тонкие различия в правах и привилегиях различных социальных групп. Некоторые были закреплены законодательно: например, право неколлективизированных крестьянских хозяйств (в отличие от колхозников и представителей городских сословий) иметь лошадь, право «рабочих» и «служащих» на земельный участок установленного размера в деревне или в городе⁴¹. Казаки, одно из традиционных малых сословий при старом режиме, в 1936 г. вновь получили квазисословный статус, предполагающий военную службу в привилегированных частях, после того как двадцать лет находились в немилости за сопротивление советской власти во время Гражданской войны и коллективизации⁴². Сосланных в начале 1930-х гг. кулаков и других «спецпоселенцев» в Сибири и прочих местах тоже следует рассматривать как особое сословие, поскольку их права как сельскохозяйственных и промышленных рабочих и накладываемые на них ограничения тщательно прописывались в законах и различных секретных инструкциях⁴³.

---

³⁹ Крестьяне-единоличники имели индивидуальное (подворное) право землепользования, но не везде, а только в своей деревне.

⁴⁰ В специально отведенных местах – на городских «колхозных рынках», куда отдельные крестьяне и колхозы привозили излишки продукции.

⁴¹ Отметим, что в практических целях «служащие» и в 1930-е гг. рассматривались как отдельное сословие, невзирая на сталинскую формулу «двух с половиной».

⁴² См. письмо казаков Дона, Кубани и Терека с заверениями в преданности советскому строю (Правда. 1936. 18 марта. С. 1) и законодательный акт об их новом статусе, принятый Центральным исполнительным комитетом Съезда Советов СССР 20 апреля 1936 г. (цит.: Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 19. С. 363 [статья «Казачество»]). Возможно, новое казачье «сословие» получило также право держать лошадей – самую желанную привилегию в 1930-е гг., но я пока не смогла это точно установить.

⁴³ См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17. О снятии правовых ограничений с этой группы в 1950-е гг.: Он же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 10–12.

Мы можем также выделить по меньшей мере одно «протосословие», чье существование признавалось если не законом, то народом и официальной статистической классификацией. Это новый советский высший класс, управленческая и профессиональная элита, составлявшая верхний слой в той группе «белых воротничков», которую Сталин назвал «интеллигенцией». Формально в статистических анализах 1930-х гг., как правило не публиковавшихся, эта элита обозначалась как «руководящие кадры и специалисты»⁴⁴. Члены данной группы пользовались рядом особых привилегий, включая доступ в закрытые распределители, машину с шофером и государственную дачу⁴⁵.

В этой связи следует отметить, что вся экономика дефицита и сетей «закрытого распределения»⁴⁶, сложившаяся в 1930-е гг., поощряла тенденцию к сословности. Это касалось не только нового высшего класса «руководящих кадров и специалистов», но и групп, которые располагались ниже в социальной иерархии и имели свои привилегии разного рода. В начале 1930-х гг., к примеру, система закрытого распределения и общепита на предприятиях имела дело с тремя категориями: административно-профессиональными ИТР⁴⁷, привилегированными работниками⁴⁸ и обычными работниками⁴⁹. Позже, с развитием стахановского движения во второй половине десятилетия, стахановцы и ударники образовали особый слой рабочих, получавших особые привилегии и премии за свои достижения⁵⁰. Теоретически статус стахановца не был постоянным, он зависел от

---

⁴⁴ См.: Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР. М., 1936; Из докладной записки ЦСУ СССР в Президиум Госплана СССР об итогах учета руководящих кадров и специалистов на 1 января 1941 г. // Индустриализация СССР, 1938–1941 г. Документы и материалы. М., 1973. С. 269–276. См. также другие источники, цит. в кн.: Witt N., de. Education and Professional Employment in the USSR. Washington, D.C., 1961. P. 638–639. В промышленной статистике 1930-х гг. в том же смысле употреблялась категория «ИТР» (инженерно-технические работники): она включала и администраторов, и специалистов, но не мелких канцелярских работников, которые выделялись в отдельную категорию «служащих».

⁴⁵ См.: Matthews M. Privilege in the Soviet Union: A Study of Elite Life-Styles under Communism. London, 1978. Ch. 4.

⁴⁶ То есть распределения скудных, строго нормированных потребительских товаров через предприятия и профсоюзные организации.

⁴⁷ См. выше, прим. 44.

⁴⁸ Ударниками, награжденными за высокие трудовые достижения.

⁴⁹ См.: Hubbard L. E. Soviet Trade and Distribution. London, 1938. P. 38–39, 238–240.

⁵⁰ О стахановском движении см.: Siegelbaum L. H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge, 1988.

производительности труда. Однако многие рабочие, по всей видимости, воспринимали его как новый статус «почетного рабочего» (возможно, аналогичный сословию «почетных граждан» в царской России?), который, если ты его однажды заработал, даруется на всю жизнь⁵¹.

* * *

Я утверждаю в этой главе, что класс после революции стал в России приписываемой категорией. Главными непосредственными причинами этого послужили правовые и институциональные структуры, осуществлявшие дискриминацию по классовому признаку, а также социетальная текучесть и дезинтеграция, которые сделали принадлежность человека к «подлинному» социально-экономическому классу неустойчивой и неопределенной. В общих чертах можно сказать, что советская практика приписывания к классу родилась из сочетания марксистской теории и недоразвитости российского общества.

В известном смысле классы в их советской форме можно считать большевистским изобретением⁵². В конце концов, именно большевики правили новым Советским государством и составляли классово-дискриминационное законодательство, а марксизм являлся идеологией, которую они исповедовали. Вместе с тем было бы слишком просто уступить большевикам всю честь изобретения классов в советском обществе. У этого изобретения имелись и народные корни: выборы по классовому признаку в созданные народом советы рабочих депутатов 1905 и 1917 гг. послужили образцом для Конституции 1918 г. в части, касавшейся ограничения избирательных прав, и, таким образом, косвенно – для всего классово-дискриминационного законодательства первых лет советской власти. Кроме того, сословные оттенки классов в 1920-е гг. – особенно ясно различимые в «классовом» статусе духовенства и аналогичной былому мещанству категории «служащих» – также скорее плод народного, а не только большевистского воображения.

---

⁵¹ См., напр., горькие сетования неграмотной работницы текстильной промышленности, которая написала (с помощью грамотной дочери) председателю ЦК своего профсоюза Марии Каганович, жалуясь на жестокую несправедливость: ее лишили статуса стахановки (и соответственно места в переднем ряду в фабричном клубе) только потому, что здоровье у нее пошатнулось и она больше не могла работать так хорошо, как раньше: ГА РФ. Ф. 5457. Оп. 22. Д. 48 (ноябрь 1935).

⁵² Такова по сути своей позиция, которую занимают два ученых, уже давно обративших внимание на проблемы, изначально присущие советской классовой классификации крестьянства в 1920-е гг. См.: Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power*. London, 1968; Shanin T. *The Awkward Class*. Oxford, 1972.

Специфически большевистское (или интеллектуально-марксистское) конструирование классов наиболее очевидно в области социальной статистики. Советские статистики, убежденные, что научный анализ общества невозможен без классовых категорий, в 1920-е гг. неукоснительно включали такие категории в свои данные, в том числе и в тома переписи 1927 г., посвященные роду занятий населения. В этой главе я высказываю предположение, что обширный свод социальной статистики 1920-х гг. играл свою роль в создании «виртуального классового общества», т. е. репрезентации, призванной поддерживать иллюзию наличия классов. Отсюда, естественно, следует вывод, что историкам нужно крайне осторожно относиться к этой статистике и не принимать ее за чистую монету.

«Убойная сила» классового принципа достигла своего апогея в конце 1920-х – начале 1930-х гг., но, когда интерес к классовости как к боевому оружию ослабел, произвольно возникшие сословные черты советской классовой структуры стали даже более заметны. Класс остался основной категорией идентичности советских граждан; введение в начале 1932 г. внутренних паспортов с графой «социальное положение» по-новому институционализировало ее. Графа «социальное положение» почти в точности соответствовала графе «сословие» в идентификационных документах царской России. Советское понятие «класс», не являясь больше предметом спора или (после упразднения правовых и институциональных структур классовой дискриминации) клеймом, все больше приобретало значение имперского понятия «сословие».

Здесь нет возможности рассмотреть модель «сталинистской сословности» в советском обществе во всей ее полноте, но она может помочь пролить свет на некоторые немаловажные проблемы. Одна из таких проблем – странные отношения государства и общества в сталинскую эпоху, в частности примат государства и определение социальных групп по их отношению к государству, а не друг к другу. Тоталитарная модель объясняет это особенностями политического строя; модель «сталинистской сословности» предлагает альтернативное (или дополнительное) объяснение в терминах социальной системы.

Вторая проблема – вопрос социальной иерархии. Часто указывалось, что в сталинскую эпоху вновь возникла несомненная социальная иерархия, однако ее характер до сих пор концептуально неясен. Легко согласиться с Троцким и Джиласом, что при Сталине появился новый высший класс, тесно связанный с определенными должностями, гораздо труднее примириться с их марксистским утверждением, что это был *новый правящий*, а не просто привилеги-

рованный класс⁵³. В системе «сталинистской сословности» этот класс стал современным «служилым дворянством» (такое предположение уже высказывали Роберт Такер, Ричард Хелли и др.)⁵⁴. Та же система помогает понять и связать между собой такие характерные и на первый взгляд несочетаемые феномены сталинизма, как социальный спектакль (красочный парад «всех классов и народов Советского Союза», о котором писала пресса во время каждой сессии Верховного Совета), ритуальные собрания рабочих-стахановцев и особый дискурс на тему «счастливого крестьянина», превозносивший не только колхозы, но и довольство колхозников своей судьбой (явный пережиток досовременных концептов социального устройства).

---

⁵³ См.: Trotsky L. *The Revolution Betrayed*. London, 1937; Djilas M. *The New Class*. London, 1966.

⁵⁴ См.: Tucker R. C. *Stalinism as Revolution from Above // Stalinism: Essays in Historical Interpretation* / ed. R. C. Tucker. New York, 1977. P. 99–100; Hellie R. *The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model // Russian History*. 1977. Vol. 4. No. 1. P. 7–9.

ЧАСТЬ II
БИОГРАФИИ

ГЛАВА 5

ЖИЗНЬ ПОД ОГНЕМ*

«Я – мешанка, родилась в 1901 г. Отец мой был...»

Открытие собрания по чистке в некоторых учреждениях приняло стандартные формы. Начинается обыкновенно собрание с того, что становится человек спиной к комиссии и лицом к собранию и *начинает рассказывать свою автобиографию*. Конфузливые люди, особенно женщины, совсем не имеющие основания стыдиться себя или родителей, волнуются и нервничают. Немногие, более самоуверенные и бойкие, подробнейшим образом описывают действительные или мнимые заслуги свои и своих родственников до седьмого колена...

...[Это] *превращает чистку в какую-то нелепую всенародную исповедь*... При мне пожилая женщина, по общим отзывам, примерная работница и отличный товарищ, за которой не числится ничего порочащего, *волнуясь и плача рассказывала подробности своей прошлой неудачной семейной жизни*, обиды, которые она терпела со стороны мужа много лет тому назад. Кому это нужно, какое это имеет отношение к чистке аппарата?¹

Советские граждане в 1920-е и 1930-е гг. привыкли рассказывать историю своей жизни публично. При многообразных взаимодействиях с государством необходимо было представлять автобиографию – например, подавая документы в институт, устраиваясь на работу или проходя периодические персональные проверки госслужащих и членов партии, известные под названием чисток. Биогра-

---

* Это несколько дополненная версия моей работы: *Lives under Fire: Autobiographical Narratives and Their Challenges in Stalin's Russia* // *De Russie et d'ailleurs. Mélanges Marc Ferro*. Paris, 1995. Настоящий вариант был впервые опубликован на русском языке (в переводе автора): *Жизнь под огнем. Автобиография и связанные с ней опасности в 30-е годы* // *Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы*. СПб., 1995.

¹ Наша газета. 1929. 5 июля. С. 3. Курсив в оригинале.

фия, это универсальное советское удостоверение личности, являла собой произведение искусства, отделяемое со всей тщательностью. Естественно, она содержала выборочные, неполные сведения, и ее оглашение стало хоть и рутинной, но отнюдь не малозначительной процедурой. Всегда существовала возможность, что слушатели подвергнут твою биографию сомнению, а то и вовсе с ней не согласятся. Для тех случаев, когда автобиографическое повествование не выдерживало проверки, столкнувшись с сомнениями, и саморепрезентация его автора была дискредитирована, в советском языке имелся термин «разоблачение».

Классовая принадлежность являлась главным компонентом советской идентичности и автобиографической картины². Большевики, со своей марксистской точки зрения, считали социальный класс ключевым атрибутом индивида, поскольку классовое положение указывало на вероятную политическую ориентацию. Выходец из пролетарской или бедной крестьянской семьи, скорее всего, поддерживал революцию и советскую власть, а тот, кто при старом режиме принадлежал к привилегированному классу, наверняка был их противником. Последнее касалось также священников и кулаков (зажиточных крестьян, в которых большевики видели эксплуататоров бедноты). Помимо классовой принадлежности важными маркерами идентичности служили история политической деятельности, религиозные верования, зарубежные связи, национальность и военная служба. Быть верующим или иметь родственников за границей всегда было плохо. Национальность (русский, грузин, узбек и т. п.) обычно играла роль нейтрального атрибута – но не во всех случаях, как мы увидим ниже. Служба в Красной армии засчитывалась как плюс, особенно добровольцам времен Гражданской войны, тогда как служба офицером у белых ложилась на биографию внушительным пятном.

Люди, запятнанные дворянским происхождением, службой в Белой армии или работой в царской полиции, носили клеймо и часто подвергались правовой дискриминации. Соответственно среди них наблюдалась сильная тенденция утаивать подобные сведения о себе, дабы избежать клейма. Однако, если дискредитирующие факты с большой долей вероятности могли выйти наружу, лучше было включить их в биографию, чем рисковать быть изобличенным, когда придется отвечать на вопросы. Соккрытие фактов в советской автобиографии было величайшим грехом, оно сурово каралось и, как правило, интерпретировалось самым зловещим образом.

---

² Подробнее о классах см. выше, гл. 2.

Говоря о биографии и налагаемом ею порой клейме, Ирвинг Гофман отмечает: «Мы исходим из того, что человек реально может иметь только одну [биографию]... эта всеобъемлющая единственность жизненной линии составляет резкий контраст с множественностью Я, которую обнаруживаешь в человеке, если взглянуть на него с точки зрения социальной роли»³. В послереволюционной России, однако, о «единственности жизненной линии» говорить не приходилось. Революции разрубает жизнь надвое, зачастую создавая в некотором смысле две отдельные жизни, две идентичности. Многие советские граждане предьявляли на обозрение общественности биографии, в которых их прежняя идентичность была скрыта или подвергнута строгой цензуре. И дело тут не только в осторожности: те, кто скрывал «чуждое» социальное происхождение, нередко отчаянно стремились избавиться от него, добиться, чтобы их признали нормальными советскими гражданами. Но знание об утаенных и «отлакированных» моментах рождало чувство неуверенности. Излагая подобные биографии, их авторы сами не были уверены, что достойны их.

Даже людям, которых не мучила нечистая совесть, честный рассказ об их жизни давался нелегко. Классовая принадлежность, важнейший элемент биографии, оказалась поразительно ненадежным маркером индивидуальной идентичности в наполовину современном, наполовину традиционном обществе, только что до основания потрясенном войной и революцией. Какое социальное положение человеку следует считать подлинным? То, в котором он родился? То, которое занимал в октябре 1917 г.? Или то, которое занимает в настоящее время? (Вопросы отнюдь не академического характера: во множестве биографий коммунистов 1930-х гг. прослеживается одна и та же нить – рождение в крестьянской семье, пролетарская юность и послереволюционное «выдвижение» в ряды административной элиты.) Далее, если классовая принадлежность и политическое поведение неразрывно связаны между собой, то как влияет политическая биография человека на его классовый статус? Могут ли сын или дочь буржуев отречься от своего классового происхождения или аннулировать его, сражаясь за Революцию?

Успешное опровержение чьей-либо биографии могло повлечь за собой самые разные последствия. С первых дней советской власти выявляемые «классовые враги» – кулаки, священники, бывшие царские жандармы – относились к особой правовой категории лишенцев, ограниченных в гражданских правах. Государственный служащий в 1920-х – начале 1930-х гг. терял работу, если в ходе кадровой

---

³ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York, 1963. P. 62–63.

проверки обнаруживалось, что он скрывал свое буржуазное происхождение или сражался на стороне белых в Гражданскую войну. Для коммуниста неспособность удовлетворить партийную комиссию по чистке означала исключение или перевод в разряд кандидатов в члены партии, а в середине 1930-х гг. порой и арест. Во время Большого террора 1937–1938 гг. человека, «разоблаченного» как враг народа, ожидали тюрьма, ГУЛАГ или даже расстрел.

В этой главе я исследую несколько примеров идентичности «под огнем», почерпнутых из протоколов одного профсоюзного съезда, состоявшегося в январе 1938 г. – т. е. в разгар Большого террора. Биографии оглашались на нем не с целью чистки, а в процессе выборов Центрального комитета⁴. Каждый кандидат в члены ЦК профсоюза должен был рассказать свою биографию и ответить на вопросы из зала; если ответы оказывались неудовлетворительными, ставился на голосование вопрос об исключении провалившегося из списка кандидатов. Обычно советские выборы проходили гладко, по заранее подготовленным спискам, но только не во время Большого террора. Возражения против тех или иных кандидатур в 1937–1938 гг. ожидалось и даже требовались, ибо предполагалось, что в любом руководящем органе вроде профсоюзного ЦК не могло не затаиться энное количество «врагов народа». Таким образом, мы имеем дело со специфическим типом советских выборов, характерным для 1937–1938 гг., в котором квазидемократический оттенок «гласности» (это словечко родилось в эпоху Большого террора, задолго до того, как Горбачев воскресил его в 1980-е гг.) сочетался с функцией устрашения⁵.

Процедура была типична для той эпохи, но указанный профсоюз (госслужащих) имел некоторые отличительные черты. Во-первых, это был профсоюз «белых воротничков». После революции государственные служащие как группа считались менее достойными доверия, чем рабочие. Особенно подозрительную категорию составляли работники госторговли. Во-вторых, в руководстве и среди членов именно этого профсоюза необычайно большую роль играли люди нерусской национальности, в частности евреи, поволжские немцы, татары. На рассматриваемом нами съезде евреи и немцы, по-видимо-

---

⁴ Стенографической отчет 2-го Всесоюзного съезда профсоюза служащих государственных учреждений: ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 1–2. Выборам посвящена большая часть второго тома (д. 2).

⁵ На своеобразии таких выборов указал Арч Гетти: Getty J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. Хочу отметить, что моя интерпретация несколько отличается от интерпретации Гетти.

му, чаще всего становились объектом перекрестного допроса и критики, в особенности по поводу связей с заграницей и эмиграцией.

Многие автобиографии, представленные на съезде, вызывали нарекания, но лишь в нескольких случаях возражения оказывались столь серьезны, что испытуемый снимал свою кандидатуру или вычеркивался из списка. Наиболее распространенным предметом распросов являлся семейный классовый статус; выходцев из крестьян постоянно просили уточнить, кем были их родители – бедняками, середняками или кулаками. Один из кандидатов, ставших мишенью вопросов на эту тему, – некто Пышкин из Ленинграда. Он родился в 1902 г. в крестьянской семье, некоторое время поработал на заводе, служил в Красной армии, учился в вечерней школе и стал инженером – на первый взгляд, образцовая советская биография. Но кое-кто из слушателей поинтересовался, почему, демобилизовавшись из армии в середине 1920-х гг., он вернулся не на завод, а в родную деревню. (Невысказанное обвинение, которое ему удалось отразить, заключалось в том, что его родители, возможно, вели кулацкое хозяйство.)⁶

Некоторые кандидаты, излагая автобиографию, пытались предупредить подобные вопросы. Молчанов из Сталинграда, родившийся в 1904 г. в семье середняка, поспешил объяснить, что хозяйство семьи на момент его рождения – лошадь, корова и деревянный дом – не было чрезмерно велико, учитывая ее размеры – десять человек⁷. Судак из Куйбышева признался, что его дядю раскулачили в 1930 г., но сказал, что его собственные родители были середняками. После тщательного расследования насчет дяди его кандидатуру утвердили⁸. Горичев из Николаева имел похожее пятно на своем социальном облике: его отец, умерший в 1907 г., за несколько лет до смерти унаследовал дело своего отца, но быстро пропил его и разорился. По признанию Горичева, этот прискорбный факт привел к его исключению из партии в 1933 г., но потом он был восстановлен. Может быть, благодаря искренности рассказчика, может быть, потому что дело шло к концу заседания и делегаты устали, биография Горичева сомнений не вызвала⁹.

Бедное детство всячески акцентировалось в биографии, которую поведал Абликов из Мордовии. Он родился в 1889 г. в семье плотника, отец умер, когда Абликову было восемь, и он пошел работать свинопасом, потом в одиннадцатилетнем возрасте стал учеником деревенского печника. В пятнадцать лет устроился на спичечную

---

⁶ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 194–195.

⁷ Там же. Л. 256.

⁸ Там же. Л. 333–335.

⁹ Там же. Л. 434–435.

фабрику, но в 1905 г. был уволен, бродил с места на место, занимался то одним, то другим и в конце концов стал парикмахером. В 1919 г. возглавил профсоюз парикмахеров, а в 1925 г. вступил в партию. Конечно, бдительная, марксистски подкованная аудитория не могла удовлетвориться сведениями о ремесле испытуемого. Ей понадобилось выяснить, в каком качестве Абликов занимался этим ремеслом: как капиталист (имеющий собственное дело), кустарь (трудящийся в одиночку либо с помощью членов семьи) или пролетарий (работающий за плату на другого хозяина)¹⁰.

Кандидатам-женщинам, каковых насчитывалось немало, чаще, чем мужчинам, задавались вопросы личного характера – как правило, кажется, не столько из-за подозрительности, сколько из досужего любопытства. «Вы замужем?» – спросил кто-то 35-летнюю Богадирову, председателя ЦК профсоюза. Та коротко ответила: «Нет»¹¹. Зато другие женщины сами включали в автобиографии такого рода сведения и отвечали на личные вопросы почти как на исповеди. Богушевская из Харькова, например, добровольно выложила, что ее отец был учителем, а мать домохозяйкой, и сообщила: «Ни братьев, ни сестер у меня нет. Был один брат, но он застрелился в 1921 году». Естественно, это вызвало у делегатов любопытство, которое Богушевская охотно удовлетворила:

«– Почему застрелился ваш брат?

– Точно не знаю. Мы предполагаем, что он работал агентом в Упродкоме, на Упродком было нападение бандитов, и ему прострелили правую руку. Возможно, это на него повлияло»¹².

У Козина из Новосибирска с братом были проблемы посерьезнее, но ему удалось их преодолеть. Автобиография Козина следовала одной из стандартных советских моделей – сиротской «путевки в жизнь»¹³. Бывший беспризорник воспитывался в детском доме, в пятнадцать лет вступил в комсомол и сделал успешную карьеру. Его отец, крестьянин из Поволжья, погиб на Первой мировой войне, хозяйство пришло в упадок во время голода 1921 г. Мать Козина бежала с детьми в Сибирь, но была вынуждена оставить мальчика в Омске. Несмотря на годы, проведенные в детском доме, Козин сохранил связь с семьей, и в его автобиографии содержалось гораздо больше сведений о родных, чем обычно у мужчин. Вначале, правда,

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 368–369. Ответ Абликова позволил отнести его к кустарям.

¹¹ Там же. Л. 185.

¹² Там же. Л. 233.

¹³ «Путевка в жизнь» – популярный советский фильм начала 1930-х гг. о перевоспитании малолетних правонарушителей.

он упомянул о брате лишь мельком: «Брат на родине в колхозе». В ходе расспросов вскоре обнаружилась причина такой сдержанности: «— Знали ли вы об исключении брата из партии?»¹⁴

— Конечно, знал, хотя уже полтора года не имею сведений... В 1933 г. имели сведения от брата, что брат был осужден на 3 года условно за сокрытие урожайности, будучи директором одного из крупных зерносовхозов. Судимость якобы с него сняли, но за то, что он судился, его одно время исключили из партии»¹⁵.

Еще один кандидат, отбившийся от серьезных обвинений, — Гафнер (Хафнер), поволжский немец из крестьянской семьи, один из учредителей своего колхоза. До голода 1921 г. его семья имела экономический статус середняков, обстоятельно разъяснил он, но после голода они стали бедняками. Эта биография словно включила в аудитории сигнал тревоги. Во-первых, немецкие колонисты славились своей сноровкой в сельском хозяйстве, стало быть, семья Гафнера до революции на самом деле вполне могла быть кулацкой. Во-вторых, в начале 1930-х гг., во время коллективизации, из Поволжья эмигрировали немцы-меннониты, и это событие сопровождалось весьма нежелательной международной шумихой, среди эмигрантов могли оказаться и родственники Гафнера.

«— Какое участие вы принимали в организации колхозов — в тот момент, когда немцы Поволжья уезжали в Америку?»

— Я сам первым вступил в колхоз... В том же году я вступил в партию и принимал участие в разоблачении этих людей.

— Сколько человек от вас уехало?

— Из нашего села никто не уехал»¹⁶.

Среди немногих кандидатов, которым съезд дал отвод, оказался Рузняев из Горького, подчеркивавший в автобиографии свое рабочее происхождение и трудовой стаж. Проблема Рузняева заключалась в том, что, несмотря на пролетарские корни, революция его, по видимому не привлекала. В Первую мировую войну он выслужился в царской армии из рядовых в унтер-офицеры, в октябрьском перевороте в Петрограде участия не принимал, после демобилизации в 1918 г. не пошел добровольцем в Красную армию и так и не вступил в партию. Делегат Белых заявил, что в октябре 1917 г. служил в соседней с Рузняевым части и знает, что рузняевская часть имела специальное задание — защищать правительство Керенского. Это был весьма порочащий факт, и кандидатуру Рузняева отклонили подавляющим большинством голосов. (Впрочем, когда пришла очередь

---

¹⁴ В изложении Козина об этом не говорилось.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 371.

¹⁶ Там же. Л. 364–365.

самого Белых, он подвергся жесткому допросу по поводу собственной военной службы в 1917 г., и его кандидатура с трудом уцелела в списке.)¹⁷

Не выдержали обсуждения кандидатуры двух членов действующего ЦК профсоюза, Зекцера и Фурмана. Оба они были евреями, что могло быть, а могло и не быть случайным совпадением (как уже отмечалось, в руководстве профсоюза насчитывалось немало евреев). На Зекцера повела атаку его коллега по ЦК Любимова. Она назвала его ловкачом и подхалимом и заявила, что он благодаря дружбе с председателем ЦК (возможно, бывшим?) имеет слишком свободный доступ к профсоюзным фондам. Еще один член ЦК профсоюза Зеленко попытался вступить за Зекцера, но его самого обвинили в «зажиме критики», и кандидатура Зекцера получила отвод (205 голосами против 36)¹⁸.

Другой провалившийся кандидат, Фурман, дал вдохновенный отчет о годах своей юности, подчеркивая, как он до революции боролся с препятствиями, стоявшими перед ним – евреем – на пути к образованию, но после ряда опасных вопросов снял свою кандидатуру: во-первых, его классовая идентичность вызывала сомнения (отец Фурмана, умерший в 1905 г., держал в своей портняжной мастерской трех наемных работников – значит, буржуй!), а во-вторых, и партийная его биография оказалась подмоченной (его на год исключали из партии в 1921 г. за то, что он мухлевал с продовольственными карточками и пошил себе костюм из офицерского сукна)¹⁹.

Самым драматичным событием съезда стало обсуждение кандидатуры Ульяновой из Одессы. Ульянова родилась в 1898 г. в бедной семье евреев-колонистов в Одесской губернии. Отец умер, когда ей было четыре года, и в десятилетнем возрасте ее отправили в город в прислуги. Спустя несколько лет заболела мать, Ульянову вызвали обратно в деревню, она работала в поле, учила детей идишу. Когда красные в 1920 г. взяли соседний городок Первомайск, она поехала туда, вступила в комсомол и стала работать в ЧК. Вышла замуж за коммуниста, с которым позже разошлась, родила сына. После Гражданской войны ее послали завершать образование, она вступила в партию, потом много лет работала в НКВД. Незадолго до съезда партия поручила ей возглавить одесскую организацию профсоюза. Биография получилась превосходная, за исключением одной вещи: три сестры Ульяновой жили за границей. Две из них эмигрировали вмес-

---

¹⁷ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 296–297, 306–310.

¹⁸ Там же. Л. 318–325.

¹⁹ Там же. Л. 383–387.

те с мужьями еще до войны, спасаясь от погромов; третья уехала в 1924 г. по советскому паспорту к мужу, тоже дореволюционному эмигранту²⁰.

Вопросы так и посыпались. Почему эмигрировали сестры? Пыталась ли она переубедить их, особенно третью? («Нужно запомнить... и я говорю как старый работник НКВД, что значит быть чекистом и отпустить свою сестру за границу вместо того, чтобы ее задерживать», – ханжески заметил кто-то²¹.) Переписывается ли она с этой сестрой? Откуда она знает идиш? Почему носит русскую фамилию Ульянова, если от рождения была Бубер?²² Почему разошлась с мужем? И что, собственно, значит «разошлась»? Разведены они официально или нет? Не произошел ли разрыв по политическим причинам? Может быть, муж-коммунист оставил ее, потому что не мог жить с женщиной, которая позволила своей сестре эмигрировать?

Прозвучали несколько голосов в защиту Ульяновой, но сама она под безжалостным перекрестным допросом, казалось, впала в панику и готова была сломаться:

«Почему я не живу с мужем? – это такое дело, что его не вынесешь на обсуждение съезда.

Товарищи, с мужем я не разводилась официально в ЗАГСе. В семейные дебри ходить я бы не рекомендовала. Я могу только сказать, что он приезжает домой, но мы с ним не живем. Он приезжал, потом – опять уехал. Характер мужчины... я не знаю, как судить... мы с ним не живем 3 или 4 года...

Мы разошлись... ну, бывают разные вещи. Он уехал в 1926 г. Его просто перебросили в ...²³ работать. Он проработал год и вернулся. Мы с ним жили, потом он опять уехал, работал в Новосибирске. Он женился на другой. Имеет ребенка, но с другой тоже не живет»²⁴.

Чем настойчивее преследовали Ульянову охотники, чем громче лаяли жаждущие крови гончие, тем сильнее охватывали ее страх и смущение. Наконец, собрание проголосовало 261 голосом против 4 за то, чтобы вычеркнуть ее из списка кандидатов. Но это еще не все: из зала раздались голоса, требующие «сделать выводы», ведь «Одес-

---

²⁰ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 269–270.

²¹ Там же. Л. 278.

²² Там же. Л. 270–278. Ульянова объяснила (л. 273), что взяла фамилию Ульянова как псевдоним по распоряжению начальства, придя работать в ЧК; она вовсе не скрывала настоящую фамилию, в ее паспорте стояло «Ульянова-Бубер» вплоть до последнего обмена партийных документов, когда ей «вычеркнули Бубер и оставили одну Ульянову».

²³ Название места в протоколе опущено.

²⁴ Там же. Л. 279–282.

ская область – пограничная область с Румынией»²⁵. Это требование было равносильно призыву разоблачить Ульянову как врага народа. В условиях Большого террора, если подобный призыв брошен, только очень храбрый или безрассудный человек мог отважиться встать на защиту жертвы. Но примечательно, что в данном случае кое-кто все-таки на это *отважился*. За Ульянову заступился председатель собрания Зеленко – тот самый Зеленко который пытался вывести из-под огня своего коллегу по ЦК Зекцера. После заседания, когда кандидатура Ульяновой официально провалилась в результате голосования, он дозволился до ее бывшего мужа (работавшего прокурором в Туле) и попросил его поручиться за нее. Тот так и сделал, подтвердив, что Ульянова действительно была против отъезда сестры, а его разрыв с женой не имел ничего общего с политическими разногласиями. Зеленко передал съезду новую информацию и предложил восстановить Ульянову в списке, но съезд проголосовал против. Тем не менее за ночь дело было как-то улажено в кулуарах, и фамилия Ульяновой значилась в оглашенном на следующий день окончательном списке кандидатов в новый ЦК профсоюза²⁶.

* * *

Советский ритуал рассказа автобиографии перед слушателями, которые вольны были обсуждать и подвергать сомнению саморепрезентацию выступающего, создавал возможность высокой драмы разоблачения скрытых врагов. Нечто похожее имело место в Салеме и в Европе в самом начале Нового времени, когда женщина, подозреваемая в ведьмовстве, ломалась на публичном допросе и безоговорочно выдавала себя. В нашей истории Ульянова чуть-чуть не сломалась точно так же, а ее слушатели чуть-чуть не разоблачили ее как врага народа.

Чаще, впрочем, протоколы подобных разбирательств в СССР напоминают не столько охоту на ведьм, сколько развлечения хулиганов на школьном дворе. Выбирается (или появляется по ходу дела) козел отпущения, на него накидываются всей толпой, в насмешку забрасывают вопросами, на которые невозможно ответить, переиначивают ответы, перекрикивают, глумятся²⁷. У школьного козла отпущения, как и у ведьмы, нет возможности защищаться. Разница в том,

---

²⁵ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 281.

²⁶ Там же. Л. 397, 426. Неизвестно, надолго ли это спасло Ульянову. После столь яростной публичной критики она оказалась в опасном положении, независимо от исхода съезда.

²⁷ Классический пример – обращение с Бухариным на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. См.: Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 3–36.

что задирающих его забияк не интересует, виновен ли он (порочен, запятнан) или нет. Они цепляются к нему, а не к кому-то другому, потому что чувят слабость и уязвимость.

Многие люди в подобных обстоятельствах не поддаются ажиотажу травли и сопротивляются ей пассивно, своим молчанием. Но лишь малое число рискнет на активное противодействие. В нашей истории таким человеком стал Зеленко. По мотивам, о которых мы можем только гадать, он выступил дважды: один раз в защиту Зекцера (обвиняемого в личной коррумпированности и злоупотреблении властью), а другой, в еще более драматичной ситуации, – в защиту Ульяновой. Это была с его сторон безрассудная дерзость, особенно учитывая уже высказанное обвинение, что он «зажимает критику» (фраза, часто употреблявшаяся в годы Большого террора относительно врагов народа из должностных лиц).

Подозрительность, говорят иногда, настолько въелась во все поры сталинского общества, что арестованные «враги народа», даже зная о собственной невинности, все равно считали виновными других, оказавшихся в таком же положении. Здесь есть доля правды – но не вся правда. Наряду со всеобъемлющей подозрительностью существовало (по крайней мере, в некоторых сегментах общества) столь же всеобъемлющее беспокойство по поводу идентичности, заставлявшее людей сомневаться в *их собственной* ценности и добропорядочности как советских граждан.

В напряженной атмосфере Большого террора ритуал публичного оглашения биографии мог плохо кончиться практически для любого советского гражданина. Правда, были люди, которые прямо заявляли, что их биография ничем не запятнана: «Не судился. Раскулаченных и репрессированных родственников нет»²⁸. «Отклонений от генеральной линии партии не было. В оппозиции никогда не участвовала»²⁹. Но кто на самом деле, рассказывая о своей жизни, мог быть полностью уверен, что в ней не найдется ничего, способного вызвать подозрения, – ни сомнительных родственников или запятнанных предков, ни политических уклонов, ни неприятностей с законом, ни контактов (хотя бы случайных) с «врагами народа»?

Зато советских граждан с потенциально уязвимыми пунктами биографии насчитывалось очень и очень много. У одного отец был священником, у другого дядя кулаком, третий происходил из дворян, четвертого когда-то судили за торговлю яблоками на улице, пятому довелось жить на территории, занятой белыми, в годы Гражданской войны... Такие люди могли надеяться сойти за добропоряд-

---

²⁸ ГА РФ. Ф. 7709. Оп. 8. Д. 2. Л. 418.

²⁹ Там же. Л. 246.

дочных советских граждан, но не могли на это рассчитывать. Пусть они казались другим примерными гражданами, пусть даже сами в глубине души были горячими приверженцами советской власти, но мгновенно лишались всякой защиты и безопасности, стоило слабому пункту их биографии, позорному «пятну», которое они всеми силами пытались скрыть, внезапно выйти на свет. Тогда с них срывали советскую маску; их разоблачали как лицемеров и двурушников, врагов, недостойных места в советском обществе. В мгновение ока, как в сказке, пионер колхозного движения Гафнер превращался в мэнонита и кулака Хафнера. Удар грома – и на Ульянову из зеркала смотрело лицо злой ведьмы Бубер, Врага Народа.

ГЛАВА 6

ДВА ЛИЦА АНАСТАСИИ*

Анастасия Плотникова была совершенно обычной женщиной. Ее жизнь не знала ни тайн, ни особых драм, во всяком случае если принять во внимание условия времени. Она родилась в деревне недалеко от Петербурга в 1893 г., в 1920 г. стала коммунисткой. К середине 1930-х гг. Плотникова уже лет десять занимала ответственные административные посты в Ленинграде. В 1936 г. она была председателем райсовета и членом горсовета. Ее муж, с которым они поженились накануне Первой мировой войны, вел партийную работу на заводе в Выборгском районе Ленинграда; два их сына, оба комсомольцы, старше двадцати лет, служили в Красной армии. Судя по тому немногому, что мы знаем о характере Плотниковой, она была практичной, здравомыслящей, находчивой, великодушной, не тратила время на долгие размышления; коллеги ее любили.

Откуда же у Анастасии Плотниковой взялись проблемы с идентичностью? Все получилось самым обычным для Советского Союза образом, благодаря доносу, где излагалась версия ее жизни, отличная от зафиксированной в официальной автобиографии. Это побудило НКВД начать расследование с целью выяснить, не исказила ли Плотникова сведения о себе. Следует подчеркнуть, что, хотя дело могло иметь для Плотниковой весьма серьезные последствия, речь шла не о большом обмане, скандальных открытиях или позорной двойной жизни, а о самых тривиальных обстоятельствах. Плотникова скрывала о себе не больше, чем любой другой советский гражданин, – но

---

* Эта глава, изначально представленная в качестве доклада на заседании AAASS (Американской ассоциации по стимулированию исследований в области славистики) в Вашингтоне в октябре 1995 г., впервые публиковалась под названием: *The Two Faces of Anastasia: Narratives and Counter-Narratives of Identity in Stalinist Everyday Life // Parler de soi sous Staline: La construction identitaire dans le communisme des années trentes / sous la dir. B. Unfried, I. Herrman, B. Studer. Paris, 2002.*

этого было достаточно, чтобы ей, как и многим другим, грозила опасность разоблачения.

Разоблачение происходило разными путями. Рассказ человека о себе мог быть подвергнут сомнению в письменном доносе, как в случае с Плотниковой; в ходе рутинной кадровой проверки, периодически проводившейся в государственных учреждениях и партийных организациях; при повышении по службе, выдвижении кандидатом в выборные органы, вступлении в профсоюз, партию, комсомол, даже в пионеры, а также при многих других обстоятельствах. Рассказчик, чья персональная идентичность вызвала подозрения, мог либо покаяться в грехах и заняться самокритикой в надежде на прощение, либо опровергнуть обвинения и перестроить изначальную саморепрезентацию. Иногда такое удавалось, иногда нет. В пору усиленной охоты на ведьм, например в годы Большого террора, спасти идентичность, подвергающуюся атаке, было труднее, чем в обычные времена. Но Анастасии Плотниковой повезло. Спор насчет ее идентичности (во всяком случае тот, о котором нам стало известно благодаря архивам) разгорелся весной 1936 г. – раньше, чем страну охватила истерия Большого террора.

Хотя разоблачение вошло в сталинской России в повседневную практику, подобные споры нельзя назвать тривиальным делом. Даже в обычное время они могли повлечь за собой исключение из партии или увольнение с работы, и эти темные пятна впоследствии тоже пришлось бы по возможности стирать с автобиографии. Советский ритуал «критики и самокритики» – в отличие, кажется, от его китайской коммунистической версии и тем более от аналогичных религиозных ритуалов в христианской традиции – не позволял кающемуся смыть свои «грехи». Темные пятна оставались в личном деле, даже если в виде исключения самокритику признавали удовлетворительной¹. Именно потому, что в советской жизни в этом смысле не существовало второго шанса, так важно было, с одной стороны, скрывать определенные вещи, а с другой – заблаговременно предупредить появление темного пятна, подчищая страницы биографии.

Коммунистический дискурс об идентичности в 1920–1930-е гг. носил манихейский характер – либо ты союзник советской власти, либо враг. Такая категоричность проявлялась с особой силой (и про-

---

¹ В отношении уголовной судимости правительство в середине 1930-х гг. попыталось решить эту проблему, в законодательном порядке отменив задним числом осуждение по некоторым категориям уголовных дел, но это только вызвало споры среди юристов насчет того, следует ли вносить в личное дело сведения о снятии судимости. И в любом случае не существовало процедуры «снятия» таких темных пятен, как наличие родственника-эмигранта, дворянское происхождение или бывшее участие в оппозиции.

изводила весьма причудливый эффект) в вопросе о классовой идентичности: или ты «пролетарий» и потому прирожденный союзник, или «буржуй» и, следовательно, прирожденный враг. Это категории якобы объективные и научные, а твое субъективное отношение к советской власти или твоя собственная классовая идентичность значения не имеют.

Конечно, это был абсурд и с теоретической, и с прагматической точки зрения. Ни один интеллектуал-марксист не стал бы всерьез утверждать, что классовая идентичность абсолютна, а тем более что она определяется «генеалогически». Старые большевики-интеллигенты периодически критиковали нелепую мысль (столь часто игравшую руководящую роль в советском быту) о наследственности классовой принадлежности («если твой отец был буржуем, значит, и сам ты буржуй»). Даже Сталин в конце концов осудил подобную позицию². Абсолютистский подход к классовой идентичности особенно не годился для России первой трети XX в. с ее гигантской социальной неразберихой, текучестью и мобильностью, вызванными войной, революцией и сталинской «революцией сверху» в конце 1920-х годов.

Тем не менее в коммунистическом дискурсе мир по-прежнему делился на агнцев и козлищ, точнее – на агнцев, козлищ и злокозненных «волков в овечьей шкуре», которых каждому коммунисту надлежало выявлять и разоблачать³. Но сама жесткость и непрактичность этой схемы означала, что непременно должны найтись пути, чтобы обойти ее. Один из таких путей – семейственность, создание в среде коммунистической бюрократии «семейных кругов» взаимного покровительства, где разделение на «своих» и «чужих» проводилось по более персоналистскому принципу. Членов собственного «семейства» не разоблачали, а если их пытался разоблачить кто-то со стороны – всеми силами старались ему помешать, хотя бы из чувства самосохранения. И подобного рода побуждения, и манихейское разоблачительное рвение, которому они отчасти преграждали путь, мы можем увидеть в истории о двух лицах Анастасии.

* * *

Как у всех советских граждан в 1930-е гг. (по крайней мере, у всех наемных работников и членов партии), у Плотниковой имелась автобиография, которую она периодически обновляла. Этот офици-

---

² Подробнее об этом см. выше, в гл. 2.

³ Эта метафора в 1930-е гг. поистине стала крылатым выражением; она мелькала везде. У Сталина применительно к «врагам народа» см.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 1 (14) / под ред. Р. Х. Макнила. Стэнфорд, 1967. С. 190. О ее употреблении в народе см. ниже, с. 199.

альный документ хранился в ее личном деле вместе со стандартной анкетой из 30–40 вопросов, касавшихся социального происхождения, образования, службы в армии, членства в политических организациях и трудовой деятельности. По обыкновению автобиография отвечала на те же вопросы, но писалась в свободной форме, и в ней могли затрагиваться такие темы, как становление личности автора, его жизненная философия, семейная жизнь и т. п.

Автобиография Плотниковой, датированная 22 мая 1936 г., примечательна своей ясностью, точностью и отсутствием лично-исповедальных мотивов⁴. Имена и место жительства родственников названы полностью, места работы аккуратно перечислены. Все концы тщательно увязаны, автор часто словно предвидит возможные вопросы читателей и дает на них ответы. С технической стороны это образцовая автобиография. И жизнь, рассказанная в ней, по советским понятиям, образцовая.

Вот что рассказывает о себе Плотникова. Ее девичья фамилия Хорева, родилась она в 1893 г. в деревне Понизовье Новгородской губернии, недалеко от Санкт-Петербурга, в бедной семье: «По деревне считались бобыли, т. к. земли не имели, отец имел одну избу на 2-х братьев. Иногда имел корову». Отец, Мирон Хорев, с двенадцати лет работал за плату, и Анастасия называет его «рабочим». Он плотничал, иногда в деревне, но чаще на различных промышленных предприятиях в окрестностях Петербурга. Его жена жила в деревне постоянно (как обычно в семьях крестьян-рабочих, подобных Хореву) и не сопровождала мужа, когда тот уезжал на работу в город. Иногда нанималась батрачкой, вероятно к зажиточным односельчанам.

В семье родилось пятеро детей. Два брата Анастасии пошли по стопам отца и стали плотниками, работали все время в Петербурге; один из них продемонстрировал пролетарско-революционный пыл, вступив в 1917 г. в Красную гвардию. Имелись еще два сводных брата, сыновья матери от другого брака, тоже плотники. Две сестры к моменту написания автобиографии были колхозницами, одна в родной деревне, другая, Матрена, в Сибири. Анастасия работала с одиннадцати лет, сначала нянькой в чужих семьях, живя дома только зимой, с тринадцати до девятнадцати лет – батрачкой.

В двадцать лет она уехала из своей деревни в Петербург, там вышла замуж, работала в разных сапожных мастерских. Летом, когда в мастерской мало работы, нанималась на торфоразработки и лесозаготовки. Ее муж, Плотников, был сапожником, с семнадцати лет,

---

⁴ Автобиография. Плотникова, Анастасия Мироновна: Центральный государственный архив историко-политической документации г. Ленинграда (ЦГА ИПД, бывший ленинградский партийный архив). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 87–88.

«после смерти матери», жил самостоятельно. В 1915 г. его арестовали. Причины Анастасия не указывает (хотя, скорее всего, указала бы, если бы речь шла о политическом преступлении, т. е., по советским понятиям, выигрышном моменте биографии), однако в результате его отдали в солдаты и отправили на фронт. В 1916 г. Анастасии почти удалось получить работу на знаменитой фабрике «Треугольник» по квоте для солдаток. В последнюю минуту ей отказали на том основании, что она не настоящая солдатка, а жена отправленного на фронт преступника. С двумя маленькими сыновьями (родившимися в 1913 и 1915 гг.) Анастасия вернулась в деревню и до сентября 1917 г. работала в поле.

В сентябре мужа Плотниковой демобилизовали из армии по ранению и отправили в госпиталь, она вернулась в Петроград и снова занялась сапожным ремеслом. В начале 1918 г. мужа, который еще не мог ходить, выписали из госпиталя больного цингой в тяжелой форме, и в мае вся семья – Анастасия с мужем, двое детей, да еще сестра Анастасии Матрена, недавно потерявшая работу на «Треугольнике», – отправилась в Сибирь. Они поехали в село Катково Томской губернии, куда за несколько лет до войны перебрались несколько крестьян из их деревни.

Приезд в Сибирь – поворотный пункт в повествовании Плотниковой. До этого момента в истории ее жизни нет ни слова о политике – даже о Февральской и Октябрьской революциях не упоминается. Но после прибытия семейства в Сибирь внезапно возникает и политическая тема, хотя ничего не говорится о каком-либо событии или перемене убеждений, которые могли бы это объяснить. «Ввиду захвата власти Колчаком мы жили полулегально», – первая фраза, касающаяся сибирской жизни Плотниковых, как будто оба имели в том очевидную необходимость в силу революционного прошлого. Далее в автобиографии описывается деятельность Плотниковых в большевистском партизанском движении в Сибири. Трудясь в сельском хозяйстве и на железной дороге, Анастасия с мужем «одновременно завели связь с рабочими Кемеровского рудника – тов. Корневым – чл. ВКП(б), Лоскутовым и др., по заданию коих работали среди бедноты, по мобилизации актива на свержение Колчака; выявляли и собирали оружие... Я и муж состояли членами партизанского отряда – Шевелева-Лубкова...»⁵ В 1920 г., после разгрома Колчака и установления в Сибири советской власти, Плотниковы официально вступили в большевистскую партию. На тот момент они уже занимали ответственные посты на местном уровне: она была женским организатором, ее муж – секретарем волостного коми-

⁵ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 80.

тета партии и председателем коммуны, которую они организовали в селе Катково, где проживали.

В 1923 г. Плотниковы вернулись в Ленинград (с разрешения сибирской партийной организации, как заботливо отмечено в автобиографии) и устроились там. Анастасия сначала работала токарем на заводе, но примерно через год перешла на организационную работу и стала секретарем заводской парторганизации. К концу 1928 г. она уже выросла до должности заведующей отделом в райсовете. В 1930–1935 гг. была парторгом на крупной ленинградской фабрике «Красное знамя». Муж ее занимал различные посты на заводах в Выборгском районе Ленинграда. В автобиографии Плотникова не уточняет свою должность на текущий момент. «С 1935 г., – скромно пишет она, – работаю в Совете Петроградского района»⁶. В действительности она была председателем райсовета, т. е. главным должностным лицом в одном из важных подразделений ленинградской городской администрации.

Жизненный путь, изображенный в автобиографии Плотниковой, – типичная советская история успеха: женщина-пролетарий, при старом режиме обездоленная и эксплуатируемая, вступает в партию вскоре после революции, выдвинута на высокие посты, но не теряет при этом своих крестьянских и пролетарских корней. Конечно, в повествовании есть пункты, которые могут вызвать вопросы у внимательного читателя. Так ли беден был в действительности отец Анастасии, если работал плотником-сезонником? Не подретушировала ли она кое-что в биографии мужа, о происхождении которого весьма мало сказано кроме явно несущественного факта, что он ушел из дома после смерти матери? Какова подоплека внезапного появления Плотниковых в рядах большевиков в Сибири? Кто-то обратил бы особое внимание на то, что Плотникова ничего не говорит о своем образовании (не ходила ли она в школу больше, чем можно ожидать от дочери безземельного крестьянина?), кто-то придрался бы к отсутствию прямого заявления (довольно часто встречавшегося в автобиографиях того периода), что ее политическая репутация безупречна и она никогда не имела никаких связей с партийной оппозицией.

Однако возражения, на самом деле выдвинутые против саморепрезентации Плотниковой, носили фундаментальный характер. Они касались не второстепенных деталей, а самой сути ее социально-политической идентичности (классового лица). В соответствии с этой контррепрезентацией лицо у Плотниковой было не пролетарское, а капиталистическое (кулацкое).

---

⁶ Отметим, что название района не изменилось даже после того, как сам город был переименован в Ленинград.

Творцом противоположной версии жизненного пути Плотниковой выступил НКВД, первоначально представивший данную версию в справке, направленной 1 марта 1936 г. в Ленинградскую партийную организацию⁷. Из архивных документов не совсем ясно, почему НКВД заинтересовался Плотниковой. Может быть, сыграл свою роль донос, написанный неизвестным лицом на ее двоюродную сестру, Липину-Казунину, содержащий выпады и в адрес Анастасии⁸. А может быть, толчок всему делу дал арест Ольги Дробецкой, коммунистки, коллеги и, по-видимому, подруги Плотниковой с фабрики «Красное знамя». Бывшую оппозиционерку Дробецкую, обвинявшуюся во «вредительстве», допрашивали в тюрьме насчет Плотниковой, и ее показания послужили НКВД одним из главных источников для контрверсии плотниковской биографии⁹. Еще один немаловажный источник – показания Григория Щеникова, крестьянина из родной деревни Плотниковой, которого позже вызвали в милицию, дабы получить сведения о детстве и семье Анастасии¹⁰.

Согласно контрверсии НКВД, Анастасия Плотникова была не дочерью бедного безземельного крестьянина, а приемной дочерью «крупного кулака». С семи лет она жила в доме своей тетки Липиной, жены преуспевающего предпринимателя, которому принадлежали полдюжины барж и «кулацкое хозяйство». Она стала приемной дочерью Липиных, т. е. членом семьи сельских капиталистов и эксплуататоров.

Как и положено кулацкой дочке, Анастасия в замужестве сделала выгодную партию. Плотниковы держали процветающую капиталистическую сапожную мастерскую, где заправляли свекор Анастасии с сыновьями, а потом и она сама. (Насчет последнего пункта мнения несколько расходились: по одним показаниям, Анастасия работала в семейной мастерской Плотниковых, по другим – являлась ее со-владелицей, а деревенский свидетель Щеников утверждал, что Плотникова «как в Сибири, так и раньше [после замужества]... нигде не работала»¹¹.) Сапожная мастерская просуществовала до самого отъез-

---

⁷ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 74–75 («Справка на Плотникову Анастасию»).

⁸ Этого документа в деле нет, но на него ссылается начальник райотдела милиции в своем рапорте С. Лукьянову от 29 мая 1936 г. (Там же. Л. 80).

⁹ «Справка УГБ УНКВД ЛО – из показаний арестованной за контрреволюционную деятельность б. члена ВКП(б) б. работницы фабрики «Красное знамя» Дробецкой Ольги Васильевны, 10.IV.1936» (Там же. Л. 76–77).

¹⁰ «Протокол допроса 25.V.1936 г. свидетеля Щеникова, Григория Петровича...» (Там же. Л. 82–83).

¹¹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 84.

да части семейства в Сибирь в 1918 г. Вопреки тому, что рассказывала Анастасия в автобиографии, в числе других туда отбыл и Плотников-старший, крупнейший капиталист. (Он вернулся вместе с ними из Сибири в 1923 г., но тактично переехал в Понизовье – по-видимому, это была его родная деревня, так же как Хоревых и Липиных, – и вскоре умер.)

Контрверсия НКВД вытряхнула из шкафов семей Плотниковых и Хоревых кое-какие скелеты. Плотников-старший, мало того что капиталист, оказывается, еще и убил в 1909 г. свою жену и ее любовника. Его судили за убийство, и год он отсидел в тюрьме. Все это люди, конечно, вспомнили и рассказали, когда сотрудники НКВД начали задавать вопросы (Щеников даже припомнил, как хорошо играл на гармонии любовник, работавший по найму в плотниковской мастерской), и оброненное Анастасией в автобиографии замечание, что ее муж не жил дома после смерти матери, предстало в новом свете. Следователи выяснили также, что одного из братьев Анастасии в 1929 г. судили за попытку ограбления почты. (К сожалению, непонятно, тот ли это брат, о котором говорится в автобиографии и который в 1917 г. был красногвардейцем.)

Дискредитирующая Анастасию связь с Липиными, увы, не прервалась после ее замужества и отъезда из деревни. Она стала еще более опасной, поскольку Липиных в 1930 г. раскулачили. Дядя Липин примерно в то время умер, но тетка с дочерью нашли убежище у Плотниковой в Ленинграде. Та, вместо того чтобы сдать их в милицию как нелегальных мигрантов, дала им кров и помогла получить необходимые документы и работу. Двоюродная сестра Анастасии, Липина-Казунина, даже вступила с ее помощью в комсомол, и, таким образом, Анастасия сделалась соучастницей последней в сокрытии сведений о кулацком происхождении и раскулачивании.

Это не единственный раз, когда Плотникова поставила семейные интересы выше партийных. И до, и после коллективизации она проявляла исключительное великодушие по отношению к своим деревенским родственникам – Хоревым, Плотниковым, Липиным, – решавшимся переехать в город: «Проживая в г. Ленинграде, Плотникова Анастасия Мироновна свою квартиру превращает в своеобразный “дом крестьянина”, куда приезжают начиная примерно с 25–26 гг. ее родичи и живут то время, которое необходимо для подыскания сначала работы, а впоследствии жилплощади»¹². По словам свидетелей, через плотниковскую квартиру прошли таким образом от 15 до 20 человек¹³.

---

¹² ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 81.

¹³ Из рапорта начальника райотдела милиции (Там же).

Как и следует ожидать от человека, имеющего капиталистическое происхождение и скрывающего от партии свое подлинное классовое лицо, за Плотниковой также водились политические грешки. Она была идейно нестойкой, может быть, даже оппозиционеркой, во всяком случае имела «связи» с членом разгромленной зиновьевской оппозиции и пыталась заступаться за какого-то арестованного «вредителя». (Вероятно, речь идет о ее подруге Дробецкой, чьи показания на допросе в тюрьме вошли в дело Плотниковой.) После XVII съезда партии, на котором Плотникова присутствовала в качестве делегата, она распространяла слухи, будто «во время выборов ЦК Сталин и Киров не прошли единогласно». Она также якобы выражала сочувствие опальному Зиновьеву; навестив его в кисловодском санатории в 1933 г., рассказывала, что он выглядит «затравленным» и «загнанным»¹⁴.

Так каково же было ее подлинное лицо – кулацкое или пролетарское? НКВД собрал против нее материал, но это отнюдь не предредило однозначно исход дела. Годом позже все сложилось бы иначе, однако в июле 1936-го окончательный вердикт зависел от Ленинградского горкома партии, в частности от начальника его отдела кадров С. И. Лукьянова, – а Лукьянов явно симпатизировал Плотниковой, которую, скорее всего, знал лично в силу ее должности. Его заключение – яркий пример того, как ленинградский «семейный круг» защищал своих, в том числе и в деле Плотниковой¹⁵.

Лукьянов счел убедительными доказательства, что Плотникова искажила некоторые факты, касающиеся ее социального происхождения и окружения. Во-первых, она скрыла сведения о собственном классовом положении, умолчав в автобиографии о связях с Липиными и представив свою жизнь в их доме так, будто работала у них батрачкой. Во-вторых, не слишком честно рассказала и о классовом происхождении мужа, о себе писала как о «наемной работнице» в годы войны, хотя в действительности до самого отъезда в Сибирь в 1918 г. трудилась на семейном предприятии Плотниковых (а может, и входила в число владельцев?). Кроме того, заключал Лукьянов, она воспользовалась своим положением парторга фабрики, чтобы устроить на работу дочь Липиных и помочь ей вступить в комсомол (утаив, что та – дочь лишенцев).

Со стороны Плотниковой, по мнению Лукьянова, также было неразумно рассказывать о голосовании на XVII съезде и выражать личное сочувствие Зиновьеву. Но он счел эти прегрешения не слиш-

---

¹⁴ Главный источник информации, приведенной в данном абзаце, – материалы допроса Дробецкой (см. выше, прим. 5).

¹⁵ Записка от 19 июля 1936 г. (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 78–79).

ком значительными, а другие обвинения (видимо, намеки на принадлежность к зиновьевцам) не подтвердились. Лукьянов предложил снять Плотникову с поста председателя Петроградского райсовета и перевести на более низкую (не административную) должность.

По тем временам это было весьма мягкое наказание. Поразительно к тому же, как легко Лукьянов отмахнулся от истории насчет XVII съезда. Ведь Плотникова повторяла слух, который, как часто считается, крайне болезненно задевал Сталина. Правда, ее версию (что Сталин и Киров *оба* получили меньше голосов, чем объявлялось официально) следует признать все же не столь потенциально опасной для Сталина, как та, что появилась в хрущевскую эпоху¹⁶. Трудно, однако, поверить, что, если бы дело Плотниковой рассматривала Комиссия партийного контроля в Москве, этот орган отнесся бы к ее политическим промахам с такой же терпимостью.

Очередное свидетельство того, что на Плотникову работала «семейная солидарность» Ленинградской партийной организации, появилось в конце лета. Тогда шел обмен партбилетов (т. е. чистка партийных рядов), и Петроградский райком медлил выдавать новый билет Плотниковой. Колебания райкома вполне понятны и даже естественны, поскольку речь шла о человеке, ставшем объектом расследования НКВД и в результате пониженном в должности. Но тут вмешался Лукьянов, приказав немедленно выдать Плотниковой новый партбилет, ибо «Петроградский районный комитет не имеет оснований затягивать ее дело»¹⁷.

В архивном деле есть еще один документ, свидетельствующий о находчивости Плотниковой и о потенциальной бесконечности спора по поводу социальной идентичности. 24 августа 1936 г. Понизовский сельсовет выписал ей новую справку, судя по всему, составленную самой же Плотниковой с целью разрешить вопрос о Липиных

---

¹⁶ Согласно этой версии, излагаемой, к примеру, Р. Конквестом (Conquest R. *Stalin and the Kirov Murder*. New York, 1989), Сталин получил меньше голосов, чем Киров, завидовал ему и, вероятно, потому его и убил. Даже после открытия архивов в 1991 г. убедительных доказательств связи Сталина с убийством не появилось. Хороший обзор новых данных см.: Lenoe M. E. *Did Stalin Kill Kirov and Does It Matter?* // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. No. 2. P. 352–380. Донесения о реакции народа на убийство Кирова свидетельствуют, что среди современников эта тема не муссировалась, а вошла в советский фольклор позже. См.: Rimmel L. A. *Another Kind of Fear: The Kirov Murder and the End of Bread Rationing in Leningrad* // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 3. P. 481–488; Фицпатрик III. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М., 2001. С. 324–327.

¹⁷ Записка Лукьянова Ф. Иванову, 15 августа 1936 г. (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 89).

и кулацком происхождении и восстановить «хорошую» классовую идентичность. Справка удостоверяет, что гражданка Анастасия Мироновна Плотникова происходит «из бедняцкой семьи», а ее отец «безземельный бобыль, занимался отхожим промыслом». Сама Плотникова «с малых лет жила в людях. С ноября 1906 г. по февраль 1913 г. жила в качестве наемного лица (нянька и работница у дяди Липина)». Однако, прямо говорится в справке, она «ничего общего с хозяйством Липиных не имела»¹⁸. Анастасия уже не приемная дочь Липиных; она снова их батрачка. По крайней мере до поры до времени ее пролетарское лицо к ней вернулось.

* * *

Так что же, НКВД выяснил «правду» об Анастасии Плотниковой? С одной стороны, его контрверсия предлагает биографическую информацию, которую Плотникова в своей автобиографии опустила, хотя кое-что отдает явной тенденциозностью. (Например, нарисованный Щениковым образ тунеядки, никогда в жизни не работавшей, гораздо менее достоверен, чем рассказ Плотниковой о женщине, что с малых лет тяжело трудилась, берясь за любую работу.) С другой стороны, общая идея контрверсии – что Плотникова, по сути, есть классовый враг советской власти, а не союзник, чья преданность зиждется на полученном с детства опыте нищеты и работы на чужих людей, как подразумевает ее собственное повествование, – кажется весьма неубедительной. Здравый смысл подсказывает вывод, сделанный Лукьяновым (какими бы мотивами он ни руководствовался), – новые сведения о Плотниковой не имели большого значения и не меняли ее основного статуса союзника советской власти. У той Плотниковой, о которой мы узнаем из обеих версий, революция ничего не отняла. Она одна из тех, кто от революции выиграл.

Но в социальной истории Плотниковой (и не только ее одной) много неоднозначных моментов, а следовательно, даже наименее тенденциозное ее изложение может грешить чрезмерным упрощением. Ряд вопросов вызывало положение крестьянина-рабочего, такого, как плотник Мирон Хорев, безземельный, но владеющий ремеслом, которое пользуется рыночным спросом. С одной стороны, Хорев был бедняком и предположительно находился внизу деревенской пирамиды, с другой же – благодаря своему ремеслу мог неплохо зарабатывать отхожим промыслом или даже (подобно своему односельчанину, сапожнику Плотникову) завести небольшое собственное дело в городе. Хорев – представитель целой категории грамотных, искус-

¹⁸ «Пониловский сельсовет, 24 авг. 1936 г. Справка дана гражданке Плотниковой Анастасии Мироновне» (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1833. Л. 104).

Рис. 4. «Рычи, не рычи, а пока не представишь справку, что ты лев, не поверю!» Карикатура Л. Бродаты «Бюрократ в пустыне» (журнал «Крокодил», 1933 г.). Из кн.: Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М., 1963

ных, работающих за плату бедняков, чье существование сводило на нет попытки марксистских социологов 1920-х гг. анализировать российскую деревню с точки зрения классовой эксплуатации.

Столь же неоднозначен статус деревенского ребенка, взятого в дом зажиточных родственников, – ситуация достаточно частая в России начала XX в. Такие дети обязательно работали с малых лет, как делали бы и в родительском доме, но работа на приютивших их крестьян обычно бывала тяжелее и больше походила на эксплуатацию. Несомненно, Плотникова нарисовала одностороннюю картину своих отношений с Липиными, называя себя их батрачкой. Однако мысль, будто эти отношения основывались исключительно на родственной любви и труд Анастасии для них не имел никакого значения, шла бы вразрез со всем, что мы знаем о жизни российской деревни. Поскольку Плотникова позже помогла Липиным в час нужды, мы, вероятно, могли бы прийти к выводу, что она чувствовала к ним особую привязанность и благодарность. Но она помогала всем родственникам, следовательно, такой вывод не слишком обоснован.

Возможно, ближе всего мы подойдем к «правде» об Анастасии Плотниковой, если скажем, что, как и у большинства людей, жизнь ее могла пойти разными путями и соответственно изменалось бы ее «лицо» – т. е. социальное положение, представление ее самой и окружающих о том, кто она такая. Если бы не случилось революции, после войны дело Плотниковых могло пойти в гору, и Анастасия

стала бы солидной горожанкой, представительницей среднего класса. Но в военные годы ей до этой солидности было далеко, напротив, она рисковала потерять всякую надежду на лучшую жизнь и остаться в деревне безземельной вдовой с двумя малыми детьми.

В конце концов, как оказалось, Плотникову вывел наверх не буржуазный, а большевистский путь, однако он таил свои опасности. В 1936 г. она чуть не лишилась статуса представительницы «советской буржуазии». Грядущий террор должен был серьезно угрожать ей, не только из-за расследования и понижения в должности, но и потому, что она, по всей видимости, принадлежала к местному партийному «семейному кругу», который в 1937 г. стал особенно уязвимым. Так что в конечном счете она, вполне возможно, приобрела третье лицо – «врага народа» и, если пережила столь резкую перемену в своей судьбе, – новую социальную идентичность заключенной или сосланной в места, весьма отдаленные от Понизовья и Ленинграда. Но хранящиеся в архиве рассказы о жизни Плотниковой не дают нам заглянуть дальше 1936 г. Читателю предоставляется самому домыслить ее историю.

ГЛАВА 7

ИСТОРИЯ ДЕРЕВЕНСКОГО ПРАВДОЛЮБЦА*

10 ноября 1938 г. Андрей Иванович Полуэктов, 52-летний крестьянин из колхоза им. Дзержинского Лосевского района Воронежской области, прислал письмо в редакцию «Крестьянской газеты»¹. Оно принадлежало к распространенному жанру «писем о злоупотреблениях»², подробно повествовало о прегрешениях и некомпетентности колхозного председателя, однако его никак нельзя было назвать обычным письмом из деревни. В первую очередь его отличала длина: сделанная в редакции машинописная копия заняла тринадцать страниц – раза в четыре больше, чем в среднем занимали «письма о злоупотреблениях» в газету. В равной мере поражали индивидуальность и интеллект автора, претенциозный размах послания, включавшего историю колхоза им. Дзержинского, анализ социальных отношений и этнических конфликтов в нем, а также историю жизни автора, которой посвящалась половина письма.

Документ, вышедший из-под пера Полуэктова, – настоящий раритет, ибо содержит подлинную крестьянскую автобиографию. Крестьяне редко пишут автобиографии, даже в те времена и в тех местах, которые больше располагают к спокойным размышлениям о прошлом, чем Советский Союз 1930-х гг. Заложенные в автобиографии стремление к самопознанию и поиск смысла жизни, как правило, кажется, чужды крестьянам, во всяком случае пока те остаются в де-

---

* Это переработанный вариант предисловия к публикации полного текста письма: From *Krest'ianskaia gazeta's* Files: Life Story of a Peasant Striver // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 1–2.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 10. Д. 19. Л. 133–206.

² О жанре «разоблачения злоупотреблений» см. ниже, с. 251–254.

ревне³. Если они все-таки рассказывают публично о своей жизни (в 1930-е гг. к этому всячески поощряли колхозников-стахановцев), то обычно не увлекаются самоанализом и следуют стереотипным образцам (например, описывают, как «плохо» жили до коллективизации и как «хорошо» живут теперь)⁴. Однако в повествовании Полуэктова таких стереотипов и в помине нет.

Полуэктов родился крестьянином, крестьянином же, по-видимому, и умер – но вовсе не от недостатка старания переменить свою участь. Благодаря стремлению выбиться наверх он, вероятно, и оказался способен посмотреть на себя и свою жизнь нетипичным для крестьян взглядом. Поразительно также, как легко он адаптировался в разных ситуациях и сколько путей продвижения перепробовал – был учеником в лавке, счетоводом, прошел офицерскую подготовку, участвовал в солдатских комитетах, выступал с революционными речами (в 1917 г.), работал совслужащим. Усилия Полуэктова часто шли насмарку, потому что правила игры на его веку не раз внезапно менялись. В советский период ему мешали «плохое» классовое происхождение (его отец в сталинскую эпоху вышел на отруб – в глазах большевиков это означало опасную близость к кулакам) и беспартийность (предоставлявшимся вначале шансом вступить в партию

---

³ Из немногих мемуаров русских крестьян большинство написаны после высылки или добровольного отъезда из деревни. См., напр.: Столяров И. Записки русского крестьянина / под ред. В. Столярова, А. Береловича. Париж, 1986; Твардовский И. Страницы пережитого // Юность. 1988. № 3; Жизнь и судьба крестьянской дочери Марии Карповны Бельской // Народный архив (Из подвала): Альманах. Вып. 1. М., 1993; Morgachev D. My Life // Memoirs of Peasant Tolstoians in Soviet Russia / ed. W. Edgerton. Bloomington, Ind., 1993. Музыкавед-фольклорист Е. Н. Разумовская в 1970-е и 1980-е гг. записывала короткие биографии крестьянских народных певцов и певиц, см.: 60 лет колхозной жизни глазами крестьян // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 113–161. Один крестьянский дневник 1937 г. (где речь идет в основном о погоде и работе) см.: *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 11–65 *passim*.

⁴ Стахановские биографии, по типу напоминающие латиноамериканские *testimonios*, обычно излагались устно на съездах стахановцев. Вкратце об этом см. мою книгу: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 308–312. В составленной Юрием Слезкиным и мною книге автобиографических рассказов русских женщин довоенной эпохи также рассматривается этот жанр и приводятся примеры, см.: *In the Shadow of Revolution* / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000. Есть и более длинные, опубликованные стахановские автобиографии, напр.: Дубковецкий Ф. На путях к коммунизму. Записки зачинателя колхозного движения на Украине. М., 1951; Ангелина П. О самом главном: Мой ответ на американскую анкету. М., 1948; Люди колхозных полей. М.; Л., 1952.

он не воспользовался, а позже ему уже отказали в приеме как «столыпинцу»). В конечном счете он оказался колхозником в деревне, и, стало быть, можно заключить, что его попытки «выйти в люди» провалились. Однако рассказ Полуэктова – не история неудачника. Слишком много в нем энергии и чувства собственного достоинства, чтобы так оценивать свою жизнь. Герой его автобиографии – способный человек, повидавший мир.

Повествование Полуэктова можно разделить на три части: история и социологический анализ колхоза им. Дзержинского, обвинение в «злоупотреблении властью» против колхозного председателя Никульшина и собственно автобиография. Поскольку последняя содержит мало информации о жизни Полуэктова с 1931 г., когда он вступил в колхоз, до 1938 г., когда писалось письмо, я привожу краткий пересказ двух первых частей, дабы заполнить пробелы.

История колхоза им. Дзержинского

По словам Полуэктова, колхоз им. Дзержинского создали в середине 1929 г. красноармейцы из Брянской губернии (вероятно, коммунисты), служившие в Воронеже. Большинство его земель и членов составили земли и жители села Тумановка (принадлежавшего раньше помещику И. Д. Тушневу), также в него вступили дворы из соседнего села Ливенка и ряд других, в том числе группа украинских хозяйств из Лосево. К 1938 г. колхоз включал 140 дворов, больше всего (55–60 дворов) – из Тумановки, затем по убывающей шли контингенты из Ливенки, Брянска и Лосево. (Полуэктов, следует отметить, к основной группе колхозников не принадлежал: он был из Лосево, хотя к лосевским украинцам, по всей видимости, не относился, и вступил в колхоз им. Дзержинского в 1931 г.)

Колхоз получился хорошо оснащенный, с диверсифицированным производством: имел собственный электрический генератор, работающий от водяной мельницы, веялку, механизированный маслостойный пресс, кирпичный заводик, фабрику сухофруктов, пасеку, теплицы (не говоря уже о трех тракторах «Фордзон» и молотилке, которые через несколько лет забрала МТС⁵). Почти все 1930-е гг. он был одним из самых процветающих колхозов в области. Это нашло материальное выражение в строительстве новых домов и новой улицы, появлении бани и клуба с кинопроектором (ни то, ни другое

---

⁵ В начале 1930-х гг. большинство тракторов, комбайнов и другой сложной сельскохозяйственной техники, находящейся в распоряжении колхозов, было передано МТС (машинно-тракторным станциям).

никак нельзя назвать обычным делом для довоенного колхоза), возникновении множества добровольных обществ (если, конечно, они состояли не из одного неумолимого активиста Полуэктова). Несколько коммунистов среди постоянных членов колхоза – также знак его превосходства над другими.

Как и следовало ожидать при неоднородном составе колхозников, между ними существовали разного рода устойчивые конфликты. Например – между семьями из Тумановки, «старожилами», и новичками, в частности брянскими активистами, создавшими колхоз. Тумановцы относились к колхозу в лучшем случае равнодушно; три семьи во время коллективизации были высланы из села как кулаки, а родственники жертв оставались в колхозе. «С первых дней организации коммуны и до сего времени, – пишет Полуэктов, – не потухает вражда между старыми жителями сельца Тумановки, из которых три семьи во время коллективизации раскулачены и высланы и у которых остались ближайшие родственники, и прибывшими новыми семьями, которые организовали коммуну, часто в открытую ругаются, то старожилы говорят: вас черти принесли, если бы вас не было бы, то здесь и колхоза не было бы, а новые жители говорят старым, что это вам, говорят, не помещик Тушнев, которому вы поклонялись и т. д. как богу и крали у него чего хотели».

Другой конфликт возник между русскими (подавляющим большинством колхозников) и горсткой украинцев. Последних презрительно называли «хохлами» и постоянно дразнили, несмотря на предупреждения местных работников НКВД. Описываемые Полуэктовым проявления «национальной розни» на самом деле не слишком значительны, но они привлекли внимание «Крестьянской газеты», во-первых, как некая экзотика (в редакционной почте подобные жалобы встречались очень редко), а во-вторых, как явное идейное прегрешение.

Председатели в колхозе им. Дзержинского, как и во многих других колхозах 1930-х гг., на своем посту долго не задерживались. Полуэктов красочно повествует об этом, называя четырех председателей, сменивших друг друга за 1933–1937 гг., «самоснабженцами», которые окружали себя «подхалимами» и «растратчиками». Самоснабженец – человек, пользующийся своей официальной должностью, дающей ему доступ к колхозным фондам, для устройства собственного гнезда; это определение подходило практически к любому колхозному председателю, хотя, конечно, поле и масштабы их «вне-служебной» деятельности разнились. Слово «растратчик» употреблялось в отношении должностных лиц, виновных в незаконном присвоении государственных или общественных средств и плохом руководстве хозяйством. Без лишних слов понятно, что председатель

окружал себя «своими» людьми, создавая для союзников все больше административных должностей, предполагающих освобождение от полевых работ и более высокую ставку оплаты. Так делалось практически во всех колхозах 1930-х гг., особенно если председатель был из местных, что, по-видимому, обычно и бывало в колхозе им. Дзержинского.

Полуэктов не пишет этого прямо, но, кажется, одна из проблем колхозного руководства здесь заключалась в том, что председателей, представлявших ту или другую группу большинства в колхозе, не жаловали остальные группы. Последнего председателя, К. В. Никульшина из Ливенки, критиковали за то, что он покровительствует родственникам и односельчанам. «Колхозники» (наверное, местный селькор, т. е. сам Полуэктов?) писали о его недостатках в областную газету «Коммуна». Было проведено расследование, но благодаря поддержке района и председателя сельсовета Никульшин отделался выговором.

Злоупотребление властью

Как только речь заходит о Никульшине, письмо Полуэктова приобретает черты жанра обличения «злоупотреблений властью». Основные обвинения против Никульшина в письме: под его руководством неудовлетворительно велась финансовая отчетность и резко снизились экономические показатели колхоза. Почему это произошло, из рассказа Полуэктова не совсем ясно. Два главных фактора, судя по всему, – необдуманная попытка перенести в другое место кирпичный завод, из-за чего он перестал работать, а колхозу пришлось потратить много денег, закупая кирпич на стороне, и потеря пяти тягловых быков в результате небрежности скотников. Другие проступки, перечисляемые Полуэктовым, попадают в категорию более или менее обычного «самоснабжения», хотя в глазах колхозной общественности отягчающим обстоятельством в данном случае являлся тот факт, что Никульшин, выходец из Ливенки, потворствовал ливенским же колхозникам. Он установил себе оклад в 100 рублей⁶, брал мед, масло, яйца и другие продукты из колхозных амбаров, несправедливо распределял текстильные и кожевенные товары по родным и друзьям. Когда некоторые из розданных колхозникам

---

⁶ В 1938 г. председатели колхозов очень часто (но пока еще незаконно) получали фиксированный оклад (тогда как им полагалось получать по трудодням, т. е. выплаты должны были зависеть от доходов колхоза). См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 213–215.

поросят погибли, только сестре Никульшина взамен выдали другого. Собственного поросенка, за которого он так и не заплатил, Никульшин кормил жмыхом с ливенского склада (где у него были личные связи), предназначенным для выдачи колхозникам в обмен на маслопоставки. После того как пять быков пришлось забить, он отвез четыре туши в город и продал, по всей видимости, прикарманив выручку.

Все это вызывало «возмущение колхозников», которые писали жалобы в районную и областную газеты, делая все от них зависящее, чтобы добиться уголовного преследования председателя. Авторы писем о «злоупотреблении властью» со стороны председателя колхоза чаще всего, как правило, выступали от лица «колхозников»: это подразумевало единодушие, вряд ли существовавшее в действительности, учитывая фракционные разногласия внутри многих колхозов, включая полуэктовский. У нас нет достоверной информации о численности и составе «антиникульшинских» сил в данном колхозе. Ясно, однако, что Полуэктов играл тут видную роль (а может быть, и вообще действовал в одиночку), ибо в качестве селькора и областной, и районной газет он как раз и был лицом, ответственным за написание писем. Обличение никульшинских злоупотреблений он, конечно, сам же несколько ослабил, столь ярко живописуя преступления и головотяпство его предшественников: у читателей вряд ли могло создаться впечатление, что Никульшин хуже остальных или что любой его преемник окажется лучше. Кроме того, Полуэктов (весьма нетипично для автора письма о «злоупотреблении властью») признает, что, при всех своих грехах, Никульшин «человек, преданный советской власти, и старается для колхоза». Тем не менее по сути письмо Полуэктова в косвенном виде содержит просьбу, якобы от имени «колхозников», снять Никульшина с поста председателя.

Биография Полуэктова

Автобиографическая тема возникает посреди письма, начинаясь словами: «Теперь я скажу, что я за человек и как я попал из Лосево в колхоз Дзержинского». В архиве «Крестьянской газеты» я прочла сотни писем от крестьян, и это – единственное, где вопрос индивидуальной идентичности поднимается таким образом. Авторы крестьянских писем достаточно часто включают в них несколько строк насчет самоидентификации, стремясь придать веса своим жалобам и обвинениям, но обычно такие пассажи ограничиваются указанием на социальное происхождение («бедняцкое»), стаж членства в колхозе и общественную деятельность (в качестве селькора или «общест-

венника»). Полуэктов же смотрит на свою жизнь как на процесс «образования»; он хочет показать совокупность факторов и опыта, которые сделали его тем, что он есть. Он как будто рассказывает приключенческий роман со множеством неожиданных случайностей и поворотов. Это отражается даже в словечке «попал», выбранном им для обозначения своего прибытия в колхоз им. Дзержинского. И хотя случайности в рассказе Полуэктова в большинстве своем – несчастные, он никогда не изображает себя пассивной жертвой капризной и жестокой судьбы (весьма распространенный прием в крестьянских письмах). Полуэктов – достойный противник судьбы; можно сказать, что это – лейтмотив всей его истории.

Отец Полуэктова был бедняком из Лосево, занимался сплавом леса по реке к Ростову. Андрей родился в 1886 г., в одиннадцать лет окончил сельскую школу и в следующем году его определили в ученики к хозяину лавки в соседнем городке Павловске. Там он пробыл более двух лет, затем отец забрал его домой в Лосево. О тяготах ученичества Полуэктов говорит вскользь несколькими скупыми строчками, показывающими при этом, какая любовь связывала их с отцом: «Ты, говорит [отец], у меня один, а здесь тебе тяжело, весь в дегте, керосине и угольях, лавка была черная»⁷.

Вскоре после возвращения Андрея семью постигло несчастье: пожар уничтожил их избу и практически все, что у них было. Они нашли приют у деда Андрея по матери, «крепкого середняка», и Полуэктов пошел работать к одному лосевскому торговцу. Это, видимо, произошло приблизительно в 1900–1901 гг. Так Полуэктов и работал у торговца, пока его не призвали в армию в 1916 г., во время Первой мировой войны. Он уже решил, что торговлей заниматься лучше, чем крестьянским трудом. В своей первой попытке пробиться наверх он стремился стать бухгалтером: изучал счетоводство, ходил на курсы, выписывал специальные журналы. В конце концов, почти в тридцатилетнем возрасте, он получил квалификацию бухгалтера, но был призван на военную службу прежде, чем сумел применить свои знания на практике.

Между тем отец Полуэктова старался улучшить положение семьи, занимаясь сельским хозяйством. С помощью сына он построил новую избу, купил лошадь и корову. Когда началась столыпинская реформа, он предпочел отделиться от сельской общины, соединив наделы, которые полагались Андрею, ему самому и его жене. Полуэктов, по его словам, был против, говорил, что ему не нужна земля, но отец

---

⁷ Дальше встречается упоминание о «меньшом брате» Андрея, но тот, видимо, был намного младше. Около 1907 г., когда отец соединил семейные наделы, в семье было трое взрослых членов – сам Андрей, его отец и мать.

сделал по-своему: он всегда настаивал, чтобы сын вернулся к земледелию. Последнее, несомненно, правда, но вряд ли и сам Полуэктов по-настоящему противился желанию отца добавить к семейному хозяйству третий надел. Смысл рассказа в данном случае заключается в том, чтобы заявить о своей непричастности к отцовскому решению о выходе из общины.

Здесь мы впервые встречаем намек на тяжкое бремя, которое пришлось нести Полуэктову в дальнейшей жизни, – статус «столыпинца». В советском идеологическом контексте слово «столыпинец» означало зажиточного крестьянина, может быть, даже и кулака, в деревне этим словом припечатывали «отрубника», человека, пожелавшего порвать с общиной. Полуэктов пишет, что его и «сейчас называют столыпинцем»: «И даже некоторые колхозники, которых я задеваю в газете или на общем собрании за непорядки, угрожают, мы тебе покажем, некоторые по злобе даже говорят, что я будто скрылся из слободы Лосево [уже в советское время, видимо, чтобы его не арестовали как кулака⁸】».

Оказавшись в 1916 г. в армии, Полуэктов увидел новые пути карьерного роста. Он стал младшим унтер-офицером и старался дослужиться до старшего, но тут произошла Февральская революция. Это событие по-новому скорректировало его цели, а возможно, и мировоззрение. (В рассказе акцентируется именно последнее, но Полуэктову слишком выгодно было представить себя в таком свете, чтобы мы могли спокойно принять его слова на веру.) Свои первые революционные уроки он получил от одного московского рабочего, с которым подружился, пока их часть стояла в городе Мценск Орловской губернии; их обоих выбрали депутатами на какой-то солдатский митинг. Потом, после того как Полуэктова отправили на фронт, он был избран в ротный солдатский комитет. Похоже, в тот период Полуэктов расправил крылья: его еще избрали в полковую культурную комиссию, он стал библиотекарем 2-го финляндского стрелкового полка и «начал читать современную революционную литературу». Хотя пушки и пулеметы оставили глубокий след в воображении Полуэктова⁹, полк его, по всей видимости, в феврале–октябре 1917 г., когда он был «на фронте», в настоящих боевых действиях практически не участвовал.

---

⁸ Эта часть истории довольно темна. В другом месте своего рассказа Полуэктов вспоминает время (1918 или 1919 г.), когда Лосево заняли казаки и он скрывался, чтобы те не арестовали его как сторонника советской власти. Он говорит, что вернулся в Лосево только после того, как казаки ушли.

⁹ Взять хотя бы романтико-героический образ двенадцатидюймовой пушки в конце письма, см. ниже.

Между Февральской и Октябрьской революциями Полуэктов попробовал себя в ораторском искусстве, выступил на армейском митинге против продолжения войны, «за что хотели меня арестовать, но я скрылся». В октябре 1917 г. его полк послали в Петроград защищать Временное правительство, но по пути тот «разложился в большевизме», по красочному выражению Полуэктова. Демобилизовавшись после Октября, Полуэктов вернулся в Лосево под знаменем революции, как и многие другие солдаты. Он был избран в первый лосевский совет, возглавил комиссию по конфискации имущества у буржуазии и «в первую очередь конфисковал имущество своего хозяина».

Дорогу к лучшему будущему теперь открывала советская государственная служба. На это поприще Полуэктов и вступил в 1919 г. Следующие три года он работал в Павловске (городок в Воронежской губернии) мелким служащим в разных госучреждениях, в конце концов дошел до поста заведующего уездным отделом кустарной промышленности. Но у него на руках было слишком много иждивенцев (правда, цифра 16, появляющаяся в машинописном варианте письма, кажется все-таки неправдоподобно большой), а еды не хватало. Четверо детей жили с ним в Павловске (прочие оставались в Лосево): «Я страшно голодал и вынужден был оставить службу в Павловске и переехал в Лосево... У меня не было ни лошади, ни коровы». Мы больше не встречаем упоминаний об отце-«столыпинце» (возможно, его в этот период экспроприировали как кулака). Вместе с четырьмя товарищами (все служащие на окладе из Павловска) Полуэктов организовал в Лосево колхоз в 125 дворов, но тот развалился после налета бандитов, воспользовавшихся отсутствием организаторов-мужчин, которые уехали на работу в город.

В тот момент Полуэктову предоставился шанс вступить в партию, однако он им пренебрег. Разумеется, для честолюбивого человека это была промашка, и Полуэктов вспоминает о ней с сожалением (впрочем, не чрезмерным). (Отсутствие сильных эмоций по данному поводу заставляет предположить, что если Полуэктов в свое время действительно перешел в революционную веру, то, возможно, не в большевистскую. В 1917 г. он мог встретиться с эсерами – и в таком случае, конечно, имел потом все основания подретушировать этот факт своей биографии.) Примерно в 1922 г. всем чиновникам уездного аппарата в Павловске предложили написать заявление о приеме в партию. Полуэктов написал, «но мой товарищ, с которым мы стояли на квартире, так разбил мое желание, что я и порвал эту анкету». Далее он не обинуясь отмечает: «А впоследствии оказалось, что этого товарища раскулачили и выслали в Караганду». (Что думал Полуэктов о постигшей товарища участи, не говорится, но, во всяком слу-

чае, некий пробел в его дальнейшем рассказе о коллективизации заполнен: мы знаем, что по меньшей мере один его друг, или бывший друг, пал жертвой раскулачивания.) Историю о вступлении в партию Полуэктов продолжает довольно неловким реверансом («я конечно осознал в дальнейшем роль партии в социалистической революции») и сообщает, что позже писал заявление еще раз, но ему припомнили давний грех «столыпинства» и отказали в приеме.

Несмотря на эту неудачу, в 1920-е гг. Полуэктову жилось неплохо. Он стал членом лосевского кредитного товарищества, занимался его реорганизацией на советский лад; «организовывал торговлю, как специалист в этом деле» (неясно, о какой торговле идет речь – частной, кооперативной или государственной); два года работал фининспектором в лосевском райпотребсоюзе. Вообще, по-видимому, в тот период он главным образом занимался бухгалтерским делом, однако сохранял свое хозяйство, чтобы кормить семью и ради прибавки к зарплате.

Затем началась коллективизация. Полуэктов тогда уже разменял пятый десяток и являлся представителем старшего поколения в местном сообществе, имел взрослых и почти взрослых сыновей. Он пишет, что очень рано (в 1929 г.) и совершенно добровольно вступил в колхоз «Красное Лосево», поначалу служил там счетоводом и заместителем председателя, потом (по распоряжению местного партийного комитета) стал счетоводом в лосевской кооперативной лавке. По его словам, он «один из первых обобществил с/х. инвентарь и тяговую силу». Это должно подразумевать, что он был подлинным энтузиастом коллективного хозяйства. Может, и так – не зря же он пытался организовать колхоз еще в годы Гражданской войны. А может быть, все дело в том, что у него и обобществлять-то было особо нечего.

В 1931 г. двум сыновьям Полуэктова, трактористам, предложили перейти в колхоз им. Дзержинского в Тумановке, поскольку в лосевском колхозе трактористов оказалось больше, чем нужно. Они так и сделали, и в результате Полуэктов тоже переехал. В начале 1932 г. ему пришлось, по требованию нового коллектива, отказаться от работы в лосевской лавке. Полуэктов не говорит, обрадовал его такой поворот событий или нет. По большому счету работа в лавке была очень выгодной (благодаря доступу к товарам), но не обязательно престижной (поскольку занятия, связанные с торговлей, не давали высокого статуса). Так или иначе, в колхозе им. Дзержинского Полуэктов сначала стал «полеводом» (весьма туманное название, которое в действительности могло означать что угодно, от агронома до обычного полевого работника), потом заведующим молочной фермой, а потом – секретарем колхозного правления (конторско-адми-

нистративная должность, гораздо более многообещающая, чем обе прежние).

В 1938 г. Полуэктов заведовал колхозной хатой-лабораторией и биологической лабораторией. Что это означало на практике – в некотором роде загадка. О хатах-лабораториях, якобы несущих науку в деревню, в 1930-е гг. твердили на всех углах. Возглавляемые непрофессионалами, они, по-видимому, представляли собой помесь агрономической станции (к примеру, сортирующей и готовящей семена для посева) и некоего просветительско-пропагандистского органа¹⁰. Хотя Полуэктов пишет о работе с восторгом и подчеркивает ее важность, она, возможно, привлекала его скорее как безопасная гавань, чем по какой-либо иной причине. Заведование хатой-лабораторией, так же как и колхозной читальней, кажется, больше подходило для пенсионеров. Полуэктов в придачу был участником внушительного количества кружков и добровольных обществ: тут и драмкружок, и хор, и кружок радиолюбителей, курсы ликбеза, общества содействия гражданской обороне и международной революции, не говоря уже об агрономическом кружке, которым он руководил в силу должности.

Тем не менее Полуэктов по-прежнему весьма активно вел общественную деятельность, в частности в качестве селькора, неизменно раздражая всех сменявших друг друга председателей. Селькор должен был предоставлять информацию о колхозной жизни, но «информация» эта часто носила обвинительный характер. Когда статус селькора впервые появился в 1920-х гг., главной мишенью селькоровских обличений служили кулаки; в 1930-е гг. кулаков не стало, и на линии огня оказались председатели колхозов. Полуэктов был селькором районной газеты «Крепи колхоз» и областной газеты «Коммуна», мог при случае послать письмо в общесоюзную крестьянскую газету (как, например, то, о котором идет речь в данной главе), писал в колхозную стенгазету. В прошлом это доставляло ему порой серьезные неприятности: в 1932 г. он возглавлял колхозную ревизионную комиссию, которая «начала делать глубокую ревизию и затрагивать кой-кого», в результате «попал в распоряжение НКВД и просидел два месяца». Нетрудно представить, почему местные власти его по-

---

¹⁰ «Большая советская энциклопедия» (2-е изд. М., 1952. Т. 15) дает следующее определение «хаты-лаборатории» (позже – «дом сельскохозяйственной культуры»): «Опытное учреждение колхоза, организованное для изучения конкретных условий хозяйства, для внедрения в общественное производство колхоза достижений с.-х. науки и передовой практики». Некоторый свет на деятельность полуэктовской лаборатории может пролить его упоминание выше в письме о последних достижениях колхоза в разведении мичуринских сортов яблок и других фруктов.

баивались. Мало того, что человек уверен в себе, опытен, красноречив – так еще и по образованию бухгалтер. Селькор-счетовод, проверяющий бухгалтерские книги, как Полуэктов, – кошмар любого колхозного председателя.

Ныне Полуэктов вновь подвергся гонениям, на которые уже жаловался в районную газету и областному прокурору. В колхозе опять проводили ревизию, его пригласили возглавить комиссию, но он благоразумно уклонился от этой чести, сославшись на свою занятость в качестве заведующего хатой-лабораторией. Однако в состав ревизионной комиссии все же вошел и, судя по всему, был готов к бою. Опасности грядущей битвы Полуэктов видел хорошо: он знал, что «когда начнешь говорить о правде, то тебя понимают в обратную сторону и даже причисляют к контрреволюционеру». Но его инвективы против «людей, которые против правды стоят» и «настолько обросли неправдой, что их не возьмет и двенадцатидюймовая пушка, так как у них армия подхалимов имеется», выдают не только опасения, но и удовольствие: «Я их пишу открыто и подписываю правильно свою фамилию... Я считаю, что правду можно писать везде и всюду, и выполняю слова товарища Сталина, что печать есть сильнейшее оружие, которое выкорчевывает всех симулянтов, самоснабженцев, горлопаев, захватчиков и вредителей колхоза, поэтому я так все и делаю». Таким образом, Полуэктов дает двоякий ответ на вопрос «Что я за человек?», которым он начал свою биографию: смутьян в глазах начальства, правдолюбец – в своих собственных.

ГЛАВА 8 ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ*

Женские автобиографии (говорят нам современные исследователи¹), как правило, сосредоточены не на общественном, а на личном, несут характер не столько свидетельства, сколько исповеди, показывают их авторов в отношении к значимому для них «Другому» мужского пола, например к супругу, и даже ставят под вопрос само их право говорить о своей отдельной, самостоятельной жизни. Но биографии, рассказанные русскими женщинами XX в., трудно подогнать под этот шаблон. Типичная автобиография русской женщины межвоенного периода (1917–1941 гг.) относится именно к жанру свидетельства – документа эпохи, а не исповеди; она в гораздо большей степени посвящена общественным делам, нежели личным, семейным². Если в этих историях и присутствует достойный внимания «Другой», то это чаще государство, чем отец или муж. Русские женщины нередко пишут о себе как о жертвах, страдающих, однако, не

---

* Это переработанный вариант моего введения «Судьбы и время» («Lives and Times») к сб.: *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War* / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000. P. 3–17. В первоначальной редакции введения говорится в основном о женских автобиографиях, опубликованных в сборнике; я расширила его за счет привлечения ряда других автобиографических и архивных источников.

¹ См., напр.: Mason M. G. *The Other Voice: Autobiographies of Women Writers* // *Autobiography: Essays Theoretical and Critical* / ed. J. Olney. Princeton, 1980; *The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings* / ed. S. Benstock. Chapel Hill, 1988; *Life/Lines: Theorizing Women's Autobiography* / eds. B. Brodzki, C. Schenck. Ithaca, 1988; *Autobiography and Questions of Gender* / ed. S. Neuman. London, 1991.

² Слово «автобиография» я использую для обозначения разного рода письменных или устных рассказов о своей жизни, включая мемуары, а не только в узком значении «самоисследования», предложенном Карлом Вейнтраубом: Weintraub K. *Autobiography and Historical Consciousness* // *Critical Inquiry*. 1975. June.

из-за своего пола: они (вместе с мужчинами) – жертвы коммунизма, капитализма или просто Истории. Но среди них на удивление много таких, кто изображает себя и своих родственниц сильными женщинами – не зависимыми иждивенками, а борцами за выживание, стойкими и смекалистыми, которые и морально, и даже физически сильнее своих мужчин³.

Эти женщины как будто не сомневаются в своей способности быть свидетелями и летописцами. Татьяна Варшер, которую вскоре после революции спросили, как она смотрит на новое правительство, вызывая ответила: «Широко открытыми глазами историка»⁴. На тот момент Варшер действительно была профессиональным историком, но подобное чувство испытывала не она одна. «Я пишу только о том, как эти события воспринялись и отразились в скромном, глухом уголке России, станице Кореновской», – объясняет Зинаида Жемчужная. Рассказывая о бое в станице во время Гражданской войны, она замечает: «Меня удерживало на улице любопытство»⁵. У других женщин стремление засвидетельствовать происходящее порождалось жаждой справедливости и возмездия. «Очень хочется, чтобы мое письмо-повесть было бы опубликовано, хотя бы за все наши страдания и несправедливые мучения», – пишет крестьянка, жертва коллективизации Мария Бельская⁶.

Склонность к роли свидетеля характерна для всего спектра русских женских автобиографий: эмигрантских, советских, диссидентских, постсоветских. Русские женщины (как и мужчины) писали о своей жизни в контексте эпохи, поскольку чувствовали, что живут в необыкновенное время – оно затмевало собой личные заботы и его невозможно было игнорировать. Им, словно по китайской пословице, выпало несчастье жить в эпоху перемен, и это нашло отражение

---

³ О «сильной женщине» см.: Sandomirsky Dunham V. The Strong-Woman Motif // Black C. E. The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge, Mass., 1960. О том, как женщины в революционную эпоху разрывались между «мужским» полюсом равенства / независимости и «женским» полюсом вспомогательных и воспитательных функций / зависимости, см.: Wood E. Baba and Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, Ind., 1997. О весьма интересном, но исключительном примере Надежды Мандельштам, личности сильной и уверенной, представляющей себя в автобиографии в роли жены и помощницы, см.: Holmgren B. Women's Works in Stalin's Time: On Lidia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam. Bloomington, Ind., 1993.

⁴ Varsher T. Things Seen and Suffered // In the Shadow of Revolution. P. 116.

⁵ Жемчужная З. Пути изгнания. Тенафли (Нью-Джерси, США), 1987. С. 93, 112.

⁶ Женская судьба в России: Документы и воспоминания / сост. Т. М. Горяева; под ред. Б. С. Илизарова. М., 1994. С. 58.

в стиле их рассказов: многие автобиографии напоминают военные репортажи. Они вспоминали свою жизнь и строили повествование, выбирая в качестве вех крупные общественные события – революцию, Гражданскую войну, коллективизацию, Большой террор, Вторую мировую войну, а не личные памятные моменты – свадьбу, рождение ребенка, развод или вдовство.

Хотя основная нить свидетельских показаний у всех общая, русские женщины очень по-разному смотрят на свою жизнь и свое время. Начнем с того, что некоторые из них писали воспоминания в эмиграции, и угол зрения у них, естественно, иной, чем у советских гражданок. Среди эмигранток тоже были свои различия, в частности между теми, кто эмигрировал вскоре после революции, и теми, кто уехал из Советского Союза во время Второй мировой войны. Что касается советских биографий, то одни сочинялись для советской же публики, в духе советского патриотизма, другие писались «в стол» или для неофициального распространения (через «самиздат») людьми, которые чувствовали себя чуждыми советской системе, так сказать, «внутренними эмигрантами». Для советских мемуаров очень часто имеет значение дата их написания. Например, Фрума Трейвас, рассказывая историю своей жизни, постоянно сравнивает свой взгляд на вещи в 1930-е гг. и во время работы над биографией (1990-е гг.). Если бы она писала биографию в 1936 г. (или в 1926-м, или в 1946-м), та, несомненно, была бы совсем иной⁷.

Важно понимать, какие ограничения стесняли авторов советских мемуаров. Воспоминания, написанные для печати, подвергались цензуре, степень строгости которой со временем изменялась⁸. В сталинский период цензура была очень суровой: на такие темы, как Большой террор, накладывалось табу, упоминать опальных революционных лидеров, например Троцкого, запрещалось. После смерти Сталина в 1953 г., в хрущевскую оттепель, лед немножко тронулся, стала возможной публикация не совсем стереотипного рассказа Анны Литвейко о революции глазами рабочей девчонки и воспоминаний Лидии

---

⁷ Treivas F. We Were Fighting for an Idea! // In the Shadow of Revolution. P. 324–330. Такую же двойную перспективу см. в мемуарах Раисы Орловой (Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993). О нескольких вариантах биографии одной узбекской женщины см.: Kamp M. R. Three Lives of Saodat: Communist, Uzbek, Survivor // Oral History Review. 2002. Vol. 28. No. 2. P. 21–58.

⁸ См. прекрасную работу о цензуре и внутренней цензуре советских мемуаров: Kuromiya H. Soviet Memoirs as a Historical Source // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s / eds. S. Fitzpatrick, L. Viola. Armonk, N. Y., 1990.

Либединской о юности в интеллигентной семье с аристократическими корнями⁹. Однако даже в период смягчения цензура по-прежнему определяла, как люди должны рассказывать историю своей жизни. Взять хотя бы самый важный цензурный запрет: о родных и друзьях, стигнувших в годы Большого террора, можно было упоминать только очень бегло, с помощью эвфемизмов.

В середине 1980-х гг., во времена перестройки, советский идеологический контроль начал давать слабину и совсем исчез вместе с развалом Советского Союза в 1991 г. Впрочем, нельзя сказать, что автобиографии, публиковавшиеся в России в 1990-е гг., были свободны от внешних влияний: в ту пору и читатели, и издатели жаждали непременно рассказов жертв советского режима. Похожий диктат действовал и на западном книжном рынке в довоенные годы, когда живописание большевистских зверств стало главным признаком жанра в мемуарах русских эмигрантов. А в 1970-х гг. тема вольнодумства и противостояния советской власти являлась стандартным компонентом популярных на Западе воспоминаний советских диссидентов¹⁰.

В автобиографических повестях Евгении Гинзбург мы можем увидеть влияние и цензуры, и требований жанра, и читательских предпочтений. Гинзбург опубликовала воспоминания о своих школьных и студенческих годах в советском молодежном журнале «Юность» в 1965 и 1966 гг., прежде чем закончила две большие книги о ГУЛАГе, которые вышли за рубежом в 1967 и 1979 гг.¹¹ Повести, напечатанные в «Юности», написаны с легкой иронией и подчеркнутой беспристрастностью, в популярном тогда в СССР духе ностальгии по досталинской эпохе: «Сколько раз потом, в тяжелые времена, я вспоминала этот первый рассвет двадцатых годов и черпала силу в этом воспоминании! Великие, чистые, юные наши двадцатые годы...»¹² Вспоминая об учебе в Казанском университете в начале 1920-х гг., Гинзбург рассказывает, как ревностно она и ее

---

⁹ Litveiko A. In 1917 // In the Shadow of Revolution. P. 49–65; Либединская Л. Зеленая лампа. Воспоминания. М., 1966.

¹⁰ О специфических чертах эмигрантских и диссидентских мемуаров см.: Kuromiya H. *Émigré and Dissident Memoir Literature // A Researcher's Guide to Sources on Soviet Social History in the 1930s*. P. 257–260.

¹¹ Гинзбург Е. Единая трудовая... // Юность. 1965. № 11; Она же. Студенты двадцатых годов // Юность. 1966. № 8; Она же. Крутой маршрут. Милан, 1967; Она же. Крутой маршрут. Кн. 2. Милан, 1979.

¹² Гинзбург Е. Единая трудовая... С. 99. «Тяжелые времена» – намек на выпавшие автору впоследствии испытания террора, единственный, который могла тогда пропустить цензура, но вполне понятный советскому читателю.

однокашники изучали марксизм. Первую книгу «Крутого маршрута» она еще надеялась напечатать в СССР, и эта надежда отражается в том, что автор придерживается правила осуждать исключительно «культ личности» и ратовать за возвращение к «великой ленинской правде»¹³. Во второй книге, которая создавалась, когда уже окончательно стало ясно, что в Советском Союзе «Крутой маршрут» опубликовать не удастся, Гинзбург больше не прибегает к имиджу «ленинца», и ностальгические нотки исчезают. Судя по замечанию: «Меньше всего я могла себе представить, что эту страстно вымечтанную свободу мы [жертвы ГУЛАГа] будем получать из рук все того же (выражаясь по-нынешнему) “истеблишмента”», – и сознательному выбору иностранного словечка «истеблишмент», незнакомого многим русским читателям, она в данном случае изначально рассчитывала на западную (или, по крайней мере, эмигрантскую) читательскую аудиторию¹⁴.

Русские женщины рассказывали повести своей жизни в самых разных жанрах, и письменно, и устно. Среди советских биографий важное место занимали революционные, рабочие и стахановские. Биографии революционеров, продолжавшие дореволюционную традицию жизнеописаний замечательных людей, пользовались особенной популярностью в 1920-е гг.¹⁵ В начале 1930-х гг. в рамках возглавляемого М. Горьким проекта «История фабрик и заводов» собирались биографии рабочих¹⁶. Еще одним распространенным жанром были рассказы участников революции и Гражданской войны, где акцент делался на героизме революционной борьбы.

---

¹³ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Милан, 1967. С. 8. Здесь в прологе есть захватывающее описание того, как работал «внутренний цензор» Гинзбург, когда она надеялась на публикацию в Советском Союзе.

¹⁴ Гинзбург Е. Крутой маршрут. [Кн. 2]. Рига, 1989. С. 301. Все сказанное не означает, что Гинзбург в молодости не была настоящей марксисткой и коммунисткой или что ее авторская позиция во второй книге «Крутого маршрута» неискренна. Мы лишь развиваем ее собственную мысль, что история, рассказываемая человеком, меняется в зависимости от того, кто его слушает, а цензура усугубляет этот процесс.

¹⁵ Хороший пример революционной биографии, написанной, максимально обезличенно, самой революционеркой, см.: Krupskaja N. *Autobiography* // *In the Shadow of Revolution*. P. 111–112. О жанре революционных биографий см.: Brooks J. *Revolutionary Lives: Public Identities in Pravda during the 1920s* // *New Directions in Soviet History* / ed. S. White. Cambridge, 1991. P. 27–40.

¹⁶ См.: Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997. Ряд женских биографий из этой серии был опубликован в сб.: *Работница на социалистической стройке: Сборник автобиографий работниц* / под ред. О. М. Чадаевой. М., 1930.

Стахановки – работницы и крестьянки, которых награждали за выдающиеся производственные результаты, – иногда писали свои биографии, как, например, Паша Ангелина, но чаще кратко рассказывали о своей жизни на митингах, посвященных стахановским достижениям. Это был один из характерных типов советской «истории успеха». Другой – история женщины скромного происхождения, добившейся видного положения после (и благодаря) революции. Оба напоминают жанр, известный в Латинской Америке под названием «testimonios» («свидетельства»): там мужчина или женщина из рядов революционно-освободительных движений свидетельствует о своем участии в борьбе, изображая себя не столько как отдельную личность, сколько как представителя коллективного опыта¹⁷.

В 1960–1970-е гг. в СССР наблюдался наплыв публикаций рассказов участников коллективизации и индустриализации 1930-х гг., нередко посвященных какому-то конкретному региону¹⁸. «Участники» в данном контексте означало активистов, чаще всего коммунистов и комсомольцев, и повествование они вели в хвалебном тоне. Участникам-жертвам – например, крестьянам, подвергшимся раскулачиванию, – в советские времена слова не давали; даже в тех редких случаях, когда их рассказы записывались, о публикации не могло быть и речи¹⁹. Лишь в постсоветские 1990-е гг. начался расцвет устной истории, зачастую сфокусированной именно на жертвах. В Москве для сбора такого рода документов был создан Народный архив, сходные инициативы по сбору личных документов и свидетельств стали возникать по всей России²⁰.

---

¹⁷ O testimonios см.: Sommer D. «Not Just a Personal Story»: Women's *Testimonios* and the Plural Self // *Life/Lines*.

¹⁸ См., напр.: Участницы великого созидания. М., 1962.

¹⁹ В качестве примера таких крестьянских биографий, записанных ленинградским музыковедом-фольклористом в 1970–1980-е гг. и опубликованных только в 1990-х гг., см. рассказы Ненилы Базелевой, Ефросиньи Кисловой и др. в сб.: *In the Shadow of Revolution*. P. 241–242, 322–323.

²⁰ Подборку женских автобиографий из Народного архива см.: Женская судьба в России. Были осуществлены различные проекты по устной истории с публикацией результатов, см., в частности: *A Revolution on Their Own: Voices of Women in Soviet History* / eds. B. A. Engel, A. Posadskaya-Vanderbek. Boulder, 1998; *Memories of Revolution: Russian Women Remember* / ed. A. Horsbrugh-Porter. London, 1993 (здесь содержатся устные истории женщин, долгое время проживших в эмиграции в Англии); *На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х гг.* / под ред. М. Витухновской. СПб., 2000 (13 из 15 интервьюируемых – женщины). *Интервью с женщинами-крестьянками составили базу данных для кн.: Ransel D. L. Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Indiana, 2000; *Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах* / под ред. Е. М. Ковалева. М., 1996.

В годы советской власти у граждан вошло в привычку писать в газеты и политическим лидерам просьбы и жалобы, как правило, включая в такие письма краткую автобиографическую справку²¹. Письма эти публиковались очень редко, но архивы советских учреждений и газет битком набиты ими. Открытые в последнее время советские архивы содержат другой небезынтересный автобиографический материал – автобиографии, хранившиеся в личных делах всех советских граждан вместе с анкетами²². Еще один жанр, обнаруженный в архивах – и особенно интересный в силу своей характерности для политических систем советского типа, – публичное изложение автобиографии с ответами на вопросы, например во время партийной чистки, когда достоверность рассказа могла быть оспорена²³.

Вехи общественной жизни

Революции 1917 г. занимают центральное место во многих автобиографиях. Февральскую революцию мемуаристки из всех слоев общества вспоминают как радостное, беззаботное, бескровное время. Женщина, принадлежавшая к высшему классу, рассказывает о восторгах, которые вызвал казачий отряд, проскакавший сквозь толпу демонстрантов, вместо того чтобы разогнать ее: «Народ ошалел. Одни плакали, другие целовались с соседями... Революция! Что бы это могло быть еще! Революция! И она победит! Даже казаки с народом!»²⁴ Ей вторит работница: «Прибежали к нам мамы [прозвище рабочих ситценабивной фабрики], шумят: “Остановливай фабрику”. Мы думаем: “Забастовка”. Выходим на улицу, тут шумят: “Переверот”, дух поднялся у всех. На другой день нам говорят: “Царя поймали, царя поймали”, и мы пошли смотреть. Видим, двое мальчишек городского ведут, и он не бежит, пошел с ними в участок. Мы пошли по Москве с песнями. В ту пору очень было хорошо»²⁵. Советские мемуаристки поневоле выдвигают на первый план Октябрьскую революцию, но тон их становится менее восторженным. Одна большевичка признается: «Той беспечной веселости, какая была у нас после победы Февральской революции, теперь уже не было. Тогда мы ни о чем не думали: свершилась революция, все хорошо. Мы ни за что

---

²¹ О жанре писем во власть см. гл. 9.

²² Об автобиографиях коммунистов в личных делах см.: Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, Mass., 2003.

²³ См.: Halfin I. *Terror in My Soul*. См. также гл. 5 этой книги.

²⁴ Олицкая Е. Мои воспоминания. Франкфурт-на-Майне, 1971. С. 70.

²⁵ Рассказ Прасковьи Комаровой: Работница на социалистической стройке. С. 140.

не отвечали. Теперь мы взяли власть, и мы были в ответе за все»²⁶. Работнице Прасковье Комаровой в октябре, по ее словам, «было очень страшно»: «Вскоре я уехала в деревню к мужу: страшно мне было после стрельбы»²⁷. Мемуаристки-эмигрантки обычно не придают Октябрю статус великого события: они вспоминают наступление хаоса и зверства, вылившихся в Гражданскую войну, которая окончательно разрушила знакомый им мир.

Гражданская война почти для всех стала временем перелома, а для многих – временем беспорядочных скитаний и бегства. В одних воспоминаниях описывается бегство на юг или на восток и борьба за существование в районах, попеременно переходивших то в руки красных, то в руки белых²⁸. Другие мемуаристки бежали к красным и отразили пережитое в героическом стиле рассказов участников Гражданской войны в СССР²⁹. Солдатские вдовы рассказывают о своих невзгодах, как, например, М. И. Незгорова, которая, повествуя о тяготах Гражданской войны, между прочим лаконично сообщает: «Потом детей взяли у меня в воспитательный дом. Но, когда муж вернулся из Красной Армии, мы их забрали обратно»³⁰. Некоторые мемуаристки потеряли родных и кров и влачили существование бездомных сирот, пока их не приютили добрые люди³¹. Молодые еврейские женщины перебирались из местечек в Москву, к новой жизни³².

Коллективизация занимает большое место в воспоминаниях как деревенских женщин, так и молодых горожанок, которых посылали ее проводить, но сами воспоминания и переживания по этому поводу сильно разнятся. Для Паши Ангелиной коллективизация представляла собой сражение между бедняками ее села во главе с семьей Ан-

---

²⁶ Литвейко А. В семнадцатом // Юность. 1957. № 3. С. 16.

²⁷ Работница на социалистической стройке. С. 141.

²⁸ См., напр., воспоминания Жемчужной и Олицкой: *In the Shadow of Revolution*.

²⁹ См., напр.: Andzhievskaja A. A Mother's Story // *In the Shadow of Revolution*; Patrikeeva Z. Cavalry Boy // *Ibid*. См. также: *Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917–1920 гг.* М., 1938 (отсюда взяты два упомянутых выше рассказа); *Женщины Урала в революции и труде.* Свердловск, 1963.

³⁰ Vlasovskaia A. V. et al. *Speeches by Stakhanovites' Wives* // *In the Shadow of Revolution*. P. 365.

³¹ Староселец Н. Н. *Моя жизнь* // *Жена инженера (К Всесоюзному совещанию жен ИТР тяжелой промышленности)* / под ред. З. М. Рогачевской. М.; Л., 1936. С. 28.

³² См., напр.: Treivas F. *We Were Fighting for an Idea!* P. 324; Shikheeva-Gaister I. *A Family Chronicle* // *In the Shadow of Revolution*. P. 376–378. См. также историю Ульяновой выше, в гл. 5.

гелиных и кулаками; для Антонины Соловьевой и Елизаветы Никулиной, комсомолок-коллективизаторов, рассказавших о своей деятельности в те годы в советской публикации 1960-х гг., «кулаки» – люди, уложившие на больничную койку Валентина, убившие Марусю, сбросившие Елизавету с моста в ледяную воду и оставившие тонуть. Но одноклассник Валентины Богдан, Федя, наложил на себя руки, не желая оставаться коллективизатором, а жертва раскулачивания Ненила Базелева с горечью замечает: «Которые хозяева хорошие, тех и раскулачивали – забирали у них все». Мария Бельская уже в 1990-е гг. поведала душераздирающую повесть о раскулачивании своей семьи: выброшенные из своего дома, несчастные несколько лет скитались по России, пока не нашли где поселиться. Семья Анны Ганцевич тоже покинула деревню, но все же не таким печальным образом: «Мы... бумажки достали и жили в Красноярске». В судьбе Екатерины Правдиной, сироты, жившей в деревне у тети, «бумажки» также сыграли решающую роль, однако в другом смысле: «...Они меня хотели удочерить, но удочерить они меня не успели. Вот это меня спасло. Справок каких-то не хватило. А если бы успели удочерить – я тоже была бы раскулаченная»³³.

Террор 1937–1938 гг. был запретной темой в советской литературе и в сталинскую эпоху, и долгие годы после нее, но в конце 1980-х гг. перестройка открыла шлюзы: хлынул поток воспоминаний выживших узников ГУЛАГа и их родственников, который не иссякал и в 1990-е гг. Желание поведать миру об увиденных и пережитых ужасах часто называли в качестве стимула, заставлявшего сесть за письменный стол³⁴. Сами жертвы обычно сохраняли особенно яркие воспоминания о своем потрясении и смятении в момент ареста и в первые дни в тюрьме. Ольга Адамова-Слиозберг, отказываясь верить в случившееся, усердно трудилась над докла-

---

³³ Angelina P. The Most Important Thing // *In the Shadow of Revolution*. P. 309–310; Solovieva A. Sent by the Komsomol // *Ibid*. P. 235–240; Bogdan V. Students in the First Five-Year Plan // *Ibid*. P. 271–273; 60 лет колхозной жизни глазами крестьян // *Звенья: Исторический альманах*. Вып. 1. М., 1991. С. 120 (рассказ Н. Базелевой); Женщины Урала в революции и труде. С. 323–324 (рассказ Е. Никулиной); Belskaia M. Arina's Children // *In the Shadow of Revolution*. P. 219–234; Голоса крестьян. С. 333 (рассказ А. Ганцевич); На корме времени. С. 75 (рассказ Е. Правдиной). Резюме воспоминаний о коллективизации, полученных Рэнселом у информантов его проекта устной истории, посвященного плодovitости, см.: Ransel D. L. *Village Mothers*. P. 235–236.

³⁴ См., напр.: Till My Tale Is Told: Women's Memoirs of the Gulag / ed. S. Vilensky. Bloomington, 1999. P. 2, 172, 335–336; Ginzburg E. *Journey into the Whirlwind* / trans. P. Stevenson, M. Hayward. San Diego, 1967. P. 417; Idem. *Within the Whirlwind* / trans. I. Boland. San Diego, 1981. P. 417.

дом начальству все четыре часа, пока в ее квартире шел обыск, и арестовывавшему ее офицеру пришлось напомнить ей, чтобы она попрощалась с детьми. Фрума Трейвас рассказывает, как за ней, бывшей на пятом месяце беременности, пришли работники НКВД: «Сына я оставила спящего, дура! Что бы позвонить сестре. Ну, как же, мне некогда, нужно идти скорее в тюрьму!» Когда арестовали 20-летнюю журналистку Хаву Волович, та «не верила, что ее будут держать долго». «И в то же время, – добавляет она с горечью, – я понимала, что жизнь моя безвозвратно загублена»³⁵. И Хава, и Фрума поначалу считали своих соседок по камере настоящими преступницами. «Боже мой! Где я очутилась, с кем, в какой компании!» – первая реакция Трейвас по прибытии в Бутырскую тюрьму. «Они, конечно, были виновны, но я-то нет». И все же многие пишут о почти сестринских отношениях между арестованными женщинами, тем более что жены представителей элиты часто содержались в заключении вместе. Директор театра Наталия Сац в своих мемуарах, опубликованных в начале 1990-х гг., описывает, как вошла в Бутырке в камеру, набитую «элитными» заключенными, – будто на светский раут попала:

«– Неужели сама Наталия Сац?

– Когда же она успела поседеть?..

– Если Наташку тоже свалили – удивляться нечему»³⁶.

Вообще у читателя женских воспоминаний о Большом терроре порой возникает впечатление довольно тесного мирка: например, в одном товарном вагоне, везшем узниц через всю страну в Магадан, сошлись *два* будущих летописца этих событий – Катя Олицкая и Женя Гинзбург. Уцелев после десятка лет в ГУЛАГе, обе в своих мемуарах вспомнили друг о друге, правда без особой приязни: Катя была эсеркой, одной из сравнительно немногих подлинных противников режима среди заключенных, а Женя принадлежала к группе высокопоставленных коммунисток, чьи бывшие привилегии и нынешние иллюзии вызывали у Кати мало сочувствия³⁷. О трениях, возникавших у коммунисток с эсерками и меньшевичками, говорит и Адамова-Слиозберг в своих воспоминаниях о Бутырской тюрьме: послед-

---

³⁵ Till My Tale Is Told. P. 246–247.

³⁶ Adamova-Sliozberg O. My Journey // Till My Tale Is Told. P. 6; Трейвас Ф. Мы боролись за идею // Женская судьба в России. С. 93; Till My Tale Is Told. P. 246–247 (рассказ Х. Волович); Сац Н. Жизнь – явление полосатое. М., 1991. С. 298.

³⁷ См.: Ginzburg E. Journey into the Whirlwind. P. 286 (довольно нелестный портрет «Кати Орлицкой» [sic!]), 292–296; Olitskaia E. My Reminiscences (3) // In the Shadow of Revolution. P. 431–434.

ние «давно ходили по тюрьмам», «умели отстаивать свои права, знали все законы», твердо определились в своей ненависти к режиму и пророчили его скорый крах. «Со скрытой радостью встречали они новые партии арестованных, особенно коммунистов, которые когда-то травили их, а теперь разделят с ними тюремные нары»³⁸.

Однако многие женщины, которых террор прямо не коснулся, этот мир и вообразить себе не могли. В интервью, взятых в 1990-е гг., респондентки, не подвергавшиеся репрессиям сами и не имевшие репрессированных родственников, редко проявляли сильные чувства по поводу Большого террора. У некоторых, как у Хадычи Якубовой, татарки, учившейся в Ленинграде, «какого-то такого интереса к политике не было», но в основном они разделяли «общественное мнение» насчет «врагов народа»: «Мы считали, обязательно, что они должны быть наказаны, если они против народа». «Как-то это [террор 1937–1938 гг.] меня мало очень касалось», – признается Екатерина Правдина, хотя тогда арестовали нескольких ее заводских начальников, которые ей лично нравились. Она ходила на обязательные собрания по чистке, но... «Как вам сказать, я девчонкой была. У меня как-то все мимо ушей пролетало, потому что я не хотела, у меня никакого интереса не было...» Наталья Колокольцова, деревенская девушка, которая сначала служила домработницей, а потом пошла на фабрику, уверяет, что даже не слышала ни о каких репрессиях³⁹.

Никто из участников этих интервью 1990-х гг. не вспоминал о какой-то сильной своей враждебности к «врагам», однако в биографиях другого типа подобная враждебность проглядывает. Воинственная доярка М. К. Разина, рассказывая о себе на собрании стахановцев в середине 1930-х гг., с удовольствием упомянула о падении директора совхоза, который ее преследовал. Похожим Schadenfreude⁴⁰ дышали слова одной уборщицы (подслушанные В. Богдан) по поводу ареста местного партийного начальника Евдокимова и самоубийства его жены:

«– А кто такой Евдокимов?

– Да как же, член президиума облисполкома и наш выборный в Верховный Совет, а его жена тоже была видная коммунистка.

– Собаке собачья смерть! – ответила уборщица»⁴¹.

---

³⁸ Till My Tale Is Told. P. 21.

³⁹ На корме времени. С. 93–94, 154, 279.

⁴⁰ Злорадством (нем.) – Прим. пер.

⁴¹ Slavnikova N. I. et al. Speeches by Stakhanovites // In the Shadow of Revolution. P. 339; Богдан В. Мимикрия в СССР: Воспоминания инженера, 1935–1942 годы. Франкфурт-на-Майне, б. д. С. 126.

Не у всех сохранилась память исключительно об ужасах. Многие женщины, в той или иной форме рассказывавшие свои биографии в послесталинский период, вспоминали детство и юность в 1920–1930-е гг. как счастливую пору, когда все казалось возможным. Отчасти это наверняка объясняется общей тенденцией оглядываться на свою молодость с ностальгией. По словам Ю. Слезкина, такую тенденцию только усиливало потрясение от ареста родителей во время Большого террора, которым для многих мемуаристок из семей элиты закончилось «счастливое мирное детство»⁴². Однако не все описания радостного детства неразрывно связаны с трагическим изгнанием из рая в конце 1930-х гг. В жизни Раисы Орловой печальную черту провели война и смерть любимого молодого мужа, и ее воспоминания о счастье юной «правоверной» советской девушки вряд ли можно назвать ностальгическими, учитывая, что она писала мемуары, будучи диссиденткой, которой такая «правоверность» стала совершенно чужда. «“Heute fühl' ich mich so wunderbar!” (Как я счастлива сегодня), – напевали мы вслед за Франческой Гааль»⁴³, – рассказывает она и подчеркивает, что не только «была очень счастлива в юности», но и считала: «Так надо, так нормально, человек рожден для счастья. А несчастье, горе – это отклонение, аномалия»⁴⁴.

Ленинградцы, которых в интервью 1990-х гг. расспрашивали об их молодости в 1930-е, тоже в основном сохранили очень хорошую память о том времени, объясняя это царившим тогда оптимизмом и достижениями страны. Х. Якубова вспоминала веселую студенческую жизнь в Ленинградском университете, куда приезжали люди со всех концов страны (многие, как и она, благодаря выдвижению), «полное единение студентов, так сказать, по каким-то интересам духовным» и их идеализм: «Мы думали, что действительно всерьез будем строить самое человеческое общество». Ей вторила Бронислава Коган: «Мы все были молодые, тянулись в комсомол, тянулись к новому. И партийные тянулись к новому. Думали, что вот настает настоящая эра, свобода». Мария Шамлиан из Армении, тоже выдвиженка и сирота, описывала свою активную комсомольскую и партийную работу в ремесленном училище и на фабрике, которая приносила ей и вознаграждение, и большое личное удовлетворение:

---

⁴² Slezkine Yu. Lives as Tales // In the Shadow of Revolution. P. 30. Цитату см.: Shikheeva-Gaister I. A Family Chronicle. P. 383.

⁴³ Актрисой, игравшей в фильме «Петер», который шел в 1930-е гг. в московских кинотеатрах.

⁴⁴ Орлова Р. Воспоминания о непрощедшем времени. С. 24, 48.

ее не только «все время... выдвигали», но и «народ» к ней «относился очень хорошо»⁴⁵.

Личная жизнь

«Свидетельствованию» в автобиографиях русских женщин XX в. придается такое большое значение, что моменты исповедальности там трудно найти. Пожалуй, к исповедальному жанру относится устное повествование Анны Янковской об искуплении преступной жизни, записанное в лагере на Беломорканале в начале 1930-х гг., так же как и драматичный рассказ Параскевы Ивановой о том, как ее соблазнил и вовлек в разврат начальник-коммунист⁴⁶. Но настоящее исключение среди подавляющего большинства воспоминаний-свидетельств – автобиография Агриппины Коревановой, плод горьковского проекта публикации биографий простых людей:

«Что же заставляло меня писать? Я думаю, две причины.

Первая причина – моя неудачная жизнь толкала меня на самоубийство. И вот я решила записать все мои мученья, чтобы нашли люди после смерти мои тетради и узнали бы причину, заставившую меня покончить с собой.

Вторая причина – это злоба и ужас перед несправедливостью жизни, гнев за угнетение женщины и за ее бесправие, жалость к бедным и ненависть к тугому кошельку. Обо всем этом я писала, хотя и неумело, плохими литературными словами, но с жаром и горечью. Злобно высмеивала я своих врагов и обличала несправедливость. Толку, конечно, от этого писания было мало, но меня это как бы утешало...»⁴⁷

---

⁴⁵ На корме времени. С. 57–58, 215, 275–276. Отметим, что эмоциональная окраска интервью, взятых Энгель и Посадской примерно в тот же период, в целом совершенно иная. Вполне возможно, интервьюируемые в обоих опросах отчасти отвечали то, что, по их мнению, интервьюеры ожидали услышать. Небольшая группа опрошенных Энгель и Посадской состояла по преимуществу из женщин, которые в 1930-е гг. пострадали из-за «чуждого» классового происхождения. Они мало говорили о счастливой юности, хотя, судя по их рассказам, были все-таки больше довольны советской властью и сильнее идентифицировали себя с ней, чем, по-видимому, полагали интервьюеры.

⁴⁶ Iankovskaia A. A Belomor Confession // In the Shadow of Revolution. P. 282–285; Ivanova P. Why I Do Not Belong in the Party // Ibid. P. 213–218. Рассказ Ивановой, по всей видимости, был написан как письмо редактору (неясно, какой газеты); впервые опублик.: Больные вопросы (женщина, семья и дети) / под ред. Л. Сосновского. Л., 1926.

⁴⁷ Korevanova A. My Life // In the Shadow of Revolution. P. 177–178.

Разумеется, во многих автобиографических повестях личная жизнь сосуществует с общественной. Иногда, например в трагическом рассказе бойца Гражданской войны Анны Анджиевской об утрате маленькой дочки, она громко заявляет о себе, резко нарушая «свидетельскую» тональность воспоминаний⁴⁸. Но чаще, особенно у советских авторов, информация личного характера сведена к минимуму или опущена. «Неужели вам действительно интересны эти мелкие подробности моей жизни – мое детство, моя семья, как я примкнула к революционному движению?» – строго спросила интервьюеров в 1990-х гг. Софья Павлова. Она хотела рассказывать о своей общественной деятельности, о личных делах говорила неохотно и только при условии, что это не будут записывать⁴⁹. Стахановка Паша Ангелина в своей автобиографии высмеивает американского биографа, который пожелал узнать дату ее свадьбы, и даже не упоминает о муже (видимо, бывшем?)⁵⁰. Конечно, личный материал из автобиографических текстов зачастую удаляли редакторы. Но его отсутствие – это также и следствие представлений авторов о том, какой должна быть автобиография⁵¹. «Я долго сомневалась, уместно ли писать о таком личном в книге мемуаров, посвященных нашей общей боли, нашему общему стыду. Но Антон Вальтер так плотно вошел в мое дальнейшее колымское существование, что было бы просто невозможно продолжать рассказ, не объяснив, откуда и как Вальтер появился в моей жизни», – писала Евгения Гинзбург о встрече со своим вторым мужем в ГУЛАГе. Она в конце концов решилась включить в текст эти воспоминания, потому что ей «хотелось на его [Вальтера] образе показать, как жертва бесчеловечности может оставаться носителем самого высокого добра, терпимости, братского отношения к людям»⁵².

---

⁴⁸ Andzhievskaja A. A Mother's Story // In the Shadow of Revolution. P. 79–81. Отметим, что заголовок «Рассказ матери» дан составителями. Изначально эти воспоминания, как и весь сборник, откуда они взяты (Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. М., 1938), написаны в жанре прославления женского героизма в годы войны и революции.

⁴⁹ A Revolution on Their Own. P. 48, 62.

⁵⁰ Angelina P. The Most Important Thing. P. 305–321. Ангелина говорит о родителях, братьях и сестрах (все – советские активисты) и трех своих детях (младшая дочка носила имя Сталина).

⁵¹ См., напр.: Kelly C. The Authorised Version: The Auto/Biographies of Vera Panova // Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts / eds. M. Liljeström, A. Rosenholm, I. Savkina. Helsinki, 2000. P. 73–76.

⁵² Гинзбург Е. Крутой маршрут. [Кн. 2]. С. 66–67. Благодарю Кирила Томоффа, указавшего мне на это место.

Есть немало автобиографий женщин, претендующих на звание «сильных». Назовем в первую очередь княгиню Волконскую, совершившую во время Гражданской войны отважное тайное путешествие в Россию, чтобы спасти брошенного в тюрьму мужа. Ее двойник в лагере красных – санитарка Зина Патрикеева, которая, переодевшись мужчиной, сражалась в рядах конармии Буденного. Во многих автобиографиях, изданных в Советском Союзе, женщины изображают себя подчеркнуто независимыми, равными мужчинам, а то и превосходящими их, даже в традиционно мужских видах деятельности. Анна Щетинина, помощник капитана торгового флота, отвечая в 1930-е гг. на вопросы корреспондента советского женского журнала, сравнивала себя со своим коллегой-мужчиной, отнюдь не в пользу последнего: «Из двух помощников капитана я была тем, кого подчиненные больше слушали и уважали. Помощник-мужчина, мой сотоварищ, был франтоват, слабоват, порой ошибался. Цветочки носил в петлице». Самоуверенная молодая кабардинка Билия Мисостишхова, похваляясь на съезде стахановцев в середине 1930-х гг. своими достижениями в скалолазании, обещала: «И в парашютном деле я буду впереди мужчин»⁵³. Энтузиазм революционной эмансипации женщин, вдохновлявший подобные заявления, особенно заметен в довоенных мемуарах, после войны он уступил место восхвалению женщин как сильного пола, обладающего большим запасом эмоциональной и физической прочности. «В тяжкие дни выявилась организующая роль женщины, которая притворялась дамой и птичкой, а на самом деле была домохозяйкой и главным стержнем семьи. Богатые женщины, как и крестьянские бабы, строили дом. Чем богаче, тем энергичнее. Правда, именно обеспеченные в прошлом оказались более слабыми в борьбе с голодом и разрухой, но все же и они держались крепче мужчин. Сейчас это ясно всем», – писала Надежда Мандельштам в 1960-е гг. И крестьянка Анна Ганцевич, называвшая себя в устном рассказе 1990-х гг. «сильной, выносливой и бесстрашной», явно разделяла эту уверенность, несмотря на то что, как и Мандельштам, считала своего мужа выше себя в интеллектуальном отношении⁵⁴.

Мемуарная литература изобилует портретами и других сильных женщин, встречавшихся авторам на жизненном пути. Один из класси-

---

⁵³ Volkonskaia S. The Way of Bitterness // In the Shadow of Revolution. P. 140–165 (впервые опубликовано: Volkonskaia S. The Way of Bitterness. London, 1931); Patrikeeva Z. Cavalry Boy // Ibid. P. 118–122 (впервые опубликовано: Женщина в гражданской войне); Общественница. 1937. № 12. С. 16–17 (рассказ А. Щетининой); Героини социалистического труда. М., 1936. С. 71 (рассказ Б. Мисостишховой).

⁵⁴ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 114; Голоса крестьян. С. 320.

ческих примеров – Батаня, неукротимая бабушка Елены Боннэр, с ней живо соперничает внушительная аристократическая бабушка Лидии Либединской, а в автобиографии Шихеевой-Гайстер роль «неукротимой бабушки» после ареста родителей берет на себя домработница. Мария Бельская посвятила свои мемуары двужильной матери-крестьянке, Арине, которая не дала семье распасться после раскулачивания; Евгения Гинзбург изобразила свою свекровь как кладезь безыскусной мудрости и здравого смысла⁵⁵. Другой тип сильной женщины, сексуально раскрепощенной революционерки, мы видим в нарисованном Валентиной Богдан портрете ее сокурсницы по училищу Ольги – своенравной, независимой, свободолюбивой, смелой в отношениях с мужчинами⁵⁶. Женщины, в чьей жизни работа и общественные обязанности занимают так много места, что они с трудом находят время для детей, показаны в ряде воспоминаний их дочерей⁵⁷. А несколько мемуаристок-эмигранток, со своей стороны, представляют нам образ сильной женщины-коммунистки – бесполой фанатички, еще более беспощадной, чем ее товарищи-мужчины⁵⁸.

На противоположном конце спектра важной темой автобиографий русских женщин является их положение жертвы. Типичные для «жертвы» нотки звучат в словах крестьянки Ефросиньи Кисловой, которая в 1970-х гг. начала свою устную историю жалобой: «Я горя таянула больше всех». В народных песнях, спетых Кисловой для фольклориста, речь идет главным образом о страданиях от руки мужчины, но в ее рассказе и в интервью других крестьянок мучителем выступает государство: «Хлеб государству, а нам костер»; «А тады, милки, как уже стала ета власть, так тады нас раскулачили»⁵⁹. Мемуары Бельской – настоящая сага о том, как государство преследовало крестьянскую семью, написанная под влиянием перестройки, – в итоге превращаются в обвинительный акт против Сталина. («Наше ему “большое” спасибо за такое “счастливое детство”», – язвительно пишет она⁶⁰.) Воспоминания эмигранток первой волны

---

⁵⁵ Bonner E. Mothers and Daughters / trans. A. W. Bouis. New York, 1993. P. 13–17, 87–89, passim; Libedinskaja L. The Green Lamp // In the Shadow of Revolution. P. 287, 295–296; Shikheeva-Gaister I. A Family Chronicle. P. 382–383; Belskaia M. Arina's Children; Ginzburg E. Journey into the Whirlwind. P. 20–24.

⁵⁶ In the Shadow of Revolution. P. 263–264, 269–270, 404–405.

⁵⁷ См., напр.: Bonner E. Mothers and Daughters; Shikheeva-Gaister I. A Family Chronicle.

⁵⁸ См., напр.: Varsher T. Things Seen and Suffered. P. 113–115; Volkonskaia S. The Way of Bitterness. P. 351.

⁵⁹ 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. С. 120, 125, 127.

⁶⁰ In the Shadow of Revolution. P. 223.

часто складываются в историю гонений и издевательств со стороны большевиков и советской власти, практически во всех воспоминаниях о Большом терроре также *volens nolens*⁶¹ делается упор на это⁶². Вера Шульц писала о своем аресте в 1938 г.: «Невозможно забыть такой жестокий и бессмысленный удар, затронувший всю твою жизнь. Невозможно забыть, что человек в любой миг может превратиться в бессильную, униженную пешку»⁶³.

Впрочем, Кэтрин Мерридейл, беседуя в 1990-е гг. со своими респондентами о пережитых репрессиях, заметила, что уцелевшие часто не склонны говорить о своей жизни исключительно с позиции жертвы: «Большинство людей рассказывали о том, как они выжили... Они нашли свои способы справляться с потерями – человеческими и материальными – и до сих пор гордятся своей стойкостью»⁶⁴. То же самое желание показать себя не жертвой (или не только жертвой), а борцом очевидно и в записанных в 1990-е гг. устных историях крестьян. «Иной раз изругаешься и заплачешь», – сказала интервьюерам одна деревенская женщина, но даже такой кошмарный опыт, как кулацкая ссылка, кое-чему ее научил⁶⁵. «Печальная у меня была жизнь, – рассказывала другая, вспоминая, в частности, коллективизацию. – И так трудно было, а сколько обид я перенесла... Но, какие бы ни были суровые времена, я все-таки всех детей вырастила, образование им дала...»⁶⁶

Есть истории жертв, обвиняющие не советскую власть, а других мучителей. В советской автобиографии (особенно если речь шла о работницах или крестьянках) культивировался жанр *testimonios*, где основное внимание уделялось угнетению при царизме и сравнению жалкого дореволюционного существования с благоденствием и безграничными возможностями при советской власти:

«Я расскажу о своей жизни, о том, как жила раньше... С 11 лет осталась без матери, сиротой. С 12 лет меня уже отдали к деревенским кулакам в няньки, с 14 лет – в няньки на барский двор ухаживать за барскими детьми. Была я неграмотной, мне очень плохо жилось, я не знала, что есть другая, лучшая жизнь»⁶⁷.

---

⁶¹ Волей-неволей (*лат.*). – *Прим. пер.*

⁶² См., напр.: Volkonskaia S. The Way of Bitterness; Melgunova-Stepanova P. E. Where Laughter is Never Heard // In the Shadow of Revolution. P. 66–72 (из кн. Мельгуновой-Степановой «Где не слышно смеха», изданной в Париже в 1928 г.).

⁶³ Shulz V. Taganka // Till My Tale Is Told. P. 152.

⁶⁴ Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia. Harmondsworth, 2001. P. 17–18.

⁶⁵ Голоса крестьян. С. 343.

⁶⁶ Ransel D. L. Village Mothers. P. 238.

⁶⁷ Героини социалистического труда. С. 107.

Есть, конечно, женщины, в чьих автобиографических рассказах главными мучителями выступают мужчины, хотя вообще для русской женской автобиографии XX в. это нехарактерно. Агриппина Кореванова обвиняет своего отца, свекра, мужа, не говоря уже о всевозможных советских чиновниках-мужчинах, обижавших ее в дальнейшей жизни. Кое-что из рассказанного ею укладывается в рамки сюжета о дореволюционной эксплуатации, однако ясно, что для Коревановой эксплуатация носила гендерную окраску. Даже когда на нее напали неопознанные лица, она не сомневалась в мужском поле нападавших и предупреждала: «Я оставлю после себя [в случае смерти] не одну, не две верных женщины [курсив мой. – Ш. Ф.] революции, а, может быть, сотни». Анна Литвейко описывает издевательства, которые терпела ее мать от пьяного мужа, и свое решение вышвырнуть отца из дому: «Это был мой первый самостоятельный поступок, и я им очень гордилась» (правда, ниже она задается вопросом, сделал ли ее поступок мать счастливее)⁶⁸.

Как правило, женщины в своих воспоминаниях весьма неохотно критиковали мужей, даже явно плохих, как, например, второй муж Р. Орловой⁶⁹. Давая интервью годы спустя, респондентки ощущали заметную неловкость, когда от них добивались более подробных сведений о бывших мужьях, не желая говорить интервьюерам самое худшее. Подобная сдержанность чувствовалась даже в тех случаях, когда интервьюер прямо поощрял критические высказывания⁷⁰. Женщины из высших кругов и представительницы интеллигенции, несмотря на свою образованность и профессиональные знания, судя по их рассказам, относились к мужьям с почтением; сообщения о сколько-нибудь значительных конфликтах в семье по поводу работы женщины вне дома у них встречаются редко⁷¹. Лидия Либединская в той части своих мемуаров, которая посвящена ее жизни после того, как она в начале 1940-х гг. вышла замуж за писателя Юрия Либединского, рисует свой образ совершенно другими красками: почти ребячливо независимый персонаж первой части книги превращается в преданную супругу, чья жизнь и работа полностью подчи-

⁶⁸ Кореванова А. Г. Моя жизнь. М., 1936. С. 324; Литвейко А. В семнадцатом. С. 4.

⁶⁹ Орлова Р. Воспоминания о непрощедшем времени. С. 32. Е. Боннэр в своей автобиографии также лишь вскользь упоминает первого мужа как отца своих детей (Bonner E. Mothers and Daughters. P. 330) и даже не называет его по имени.

⁷⁰ См., напр.: A Revolution on Their Own. P. 70–71, 94–96.

⁷¹ В сборнике «In the Shadow of Revolution» примерами образованных, но почтительных жен могут служить З. Жемчужная и В. Богдан.

нены мужниным. Точно так же один из любопытнейших аспектов первой книги воспоминаний Надежды Мандельштам – противоречие между изъявлениями почтения и покорности мужу-поэту и бесспорной силой ее собственной личности и уверенностью в себе, которые выдает каждая строка повествования⁷².

О семейных конфликтах, обычно вызванных попытками мужа ограничить или контролировать деятельность жены за пределами дома, гораздо чаще говорят женщины из низов; фактически тема вражды супругов является стандартным компонентом биографий женщин-активисток. Муж московской работницы Анны Балашовой через шесть месяцев после свадьбы «увидел, что жена ему не угождает». Их брак начал разваливаться. Когда Анна лежала в больнице после рождения ребенка, муж от нее ушел, не оставив даже записки, зато «захватив с собой много ее собственных вещей». Еще одна московская работница Анастасия Бушуева сбежала от мужа, который «один раз избил ее так, что она работать не могла»; партийная ячейка нашла беглянке временное пристанище, пока завод не предоставил ей постоянное жилье⁷³. Стахановка Анна Смирнова в беседе с корреспондентом женского журнала в середине 1930-х гг. также поведала о неразрешимом супружеском конфликте, возникшем, когда она стала активисткой-общественницей: «Начал он меня донимать, что “поздно домой прихожу”. А я все время то на митинге, то на занятиях, то на дежурстве в кооперативной лавке или в больнице... В конце концов, надоели мне его придирки. Мы развелись. Живу одна с 1924 года»⁷⁴.

У крестьянок-стахановок тоже частенько были свои истории о мужьях-угнетателях, заканчивавшиеся разводом, который изображался как освобождение и начало «сознательной» советской жизни. Доярку из Башкирии Гадиляеву выдали замуж в шестнадцать лет: «Выдали по старому, тогда еще не отжившему, обычаю, против моей воли... Прожив с мужем полтора года, я с ним развелась и стала работать в колхозе самостоятельно». По мнению армянской крестьянки Буда-

---

⁷² См.: Либединая Л. Зеленая лампа. С. 149–407; Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1992.

⁷³ Эти истории, впервые опубликованные в сборнике «Работница на социалистической стройке» под редакцией О. Н. Чаадаевой (с. 110–111, 150), были собраны в рамках советского проекта по устной истории начала 1930-х гг. – «История фабрик и заводов». Подборка Чаадаевой переведена на английский язык: *In the Shadow of Revolution*. P. 249–250. То, что у женщин-активисток часто были «серьезные проблемы с мужьями», подтверждает и Кореванова: *Ibid.* P. 206.

⁷⁴ *Общественница*. 1937. № 1. С. 27.

гян, подобные проблемы решались автоматически благодаря системе оплаты труда в колхозе, где вознаграждались те, кто лучше работал: «А когда зарабатываешь больше, чем муж, как же он сможет угнетать? Тогда у него язык короче»⁷⁵.

Приведенные выше высказывания взяты из *testimonios* стахановок. Свидетельства *жен* стахановцев, естественно, звучали в другой тональности: эти женщины заявляли, что цель их жизни – поддерживать мужей. Некоторые замечали (весьма неожиданно, учитывая, как превозносился в СССР женский труд), что теперь выполнять эту задачу стало легче, поскольку мужья больше зарабатывают и это позволило им самим бросить работу. Тем не менее многие из них говорят о себе с явным чувством превосходства – они более культурны, мотивированы, организованы, чем их супруги, и призваны удерживать потенциально способных оступиться мужей на должной высоте. Власовская сердилась, когда ее муж «как-то опустился» и поначалу не сумел стать стахановцем. Незгорова отмечала свою роль в спасении мужа от пьянства и «дурного влияния». Полякова побуждала своего супруга стать стахановцем, заставляла его по вечерам слушать ее чтение вслух, даже когда тому хотелось спать, проверяла, не заснул ли он в театре или в кино. «Я же хотела, чтобы он был культурно развитым человеком, – объясняет она, – чтобы он шел вместе со всеми»⁷⁶.

В автобиографической повести Аллы Кипаренко о пионерской жизни на Дальнем Востоке ее подруга из горкома комсомола рассказывает о том, как одного шалопая перевоспитала хорошая комсомолка: «Молодоженам дали комнату и пожелали счастья, решив, однако, не выпускать их из поля зрения. И вот произошло, как говорят, чудо! Хулиганистого парня словно подменили, он потянулся за женой, решительно догоняя ее по производственным показателям»⁷⁷. Даже в рассказе княгини Волконской, безусловно преданной своему мужу, ощущается оттенок покровительственного отношения к нему: фигура князя Петра, выросшего под каблуком у матери, пассивного и чересчур рафинированного, чтобы выражать (а может быть, и чувствовать?) сильные эмоции, получается какой-то бесцветной рядом с энергичной женой⁷⁸. Если бы он был паровозным машинистом, как муж Власовской, то, наверное, его тоже пришлось бы учить активной жизненной позиции.

⁷⁵ Героини социалистического труда. С. 59, 87.

⁷⁶ Женщина – большая сила. Северное краевое совещание жен стахановцев. Архангельск, 1936. С. 43.

⁷⁷ Участницы великого созидания. С. 153.

⁷⁸ См.: Volkonskaia S. The Way of Bitterness.

Классовый вопрос

Классовый вопрос – различие между аристократкой княгиней Волконской и пролетаркой Власовской – оказывал такое огромное влияние на повседневную жизнь в СССР, что в автобиографиях он фигурирует на одном из первых мест. В глазах многих женщин классовая принадлежность служила предметом куда более острого интереса и беспокойства, нежели половая. Это и неудивительно, учитывая, какие она создавала угрозы и открывала возможности – и для отдельного человека, и для целой семьи. Зинаида Жемчужная в своих воспоминаниях отмечала приверженность большевиков «раз навсегда намеченному плану»: «Прежде всего, каждое общество разбито на классы. Есть буржуи, которых надо убивать и грабить, и пролетарии, которые должны пользоваться всеми благами жизни»⁷⁹. По словам Ирины Еленевской, жильцы в ее петроградском доме в начале 1920-х гг. «сразу разделились на две группы: “буржуев” и “трудящихся» (сама она относилась к «буржуям», поскольку происходила из среды интеллигенции и служилого дворянства)⁸⁰.

Мемуаристки видели, как сильно их жизнь зависит от приписанного им классового положения. Лидию Либединскую за «плохое» классовое происхождение чуть не исключили из пионеров, школьную подругу Валентины Богдан из-за родителей-«лишенцев» не приняли в училище⁸¹. Из восьми авторов устных историй, собранных Энгель и Посадской, четыре принадлежали к заклеяемому классу и в результате имели множество неприятностей. Происхождение висело над ними «как дамоклов меч», по выражению одной из них⁸². Описывая классово-дискриминационную политику советских вузов в 1920-е гг., Евгения Гинзбург, дочь врача, замечает: «Судьба пощадила меня – в “прочих” я не числилась. Но принадлежать к третьей категории, куда входили ребята из интеллигентских семей, тоже была не ахти какая радость. В правах это не ограничивало, но какой-то “комплекс вины”, нечто вроде сознания первородного греха, отравляя жизнь». А вот как отреагировала юная Раиса Орлова, когда ее по причине неподходящего классового происхождения не приняли в комсомол: «Тогда укрепилось, видимо, свойственное и раньше ощущение

---

⁷⁹ Жемчужная З. Пути изгнания. С. 104.

⁸⁰ Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 91.

⁸¹ Libedinskaia L. The Green Lamp. P. 291; Bogdan V. Students in the First Five-Year Plan. P. 254.

⁸² См.: A Revolution on Their Own. Эти четверо – дочери «кулаков» Дубова и Долгих, дочь священника Флейшер и дочь помещика Бережная.

ние: есть что-то во мне неполноценное, недостаточно твердое. “Интеллигентка”. И надо с этим обязательно бороться, вытравлять»⁸³.

Разумеется, классовая дискриминация имела и другую сторону. Пролетарии, как сказала Жемчужная, «должны были пользоваться всеми благами жизни», то есть плодами положительной дискриминации и выдвигенчества. Один из стандартных автобиографических жанров сталинской эпохи – описание славного пути наверх с благодарностью советской власти за предоставленные возможности. Трактористка-стахановка Паша Ангелина отметила особый тип советской вертикальной мобильности: люди вроде нее не «поднимались *из* народа», подобно капиталисту лорду Бивербруку, а «поднимались *вместе* со всем народом». Testimonios, предлагавшиеся широкой публике по торжественным случаям, например к Международному женскому дню, повествовали о преображении советских золушек – скажем, о превращении портновской ученицы Женьки, которую била злая хозяйка, в Евгению Федоровну, технического директора советской текстильной фабрики⁸⁴. Полвека спустя женщины из той же когорты по-прежнему гордились тем, что стали из какой-нибудь «Симочки» «Серафимой Яковлевной» и, хотя больше не возносили благодарностей Сталину, тепло отзывались о своем фабричном начальстве, которое их обучало и продвигало в тридцатые годы⁸⁵.

Хотя большевики часто считали классовую принадлежность самой что ни на есть очевидной и понятной вещью, судя по опыту многих авторов автобиографий, это далеко не всегда соответствовало действительности⁸⁶. Жемчужная отметила, каких ухищрений стоило большевикам на казачьих землях втиснуть местные социальные группы в марксистские рамки (священников, учителей и казаков зачислили в буржуазию, крестьян, не относящихся к казакам, – в пролетариат). И у нее, и у Олицкой возникли проблемы из-за того, что на их родственников, дворян-помещиков, отныне смотрели как на эксплуататоров, а не как на просвещенных людей, старавшихся помочь крестьянам. Классовый вопрос представлял загадку и для юной Либединской, чья бабушка была одновременно дворянкой и пылкой поклонницей революции. Отца Прасковьи Дорожинской

⁸³ Гинзбург Е. Студенты двадцатых годов. С. 87; Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. С. 21.

⁸⁴ Ангелина П. О самом главном: Мой ответ на американскую анкету. М., 1948. С. 5; Труд. 1936. 8 марта. С. 2 (интервью с Е. Ф. Дудиной). См. также: In the Shadow of Revolution. P. 391–393.

⁸⁵ См. рассказы Марии Шамляян и Серафимы Коган в сб.: На корме времени. С. 53, 62–63, 114–115, 123.

⁸⁶ Об этой проблеме см. гл. 2.

экспроприировали как кулака, несмотря на то что он входил в местный комитет бедноты. По словам Олицкой, «раскулачивание» в бывших поместьях ее отца во время Гражданской войны превратилось в чистый фарс: большевики заставляли сельчан выявлять у себя кулаков, а те попросту «выбирали» на эту роль кого-нибудь, не имевшего в деревне большого веса или не пользовавшегося популярностью⁸⁷.

Классовая ненависть – очень модное понятие в первые послереволюционные десятилетия – в автобиографиях выражается редко. Несчастливая Кореванова, писавшая в середине 1930-х гг., – исключение. Ее революционное крещение произошло, когда она услышала о зверствах белогвардейцев и ее сердце «сжалось от ненависти к белым». Десять лет спустя женская бригада Коревановой (за исключением одной «сердобольной» участницы) выгоняла классовых врагов из квартир с чувством жестокого удовлетворения: пусть, дескать, получают то, что заслужили! Анна Литвейко уже в послесталинскую эпоху вспоминала, как когда-то вела пропаганду в духе «классовой ненависти», но опосредованно (она пересказывала товарищам по работе памфлет под названием «Пауки и мухи», где хозяева изображались пауками, которые пьют кровь рабочих и присваивают плоды их труда, «как раньше рассказывала им про пещеру Лейхтвейса»)⁸⁸.

В 1990-е гг. в рассказах пожилых женщин о своей жизни от классовой ненависти не осталось и следа. Выходцы из низов, как правило, говорили о представителях высших классов хорошо, о встречавшихся им в 1920–1930-х гг. «социально чуждых» (в терминологии сталинских времен) вспоминали с сочувствием, особенно если те были жертвами репрессий. По словам Ольги Филипповой, медсестры из рабочей семьи, в Ленинграде после убийства Кирова арестовывали «самых культурных людей, жалко их было». Мария Новикова, дочь кухарки, рассказывая о сосланных соседях – немцах-колонистах, замечает: «А какие добрые были!.. Мы все так плакали». Екатерина Правдина шила на свою соседку по коммуналке, единственную дворянку среди жильцов-рабочих: «Ну, она такая была хорошая, общительная». Выдвиженка Мария Шамляян получила комнату в квартире, которая раньше принадлежала дворянке, вдове царского

---

⁸⁷ In the Shadow of Revolution. P. 85, 87 (рассказ З. Жемчужной), 37, 39–40 (рассказ Е. Олицкой), 287, 296 (рассказ Л. Либединской), 241–242 (рассказ П. Дорожинской).

⁸⁸ Кореванова А. Г. Моя жизнь. С. 191, 324; Литвейко А. В семнадцатом. С. 6. «Пещера Лейхтвейса» – один из рассказов о приключениях сыщика Ната Пинкертона, которые пользовались большой популярностью в России в 1910–1920-е гг.

генерала Измайлова. Обе женщины так и жили вместе. «Меня в райком вызывали несколько раз – все-таки директор школы из бывших – я всегда давала положительную оценку. Как человек – только положительно. “О происхождении, – я говорю, – вы решайте сами, а как руководитель, как человек – заслуживает только положительную оценку”. Она очень долго и хорошо работала», – рассказывает Шамлиян⁸⁹.

Измайлова принадлежала к тем «бывшим» людям, которые не старались скрыть свое происхождение. Отец Лидии Либединской, экономист из дворянской семьи, тоже продолжал пользоваться визитными карточками с надписью «Граф Борис Дмитриевич Толстой», утверждая, что «как до революции только подлец мог стыдиться пролетарского происхождения, так же после революции порядочному человеку не подобало отказываться от происхождения дворянского»⁹⁰. Однако многие мемуаристки и люди, которых они встречали в жизни, чувствовали *необходимость* скрывать свое социально-классовое лицо – иногда в буквальном смысле, как прятала лицо в шарф переодетая скромной учительницей княгиня Волконская, когда ради спасения мужа совершала свою дерзкую вылазку на советскую территорию⁹¹. Чаше, впрочем, приходилось прибегать к более тонкой маскировке – создавать новую биографию, соответствующую новой идентичности, или, по крайней мере, вычеркивать из нее некоторые эпизоды прошлого. Квартирная хозяйка Валентины Богдан, у которой та жила во время учебы в училище, была вынуждена скрывать, что ее покойный муж в Гражданскую войну воевал за белых (дабы не получить клеймо вдовы «контрреволюционера»); такую же тайну хранили Жемчужная и ее муж, бывший белый офицер, после переезда в Москву в конце Гражданской войны⁹².

Тайна Натальи Колокольцовой заключалась в том, что она дочь царского урядника, казненного большевиками в 1919 г., хотя ей тогда был всего годик, а сама она стала фабричной работницей и по праву могла претендовать на пролетарский статус⁹³. Анна Дубова, сумевшая во время коллективизации сбежать из деревни в город, держала в секрете факт раскулачивания своей семьи; Екатерина Долгих, дочь «кулака», которую отправили на воспитание к тете, была вынуждена отречься от родителей. Веру Флейшер тоже отослали к родственникам, спасая от клейма дочери священника, и заставляли порвать

⁸⁹ На корме времени. С. 65, 80, 196, 239.

⁹⁰ Либединская Л. Зеленая лампа. С. 10.

⁹¹ In the Shadow of Revolution. P. 141.

⁹² Ibid. P. 254–255.

⁹³ На корме времени. С. 146, 152.

семейные узы: «Нам нельзя было даже переписываться с родителями. Это была связь с “чуждым элементом”. Но мы, конечно, продолжали с ними переписываться и изредка их навещали. Но это было очень трудно»⁹⁴.

О вещах

Во времена революций одни люди теряют вещи, другие приобретают. То же самое происходило в годы большевистской революции, причем и потери, и приобретения имели большое значение для жизни отдельного человека. Разумеется, среди авторов автобиографий трудно найти такого, который уделял бы первоочередное внимание изменениям своего материального положения, поскольку большинство тех, кто вырос в России в первой трети XX в., по всей видимости, разделяло мнение, что материальная сторона жизни неважна и беспокоиться о ней недостойно русского интеллигента (или советского гражданина, в зависимости от приоритетов пишущего). Тем не менее упоминания о потерянных и приобретенных вещах мелькают на периферии женских биографий. Представительницы прежних привилегированных классов, утратившие свое имущество во время революции, как правило, подчеркивали культурно-сентиментальный, а не материальный аспект потери. Те, кто получал вещи, зачастую рассматривали их как вознаграждение, доставшееся им от государства (а не от бывших владельцев) после многих усилий и тревог. И проигравшие, и выигравшие настаивали, что они не из тех, кого на самом деле волнуют материальные блага.

Первый великий передел имущества свершился благодаря революционным конфискациям в 1917 г. и в годы Гражданской войны. Волконская, одна из мемуаристок-эмигранток, ставших жертвами конфискаций и обысков, признается, что ей было чрезвычайно неприятно видеть, как чужие люди прибирают к рукам ее вещи, но тут же пускается в философские рассуждения: «Чувство собственности выращивалось в нас поколениями, и обратный процесс потребует, надо полагать, приблизительно столько же времени. Если не больше»⁹⁵. Комментарии Жемчужной по поводу конфискации ее личного имущества большевиками во время Гражданской войны значительно резче. Ее привели в ярость нотации конфискующих, упрекавших ее в «несознательности», поскольку она не желала пожертвовать своими вещами добровольно. Она называет этот эпизод своим «совет-

---

⁹⁴ A Revolution on Their Own. P. 27–30, 91, 163–166.

⁹⁵ Волконская С. А. Горе побежденным: Воспоминания. Париж, б. г. С. 117.

ским крещением»: «Моя жизнь, мое имущество перестали принадлежать мне. Они сделались “народными”, отошли в собственность государства, которое получило право распоряжаться ими по своему усмотрению». Описывая процесс конфискации, и Жемчужная, и Олицкая не скрывают презрения к алчности конфискующих – простых рабочих и солдат, а те, по их словам, были изумлены отсутствием у «буржуек» жадности и их равнодушием к ценностям в собственном доме⁹⁶.

Зависть к имущим ярко отображена в одной из ленинградских устных историй 1990-х гг. Екатерина Правдина, родившаяся в деревне, рассказывает о ней как о главной причине раскулачивания ее тети во время коллективизации:

«Эта тетка моя – жили они в городе тоже до революции, а в революцию они уехали все. Ну, привезли там какую мебелишку, – конечно, они привыкли не на полу спать, уже по-другому себя там держали, не так, как все. А тем было неприятно: зачем вот... Они спали на дерюжках на каких-то, на соломках. В деревне как раньше спали-то? Вот своих дерюг наткут, набьют соломой, а то и просто соломы настелют, на соломе спят, покроют чем-нибудь. А у нас было, конечно, по-другому. В доме у нас все по-другому было – и стулья венские стояли, и шкафы, и комоды. Все привезли они из города и на простынях спали. Так вот тетка выстирает белье, повесит сушиться. А они возьмут да все грязью закидают – а, вы на простынях спите! Она перестирывает»⁹⁷.

Мария Бельская поведала, как проходила конфискация собственности во время раскулачивания. Являлись должностные лица и описывали имущество в доме: «Старый тятин полушубок, стол, две скамейки, табуретки, чугушки и ухваты. В хлеву – последнюю телку, гусей и кур. Тут мама догадалась завязать в узелок свои девичьи полушалки, полотенца, две юбки и сарафан. Ночью это вынесла за двор и закопала в навоз. А подушки, потник и одеяло – все описали. На нашей ограде были открытые торги, все пошло с молотка. Разобрали сельчане все наше “богатство”. Мы все стояли возле крыльца, всхлипывали и утирали сопли. На Деме были единственные сапоги, которые ему сшил отец, как старшему. Улыбаясь и ухмыляясь, к нему подошел кто-то из сельсовета, сдернул с ног сапоги и пошел продавать. Раскрутив портянку, Дема босиком спустился с крыльца и пошел со двора»⁹⁸.

⁹⁶ Жемчужная З. Пути изгнания. С. 129–136; In the Shadow of Revolution. P. 40, 45–46.

⁹⁷ На корме времени. С. 75–76.

⁹⁸ Женская судьба в России. С. 49.

Биографии с изображением конфискации с точки зрения самих конфискующих встречаются редко. Одно из таких исключений – воспоминания Анны Литвейко в 1957 г., где автор рассказывает о конфискации эпохи Гражданской войны как о необходимой мере, призванной покончить с утаиванием излишков и пустыми прилавками в магазинах: «Приходилось нам с Таней ходить и на обысках, выволакивать из чужих сундуков, из подполов, из чуланов мешки с сахаром, с крупой, с мукой, а то и оружие, Делали это мы очень просто: что они прячут, когда народ голодает? Встречали нас часто со слащавой улыбкой: “Пожалуйста, смотрите, у нас нет ничего...” А провожали по-разному. Мы составляли опись того, что взято, заставляли их подписать, чтобы они видели: берем для государства»⁹⁹.

Иногда к реквизициям привлекали библиотекарей. «Вот в таких реквизициях, – говорила интервьюеру в 1990-е гг. библиотекарь Берта Алянская, – я не участвовала. Это было очень безобразно. Безобразно, неорганизованно, и неизвестно, куда уходили книги». Впрочем, она участвовала в оценке и сортировке реквизированных книг – работа тяжелая, но подобающая «специалистам». Отец Марины Бусковой, урожденной Мушинской, инженер, также побывал участником реквизиций в Гражданскую войну: «Там, понимаете, приходили в кожанках, с портупьями и маузерами, а папа, поскольку он человек грамотный, в отличие от других, то он писал протоколы, и писал описи имущества, или еще что-нибудь». В этой биографии, кстати, откровенно признается выигрыш от реквизиции (в виде жилья для семьи Мушинских): «Ну вот, ему как работнику этой реквизиции дали эту комнату. Комната была темная, сырая, но как-то в общем мы обжились и жили там». Обычно же факт перехода имущества от бывшего правящего класса к новому в автобиографических повествованиях несколько приукрашивался и облагораживался. Работница Анна Балашова с матерью вселились в большую хорошую комнату, после того как прежние жильцы-«буржуи» «уехали от советской власти». Хорошую квартиру получил и брат Алянской: «Он по должности попал. Он работал в военкомате, и ему дали эту квартиру». Активистке Марии Шамлиан, комната досталась, по ее словам, в ходе обычной бюрократической процедуры: она просто встала на очередь, и ей выделили площадь в квартире вдовы генерала Измайлова, от чего выиграли обе женщины¹⁰⁰.

Обращаясь к автобиографическим повествованиям 1930-х гг., мы видим иной тип перехода благ в новые руки. Некоторые их облада-

---

⁹⁹ Литвейко А. В семнадцатом. С. 17.

¹⁰⁰ На корме времени. С. 64, 286, 367, 369; Работница на социалистической стройке. С. 109.

тели бесхитростно наслаждаются своей новой идентичностью владельцев хороших вещей, например стахановки, с гордостью рапортующие о крепдешиновых платьях и швейных машинках, полученных в качестве премии за высокие производственные достижения¹⁰¹. Валентина Богдан с удовольствием, хотя и не столь наивно откровенным, рассказывает о получении хорошей квартиры в новом доме для партийных работников, инженеров и стахановцев (она одна из немногих мемуаристок того периода, которая не слишком возражает против звания «буржуйки»). Тане, подруге Богдан, тоже повезло с жильем в Ленинграде: «Мы получили хорошую квартиру, она нам досталась не только с мебелью, но и посудой, постельным бельем, платьями и даже игральными картами! Очевидно, до нас в ней жила старорежимная семья, в сундуке есть очень старомодные платья, с кружевом и стеклярусом, и довольно много серебряной посуды: ложки, подстаканники, подсвечники и т. п. Тех, кто жил до нас, всю семью арестовали и, вероятно, выслали в лагерь, а квартира как была в день ареста, так и передана нам». Валентину это коробит, но Таня реагирует спокойно: «Я совершенно об этом не думаю. Ведь не из-за нас же их арестовали»¹⁰².

Вдова Ленина Н. К. Крупская в своей автобиографии заявляет: «Никакой ни движимой, ни недвижимой собственности у родителей не бывало»¹⁰³. Эта гордость отсутствием собственности была весьма распространена среди большевиков и создавала определенные сложности, когда новое поколение коммунистов – по наущению своих жен, как уверяет нас Троцкий, – усваивало образ жизни привилегированного класса¹⁰⁴. Фрума Трейвас поясняет, почему они с мужем тогда не считали, что пользуются какими-то особыми привилегиями, несмотря на доступ в закрытые магазины, машину с шофером у мужа, хорошую квартиру. Ведь ее муж «ответственный человек, работает много, часто допоздна, себя не жалеет, прославляет Родину, Сталина»; машина ему нужна, чтобы ездить на работу; зарплата его ограничена «партмаксимумом». Вся их обстановка принадлежала не им, а государству, они мало думали о деньгах и вещах¹⁰⁵. Софья Павлова настаивала на том же в интервью 1990-х гг.: «Мы ничего не

---

¹⁰¹ In the Shadow of Revolution. P. 333 (Славникова), 334 (Виноградова), 339 (Разина), 341 (Мисостишхова).

¹⁰² Богдан В. Мимикрия в СССР. С. 200.

¹⁰³ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1998. С. 236.

¹⁰⁴ Trotsky L. The Revolution Betrayed. London, 1967. P. 102–103.

¹⁰⁵ In the Shadow of Revolution. P. 326. Елена Боннэр в книге «Дочки-матери» рисует такую же картину жизни своих матери и отчима – коммунистов.

покупали... Мы впитали не то чтобы отрицательное отношение, а равнодушие к уюту, комфорту и т. п., к тому, чтобы бегать по магазинам за чем-то особенным, и такое отношение сохранилось у меня до сих пор... Мы жили очень просто... И у нас всегда была очень простая обстановка. Всегда...»¹⁰⁶ Хадыча Якубова, студентка-энтузиастка 1930-х гг., когда в интервью 1990-х гг. ее спросили про одежду, ответила в том же духе: «Дело в том, что я относилась к тому разряду девочек, которые пре-зи-ра-ли моду. Знаешь, комсомолки – мы презирали моду... Мы ходили в каких-нибудь там футболках, юбках... А моду я презирала всю жизнь и считала, что это недостойно интеллектуального человека»¹⁰⁷.

Семья Инны Шихеевой-Гайстер жила в элитной четырехкомнатной квартире в недавно построенном Доме правительства, а ее отец, заместитель наркома земледелия, смог купить двухэтажную дачу на берегу Москвы-реки, которую «брат мамы Вениамин не без тайной зависти называл... виллой». Один из друзей отца («прекрасный человек, прямой, честный до щепетильности», отказавшийся «от денежного конверта – партийного довеска к зарплате») «не одобрял папу за то, как папа с удовольствием принимал сталинские подарки: прекрасную квартиру в Доме правительства, служебную автомашину, на которой ездила и моя мама, дачу на Николиной Горе». Гайстер защищает отца от критики примерно теми же словами, что и Трейвас: он много работал; обстановка в квартире не отличалась роскошью и принадлежала государству; единственными их собственными ценностями были рояль и холодильник, привезенный из Америки. «Так что культа вещей в нашем доме не было», – заверяет она читателей¹⁰⁸.

* * *

Как уже отмечалось в начале этой главы, большинство русских женщин, писавших автобиографии в период 1914–1941 гг., рассказывали свою историю как часть истории своего времени. Иногда этого требовал жанр: например, в советских «историях успеха», предназначенных для ритуального исполнения на публике стахановками и выдвигенками, рассказчик обязан был повествовать о собственной жизни именно в таком ключе. Ангелина заявляла, что ее история – это история всего народа. Масленникова рассказывала о себе, чтобы показать не индивидуальность своего жизненного пути («в моей биографии нет ничего особо примечательного»), а его типичность.

---

¹⁰⁶ A Revolution on Their Own. P. 70, 74.

¹⁰⁷ На корме времени. С. 276.

¹⁰⁸ Шихеева-Гайстер И. Семейная хроника времен культа личности, 1925–1953 гг. М., 1998. С. 15, 24–25.

Рис. 5. «Девушка в футболке». А. Н. Самохвалов, 1932. Репродукция из кн.:
50 лет советского искусства. М., 1967

Воспоминания эмигранток и жертв Большого террора во многом разительно отличаются от «историй успеха», тем не менее эта черта у них общая – стремление говорить не «о том, что случилось со мной», а «о том, что случилось с такими людьми, как я, с моим поколением». Главное – не «мой рассказ», а «наши рассказы» (по выражению Коревановой)¹⁰⁹.

Почти полное отсутствие исповедального жанра заставляет предположить, что жизнь в эпоху государственных и общественных потрясений не располагает к самоанализу. И дело тут не только в том, что внешний мир захватывает все внимание, но и в дестабилизации индивидуальной идентичности. Революция сама по себе была призвана создать «новых советских людей», стало быть, от старой личности следовало отказаться. Воровка Анна Янковская «перековалась» в нового человека; приятель работницы Нюры, подруги Екатерины Олицкой, стал называть себя Вальдемаром, а Нюру – Нелли, поясняя: «Мы... теперь хозяева страны, пусть и имена у нас благородными будут»¹¹⁰. Возможно, перефразируя Маркса, задача революционной автобиографии не в том, чтобы понять свое «Я», а в том, чтобы отразить его переделку.

Ученые в последнее время обратили внимание на важную роль советского самоформирования – овладения «большевистским языком», совершенствования своей идентичности настоящего советского гражданина¹¹¹. Многие авторы автобиографий, в частности стахановки и выдвигенки, именно этим и занимались. Во время Большого террора престарелая мать одной из подруг Валентины Богдан в пересотворении себя дошла до того, что отредактировала собственные старые дневники, дабы усилить свой образ лояльной советской женщины¹¹². Последний пример особенно ярко показывает, что задача построения (или перестройки) своего «Я» весьма отличается от задачи его исследования. В сущности, они просто несовместимы.

Бинарная схема «старой» и «новой» жизни, «тогда» и «теперь» прослеживается во всех русских/советских автобиографиях XX столетия. Революция (или некий ее эквивалент вроде эмиграции, коллективизации) служит водоразделом, рассекающим жизнь пополам. «Кончаю рассказывать про старую жизнь и начинаю про новую», – говорит А. Н. Зиновьева о своей свадьбе с рабочим в 1923 г., которая

---

¹⁰⁹ In the Shadow of Revolution. P. 169, 307, 391.

¹¹⁰ Ibid. P. 282–285; Олицкая Е. Мои воспоминания. С. 209.

¹¹¹ См.: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. Chap. 5; Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi (1931–1939) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Bd. 44. H. 3.

¹¹² In the Shadow of Revolution. P. 409–410.

освободила ее от рабства у жестокой хозяйки. «Тут начинается вторая половина моей биографии», – замечает Масленникова по поводу своего переезда из деревни в Москву в 1921 г. Эмигрантка Варшер показывает революционную трансформацию под другим углом зрения в рассказе о превращении скромной, милой студентки Конкордии Громовой в товарища Наташу, большевистского палача¹¹³.

Многие жизни оказываются не столько бинарными, сколько двойными, ибо формирование себя как советского гражданина подразумевает наличие отвергаемого несоветского или антисоветского «Я». Эти «анти-Я» влачат существование призрачных двойников, но порой восстают из праха и грозят поглотить советское «Я», как было с Ульяновой и Плотниковой¹¹⁴. Даже не ведающий о таком двойнике советский гражданин может внезапно обнаружить, что приобрел другую идентичность – врага народа. «Террористка я, вот я кто», – сказала Олицкой ее подруга Нюра по дороге в ГУЛАГ. И это было не признание вины, поскольку Нюра настаивала на своей невинности, а констатация невольной смены идентичности¹¹⁵.

Революции для всех, кто их переживает, создают нереализованные вероятности: «Могло быть так, а вышло эдак». Но если бы твоя жизнь сложилась иначе, разве была бы у тебя та же самая личность? Это «могло быть так» делает идентичность неустойчивой: человеку может даже казаться, что он, говоря словами одной старой женщины, дававшей интервью в 1990-х гг., прожил «не свою жизнь», не ту, для которой был рожден¹¹⁶. Уж на что В. Богдан как будто тверда как скала в сознании своего «Я», но и в ней чувствуется некая двойственность. Заголовок первой книги ее воспоминаний «Студенты первой пятилетки» (Буэнос-Айрес, 1973) подразумевает рассказ о советском образе жизни, зато название второй – «Мимикрия в СССР» (Франкфурт-на-Майне, б. г.) говорит, что это была всего лишь его имитация, подделка. Но как отличить поддельную жизнь от подлинной? Для многих живущих в смутные времена первоочередная задача автобиографии заключается в том, чтобы доказать, что, скажем, настоящая Плотникова – пролетарий, а не кулацкая дочка, настоящая Богдан – принципиальная антикоммунистка, а не представительница привилегированной советской элиты. Самопознание становится бессмысленным, даже опасным. В этих условиях автор автобиографии стремится не к открытию своего «Я» в обычном смысле слова, а, скорее, к открытию *удобного* для себя «Я».

¹¹³ In the Shadow of Revolution. P. 113–115, 364, 392.

¹¹⁴ Об Ульяновой и Плотниковой подробнее см. в гл. 5 и 6.

¹¹⁵ Олицкая Е. Мои воспоминания. С. 209.

¹¹⁶ См.: A Revolution on Their Own. P. 46 (интервью с Дубовой).

ЧАСТЬ III
ПРОСЬБЫ

ГЛАВА 9

ПРОСИТЕЛИ И ГРАЖДАНЕ*

«Кто только не писал писем в высшие инстанции на самые металлические имена!.. Грандиозные груды писем, если они сохранятся, настоящий клад для историка»¹, – писала пронизательный антрополог советской повседневности Надежда Мандельштам и по обыкновению была права. Груды писем поджидали историков в архивах, открытых в 1990-е гг. (как ни смешно, эти письма обычно хранились в секретных фондах архивов, хотя чаще всего их содержание не носило политического характера)². Писание писем во власть, оказывается, служило в 1930-е гг. главным развлечением на досуге. Люди, как правило, писали их индивидуально, потому что письмо с несколькими подписями могло быть принято за коллективный протест, который по сути считался противозаконным. Посылали их куда только можно: членам Политбюро, секретарям обкома, в газеты, во всевозможные государственные учреждения, иногда даже знаменитостям (писателям, ученым, исследователям-полярни-

---

* Это переработанный вариант моей статьи: *Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s* // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 1.

¹ Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1992. С. 99. Благодарю Гольфо Алексопулоса, который обратил мое внимание на это замечание.

² Отметим, впрочем, что некоторые исследователи и раньше догадывались об их важном значении. См., напр.: Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. London, 1958 (особенно гл. 20 «The Right to Petition»); Mommsen M. *Hilf mir, mein Recht zu finden: Russische Bittschriften von Iwan dem Schrecklichen bis Gorbatschow*. Frankfurt, 1987; Lampert N. *Whistleblowing in the Soviet Union: A Study of Complaints and Abuses under State Socialism*. New York, 1985; Inkeles A., Geiger K. *Critical Letters to the Editors of the Soviet Press: Areas and Modes of Complaint* // *American Sociological Review*. 1952. Vol. 17; Idem. *Critical Letters to the Editors of the Soviet Press: Social Characteristics and Interrelations of Critics and the Criticized* // *American Sociological Review*. 1953. Vol. 18.

кам)³. Писали ходатайства, просьбы, жалобы, доносы, исповеди, угрозы, высказывали свое мнение по тем или иным вопросам. Хотя письмо адресовалось незнакомым общественным деятелям, в нем затрагивались как общественные, так и личные темы. Одни авторы писем выступали перед властями в роли просителей (просили предоставить жилье, дать возможность получить образование, медицинскую помощь, деньги, добиться справедливости), другие – в роли активных граждан (выражали собственное мнение, жаловались на бюрократию, обличали коррумпированных чиновников).

Письма в газеты (хотя последние – лишь одни из множества адресатов) заслуживают отдельного комментария, поскольку посылались вовсе не с той целью, какую можно было бы предположить. Они практически никогда не публиковались, небольшие отрывки очень немногих из них удаивались чести быть помещенными в рубрике «Сигналы с мест» или «Письма читателей». Но одна из важнейших функций газеты заключалась в том, что она передавала эти письма в соответствующие инстанции для принятия необходимых мер. Иногда журналисты проводили собственное расследование и печатали фельетоны по его итогам. Крупные газеты вроде «Правды» имели обыкновение составлять подборки писем на определенную тему и отсылать в Политбюро: такие письма служили ценным источником информации о мнении общественности и функционировании бюрократии, конкурируя со сводками о «настроениях населения», которые на основе агентурных данных регулярно готовил НКВД.

Эти письма действительно, пользуясь словами Н. Мандельштам, настоящий клад для историка сейчас, как были кладом для режима в 1930-е гг., но открытия, которые они могут нам подарить, имеют определенные и очевидные пределы. Когда люди пишут письма во власть⁴, они, как правило, пишут языком власти и не обязательно то, что думают. Последнее, конечно, до некоторой степени справедливо для всех документов, написанных от первого лица, даже таких при-

---

³ О письмах О. Ю. Шмидту и другим полярникам см.: McCannon J. Positive Heroes at the Pole: Celebrity Status, Socialist-Realist Ideals, and the Soviet Myth of the Arctic, 1932–39 // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 3. P. 360–362. Настоятельную просьбу академика Павлова не писать ему о своих проблемах со здоровьем см. в его письме в редакцию «Известий»: *Известия*. 1936. 22 янв. С. 6.

⁴ Так называются два очень полезных сборника, составленных А. Я. Лившиным и др.: *Письма во власть, 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям*. М., 1998; *Письма во власть, 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям*. М., 2002.

ватных, как дневники, но для «публичных» писем – в особенности. Порой и в таких письмах могут выражаться личные эмоции, например горе, однако есть ряд тем, которые в них затрагиваются крайне редко, в первую очередь любовь, дружба, секс, религиозные верования и обряды⁵. Тем не менее разнообразие того, что *можно* в них найти, поражает.

В данной главе я ставлю себе задачу описать и проанализировать это разнообразие. Мое собрание документов эклектично в смысле их размещения в архивах и не поддается количественной оценке, поэтому я подхожу к своему материалу не как социолог, проводящий перепись, а, скорее, как ботаник, изучающий растительный мир на незнакомой территории⁶. Когда мне встречалось письмо нового для меня типа, я это отмечала. Когда снова попадалось письмо такого же типа, я классифицировала отдельный вид и давала ему название. Отличительные *свойства и признаки* этих видов (жанров), а также их место в природной экосистеме их региона и составляют тему моего исследования.

Жанры

Душевные излияния

Рассмотрим сначала письмо-исповедь. Это исповедь не в христианском смысле и не в более широком значении признания вины, которое в словаре Даля дается как первое. Здесь подходит второе

---

⁵ Исключение составляют письма (обычно от крестьян) с протестом против закрытия церквей в том или ином районе. Верования и обряды, *не* упоминаемые в публичных письмах, включают и то, что интеллектуалы обычно называют предрассудками: о колдунах и сглазе этот жанр требовал молчать так же, как и о православном христианстве.

⁶ Невозможно точно установить, сколько именно писем было отправлено властям в 1930-е гг., сколько из них сохранилось и в какой степени сохранившиеся письма воспроизводят контуры тогдашней социальной картины. Отрывочные количественные данные, которые мне удалось собрать, могут разве что подтвердить масштабы данного явления. Все ленинградские партийные и государственные органы (по-видимому, за исключением НКВД) якобы получали в 1936 г. до тысячи писем в день (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 46. Л. 13), а «Крестьянская газета» сообщала такую же цифру годом ранее (1935. 10, 22, 24 июля). А. А. Жданов, в 1936 г. – секретарь Ленинградского обкома, получал в день 150–200 писем граждан (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 46. Л. 13), а В. М. Молотов, председатель Совнаркома в тот же период, – около 30 (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 51. Л. 259). В Прокуратуру СССР в середине 1939 г. в день приходило 1 500 жалоб (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 93. Л. 17).

значение по Далю: «Искреннее и полное сознание, объяснение убеждений своих, помыслов и дел»⁷, – т. е. чистосердечный рассказ лично о себе. Я предпочитаю начать с него (хотя другие жанры, например жалобы и доносы, использовались гораздо чаще), чтобы читатель в дальнейшем безошибочно распознавал личную окраску многих «публичных» писем, которые люди писали политическим лидерам и даже в газеты и госучреждения. Подобные письма, как и следовало ожидать, приходили Сталину, но отнюдь не только ему, и их нельзя считать исключительно феноменом «культы личности Сталина». Кажется, такие письма есть в архивах всех советских политических деятелей, включая региональных партийных руководителей⁸.

Архетипичное письмо-исповедь написала в 1935 г. Жданову Екатерина Бурмистрова, работница-выдвиженка, у которой были нелады в школе и на этой почве – неприятности с местным парткомом. «Глубокоуважаемый т. Жданов, – начинает Бурмистрова свое эмоциональное и довольно бессвязное послание, – прошу Вас не отказать выслушать мою исповедь и помогите мне разобраться в действиях моих и в окружающей меня атмосфере...» В отличие от многих авторов писем, она не выдвигает никаких конкретных просьб и требований, хотя и выражает надежду на личную встречу. Не добивается она и наказания виновных в ее бедах. Она просто выплескивает свое страдание, смятение, чувство неполноценности, отверженности. «Не могу я больше, мне иного выхода нет... мне всю душу вывернуло, мои нервы не выдерживают», – подобными фразами пестрит все письмо. Как у многих авторов, явно прослеживается ощущение своей изоляции, заброшенности. На полях последней страницы по диагонали приписано: «Тов. Жданов. Я не нашла с ними [т. е. с членами местного партийного комитета] общего языка»⁹.

«Поговорить с вами лично, хотя бы 5 минут» просит и жена партийного работника из Западной области Анна Тимошенко в постскриптуме жалобного письма, которое она написала первому секретарю обкома И. П. Румянцеву. Послание Тимошенко посвящено ее

---

⁷ Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля. 2-е изд. СПб., 1881. Т. 2. С. 129.

⁸ Например, в фондах М. И. Калинина и А. В. Луначарского в Российском государственном архиве социально-политической информации (РГАСПИ), в фондах В. М. Молотова и А. Я. Вышинского в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), в фондах секретарей обкома С. М. Кирова и А. А. Жданова в Центральном государственном архиве историко-политической документации г. Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД) и в фонде секретаря крайкома Р. И. Эйхе в Партийном архиве Новосибирской области (ПАНО).

⁹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1522. Л. 215–218.

«невыносимо мучительной семейной жизни». Она в прошлом уже много раз писала Румянцеву, но не отправляла писем («все они были личного характера»). Однако теперь она уже не может не излить душу и просит Румянцева найти время, чтобы прочитать ее письмо и ответить на него¹⁰.

Седова, обиженная жена, написала в Западно-Сибирский крайком партии, потому что муж, член районной партийной верхушки, с ней плохо обращался, а райком бесцеремонно отмахивался от ее жалоб: «Они сказали, что он тебя не избил, особенного ничего нет. Жить мы его не можем заставить... Это личная жизнь». Седова жаждала рассказать о своих несчастьях сочувственному слушателю: «Я не за этим прошу крайком, райком, чтобы жил Седов со мной, а я человек. Не хочу быть за бортом и не хочу, чтобы ко мне издевательски отнеслись. Мне тяжело, если меня оттолкнут, я не должна иметь цель жизни»¹¹.

Письмо 1935 г. от одной ленинградской комсомолки содержит довольно необычную исповедь на религиозную тему: автор пишет анонимно, не желая иметь неприятности за то, что поет в церковном хоре, и просит Сталина закрыть ее церковь: «Спасите молодежь от этой заразы... Особенно действует [церковное] пение, такое расслабляющее, грустное...»¹²

Письма-исповеди приходили и от мужчин. «Я член твоей партии и пишу тебе откровенно, что у меня на сердце», – писал Сталину в 1936 г. молодой коммунист. Они с женой, оба петроградские рабочие, в 1917 г. сражались за революцию, позже были добровольцами 25-тысячниками (т. е. рабочими, которых посылали в деревню помогать проводить коллективизацию). В деревне на его жену напали кулаки. Здоровье ее после этого так и не поправилось, хотя они по предписанию врача уехали из города. Недавно она умерла: «Мне ее очень жаль, тов. Сталин. Вот так я теперь очутился один в глуши, далеко от железной дороги, и к тому же я очень стал впечатлителен и неврастеник. Ветер, свистящий в окно избы, черная тишина меня губят. Был бы я с женой – не страшно...»¹³

Крики о помощи

«Помогите, выбрасывают на улицу, мать 76 лет, потеряла трех сыновей на гражданской войне, ребенок нервно-больной, у меня порок

¹⁰ Smolensk Archive. WKP 386. P. 91–92.

¹¹ ПАНО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 41. Л. 172–173.

¹² ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 106.

¹³ Там же. Д. 2224. Л. 44–48.

сердца, муж в психолечебнице... Срочно окажите помощь»¹⁴. Эта телеграмма, пришедшая в 1940 г. в Совнарком, в сжатом виде дает нам представление о типичном письме «жертвы». Таковые в огромных количествах писали граждане, стремившиеся получить какую-то помощь или одолжение. Они обычно изображали себя слабыми и беспомощными, жертвами «злой судьбы» и неблагоприятных обстоятельств¹⁵. Помощь им требовалась самого разного рода. Многие просто рассказывали о своих неудачах и просили денег – иногда им их давали¹⁶. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Эйхе получал много писем от женщин, которые старались разыскать мужей, задолжавших алименты на детей. В почте первого секретаря Ленинградского обкома Жданова почти треть писем от граждан посвящена жилищному вопросу – перенаселенные, сырые и приходящие в ветхость квартиры, сражения в коммуналках, споры из-за права на жилплощадь, угроза выселения, мольбы о комнате от семей, снимающих «угол» в кухне или коридоре¹⁷.

Одна мать просила Кирова устроить ее 9-летнего сына в детский дом или «даже... в воспитанники Красной Армии». «Мне даже не хватает на хлеб, – писала она, – я с сыном влачу голодную жизнь... все продано, не имею ни постельного ничего, ни подушек, и оба голые и босые»¹⁸. Некий рабочий в письме Молотову просил отрез льняного полотна для своей семьи (и/или взять его на работу в НКВД следователем)¹⁹. Почта Молотова, так же как и Жданова, была полна мольбами о жилье.

Просьбы об одолжении поступали и от представителей советской элиты, и от обычных людей: например, Павел Нилин и еще два молодых члена Союза писателей, в профессиональном плане люди вполне успешные, но живущие в плохих квартирах, написали совместное письмо, моля предоставить им «нормальные» жилищные усло-

---

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 24. Л. 69.

¹⁵ См.: Alexopoulos G. Victim Talk: Defense Testimony and Denunciation under Stalin // Law and Social Inquiry. 1999. Vol. 24. P. 501–518.

¹⁶ Примеры ответов см.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1514. Л. 41. В одном случае точно названа сумма 100 рублей.

¹⁷ Подсчитано по: Там же. Оп. 2г. Д. 4. Л. 3–6. Следующие наиболее распространенные категории (в порядке убывания): просьбы о выдаче паспорта и ленинградской прописки, апелляции на судебные приговоры, просьбы об устройстве на работу, ходатайства заключенных об амнистии и просьбы о предоставлении мест в учебных заведениях.

¹⁸ Там же. Д. 768. Л. 117. Еще одну просьбу об устройстве детей в детский дом см.: Там же. Оп. 2в. Д. 1554. Л. 66.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 27. Л. 28.

вия²⁰. Такого рода письма (подробнее о них говорится в главе 10) относятся к особому подвиду жанра – обращению клиентов к патрону, ибо Молотов, как почти все советские политические лидеры, выступал в роли патрона определенной группы постоянных клиентов из интеллигенции.

В почте Вышинского, которую он получал в 1939–1940 гг. в качестве заместителя председателя Совнаркома, попадается много ходатайств от жен, матерей и дочерей (а иногда также мужей, отцов и сыновей) арестованных, главным образом жертв Большого террора, – в память о его прежней должности Прокурора СССР. Жена пчеловода из Саратова, например, уверяет: «Никаких преступлений он не совершил, а по состоянию здоровья и своим личным качествам и неспособен на преступления. Я прожила с ним 40 лет и знаю его как кристально честного человека»²¹. «Почти полтора года томится в тюрьме мой муж, – пишет жена некоего Ганса Эрмана, видимо армейского офицера. – Страшная награда за двадцатилетний честный и бескорыстный труд!» Письмо заканчивается словами: «Правды, и только правды требую я от Вас, как у представителя власти, и умоляю о том же, как человек»²².

Доносы и жалобы

Донос – письмо властям с порочащими сведениями о другом человеке, написанное ради того, чтобы добиться наказания этого человека, – жанр публичной эпистолярной коммуникации, который первым приходит на ум в связи со сталинским периодом. Поскольку жанр доноса подробно рассматривается в главе 11, я не буду особенно распространяться о нем здесь. Достаточно сказать, что донос находил весьма разнообразное применение – это было многоцелевое орудие, использовавшееся для решения широкого спектра задач: выразить преданность режиму; защитить себя от обвинения в *недоносении*; свести счеты с соперниками, личными врагами и надоевшими соседями; окольным путем предложить НКВД свои услуги в качестве осведомителя; выразить возмущение по поводу коррупции или других должностных злоупотреблений; добиться справедливости и удовлетворения за обиды, которого автор не мог получить через суд либо иными средствами.

Авторы доносов, как правило, называли их «заявлениями» или «жалобами». Разница между жалобами, содержащими критику

---

²⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 77. Л. 9–10.

²¹ Там же. Оп. 81а. Д. 348. Л. 95, 101–102.

²² Там же. Д. 93. Л. 319, 321, 323–324.

в адрес определенных лиц, и доносами заключается в преимущественно обвинительном уклоне последних, хотя зачастую грань тут очень тонка. Но есть много жалоб, буквально пышущих негодованием, однако не указывающих на конкретных виновников. Вот, например, письмо Молотову от одного московского инженера, возмущенного тем, что он целый день пробегал впустую, пытаясь найти ботинки для своего ребенка: «Обходя сегодня более 40 магазинов и везде только и слыша ответ НЕТ. В одном магазине оказались, и что же – за ботиночки, *грубо сделанные, 45 рублей*. Конечно, для Вас это пустой звук, но для человека, получающего 150–180 рублей, и даже 250 рублей в месяц, это очень и очень дорого...»²³

Мнения, предложения, советы

В письмах граждан выдвигается множество разных предложений. Например: убрать из русского языка все слова с «раб» и «слуг», поскольку они вызывают ассоциации с рабством; принять закон против «блата»; ограничить продажу спиртного вблизи заводов и фабрик; запретить делать ставки на мотогонках; пресечь дискриминацию некурящих в учреждениях; учредить социалистическую альтернативу Нобелевской премии «за героизм, великие открытия, беззаветную борьбу за добро во всем мире»; выделить староверам помещения для проведения служб; снять клеймо с «бывших» людей и позволить высланным из Москвы и Ленинграда вернуться домой²⁴. Порой встречаются и попытки вступить в идеологическую дискуссию: студент одного сибирского техникума в 1935 г. написал Эйхе, спрашивая его мнение по вопросу, который вызывал в техникуме горячие споры, – можно ли «построить коммунизм в одной стране»²⁵.

Многие из писем-«мнений» по сути аполитичны, но есть и такие, где обозначается политическая позиция автора, от резко критической до ультраоляльной. Ультраолялисты не просто разделяют, но с преувеличенным рвением отстаивают ценности существующего режима, в особенности когда речь идет о бдительности и подозрительности к «врагам», «вредителям» и иностранным шпионам. После убийства Кирова один ленинградец в своем письме вызвался лично привести в исполнение смертный приговор убийцам, дабы «отомстить» за Кирова. В день казни Зиновьева и Каменева по радио

²³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 51. Л. 248–249.

²⁴ Там же. Л. 144, 276; Д. 108. Л. 19–22; Оп. 81а. Д. 24. Л. 48–49; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 120. Л. 155; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 46. Л. 10, 11; Д. 47. Л. 157.

²⁵ ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 10. Л. 457–459.

передавали Похоронный марш Шопена из Сонаты для фортепиано № 2 си-бемоль минор, и бдительный гражданин не преминул предупредить Молотова об этом зашифрованном троцкистском сигнале, свидетельствующем, что в Госкомитет по делам искусств проникли враги. Другие авторы предостерегали, что публикация статистики о производстве чугуна дает ценную информацию фашистам, и приходили в ужас от уничтожения образа Ленина в результате воспроизведения ленинского портрета на новой 30-рублевой купюре²⁶.

Среди критических писем (составляющих более многочисленную группу, нежели ультралояльные) открытые, за собственной подписью, нападки на Сталина или его политику встречаются редко, но нельзя сказать, что их нет совсем. В 1930 г., например, коммунист из Березовки под Одессой подписал своим именем письмо в «Правду», в котором резко критиковал сталинскую статью «Головокружение от успехов» как оружие, вложенное в руки врагов партии, и выражал надежду, что товарищ Сталин «признает свое заблуждение и повернет на правильный путь»²⁷. Конечно, столь дерзкие письма *после* 1930 г. – большая редкость, однако в некоторых более поздних посланиях Молотову и другим политическим лидерам адресат подвергается прямой критике за конкретные действия или заявления. К примеру, инженер, писавший Молотову о детских ботиночках (см. с. 188), винит в дефиците «бездельников в наркоматах», но добавляет, что и с Молотова «это ответственности не снимает»: «...вы сообщили громогласно на весь СССР и весь мир, что в течение ближайших 2-х лет цены будут снижены, а через несколько месяцев цены на обувь, мануфактуру и др. повышены. Ох, как это нехорошо получилось...»²⁸

Критика в адрес политических лидеров в подписанных письмах чаще затрагивала второстепенные фигуры, такие, как Литвинов, Коллонтай, Луначарский (три популярные мишени, поскольку многие коммунисты подозревали их в «буржуазных» или «либеральных» тенденциях). Вот одна из множества инвектив против наркома иностранных дел, написанная в 1936 г.: «Что за человек Литвинов? Ловкач, который давно поддался буржуазии. Скоро вставит в глаз монокль и будет разыгрывать из себя Бисмарка. Его мнение об И. В. Сталине всем известно и здесь, и за границей... Литвинову нужны лавры от буржуазии, а не похвала пролетариата, от которого

²⁶ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 727. Л. 341; Д. 1554; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 51. Л. 213–223; Д. 56. Л. 331.

²⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 446. Л. 190.

²⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 51. Л. 248–249.

он нос воротит... Заискивание перед буржуазными министрами – это не дипломатия, это позор!»²⁹

Часто критиковалась политика режима в таких вопросах, как образование, причем иногда эта критика принимала более широкий характер. Например, мелкий советский чиновник, по его собственным словам – «советский патриот» на протяжении пятнадцати последних лет, в конце 1932 г. написал Кирову, что его верность подверглась суровому испытанию в результате неспособности режима справиться с нехваткой продовольствия. В особенности он не мог понять, «почему мы забросили детей»: «Вот моя жена в 5 железнодорожной школе Пскова. Она рассказывает следующее: при осмотре здоровья детей врачом оказалось около 90 % с пораженным организмом на почве слабого питания...» Как подобное возможно, если «мы строим будущее всего человечества»?³⁰

Ленинградские рабочие, отличавшиеся своим хозяйским отношением к режиму и уверенные в своем праве выговаривать ему, особенно склонны были писать наставительные письма. Чаще всего мишенью критики ленинградцев становились привилегии элиты и растущее отчуждение партии от рабочего класса³¹. Иногда в их словах даже звучала завуалированная угроза, как в одном подписанном письме Жданову, датированном июнем 1937 г., где рабочий-коммунист (недавно уволенный за пьянство и прогулы) жаловался, что заводское начальство превратилось в новую правящую касту и обращается с рабочими хуже, чем капиталисты: «Сопоставьте, тов. Жданов, сколько нас таких кандидатов в троцкисты, хотя я всегда боролся за социализм против капитализма и *буду бороться*, но другие в таком же положении, как я, за них – не ручаюсь, только слышу – ругань соввласти»³².

В анонимных письмах нередко отражались похожие настроения. Автор одного такого письма из Ленинграда в 1935 г. жаловался: «Во всех [нрзб.] аппаратах разных учреждений переполнены княжеством, дворянством и духовенством, во всех аппаратах сидят эти твари, и большинство имеют партийные билеты, а рабочий не имеет права в аппарате работать, всех гонют, чтобы не мозолили глаза...»³³

Анонимка – жанр со своими особыми чертами. Одна из них – гнев, часто весьма бурно выражаемый, направленный против представителей прежних и новых привилегированных классов, иностран-

---

²⁹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 226. Л. 38.

³⁰ Там же. Оп. 16. Д. 449. Л. 73.

³¹ См., напр.: Там же. Оп. 2г. Д. 48. Л. 223.

³² Там же. Д. 47. Л. 147–149.

³³ Там же. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 63.

цев, евреев. Русская революция – часть международного еврейского заговора, а Сталин и Киров продались евреям, говорится в одной ленинградской анонимке 1934 г. Рабочие сыты по горло еврейским господством и скоро с ним покончат путем еще одной революции, утверждает в другой³⁴.

Угроза во втором письме – не такое уж необычное дело. После убийства Кирова многие анонимки зловеще напоминали о нем, к примеру, предупреждали, что если цены не будут снижены, то участь Кирова разделят и другие политические лидеры³⁵. В анонимке 1936 г. какой-то заключенный, жалуясь, что «сейчас в советских колхозах остались одни женщины и сироты, а мужья этих жен сидят все по тюрьмам сырым, как сидит Ваш Тельман», пророчит восстания и войну, если власти не выпустят из тюрьмы «хотя бы колхозников»³⁶.

Еще одна характерная черта анонимок – сарказм. Их авторы часто делают мишенью своих колкостей разрыв между риторикой насчет «великих советских достижений» и советской действительностью либо лицемерие режима, осуждающего капиталистические правительства за угнетение своих граждан. «Вот славная эпоха, – писал некий аноним в 1936 г. – [Но] для меня становится непонятным... Мы имеем колоссальную армию заключенных, десять миллионов, которыми переполнены тюрьмы, лагеря, колонии... В большинстве случаев... обвинения предъявляются совершенно нагло, нахально и строятся исключительно на лжи...»³⁷ В анонимке, присланной в 1930 г. в «Правду», язвительно отмечается, что в первом пятилетнем плане не учтено финансирование столь необходимого строительства тюрем: «Про это и забыл в 5-м плане верховный повелитель (князь кавказский Сталин) и его верный исполнитель приказаний (крестьянский староста Калинин)...»³⁸

Язык

Формы обращения

Во многих письмах используется дружеский стиль приветствия: «дорогой товарищ» («дорогой товарищ Вышинский», «мой дорогой

---

³⁴ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 9; Д. 727. Л. 367.

³⁵ Там же. Д. 1518. Л. 1, 14.

³⁶ ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 206. Л. 148. Заключение лидера немецких коммунистов Эрнста Тельмана в тюрьму нацистами было темой многих гневных статей в советской печати.

³⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 40. Д. 14. Л. 100.

³⁸ Там же. Оп. 16а. Д. 446. Л. 100.

товарищ Сталин»), хотя встречается и более официальное «уважаемый/многочуваваемый товарищ»³⁹. Коммунисты и комсомольцы часто подписывали свои письма словами «с коммунистическим (комсомольским) приветом», иногда – «с товарищеским приветом». Члены партии могли указать в письме (особенно в доносе) номер своего партбилета. Рабочие часто называли не только свое имя, но и завод, где они работали.

В некоторых письмах авторы фамильярно обращаются к политическим лидерам на «ты»⁴⁰. Но чаще чувство товарищеской близости передавалось иными средствами. «Подумайте над этим вопросом, поговорите в Кремле», – советовал Жданову рабочий-коммунист в письме, посвященном внешней политике⁴¹. «Эх! Михаил Иванович! Проверьте...» – писал анонимный обличитель заговоров М. И. Калинин⁴². Некоторые деревенские или просто необразованные авторы использовали приветствие «Добрый день!». Одно письмо в «Крестьянскую газету» начинается так, словно автор только что постучался в дверь редакции: «Добрый день, товарищи работники. К вам колхозник»⁴³.

Есть письма, где интимно-товарищеский тон плавно переходит в просительный, как, например, в воззвании агронома-коммуниста (колоритность которого по-английски даже трудно передать): «Товарищ Жданов, чуткий, родной – помоги»⁴⁴. А есть такие, где товарищеская критика смягчается сознанием общей исторической миссии, как в пылком завершении письма рабочего, жалующегося на привилегии элиты: «Остаюсь с уважением и уверенный в победе за коммунизм. Н. А. Косоч. 2 апр. 1937 г., в 3 ч. ночи. *5 моих спят малых, а я пишу к будущему*»⁴⁵. Товарищеский стиль не исключал воинственности. Донос коммуниста на некоего низового аппаратчика, присланный областному начальнику, начинается с дружеского «Добрый день, товарищ Денисов», но заканчивается резко: «Сволочь нужно убрать из профсоюза. Если не примете меры, я напишу прямо в ЦК ВКП(б)»⁴⁶.

---

³⁹ См., напр.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 93. Л. 323; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2224. Л. 46.

⁴⁰ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 16. Д. 449. Л. 72 (письмо 1932 г. Кирову от молодого рабочего-выдвиженца).

⁴¹ Там же. Оп. 2г. Д. 226. Л. 38.

⁴² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2070. Л. 4.

⁴³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 10. Д. 161. Л. 289.

⁴⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 47. Л. 147.

⁴⁵ Там же. Д. 48. Л. 223. Курсив мой.

⁴⁶ ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 801. Л. 209. Несмотря на дружеское приветствие, автор отмечает, что лично с Денисовым незнаком.

В письмах граждан 1930-х гг. встречаются напыщенное слово «вождь», эпитеты «вождь пролетариата», «соратник Сталина», хотя и реже, чем можно было ожидать. Например, рабочий, обращающийся с ходатайством к «товарищу Жданову» в 1937 г., именует его «вождем ленинградских большевиков [и] соратником вождя народов, товарища Сталина»⁴⁷. В целом, однако, льстивый «придворный» стиль был больше характерен для интеллигенции и нового привилегированного класса, чем для представителей масс, и его чаще встречаешь в торжественных коллективных посланиях, а не в индивидуальных письмах⁴⁸. «Дорогой и любимый наш Андрей Александрович», – предваряет Марк Шафран свою просьбу к Жданову, чтобы тот позировал ему для портрета⁴⁹, а один математик, добывающийся поддержки для своего неординарного труда «Начала новой алгебры», не только умоляет Жданова о «защите и покровительстве», но и посылает ему два акростиха, которые он сочинил на имена Сталина и Кирова⁵⁰. Простые люди и льстили проще. «Зная Вашу любовь к детям и заботу...» – писала Жданову мать троих детей, просившая «материальной помощи» (т. е. денег). «Зная Вашу исключительную отзывчивость...» – обращался проситель к Эйхе⁵¹.

Образ политического лидера как благосклонного отца, жалеющего и защищающего своих детей, или надежного, понимающего друга часто возникает в письмах. «Будьте родным отцом» и спасите нас от религиозных соблазнов, заклинает Сталина ленинградская комсомолка. «Я прошу Вас как родного отца, как друга народа», – пишет Румянцеву обманутая жена. Безутешный вдовец (см. с. 185) обращается к Сталину как к «единственному другу, который глубоко понимает человеческую душу».

Авторы писем то и дело взывают к справедливости. «Где правда и справедливость?» «Товарищи, ответьте нам, пожалуйста, где добиться правды?» «Если есть справедливость у советской власти, накажите этих людей...»⁵² Не менее часто идет речь и о долге, но

---

⁴⁷ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 47. Л. 237.

⁴⁸ Поздравительные телеграммы к Международному женскому дню, приславшиеся Жданову отделениями женской организации «Общественница», полны цветистых эпитетов вроде «верный соратник товарища Сталина» и «вождь трудящихся Ленинградской области». См.: Там же. Оп. 2в. Д. 2219. Л. 185–188.

⁴⁹ Там же. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 1544. Л. 184–192.

⁵¹ Там же. Оп. 2г. Д. 46. Л. 2; ПАНУ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 10. Л. 1173.

⁵² ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 68 (4). Л. 30; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 65. Л. 212–214; РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

только в одном специфическом контексте: «Я считаю своим долгом (партийным долгом, долгом гражданина) передать...» – одна из стандартных преамбул доноса⁵³.

Стиль

Взаимосвязь между советскими письмами во власть и дореволюционными петициями еще предстоит исследовать, но уже сейчас ясно, что многие письма 1930-х гг. написаны по правилам, которые гораздо старше советской власти. Образ представителя власти как «любимого отца», призывы к справедливости (без упоминания о законе), жалобы в высшую инстанцию на злоупотребления местного начальства, патетические строки о «крошке хлеба», коей столь часто не бывало во рту у авторов писем, – все это стандартные приемы петиций и в XIX в., и в 1930-е годы⁵⁴.

В середине 1920-х гг. один советский ответственный работник классифицировал письма граждан по поводу налогообложения следующим образом: 1) петиции, отпечатанные на машинке юристами, цитирующими законы и административные постановления; 2) петиции, написанные от руки писарским почерком («большие письма с завитушками»), с аргументацией в основном эмоционального, а не юридического характера; 3) личные просьбы, зачастую с автобиографическими подробностями, кое-как нацарапанные на грязных клочках бумаги⁵⁵. В 1930-е гг. процветал третий тип писем, первый практически исчез, а второй сохранился главным образом в деревне, знакомые писарские «завитушки» украшали некоторые письма отсюда вплоть до войны.

Авторы нередко уснащали свои письма литературными или историческими примерами. «Голос колхозников помирает, глас в пустыне вопиющих», – писал один крестьянин (это сравнительно редкий случай включения в текст письма библейской цитаты). «Сживают меня с бела света, как сживала Пушкина черная свора палачей Николая 1-го», – с пафосом восклицал другой. Рабочий предупреждал, что вождей, отрывающихся от масс, может постигнуть судьба «героя

---

⁵³ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 14. Л. 84; Оп. 2в. Д. 1518. Л. 97; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2070. Л. 4.

⁵⁴ О XIX в. см.: Mommsen M. *Hilf mir, mein Recht zu finden*. S. 54, 56, 104–105, *passim*. Советские примеры см. выше, с. 193 («отец», «справедливость»), а также: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 179. Л. 170; Центральный муниципальный архив г. Москвы (ЦМАМ). Ф. 1474. Оп. 7. Д. 72. Л. 121; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 68 («крошка хлеба»).

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 826. Л. 23–24.

Рис. 6. Бурное колхозное собрание. Рисунок из письма двух колхозников в «Крестьянскую газету» с жалобой на злоупотребления администрации колхоза, 1938 г. Разъяренные колхозники бранят членов правления, председатель пытается утихомирить собравшихся (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 67. Л. 33)

мифа Антея», которого «оторвали от земли матери и задушили в воздухе, и у него лишь сила мать земля, как породила его»⁵⁶.

Светлана Бойм, опираясь на литературные и кинематографические источники, недавно предположила, что графомания – тяга к писательству у людей, не имеющих литературного таланта, – в XIX в. характерная в основном для интеллигенции, в советский период вышла за пределы привычного ареала и стала «всенародной» болезнью⁵⁷. Не отвлекаясь на вопрос наличия или отсутствия литературного таланта, скажем: жажда писать ради самого писания очень заметна в письмах населения 1930-х гг. В них часто чувствуется, какой восторг и наслаждение доставляет авторам способность пользоваться письменной речью, и это напоминает читателю, как недавно некоторые из них приобщились к грамоте. Такие письма порой способны растрогать историка (и несомненно трогали первоначальных адресатов).

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 142. Л. 177; Д. 26. Л. 139; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 48. Л. 223.

⁵⁷ Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Mass., 1994. P. 200–205.

Письма во власть наверняка в равной мере представляли собой (или, по крайней мере, могли представлять) своеобразную форму народной культуры и проявление народного творчества, подобно любительским спектаклям и игре на балалайке, которые часто заносились в эту графу. Грань между писанием писем и писательством в литературном смысле в народе была тонка, и есть сидательства, что многие писатели-любители ее не проводили. Читатели, забрасывавшие «Крестьянскую газету» жалобами, доносами и запросами, столь же стихийно слали в газету «художественные» произведения – рисунки (см. рис. 6), стихи, рассказы – надеясь увидеть их напечатанными⁵⁸. Порой жанровые различия просто стирались: анонимные инвективы против советской власти излагались классическими катренами, письма о «злоупотреблениях начальства» иллюстрировались карикатурами. В одном случае автор/художник закончил письмо просьбой взять его карикатуристом в газету⁵⁹.

Еще один пример зыбкости границ между писанием писем и народным творчеством в почте «Крестьянской газеты» – эссе в форме сказки, озаглавленное «Подвиги хулигана-плута Тычинкина С. М.»: «В темной деревушке д. М. Кемарах... гремело имя колхоза “1-е августа”... Почему он рос, в кого был прислан коммунист Васеев И. И. с советской душой и коммунистическим сердцем, Васеев вина в рот не брал, вся масса любила Васеева... но кто растаскивал колхоз, тому стало скучно жить с Васеевым, растаскивать колхоз не дает, бросились на Васеева, хотели изжить Васеева, но стойкий коммунист отбросил далеко негодяев. Кто был главарем негодяев, Тычинкин Степан Михайлович... И не было избиению и хулиганству конца... писать не хватает газеты...»⁶⁰ Коллективные авторы просили газету «поместить нашу заметку»⁶¹. Такое желание высказывалось очень часто, несмотря на то что осуществлялось крайне редко. Многие авторы писем в газеты намекали на обязательность публикации, давая им заголовки, обычно по образцу заголовков из советской печати: «Кто из них классовые враги?», «Примите меры», «Незаконное дело», «Не вредительство ли это?»⁶². Колхозный ветери-

---

⁵⁸ См.: Крестьянская газета. 1935. 10 июля. С 5 по 8 июля газета получила 90 рисунков, 45 стихов и рассказов. Граждане также посылали стихи и другие литературные сочинения секретарям обкома. См., напр.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1554. Л. 66.

⁵⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 2. Л. 79 (катрены); РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 67. Л. 33; Д. 129, б/паг. (карикатуры; просьба о работе – в д. 129).

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 26. Л. 137–139.

⁶¹ Письмо подписали шесть человек, двое назвали себя «сочувствующими [коммунистической партии]», четверо – «колхозниками».

⁶² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 86. Л. 406; Д. 142. Л. 141; ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 10. Л. 295; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1854. Л. 258.

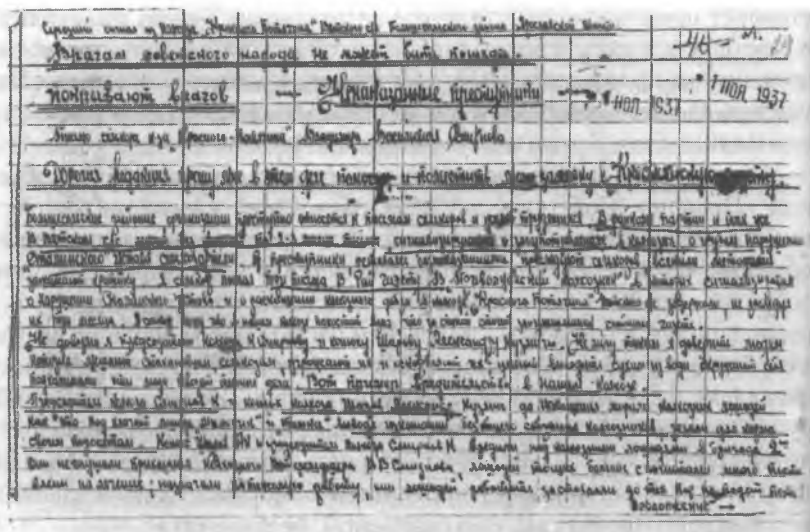

Рис. 7. «Врагам советского народа не может быть пощады». Письмо в «Крестьянскую газету» от колхозника В. В. Смирнова, 1937 г. (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 161. Л. 29)

нар В. В. Смирнов (судя по изящному почерку, возможно, бывший писарь) предпослал своему доносу на председателя колхоза целый набор декоративно оформленных лозунгов (см. рис. 7):

«Серьезный сигнал из колхоза “Красного Потягина” Вятского сельсовета Большесельского района Ярославской области.

Врагам советского народа не может быть пощады.

Покрывают врагов -- Ненаказанные преступники --»⁶³.

Даже письмам *не* в газеты авторы иногда давали заголовки⁶⁴. Это возвращает нас к вопросу о «публичности». Учитывая ничтожные шансы на публикацию письма, но гораздо большие шансы на некую официальную реакцию (расследование спора, наказание обидчика, ускоренное предоставление недостающих благ), рациональной целью писем следует считать не публикацию, а официальное вмешательство⁶⁵. Однако многие их авторы настаивают на обратном. Это за-

⁶³ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 161. Л. 24, 29–32.

⁶⁴ См., напр., письмо 1936 г. Румянцеву, озаглавленное «Сигнал селькора»: Smolensk Archive. WKP 355. 219.

⁶⁵ Из писем, присланных в «Крестьянскую газету» в 1937–1938 гг., было опубликовано менее 1%, но почти по 60% было проведено расследование, и в 33% случаев газета сообщила об итогах. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 857. Л. 27–31 (резолюция Оргбюро «О положении в “Крестьянской газете”, 12 апр. 1938).

ставляет предположить, что поток читательских писем, хлынувший в газеты и журналы в эпоху горбачевской гласности, – не случайное явление⁶⁶ и что советские авторы писем, возможно, всегда хотели увидеть их напечатанными и сделать свое мнение достоянием общест-венности.

Авторы сталинской эпохи изо всех сил старались овладеть языком «Правды». Советские эпитеты, партийный жаргон, риторические обороты использовались в изобилии и зачастую весьма нелепым образом: «Это не колхоз, а гнездо помещика и жандарма... В доме собралась *кучка бывших людей*... В правление колхоза... пролезли... разложившиеся элементы... Мы ведем решительную борьбу с рвачами... Грубо нарушена революционная законность... Они глухи к [моим] сигналам... [Он] открыто стал на путь террора... Я не раз разоблачал руководителей колхоза... но разоблачение мое районные руководители прячут под сукно... Чужак авантюрист... применяя старые методы троцкистов... Шкурник [с] партийным билетом... Кучка кулацких недобитков... Троцкисты, белогвардейцы, вредители...»⁶⁷

В письмах 1930-х гг. встречаются цитаты из Сталина, правда реже (и в более двусмысленном контексте), чем можно вообразить, основываясь на «образцовых письмах», время от времени публиковавшихся в печати⁶⁸. Несколько фраз, по-видимому, прочно запечатлелись в народном сознании. Одна из них – «кадры решают всё» – стала расхожим штампом и часто звучала из уст работников, недовольных тем, как с ними обращаются⁶⁹. Другая – «жить стало лучше, жить стало веселее» – порой использовалась с иронией⁷⁰. Но, пожа-

---

⁶⁶ См.: Small Fires: Letters from the Soviet People to «Ogonyok» Magazine, 1987–1990 / selected and ed. by C. Cerf, M. Albee with L. Gushchin. New York, 1990; Dear Comrade Editor: Readers' Letters to the Soviet Press under Perestroika / trans. and ed. by J. Riordan, S. Bridger. Bloomington, Ind., 1992.

⁶⁷ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 86. Л. 391; Д. 87. Л. 281; Д. 128. Л. 158; Д. 161. Л. 49; Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). Ф. 1474. Оп. 7. Д. 79. Л. 86; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 206. Л. 76, 77; ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 10. Л. 1434; РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 108; Д. 10. Л. 2.

⁶⁸ Одно такое «образцовое» письмо якобы от колхозников, озаглавленное «Уничтожать врага без пощады», см.: Крестьянская газета. 1938. 25 янв. С. 3. Об интерпретации сталинских высказываний в ленинградских письмах см.: Davies S. The «Cult» of the *Vozhd*: Representations in Letters from 1934–1941 // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 131–147.

⁶⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–40; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1534. Л. 176, 183.

⁷⁰ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1514. Л. 37 (употребление в буквальном смысле); Д. 3548. Л. 62 (замечания населения по поводу повышений цен, передаваемые НКВД).

луй, самым крылатым из всех выражений Сталина в конце 1930-х гг. было заимствование из басни Эзопа – «волки в овечьей шкуре»⁷¹. «Пусть раскроют, кто она такая, сорвут маску... волк в овечьей шкуре». «Эти волки в овечьей шкуре рады всем нести зло нашей партии». «Нужно уметь распознавать врага в овечьей шкуре, распинаящегося за советскую власть, а имеющего мысли волчьи»⁷².

Представление себя

Стереотипы

Подобно мемуаристам и актерам, те, кто пишет письма, участвуют в своего рода представлении. Многие выбирают определенную роль и разыгрывают ее, прибегая к укоренившимся социальным стереотипам и риторическим приемам. Среди авторов советских писем много **сирот** – наверное, даже больше, чем было в реальной действительности⁷³. Одни ссылались на свое сиротство и воспитание в детском доме в доказательство своей нерушимой приверженности советским ценностям: «Во мне с детства вкоренилась бдительность и справедливость»⁷⁴. Другие использовали его как метафору беспомощности и незащитности, призванную вызывать сочувствие. Осиротевшие Чурковы, дети сосланного кулака, добивались именно такой реакции, ходатайствуя о возвращении им родительской избы⁷⁵. Изображение себя слабым, бедным, необразованным, беспомощным существом наиболее типично для женщин и детей, но этой уловкой пользовались и крестьяне-мужчины: «Товарищи, помогите, просим вас о помощи, о вразумлении...» «Мы малограмотные... [вот нас и] грабят»⁷⁶.

---

⁷¹ В своем докладе на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. Сталин спрашивал: «Чем объяснить, что наши руководящие товарищи... не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели распознать *волков в овечьей шкуре*, не сумели сорвать с них маску?»: Сталин И. В. Сочинения. Т. 1 (14) / под ред. Р. Х. Макнила. Стэнфорд, 1967. С. 190 (курсив мой).

⁷² ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 14. Л. 1; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 159; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1854. Л. 258.

⁷³ В русских челобитных XVII в. практически все челобитчики называют себя «сиротами» своего господина («сироты твои»). См.: Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний Государственного исторического музея. М., 1994.

⁷⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1534. Л. 176, 183.

⁷⁵ Smolensk Archive. WKP 355. 129–132.

⁷⁶ Из писем в «Крестьянскую газету», см.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 66–69; Д. 161. Л. 289.

Женщины часто выступали в роли **матерей**. Во многих случаях – потому что писали ради детей, просили принять сына или дочь в институт, оказать им медицинскую помощь, выпустить из тюрьмы. Матерям красноармейцев это звание приносило практическую пользу, поскольку давало кое-какие особые льготы⁷⁷. Некоторые женщины упоминали, что их дети коммунисты, комсомольцы или выдвиженцы, в доказательство собственных достоинств как советских гражданок. Женщины, просившие «материальной помощи» по бедности, неизменно описывали печальное положение своих детей, которые ходят босиком, в лохмотьях и «не имеют крошки хлеба». Одна крестьянка, анонимно обличавшая сквернословие и хулиганство в своей деревне, так и подписалась: «Мать»⁷⁸.

Авторы-мужчины зачастую представлялись как **патриоты**. Заявление о членстве в партии – самый очевидный способ обоснования претензии на это звание, но многие также подкрепляли его указанием на конкретные заслуги перед революцией (например: служил в Красной гвардии, пошел добровольцем в Красную армию, сражался с бандитами на Дальнем Востоке или на Кавказе). Слова о крови, пролитой в Гражданскую войну, нашли широчайшее применение в качестве образчика эпистолярного красноречия. «Я коммунист с 1918 г., потерял здоровье (рука) за новую жизнь». «Я уже заплатил кровью своей, сражаясь на фронтах гражданской войны». «[Мы], не жалея своей крови, боролись с паразитами»⁷⁹. В анонимках излюбленным приемом легитимации автора была подпись вроде «Ветеран гражданской войны» или (в Сибири) «Красный партизан»⁸⁰.

Бывали патриотки и среди женщин. Одна из них, в 1934 г. просившая Кирова о помощи в семейном деле, сообщила, что она «член большевистской партии с марта 1917 г.», в 1917 г. арестовывалась юнкерами, участвовала в боях под Пулково и т. д. Спустя три года та же самая женщина написала Жданову с просьбой о помощи в очередном семейном кризисе. Интересно, что на этот раз – несомненно, в ответ на восстановление семьи в ранге общественной ценности в связи с дебатами об абортах и законом против абортотворцев 1936 г. – она слегка подправила свою саморепрезентацию: не только революционерка-патриотка, но и родительница взывала в 1937 г.

---

⁷⁷ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 7. Д. 26. Л. 207–208.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 41. Д. 85. Л. 41–43.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 51. Л. 248–249; ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 72. Л. 121; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 159.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 27. Л. 172; ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 179. Л. 170; ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 9, 126.

к Жданову «как член большевистской партии с марта 1917 г. и *мать троих детей*»⁸¹.

Еще одна форма патриотической идентификации – **корреспондент** с завода или из села (рабкор, селькор), т. е. гражданин-общественник, который регулярно, добровольно и бесплатно писал в газету, «сигнализируя» о неэффективности местной бюрократии и «разоблачая» вредителей. Рабкоровско-селькоровское движение 1920-х гг. имело много общего с американским движением «разоблачителей» в 1970-е гг., правда, в СССР мишенями рабкоров/селькоров становились не руководители корпораций, а антисоветски настроенные инженеры и коррумпированные колхозные председатели. Во время коллективизации ряд селькоров были убиты «кулаками» в своих деревнях. Формально этот институт прекратил свое существование к концу 1930-х гг., но образ бесстрашного правдолюбца по-прежнему сохранял свою привлекательность, и многие деревенские авторы писем о «злоупотреблениях» присваивали себе звание селькора. «Меня преследуют как селькора», – привычный рефрен этих писем⁸².

Рассказ о былом **угнетении** – дореволюционной бедности, нищете, эксплуатации – служил и средством вызвать сочувствие, и доказательством просоветских симпатий. Колхозники изображали себя бывшими бедняками и батраками; староверы указывали, что их преследовали при царе⁸³. «По-старому, я незаконнорожденная, мать моя до моего рождения батрачила в Тверской губернии», – писала партработница, втянутая в какую-то местную склоку, стремясь зарекомендовать себя как человека, пострадавшего при старом режиме. «В детстве перенесла большую нищету», – отмечала жена арестованного директора завода в своем ходатайстве за мужа в 1937 году⁸⁴.

Самоидентификация в качестве **рабочего** также была способом подчеркнуть свою верность советской власти. В глазах «рабочих» авторов писем этот статус наделял их особыми правами, включая право критиковать режим. Такие люди ожидали, что власти к ним прислушаются, и архивные материалы свидетельствуют, что их ожидания оправдывались. Они объявляли о своей рабочей идентичности с гордостью: например, один автор подписался так: «От рабочего

---

⁸¹ Письма см.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 727. Л. 335–336; Оп. 2г. Д. 47. Л. 272. Курсив мой.

⁸² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 86. Л. 391–392; Smolensk Archive. WKP 386. 144–147.

⁸³ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 159; Smolensk Archive. WKP 190. 26; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 47. Л. 157.

⁸⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1514. Л. 23; Д. 2220. Л. 10.

и члена союза водного транспорта Бобровского затона Слащева Василия Федоровича, стаж службы в водном транспорте с 1908 г. и непрерывно до настоящего года»⁸⁵. Конечно, звание «рабочий» использовалось и в манипулятивных целях. Анонимные авторы частенько подписывались: «Одесский рабочий», «Рабочий-производственник», «Рабочий Путиловского завода», «Старый рабочий» и т. п.⁸⁶

В 1930-е гг. авторы все чаще стали представлять свои **достижения**. Самыми крупными достижениями в то десятилетие могли похвастаться ударники и стахановцы, перевыполнявшие нормы и получавшие за это премии и общественное признание. Три комсомольца, рабочие Московского метростроя, добавили слова «ударники-значкисты» к своим подписям под доносом на политических деятелей в родной Южной Осетии⁸⁷. Одна женщина идентифицировала себя как «общественницу, инициатора движения жен инженерно-технического персонала в городе Ленинграде, за что была награждена правительством»⁸⁸.

Быть выдвинутым – т. е. человеком, которого выдвинули из низов в административный аппарат или в ряды квалифицированных специалистов, – тоже достижение, и ряд авторов называют себя именно так⁸⁹. Обычно в их словах сквозит гордость за то, что они сумели подняться над своим скромным происхождением. Однако Седова, обманутая жена из Сибири, о которой мы уже говорили (см. с. 185), в горькой заключительной фразе придала этим словам, может быть невольно, иной оттенок, показывающий, что вертикальная мобильность – всего лишь другая форма утраты корней: «Я выдвиненка, сирота»⁹⁰.

Индивидуальная саморепрезентация

Было бы неверно с моей стороны оставить у читателя впечатление, будто абсолютно все авторы писем представляли себя в качестве олицетворения нескольких узнаваемых социальных типов. Есть отдельная подгруппа авторов, которые, напротив, подчеркивали свою

---

⁸⁵ ГАНО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 902. Л. 6.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 42. Л. 115; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 727. Л. 403–409; Д. 1518. Л. 8.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 42. Л. 103.

⁸⁸ ЦГА ИПД. Ф. 3. Оп. 11. Д. 41. Л. 172–173.

⁸⁹ Smolensk Archive. WKP 386. 322–323; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 16. Д. 449. Л. 72; Оп. 2в. Д. 15. Л. 92–93.

⁹⁰ ПАНО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 41. Л. 172–173.

индивидуальность и исключительность своего жизненного опыта. Их репертуар включает философскую рефлексию, иронию (не путать с сарказмом, характерным для многих разоблачительных писем), интроспекцию, эмоциональные излияния, анализ психологии и мотивации.

Для жанра исповеди индивидуализированная автобиография и проявления эмоций были нормой. «Я жаждала кипучей, живой деятельности, – писала юная комсомолка, рассказывая о своей духовной одиссее, которая завершилась для нее выходом из комсомола. – Я хотела броситься в работу, чтобы забыть о себе как индивидууме, потерять счет времени, погрузиться в тревоги, радости и волнения коллектива. Я думала, что смогу найти все это только в комсомольском коллективе. Но с самого начала была разочарована...»⁹¹

Однако не все письма, посвященные душевным страданиям, относятся к исповедальному жанру. Школьный учитель, коммунист, в 1934 г. умолял Жданова выяснить правду о смерти его дочери. Та, работая инженером на железной дороге, подвергалась сексуальным домогательствам со стороны начальников и коллег, а затем вдруг умерла при загадочных обстоятельствах. Жена автора, охваченная горем, убедила себя, что от нее что-то скрывают. Она будила мужа среди ночи и спрашивала, где их дочь и не засунули ли ее в психбольницу. Она и его подозревала в участии в заговоре, хотя он слал письма и запросы куда только можно. Письмо заканчивается словами: «Жизнь превратилась в ад»⁹².

Еще у одного человека жизнь превратилась в ад по другим причинам. В 1937 г. ему исполнился 31 год. Он был сиротой, работал пастухом, сельхозработником, жил беспризорником на улице, пока в начале 1930-х гг. не вступил в колхоз и в партию. Несмотря на отсутствие образования, его сделали председателем сельсовета, а в сентябре 1937 г. продвинули на еще более внушительную должность председателя райсовета. Там ему пришлось столкнуться с последствиями ареста его предшественника как врага народа. Он совершенно не справлялся с делами, мучился из-за своей «политической и общей неграмотности», насмешек окружающих (имен он не приводит), которые называли его «дураком». По его собственным словам, он страдал «нервным расстройством», не мог есть («за 2½ мес. такой жизни... потерял до 10 кгр. весу организма») и просил освободить его от должности⁹³.

⁹¹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 772. Л. 23–24.

⁹² Там же. Л. 248–252.

⁹³ Там же. Оп. 2г. Д. 48. Л. 197–203.

Женщина-инженер рассказала, что ее отца-армянина убили в межнациональной стычке во время Гражданской войны, мать стала беженкой и вскоре умерла, затем описала, как она росла в привилегированных условиях в квартире брата в московском Доме правительства, прежде чем перешла к насущной проблеме: ее собирались уволить с работы за контакты с лицами, разоблаченными ныне как троцкисты (дело происходило в 1937 г.), несмотря на то что она общалась с ними, так сказать, «по долгу службы», поскольку работала на НКВД осведомителем⁹⁴. Еще одна женщина написала Молотову, протестуя против решения Моссовета выселить ее из квартиры, которую она занимала 12 лет, на том основании, что на данную жилплощадь мог претендовать только ее бывший муж. Это настоящая ирония судьбы, жаловалась она, ведь ей только что удалось получить диплом по животноводству – через семь лет после того, как муж бросил ее с «жестокими словами», что она всего лишь домохозяйка и «отстала от политической жизни»⁹⁵.

Женщина постарше прислала Жданову письмо на восьми страницах о своих неприятностях на работе, с оттенком мрачного юмора описывая конфликты, спровоцированные ее горячим, вспыльчивым характером, и с печалью рассуждая о личном одиночестве и чрезмерной зависимости от дружеских отношений с сослуживцами⁹⁶. Мужчина, чью жену арестовали как шпионку, объяснял Молотову, что та по самой своей натуре неспособна на что-либо подобное: «Это человек не сложный, не сокровенный... По характеру своему я мог не показать вида, что со мной стряслась какая-нибудь неудача. Она не могла. Она “выкладывала” все очень быстро, да и не нужно было слов – слишком прозрачны были ее настроения, чтобы увидеть их, даже не особенно присматриваясь. И я не могу верить, чтобы она под личиной простодушия носила какую-нибудь черную тайну»⁹⁷.

* * *

Поскольку письма – это тексты, которые не только пишутся, но и читаются, остается рассмотреть вопрос об ответах на них. Дабы понять как следует феномен писем населения, нам, разумеется, крайне важно знать, какого типа и насколько интенсивной реакции оно могло ожидать от властей. Если люди писали письма, не имея достаточных оснований надеяться на ответ, то речь идет об односторон-

---

⁹⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 48. Л. 5–8.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 64. Л. 206.

⁹⁶ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1534. Л. 176–183.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 56. Л. 13–16.

ней коммуникации, которая, по всей видимости, не играет большой роли в общей картине отношений между государством и обществом. Если же граждане резонно (благодаря опыту) полагали, что на их письма ответят, значит, коммуникация была двусторонней и, таким образом, общественное значение этого процесса возрастает.

Информация о реакции властей на письма граждан у нас, к сожалению, неполная и бессистемная. На протяжении всех 1930-х гг. не иссякал поток инструкций, предписывающих всем учреждениям отвечать на письма граждан своевременно и добросовестно. Увы, те же инструкции свидетельствуют, что многие представители власти этого не делали. По приблизительным оценкам, основанным на результатах моей работы в различных архивах, 15–30 % хранящихся там писем получили ответ, т. е. вызвали некие бюрократические действия или распоряжения. В некоторых архивах эта цифра увеличивается до 70 %, если расширить значение слова «ответ», включив в него поручение бюрократа секретарю перепечатать написанное от руки письмо. Какая доля от общего числа писем сохранилась в архивах, конечно, неизвестно.

При всей недостаточности данных, ясно, однако, что писание писем действительно представляло собой форму двусторонней коммуникации. Авторы имели основания ждать ответа и право жаловаться, не получив его. Должностные лица обязаны были реагировать на письма, в противном случае им грозил выговор. Разумеется, реакция принимала различные формы: адресаты могли провести по жалобе серьезное расследование или ограничиться формальной отпиской, удовлетворить или не удовлетворить ходатайство, наказать жертву доноса или, в некоторых случаях, самого доносчика.

Мы можем получить представление о спектре реакций, проследив, как обстояло дело в случаях, приведенных в этой и следующей главах. Начнем с положительных результатов. Безутешному вдовцу, чахнувшему в захолустье (см. выше, с. 185), дали работу в Ленинграде; мятущуюся комсомолку (с. 203) отправили на отдых в санаторий; письмо учителя (с. 203) переслали на Кавказ для выяснения обстоятельств смерти его дочери. Требование колхозницы о немедленном аресте председателя ее колхоза (с. 254) вызвало рекомендацию райкома если и не арестовывать, то, по крайней мере, возбудить против него уголовное дело. Двое из троих молодых членов Союза писателей, просивших у Молотова жилье (с. 186), получили желаемое, а льстец математик (с. 193) произвел на Жданова такое впечатление, что тот «срочно» затребовал «серьезный» доклад о «Началах новой алгебры».

Сироты Чурковы добились сочувствия у Румянцева. «Устрой детишек», – написал его помощник председателю местного совета,

правда, даже этого оказалось недостаточно для возвращения им избы, поскольку ее прибрал к рукам местный начальник. Вышинский добросовестно отвечал на просьбы родственников заключенных, хотя жертвам это обычно не помогало. В случае с Эрманом он потребовал пересмотра дела в Главной военной прокуратуре и затем сообщил жене Эрмана, что та подтвердила приговор к восьми годам заключения. В деле пчеловода (с. 187) он попытался пойти по тому же пути, но ему доложили, что этого человека уже расстреляли без суда в 1937 г. в Саратове. Видимо, поэтому письмо жены пчеловода Вышинский оставил без ответа.

От просьбы Шафрана позировать для портрета (с. 193) Жданов отмахнулся, наложив на нее краткую резолюцию: «Архив». Нет никаких свидетельств реакции на излияния расстроенной выдвигенки (с. 184) и обманутой жены (с. 185), на крик отчаяния выдвигенца, занявшего должность не по способностям (с. 203), или на письма, где выражали свое мнение разгневанный инженер и критик Литвинова (с. 188–190). Письма-«мнения» вообще редко удостоивались ответа. Однако нельзя сказать, что их игнорировали. Газеты регулярно составляли тематические сводки своей корреспонденции для сведения правительства и партийного руководства. К примеру, письмо о переполненных тюрьмах (с. 191) в 1936 г. было включено в сводку, которую «Крестьянская газета» отправила в Конституционную комиссию.

Письма могли принести их авторам неприятности. Вопрос учащегося о возможности построения коммунизма (с. 188) немедленно повлек за собой расследование на предмет выявления троцкистского влияния в его техникуме (правда, самого автора сочли не столько опасным, сколько наивным). Донос ветеринара (с. 197) был проверен и признан безосновательным – более того, в отчете о расследовании содержится злое замечание, что за самим автором числится «множество безобразий и злоупотреблений». В случае с письмами «о злоупотреблениях» всегда существовала возможность, что обвинения аукнутся автору. Порой в тюрьме или под следствием оказывался именно доносчик, а не выбранная им жертва⁹⁸.

Все эти разнообразные реакции свидетельствуют, что писание писем во власть в сталинский период представляло собой не только двустороннюю, но иногда и довольно рискованную для ее инициатора операцию. Впрочем, лишь определенного рода письма несли с собой настоящий риск, так же как лишь определенного рода письма были способны принести их авторам ощутимую выгоду. Чтобы

---

⁹⁸ См., напр.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 64. Л. 165; Д. 68. Л. 77–78; Д. 143. Л. 211.

понять принцип распределения результатов, полезно мысленно разделить авторов писем на две большие категории – «просителей» и «граждан».

Эти два типа авторов как будто существовали в разных мирах, хотя письма их лежат в архивах вместе, а сами авторы могли быть соседями. Проситель имплицитно выступал в роли подданного, а не гражданина. Он посылал свои частные жалобы, просьбы, ходатайства, исповеди носителю власти, представляемому в образе доброго отца (или исповедника) либо патрона. Просителями часто бывали женщины и крестьяне. Они могли просить справедливости, милосердия, но никогда не заикались о правах. Себя пишущие изображали жертвами, подробно распространяясь о своих несчастьях и неудачах. И хотя письма просителей приходили государственным деятелям, требуя от них действий именно в качестве официальных лиц, посвящались такие письма проблемам частным и личным.

Для просителей писание писем особого риска не представляло, поскольку наихудший возможный результат заключался в том, что письмо проигнорируют. Это было все равно что покупка лотерейного билета (еще одно популярное развлечение в сталинской России): стоило немного, никаких обязательств не накладывало, зато давало шанс, пусть призрачный, получить крупный выигрыш.

Письма просителей, будучи широко распространены, тем не менее почти не обсуждались в советских средствах массовой информации или официальных инструкциях. Одно из редких исключений – статья 1936 г., принадлежащая перу ветерана партийной журналистики Льва Сосновского, который требовал от газет и других адресатов подобных писем проявлять больше чуткости к заботам маленького человека и выражал надежду, что маленькие люди научатся приходить в учреждения советской власти «не как робкие просители, а как хозяева»⁹⁹. Разумеется, многие письма просителей игнорировались, но многие и нет. По моим собственным впечатлениям от изучения архивов, секретари обкомов¹⁰⁰ в особенности были удивительно отзывчивы к просьбам простых людей – в способности удовлетворять мольбы вдов и сирот заключалась одна из наиболее положительных сторон работы высокопоставленного коммунистического администратора, поскольку она подтверждала, что советская власть действительно защищает сирых и убогих, а ему давала приятное сознание исполненного долга.

---

⁹⁹ Известия. 1936. 5 мая. С. 4.

¹⁰⁰ Лучше всего мне знакома с этой стороны деятельность Р. И. Эйхе в Новосибирске (ПАНО), С. М. Кирова и А. А. Жданова в Ленинграде (ЦГА ИПД) и И. П. Румянцева в Западной области (Smolensk Archive).

Письма просителей несколько другого типа являлись неотъемлемой частью взаимоотношений между клиентами и патронами. Первые обычно принадлежали к научной и культурной элите, а вторые – к коммунистическому политическому руководству. Просители из элиты, как правило, были откровенно угодливы и щедры на лесть. Патроны вроде Молотова отвечали на просьбы клиентов в рутинной, деловой манере, по всей видимости разделяя общее мнение, лежащее в основе возникновения любых патронажных систем, – что способность патрона позаботиться о своих клиентах есть показатель и прерогатива власти.

Гражданин – фигура более «современная», чем проситель, за которой режим признал гордое звание участника советской демократии и бдительного стража, выявляющего бюрократические злоупотребления¹⁰¹. Во имя своего «долга как гражданина», он писал письма редактору газеты или Политбюро, высказывая собственное мнение, критикуя политику государства, предлагая улучшения, выводя на чистую воду коррумпированных должностных лиц, указывая на ошибки правосудия, обличая преступников. Он действовал (или притворялся, что действует) в общественных интересах, скрывая личные мотивы, если таковые имелись. Он говорил языком человека, наделенного правами, в том числе правом быть услышанным. Гражданин часто обращался к партийным лидерам как к «товарищам» и любил напоминать им (особенно если это был городской рабочий) обещания, данные революцией. Большинство авторов-граждан – горожане мужского пола, но заметную роль играли и граждане-сельчане в лице селькоров. Хотя письма граждан отправлялись в архивы под грифом «секретно», в сущности они являлись средством публичной коммуникации. Об этом говорят и их форма, и содержание – и устремления авторов, судя по тому, с каким упорным постоянством они выражали надежду на публикацию.

Гражданин, в отличие от просителя, рисковал, когда писал письмо. Его скорее можно сравнить с игроком, чем с покупателем лотерейного билета. Многие «гражданственные» письма не предполагали прямого вознаграждения автору. Некоторые могли косвенным образом принести ему пользу (например, избавить от коррумпированного начальника или колхозного председателя), но могли и повредить, если, скажем, жертва разоблачительного письма, узнав о нем, старалась отомстить. Письма-«мнения», возможно, производили опреде-

---

¹⁰¹ Суммарный обзор заявлений и инструкций по этому вопросу см.: Alexopoulos G. *Exposing Illegality and Oneself: Complaint and Risk in Stalin's Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order* / ed. P. H. Solomon, Jr. Armonk, N.Y., 1997.

ленный эффект, попадая в сводку о «настроениях общественности» для Политбюро. Но способны были и навлечь на голову автора неприятности, если его мнение задевало кого-то облеченного властью. НКВД имел обыкновение выяснять личность авторов анонимок, и это грозило весьма тяжкими последствиями для тех, кто излагал свои антисоветские мысли на бумаге.

Из-за спин просителя и гражданина выглядывают другие, не столь отчетливо различимые фигуры: мошенник, надевающий личину просителя или гражданина в собственных неблагоприятных целях¹⁰², потенциальный осведомитель, использующий донос, чтобы зарекомендовать себя перед органами внутренних дел¹⁰³, мемуарист, графоман... Но пусть эти смутные тени подождут другого исследователя. Позаимствую некоторые традиционные заключительные фразы из рассматриваемых мною писем: богатству материала «нет конца», «писать не хватает бумаги». «Это только 1/10 того, что можно сказать... Но мне уже надоело писать»¹⁰⁴.

---

¹⁰² Захватывающую историю мошенника, который настроил огромное количество ходатайств и доносов, а затем, когда оказался в тюрьме под угрозой смертного приговора, стал писать пьесы, см.: Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. No. 4. О мошенниках вообще см. гл. 13 и 14 этой книги.

¹⁰³ Подробнее об этом см. ниже, с. 264.

¹⁰⁴ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 26. Л. 137–139; РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 16. Л. 182.

ГЛАВА 10

ПАТРОНЫ И КЛИЕНТЫ*

В 30-е годы в крошечном сухумском доме отдыха для вельмож, куда мы попали по недосмотру Лакобы; со мной разговорилась жена Ежова: «К нам ходит Пильняк, – сказала она. – А к кому ходите вы?» Я с негодованием передала этот разговор О. М., но он успокоил меня: «Все “ходят”. Видно, иначе нельзя. И мы “ходим”. К Николаю Ивановичу [Бухарину]»¹

Среди советской элиты патронажные отношения встречались на каждом шагу. Пожалуй, наиболее характерен этот феномен был для политической сферы, где местные и центральные лидеры культивировали и поддерживали собственные клиентские сети (часто критикуемые «семейства»)². Но в патронах нуждались не только растущие политики. За неимением адекватной правовой системы русские в защите «личной безопасности, имущества, карьеры и статуса, свободы выражения и других материальных интересов»³ полагались на патронажные альянсы. Слова, написанные Дэвидом Рэнселом о русской элите времен Екатерины Великой, прекрасно подходят и к сталинскому обществу. Так же как и «блат», отношения патронажа состав-

---

* Эта глава была впервые опубликована как статья под названием: *Intelligentsia and Power: Client-Patron Relations in Stalin's Russia // Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Ansätze der Forschung / Stalinism before World War II: New Lines of Research / ed. M. Hildermeier. München, 1998.*

¹ Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970. С. 119–120.

² Т. Г. Ригби – пионер исследований политического патронажа в Советском Союзе. Большинство его работ по этой теме собрано в кн.: Rigby T. H. *Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev*. Aldershot, 1990. О политическом патронаже в сталинский период см.: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. Cambridge, 1990. P. 129–130, 315–316, 324–325.

³ Ransel D. L. *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. New Haven, 1975. P. 1.

ляли часть рецепта выживания для хорошо устроившихся советских граждан. И не было среди элиты группы, которая усерднее искала себе патронов и с большим успехом находила их в партийных верхах, чем советская «творческая интеллигенция», о клиентском поведении которой пойдет речь в этой главе.

Говоря, что патронажные отношения встречались на каждом шагу, я не имею в виду, что в них участвовали абсолютно все. Не все в равной мере обладали особой ловкостью, необходимой для отношений блата и патронажа. Одним не представлялось подходящей возможности или не хватало специфических способностей; другие избегали клиентских отношений с высокопоставленными коммунистами из принципа. Но никто среди элиты (а может быть, и не только элиты, хотя этот вопрос ученым еще предстоит исследовать) не мог похвастаться, что в его социальном окружении нет патронажа или блата. Два этих явления теснейшим образом связаны между собой. И то и другое означает оказание услуг на более или менее личной основе, за которые не платят в прямом смысле слова; разница в том, что патронажные контакты устанавливаются между лицами неравного социального статуса, тогда как блатные связи не иерархичны⁴.

Для русских (по крайней мере, когда они говорят о себе) патронаж, как и блат, был и остается полузапретной темой из-за своей подозрительной близости к коррупции. Среди мемуаристов-интеллигентов только авторы, наиболее склонные к социологическим наблюдениям (как Надежда Мандельштам) или наиболее явно не брезговавшие клиентелизмом (как бывший директор Московского театра для детей Наталия Сац), открыто рассказывают о собственных отношениях с патронами из политической элиты⁵. Большинство мемуаристов хранят молчание, разве что могут порой упомянуть о том, как тот или иной влиятельный деятель помог им по благородству души или из любви к искусству. Та же скрытность проявляется в лексике, которую русские используют, говоря о патронаже. Слова, обозначающие покровительство со стороны патрона, существуют («покровительство», «протекция», «рука»), но имеют отрицательный оттенок и редко употребляются, когда речь идет о собственном участии в патронажных взаимоотношениях. О патронах предпочитают говорить эвфемизмами, представляя отношения патрона и клиента как дружеские. Для описания патронажа часто пользуются такими глагола-

---

⁴ О блате см.: Ledeneva A. V. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, 1998.

⁵ См.: Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970; Она же. Вторая книга. М., 1999; Сац Н. Жизнь – явление полосатое. М., 1991 (особенно с. 377–392, 443–444, 467, 479–480).

ми, как «помогать», «поддерживать», «выручать». В письмах к патронам просят их «совета» и «помощи»⁶.

Существует обширная литература о клиентелистских/патронажных отношениях, где они характеризуются как взаимовыгодные, личные (т. е. обычно предполагающие и эмоциональные узы), продолжительные (не одномоментные) и устанавливающиеся между неравными партнерами⁷. Выгода клиента заключается в том, что он получает от более могущественного, обладающего широкими связями патрона какие-то блага, работу, продвижение по службе, защиту и т. д. Патрон, как говорится в литературе, пользуется преданностью и услугами клиентов в самых разных целях: они работают на него, защищают его репутацию, поставляют информацию, помогающую добиться успеха на выборах. Клиент – «человек» патрона. Многие авторы, пишущие о клиентелизме, считают, что он тесно связан с незащищенностью и уязвимостью: «Можно утверждать, что обращение к механизмам патронажа скорее будет наблюдаться там, где слабые непропорционально слабы, сильные непропорционально сильны, а официальные альтернативные механизмы защиты граждан – законы, судебная система, полиция, процедурные правила игры и т. д. – остаются в зачаточном состоянии, легко подвергаются манипуляции или, может быть, не пользуются или почти не пользуются легитимностью»⁸. Высказывается также предположение, что в условиях дефицита товаров и услуг патронаж может предоставить основу для необходимого дискриминационного отбора⁹.

Многое из этой общей теории патронажа хорошо подходит к советскому случаю, в особенности положения о незащищенности/уязвимости и преференциальном распределении. Безусловно, патронаж и блат представляли собой советские механизмы распределения дефицитных благ в отсутствие рынка. В СССР не хватало на всех жилья, больниц и т. д.; не существовало рынка, который расставлял

---

⁶ Благодарю Юрия Слезкина и Алену Леденеву за консультации по поводу лексики, касающейся патронажа.

⁷ См.: Hall A. Patron-Client Relations: Concepts and Terms // *Friends, Followers and Factions: A Reader in Political Clientelism* / eds. S. W. Schmidt, L. Guasti, C. H. Landé, J. C. Scott. Berkeley, 1977. P. 510; Gellner E. *Patrons and Clients // Patrons and Clients in Mediterranean Societies* / eds. E. Gellner, J. Waterbury. London, 1977. P. 4. Об асимметричности, продолжительности и взаимовыгодности см.: Waterbury J. *An Attempt to Put Patrons and Clients in Their Place // Patrons and Clients in Mediterranean Societies*. P. 329–332. О личном аспекте см.: Scott J. *Patronage or Exploitation?* // *Ibid.* P. 22.

⁸ Waterbury J. *An Attempt to Put Patrons and Clients in Their Place*. P. 336.

⁹ *Ibid.* P. 339.

бы приоритеты с помощью цен; бюрократические правила распределения были негибкими и неудовлетворительными; закон работал плохо, особенно когда речь шла о защите отдельного человека от произвола государства. В реальной действительности именно персонализированные процессы патронажа и блата определяли, кто что получит.

Не так легко применить к советской ситуации представление о взаимовыгодности отношений патрона и клиента. В сфере политического клиентелизма ее еще можно усмотреть во взаимной ответственности, верности и круговой поруке внутри того или иного «семейства»; во времена Большого террора «семейства» доставили местным политическим лидерам множество неприятностей, но повсеместное их наличие, по-видимому, свидетельствует, что, невзирая на опасность, круговая порука на местном уровне была практически основным *modus operandi* в политике сталинской эпохи¹⁰. Однако, если речь заходит о разнообразных отношениях патронажного характера, связывавших представителей режима с творческой интеллигенцией, трудно понять, что за выгоду приносили эти клиенты патронам. Какая польза была, скажем, Бухарину от верности Мандельштама или Молотову от верности Вавилова? И какие «услуги» могли оказать своим патронам клиенты из интеллигенции?

При ближайшем рассмотрении все же оказывается, что это не означает ни отклонения советского патронажа от общего правила, ни слабости теории. На самом деле, должно быть, существует много ситуаций, когда патроны не в состоянии получить от клиентов осязаемую материальную пользу. Один автор замечает: «Патрон, контролирующий бюрократические льготы, может стать жертвой собственной власти, ибо неспособен извлечь из своих клиентов что-либо соизмеримое с оказанными им услугами»¹¹. (К нематериальной выгоде патрона я еще вернусь ниже в этой главе.)

Патронаж — тема, до сих пор недостаточно освещенная в современной российской/советской историографии. Дэниел Орловски дал весьма полезный вводный обзор досоветского патронажа, обратив

---

¹⁰ О том, как «контроль с помощью персональной сети на местах» защищал областное начальство и от критики снизу, и от вмешательства и расследования сверху, см.: Gill G. *The Origins of the Stalinist Political System*. P. 129–130. Самое лучшее описание конкретного «семейства» на основе материалов архивов обкома партии и НКВД Екатеринбурга (Свердловска) см.: Harris J. R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, 1999. Chap. 6 (в несколько переработанном виде напечатана также в сб.: *Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000. P. 262–285).

¹¹ Waterbury J. *An Attempt to Put Patrons and Clients in Their Place*. P. 331.

основное внимание на поздний имперский период, а Даниил Александров и другие молодые российские историки науки в рамках исследования быта российских и советских ученых приступили к изучению патронажа в этой области¹². В данной главе предпринимается, насколько мне известно, первая попытка взглянуть на клиентско-патронские взаимоотношения между представителями советской интеллигенции и советской политической элиты. В силу ограниченности места не менее важная тема клиентелизма *внутри* интеллигенции здесь не затрагивается.

Кем были патроны?

Должностные лица в советском обществе были людьми, имеющими доступ к ресурсам, а следовательно, главным источником патронажа. Любой из них мог функционировать в качестве патрона, оказывающего благодеяния клиентам, и трудно поверить, что среди ответственных работников нашелся бы такой, кто никогда этого не делал. Если говорить об интеллигенции, то кто-то из политических лидеров покровительствовал ей больше, кто-то меньше, но, пожалуй, можно с уверенностью предположить, что все члены Политбюро и секретари обкомов по крайней мере от случая к случаю выступали в роли патронов тех или иных ее представителей. И не обязательно из любви к искусству и науке, а по принципу *noblesse oblige* – поскольку того требовали их положение и статус.

Благодаря существующей мемуарной литературе легко прийти к заключению, будто патронаж интеллигенции (как, собственно, и патронаж вообще) был прерогативой немногих особенно великодушных или культурных партийных деятелей: например, первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова, наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, М. И. Калинина, долгое время занимавшего пост председателя ЦИК СССР, или вдовы Ленина Н. К. Крупской, работавшей заместителем наркома просвещения¹³. Однако это

---

¹² См.: Orlovsky D. T. *Political Clientelism in Russia: The Historical Perspective // Leadership Selection and Patron-Client Relations in the USSR and Yugoslavia* / eds. T. H. Rigby, B. Narasymiw. London, 1983. P. 175–199; Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4.

¹³ Библиографию подобной литературы, которая, кстати, дает хорошее представление о круге «желательных» тем для воспоминаний, см.: Советское общество в воспоминаниях и дневниках / под ред. В. З. Дробижова. М., 1987. Т. 1. С. 26–101 (раздел «Деятели Коммунистической партии и советского государства...»).

не так. Необходимо помнить, что в хрущевские и брежневские годы, когда появилось большинство мемуаров, посвященных «незабываемым встречам» с «друзьями науки» и «друзьями искусства» среди партийного руководства, значительное число бывших лидеров – от оппозиционеров 1920-х гг. вроде Троцкого и Каменева до членов «антипартийной группы» 1950-х гг., включая Молотова и Маленкова, – оказались нежелательными персонами, чьи имена не следовало упоминать в печати.

Возможно, «хорошие» коммунисты Киров и Орджоникидзе (вместе с Бухариным, о заслугах которого на поприще патронажа свидетельствуют диссидентские и «самиздатские» источники) действительно отличались особенным великодушием в качестве покровителей интеллигенции, но и «плохие» коммунисты, такие, как Прокурор СССР А. Я. Вышинский или руководители НКВД – Н. И. Ежов, Г. Г. Ягода, Я. С. Агранов, тоже были активными патронами¹⁴. После рассекречивания советских архивов обнаружилось, что даже В. М. Молотов, возглавлявший в 1930-е гг. советское правительство, который практически не фигурирует в роли патрона в мемуарной литературе (в том числе и в собственных воспоминаниях, записанных Ф. И. Чуевым¹⁵), пользовался большой популярностью и проявлял отзывчивость как покровитель культуры. (Следующий раздел этой главы и основан главным образом на архиве Молотова как председателя Совнаркома.)

Сталин, разумеется, случай отдельный. Он занимал слишком высокое положение, чтобы вступать в 1930–1940-е гг. в обычные патронско-клиентские отношения, однако его можно рассматривать в качестве универсального и архетипичного патрона, как делает в своей фантазии писатель Михаил Булгаков (которому Сталин действительно помог):

«Мотоциклетка – дззз!!! И уже в Кремле! Миша входит в зал, а там сидят Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Ягода.

Миша останавливается в дверях, отвешивает поклон.

Сталин. Что это такое? Почему босой?

Булгаков (разводя горестно руками). Да что уж... нет у меня сапог...

Сталин. Что такое? Мой писатель без сапог? Что за безобразия! Ягода, снимай сапоги, дай ему!»¹⁶

---

¹⁴ См.: Vaksberg A. The Prosecutor and the Prey: Vyshinsky and the 1930s Moscow Show Trials / trans. J. Butler. London, 1990. P. 3–7, 275–277; Елагин Ю. Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952. С. 48, 52; Он же. Темный гений (Всеволод Мейерхольд). Нью-Йорк, 1955. С. 291.

¹⁵ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

¹⁶ Шенталинский В. Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. [М.,] 1995. С. 120.

Высокопоставленные чиновники культурных ведомств играли особую роль в покровительстве интеллигенции. А. В. Луначарский, возглавлявший Наркомпрос, славился своей добротой, правда, именно столь щедрая отзывчивость ограничивала его возможности помогать клиентам¹⁷. По воспоминаниям писателя Корнея Чуковского, уже в 1918 г. десятки клиентов, «жаждущих совета и помощи», ежедневно толпились перед дверями петроградской квартиры Луначарского: «Педагоги, рабочие, изобретатели, библиотекари, цирковые эксцентрики, футуристы, художники всех направлений и жанров (от передвижников до кубистов), философы, балерины, гипнотизеры, певцы, поэты Пролеткульта и просто поэты, артисты бывшей императорской сцены – все они длинной вереницей шли к Анатолию Васильевичу на второй этаж по измызанной лестнице, в тесную комнату, которая в конце концов стала называться “приемной”»¹⁸.

В сфере культурного патронажа никто не мог сравниться по влиянию с Максимом Горьким. Его положение было экстраординарным, поскольку он не принадлежал ни к аппаратчикам, ведавшим вопросами культуры, ни к партийному руководству. Впервые он утвердился в этой своей роли во время Гражданской войны благодаря долгому близкому знакомству с Лениным и другими большевистскими лидерами. После возвращения Горького в Советский Союз в конце 1920-х гг. Сталин, по сути, назначил его на должность чрезвычайного и полномочного патрона; возможно, это и послужило одной из главных причин, побудивших его вернуться. Рассказ Чуковского о его «незабываемой роли» в качестве покровителя детской литературы («как упорно он помогал нам, детским писателям, бороться с леваками-педологами, сколько раз спасал он наши книги от тогдашнего Наркомпроса, от РАПП и пр.»¹⁹) – лишь один из сотен. В архиве Горького свыше 13 000 писем от советских писателей, львиная доля их содержит обращения к нему как к патрону (или потенциальному патрону), и его деятельность в этой области в первой половине 1930-х гг. вошла в легенды²⁰.

---

¹⁷ См.: Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment. London, 1970. P. 131–132. Примеры деятельности Луначарского в качестве патрона см.: РГАСПИ. Ф. 142. Д. 647 (Письма академиков, деятелей науки и культуры о помощи... 1928–1933).

¹⁸ Чуковский К. Современники: Портреты и этюды. М., 1963. С. 406–407.

¹⁹ Там же. С. 365–366.

²⁰ О числе писем в архиве см.: Новый мир. 1968. № 3. С. 6. О положении Горького после возвращения в СССР и его патронажной деятельности см.: Шенталинский В. Рабы свободы. С. 302–377; Ходасевич В. Таким я знала Горького // Новый мир. 1968. № 3. С. 11–66.

Наконец, не стоит забывать другие ведомственные источники патронажа помимо бюрократии от культуры. Катерина Кларк отмечает, что в первые годы нэпа, когда бюджет Наркомпроса резко сократился, комсомол приобрел новое значение в качестве источника патронажа для петроградских интеллигентов²¹. ГПУ/НКВД и его руководители также патронировали некоторые важные культурные и образовательные начинания (коммуны Матвея Погребинского и Антона Макаренко для малолетних правонарушителей, писательскую экспедицию на строительство Беломорканала, результатом которой стала книга о Беломоре²², и т. д.). Для художников из АХРР (Ассоциации художников революционной России, созданной в середине 1920-х гг.) основными источниками патронажа служили профсоюзы и Красная армия. Следует отметить, что частное покровительство художникам могло осуществляться в самом традиционном смысле – в виде заказов на портреты патронов из мира политики. Военный деятель К. Е. Ворошилов – один из тех, чьи портреты писал клиент. Противники АХРР заявляли, что она «пролезла в привилегированные, делая портреты влиятельных лиц, которые взамен устраивали ассоциации выгодные заказы от возглавляемых ими организаций»²³.

Что патроны могли сделать для своих клиентов?

Просьбы клиентов можно разделить на три основные категории: 1) о каких-либо благах и услугах; 2) о защите; 3) о вмешательстве в профессиональные споры.

Первая категория позволяет нам увидеть в действии патронаж как нерыночный механизм распределения дефицитных благ, прежде всего жилья. Совнаркомовский архив Молотова 1930-х гг. полон просьб об увеличении жилплощади от представителей интеллигенции, писавших ему как патрону (с обращением по имени и отчеству) и излагавших личные обстоятельства, которые заставляют их искать

---

²¹ Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, Mass., 1995. P. 145.

²² Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. М., 1934.

²³ Valkenier E. Russian Realist Art. The State and Society: The Peredvizniki and Their Tradition. Ann Arbor, 1977. P. 151, 156; Сто сорок бесед с Молотовым. С. 315. В качестве еще одного примера патронажа со стороны военных см. рассказ о ЛОКАФ (Литературном объединении Красной армии и флота): Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 138–151.

его помощи²⁴. Типичный, хотя и весьма цветистый образчик – письмо члена Союза писателей Николая Сидоренко. Он с пафосом повествует о своей жизни с женой и пятнадцатилетним пасынком в одной-единственной комнате на чердаке в арбатском переулке, сырой, темной, с низким потолком, площадью 13 квадратных метров. «В результате всех бытовых и моральных мучений» его семья жена страдает тяжким нервным расстройством; «мальчик растет ненормально, без своего угла»; отец жены, 72-летний инвалид, вынужден скитаться по чужим углам²⁵. Среди тех, кто обращался к Молотову за помощью в получении жилья, и часто не без успеха, – писатели, музыканты, ученые, художники²⁶.

Вторую категорию – еще более распространенную, во всяком случае в годы Большого террора, – составляют просьбы о защите. В советской действительности это означало пресечение травли писателя со стороны коллег или отдельных государственных ведомств; помощь в восстановлении репутации человека, попавшего в политическую опалу; содействие попыткам добиться освобождения арестованного родственника или пересмотра его дела и т. д. Вот характерная подборка тем из почты Молотова и Жданова во второй половине 1930-х гг.: профессор А. Л. Чижевский молил о защите от травившего его биолога-коммуниста Б. М. Завадовского; академик Державин просил прекратить «преследования» со стороны академика Деборина; И. И. Минц – пресечь клеветнический слух о его дружбе с опальным «троцкистом» Л. Л. Авербахом (бывшим руководителем РАПП); поэт А. А. Жаров жаловался на «смертный приговор», вынесенный его последней книге в «Правде»²⁷.

Нет никаких оснований думать, будто по своему масштабу патронажная деятельность Молотова представляла собой что-то необыч-

---

²⁴ В Государственном архиве Российской Федерации есть письмо от чиновника, ведавшего жилищными вопросами, который в начале 1938 г. сообщает Молотову, что, как только НКВД снимет печати с квартир и комнат, опечатанных после ареста их обитателей, он тут же займется представленными ему делами молотовских клиентов. См.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 72. Л. 114.

²⁵ Молотов переслал это письмо Булганину с просьбой принять меры: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 72. Л. 115.

²⁶ См., напр.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 77. Л. 9–10; Д. 72. Л. 34; Д. 51 [без нумерации листов] (дело академика В. И. Вернадского); Д. 51. Л. 286 (благодарность от карикатуристов Кукрыниксов).

²⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 51. Л. 144 (Чижевский); Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2220. Л. 103–105 (Державин); ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 53. Л. 130 (Минц); Д. 70. Л. 165 (Жаров).

ное (в конце концов, как отмечено выше, в анналах литературной интеллигенции он даже не удостоился славы патрона). Такие же «клиентские» письма можно найти в архивах Орджоникидзе. В 1931 г., например, экономист О. А. Ерманский, бывший меньшевик, просил его помочь преодолеть «социальную изоляцию», в которой он оказался²⁸. В архивах есть много писем партийным деятелям от обиженных актеров, певцов и других исполнителей, жалующихся, что им не дают хороших ролей²⁹. Актриса Цецилия Мансурова регулярно прибегала к помощи чекиста Агранова, патрона театра Вахтангова, когда ее мужа, члена аристократической семьи Шереметевых, лишали прав или арестовывали по причине социального происхождения. Композитор Дмитрий Шостакович, когда в 1936 г. попал в немилость из-за своей оперы «Леди Макбет Мценского уезда», естественно, обратился к своему другу и патрону маршалу Тухачевскому³⁰.

Третий вид помощи, которой добивались клиенты, – вмешательство в профессиональные споры. Вражда Лысенко с генетиками, к примеру, породила множество обращений к патронам с обеих сторон³¹. Физика тоже послужила темой апелляций и контрапелляций. Например, воители из журнала «Под знаменем марксизма» («ПЗМ»), М. Б. Митин, А. А. Максимов и П. Ф. Юдин, старались заручиться поддержкой Молотова в своем полемическом наступлении на «идеализм» в физике, а П. Л. Капица в письмах Сталину, Молотову и Межлауку выступал *против* этих идейных борцов, называя вмешательство «ПЗМ» в проблемы физики «безграмотным с научной точки зрения» и осуждая сложившееся правило, что «если в биологии ты не дарвинист, в физике ты не материалист, в истории ты не марксист, то ты враг народа»³².

Художники, пожалуй, еще более охотно, чем ученые, привлекали патронов к разрешению профессиональных разногласий. В начале 1937 г. Константин Юон, Александр Герасимов (председатель правления Московского отделения Союза художников), Сергей Герасимов и Игорь Грабарь попросили Молотова принять их делегацию, дабы

---

²⁸ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 77. Работа Ерманского по научной организации труда в 1930 г. подверглась яростным нападкам, и его вместе с другими меньшевиками исключили из Коммунистической академии.

²⁹ См., напр., письмо Жданову: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2679. Л. 28–30.

³⁰ См.: Елагин Ю. Укрощение искусств. С. 52–53; Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich / ed. S. Volkov; trans. A. W. Bouis. New York, 1980. P. 98–99.

³¹ См., напр., антилысенковское письмо двух молодых биологов, переданное Молотову через его жену в 1939 г.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 112. Л. 281–292.

³² Там же. Д. 65. Л. 207 (наступление было развернуто в 7 и 11–12 номерах «ПЗМ» от 1937 г.); Капица П. Л. Письма о науке, 1930–1980. М., 1989. С. 151.

рассудить их спор с Комитетом по делам искусств П. М. Керженцева, заявляя: «Требуется экстренное и решительное вмешательство авторитетных инстанций, чтобы не допустить этот союз [художников] до полного развала»³³.

Как обзавестись патроном

Взаимоотношения патрона и клиента требуют некой личной связи. Эта связь может быть светской или семейной; порой она возникает благодаря случайной встрече на работе, в поезде, на отдыхе и т. д.; наконец, вас с патроном могут специально познакомить. Так, Бориса Пильняка на встречу с его первым патроном Троцким в начале 1920-х гг. привел А. Д. Воронский (редактор «Красной нови»)³⁴. Как Пильняк познакомился со следующим своим патроном, Ежовым, неизвестно, но скорее всего через Исаака Бабеля, друга и бывшего любовника жены Ежова. Леопольд Авербах знал Ягоду, поскольку тот женился на его сестре, а его (и Ягоды) связи с Горьким объяснялись тем, что дядя Авербаха Зиновий Пешков стал приемным сыном Горького. Мейерхольду расширять сеть патронов из партийной и чекистской верхушки помогал салон его второй жены Зинаиды Райх³⁵. Художники приобретали патронов, рисуя их: стоит только взглянуть на письма с просьбами о позировании от художников М. Л. Шафрана (А. А. Жданову) и Б. В. Иогансона (И. М. Гронскому)³⁶.

Это лишь первые звенья цепи в деле установления контакта потенциального клиента с патроном. Некоторые политические лидеры были известны тем, что привечали клиентов определенного типа, выбирая их по национальности, профессии, общим увлечениям: Микоян покровительствовал армянам³⁷, Орджоникидзе – грузинам³⁸,

---

³³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 53. Л. 82. Встреча состоялась 11 февраля 1937 г., Керженцев также на ней присутствовал, см.: Там же. Л. 102.

³⁴ Из показаний Пильняка на допросе в НКВД 11 декабря 1937 г., цит. по: Шенталинский В. Рабы свободы. С. 196.

³⁵ Елагин Ю. Темный гений. С. 291.

³⁶ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2219. Л. 1; Гронский И. М. Из прошлого... Воспоминания. М., 1991. С. 142.

³⁷ После ареста отчима Елены Боннэр, армянина Геворка Алиханова, ее мать обратилась за помощью к Микояну, хотя, судя по воспоминаниям Боннэр, они не были особенно близкими друзьями. И Микоян откликнулся, предложив усыновить Елену и ее младшего брата. См.: Bonner E. Mothers and Daughters / trans. A. W. Vouis. New York, 1993. P. 123–124.

³⁸ Фонд Орджоникидзе в РГАСПИ (ф. 85) содержит много писем от них.

Вышинский – юристам и дипломатам³⁹, Ворошилов (певец-любитель) – оперным певцам... Кроме того, в ход шли рекомендации от нижестоящих патронов: к примеру, когда у Пильняка в середине 1920-х гг. начались неприятности после публикации скандальной «Повести непогашенной луны», он обратился к патрону «среднего звена» – И. И. Скворцову-Степанову, редактору «Правды», и тот устроил ему встречу с Рыковым: «Рыков посоветовал мне написать покаянные письма, что я и сделал»⁴⁰. Люди со связями могли передать письмо «куда следует» – так Бабель вручил жене Ежова письмо от вдовы Эдуарда Багрицкого, просившей выпустить из тюрьмы мужа ее сестры⁴¹. Наконец, крупные культурные учреждения вроде Большого театра или театра Вахтангова располагали собственными сетями патронажных связей и могли их задействовать ради своего сотрудника в случае нужды⁴².

Посредники

Некоторые ведущие деятели науки и культуры – в естественных науках, например, П. Л. Капица и С. И. Вавилов – в общении с высокопоставленными патронами выступали в качестве представителей целой группы клиентов. Они брали на себя посредническую функцию в силу своего профессионального авторитета и прочных связей с различными государственными лидерами: председатели Академии наук, секретари профессиональных и творческих союзов, директора научных институтов и т. п. располагали таковыми по должности. Иногда посредничество касалось защиты профессиональных интересов группы – скажем, когда секретарь Союза писателей А. А. Фадеев в январе 1940 г. писал Молотову, выражая от лица литературного сообщества огорчение по поводу того, что ни одна из недавно учрежденных Сталинских премий в размере 100 000 рублей не досталась литераторам⁴³. Иногда посредники вступались за подчиненных – как, например, начальник Ленинградского отделения треста «Гидроэлектропроект» Г. О. Графтио, просивший в 1935 г. второго секретаря

---

³⁹ См.: Vaksberg A. The Prosecutor and the Prey. P. 3–4, 275.

⁴⁰ Шенталинский В. Рабы свободы. С. 197.

⁴¹ Из признания Бабея, см.: Там же. С. 50.

⁴² В книге Ю. Елагина «Укрощение искусств» приводится множество примеров такого рода, включая его собственный.

⁴³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 337. Л. 76–78.

Ленинградского обкома М. С. Чудова за инженеров, которым грозила высылка⁴⁴.

Вмешательство посредников часто бывало связано с арестами внутри представляемого ими профессионального сообщества. Капица обращался к В. И. Межлауку (заместителю председателя Совнаркома) и Сталину по поводу ареста В. А. Фока в 1937 г., к Молотову и Сталину – по поводу ареста (в 1938 г.) и продолжающегося заключения (в 1939 г.) Л. Д. Ландау⁴⁵. С. И. Вавилов в 1944 г. писал Берии, пытаясь добиться освобождения Н. А. Козырева, молодого астронома из Пулковской обсерватории⁴⁶. Горький, конечно, прославился своим заступничеством за петроградских интеллигентов во время Гражданской войны и продолжал оказывать такого рода помощь (правда, все более скупо) в 1930-е гг. Мейерхольд то и дело просил своих патронов А. С. Енукидзе и Г. Г. Ягodu за арестованных друзей и знакомых из театральной среды – о нем говорили, что он «почти никогда не отказывал... никому»⁴⁷. Если это не гипербола, значит, Мейерхольду не хватало умения трезво взвешивать шансы, характерного для лучших посредников (мало толку было в посреднике, который напрасно тратил свой кредит доверия у патрона ради безнадежного дела).

Как писать патрону

Обычным способом довести до сведения патрона клиентелистскую просьбу служило письмо, хотя существовали и другие формы первоначального обращения к нему (например, можно было попросить члена семьи или помощника замолвить словечко о нуждах клиента). Сочинение таких писем представляло собой непростую задачу: Капица «работал над письмами “наверх” не менее серьезно и ответственно, чем над статьей или докладом», и зачастую набрасывал по четыре-пять черновиков, пока не оставался доволен текстом. Он чаще вступался как посредник за сообщество физиков, чем за себя самого, писал обстоятельно, с достоинством, позволяя себе минимум лести и почти не вдаваясь в личные вопросы; некоторые его письма мало отличаются от статей – они так же разбиты на разделы, снабженные

---

⁴⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1515. Л. 64–65.

⁴⁵ Там же. Л. 184–185.

⁴⁶ См.: Josephson P. *Physics and Politics in Revolutionary Russia*. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 316 (из архива Академии наук).

⁴⁷ Елагин Ю. Темный гений. С. 295.

заголовками, а в одном случае есть даже эпитафия. Подобно большинству клиентов, Капица обращался к патронам не самого высокого уровня, например В. И. Межлауку, К. Я. Бауману или Н. П. Горбунову, официально, по имени-отчеству («многоуважаемый Валерий Иванович»), подписываясь: «Ваш П. Капица». Однако в письмах к верховным руководителям в 1930-е гг. он избирал не столь распространенный стиль обращения – «товарищ Сталин», «товарищ Молотов», без дальнейших приветствий – и в конце письма просто ставил роспись⁴⁸.

Наталья Сац подходила к задаче корреспонденции с патронами не менее серьезно. В 1941 г. она приехала в Москву за помощью в неприятностях, связанных с ее театральной работой в Казахстане, и всю ночь просидела в ванной в квартире подруги – сочиняла и писала на подоконнике письмо секретарю ЦК А. С. Щербакову, представлявшему большую силу в делах культуры. Письмо претерпело не то пятнадцать, не то двадцать редакций. По мнению Сац, следовало писать коротко, но, с другой стороны, обязательно внести личную нотку. Щербакова она знала не очень хорошо, значит, нужно было напомнить о каких-то былых контактах, хотя бы самых незначительных: «Наверное, он знал меня по прежней работе, однажды в письме к нему обо мне упоминал Алексей Максимович Горький»⁴⁹.

Когда письмо наконец написано, считали и Капица, и Сац, надо постараться, чтобы оно попало в руки адресату. Капица посылал жену, личного ассистента или секретаря сдать его письмо в ЦК под расписку. Сац сама отдала свое помощнику Щербакова, попросив незамедлительно вручить его Щербакову лично⁵⁰.

Обращались к патрону, как правило, письмом, ответ же, если таковой был, обычно давался по телефону⁵¹. Натальи Сац через два дня после передачи письма позвонил помощник Щербакова с хорошими новостями: Щербаков согласился поддержать ее в конфликте с теат-

---

⁴⁸ См. книгу П. Л. Капицы «Письма о науке» (М., 1989) и предисловие к ней бывшего секретаря Капицы П. Е. Рубина (с. 11–12). В 1943 г. Капица стал обращаться к Молотову «многоуважаемый Вячеслав Михайлович» и придерживался того же стиля в письмах к Хрущеву, Микояну и Маленкову в 1950-е гг. Сталин до конца остался для него «товарищем Сталиным», хотя с 1945 г. он и свои письма к Сталину подписывал «Ваш Капица» или «с уважением, Ваш Капица».

⁴⁹ Сац Н. Жизнь – явление полосатое. С. 446.

⁵⁰ Капица П. Л. Письма о науке. С. 11–12; Сац Н. Жизнь – явление полосатое. С. 446.

⁵¹ Rossiyanov K. Stalin as Lysenko's Editor: Reshaping Political Discourse in Soviet Science // Russian History. 1994. Vol. 21. No. 1. P. 49–63.

ральными кругами Казахстана, на который она жаловалась⁵². Для клиента звонок патрону – большая редкость, видимо, потому, что такой способ обращения казался недостаточно почтительным. (Бывали, впрочем, исключения. В 1937 г. отмеченный множеством наград писатель Алексей Толстой дерзнул позвонить секретарю Молотова и попросить – правда, выглядело это почти как требование – одиннадцатикомнатную дачу не в том месте, которое ему предлагали, а там, где ему больше нравилось⁵³.)

Человеческий фактор: эмоциональные узы между патронами и клиентами

В 1930 г. Михаилу Булгакову позвонил Сталин, внявший его жалобам на преследования и цензуру, и пообещал исправить ситуацию. Весть об этом звонке мгновенно облетела всю интеллигенцию. Анонимный агент НКВД докладывал, что она произвела сильнейшее воздействие на представления интеллигенции о Сталине: «Такое впечатление – словно прорвалась плотина, и все вокруг увидели подлинное лицо тов. Сталина... Совершенно был простой человек, без всякого чванства, говорил со всеми, как с равными. Никогда не было никакой кичливости. А главное, говорят о том, что Сталин совсем ни при чем в разрухе. Он ведет правильную линию, но кругом него сволочь. Эта сволочь и затравила Булгакова, одного из самых талантливых советских писателей. На травле Булгакова делали карьеру разные литературные негодяи, и теперь Сталин дал им щелчок по носу. Нужно сказать, что популярность Сталина приняла просто необычайную форму. О нем говорят тепло и любовно...»⁵⁴

Неписанные правила требовали представлять отношения между советскими клиентами и патронами как дружбу или, по крайней мере, взаимное расположение, порой даже придавать им почти семейный характер (патрон – отец, «сострадающий своим детям»). Эти правила наиболее наглядно демонстрирует агиографическая мемуарная литература, посвященная замечательным людям – от политических лидеров вроде Орджоникидзе до деятелей культуры, таких, как Максим Горький, – где автор-клиент любовно расписывает глубоко человеческие черты характера патрона (великодушные, ми-

---

⁵² Сац Н. Жизнь – явление полосатое. С. 446.

⁵³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 56. Л. 154. (Молотов удовлетворил просьбу, хотя сократил размер дачи до десяти комнат.)

⁵⁴ Шенталинский В. Рабы свободы. С. 124–125.

лосердие, чуткость, отеческую заботу) и подчеркивает его высокую культуру. «Михаил Иванович, сворачивавший папироску, исподлобья, из-под блеснувших очков весело взглянул на меня и, улынувшись милой стариковской улыбкой, как бы озарившей на миг все его лицо, сказал...» «Валериан Владимирович человек многогранный, большой знаток живописи и литературы, обаятельный, необыкновенно простой и скромный в обращении... Очень любил он природу и цветы. Когда мы выходили в море, он, по-юношески оживившись, вызвал нас всех на налубу, чтобы насладиться зрелищем прекрасного заката.

– Как жаль, что все это столь быстротечно, – сказал он, когда пестрые краски неба потускнели и опустились серые сумерки»⁵⁵.

Эти воспоминания написаны для широкой публики и в значительной мере – по определенной схеме, однако мы можем найти похожие свидетельства приязни к патрону и в дневниках⁵⁶. Исчерпывающего ответа на вопрос об «искренности» подобных заявлений это не дает. Но нас интересует не столько подлинность выражаемых эмоций, сколько сам факт, что их выражение являлось необходимым условием в ситуации патронажа. Даже непочтительная Надежда Мандельштам тепло пишет о патроне мужа Бухарине. Циничный Шостакович называет Тухачевского «другом» и «одним из интереснейших людей, которых я знал», признавая, впрочем, что, в отличие от других почитателей маршала, «держал себя независимо»: «Я был дерзок, Тухачевскому это нравилось»⁵⁷.

Свидетельства об отношении патронов к клиентам найти труднее, но все-таки возможно. Молотов замечает, что между Ворошиловым и его клиентом, художником Александром Герасимовым, «взаимная была такая связь». Хрущев, по всей видимости, имевший в 1930-е гг. не столь широкие связи с интеллигенцией, как многие другие лидеры, в тех нескольких случаях, о которых он вспоминает в мемуарах, подчеркивает свое личное расположение, например к инженеру Б. Е. Патону⁵⁸. Не один клиент-мемуарист

---

⁵⁵ Шолохов М. Великий друг литературы // М. И. Калинин об искусстве и литературе: Статьи, речи, беседы. М., 1957. С. 234–237; Серебрякова Г. В. В. Куйбышев // О Валериане Куйбышеве: Воспоминания, очерки, статьи. М., 1983. С. 220.

⁵⁶ См., напр., слова Галины Штанге о Л. М. Кагановиче (патроне ее женской группы): *Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s* / eds. V. Garros, N. Korenevskaya, T. Lahusen. New York, 1995. P. 184.

⁵⁷ *Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich*. P. 96.

⁵⁸ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 315; *Khrushchev Remembers* / trans. S. Talbott. Boston, 1970. P. 116–119.

изображает своего патрона человеком, находящим счастье в помощи другим (или отдельным категориям других – скажем, молодежи или художникам). Применительно к советским партийным деятелям такая характеристика может показаться весьма странной, однако она наверняка совпадала с их собственным самовосприятием. Учитывая суровость советской власти в 1930-е гг., секретарю обкома или члену Политбюро не всегда легко было сохранить ощущение (очень важное для того, чтобы эффективно функционировать в качестве лидера), что он в сущности хороший человек, который служит интересам народа. Патронаж, приносящий лидеру благодарность, преданность и любовь клиентов и дающий возможность продемонстрировать собственную верность, щедрость и отзывчивость, несомненно помогал ему в этом.

В отдельных случаях, когда дистанция между патроном и клиентом никак не позволяла назвать их отношения дружбой, требовалось все-таки придать им хоть сколько-нибудь персонализированный оттенок. Наглядное тому свидетельство (правда, в художественно стилизованной форме) – рассказанная биографом Вышинского история, скорее всего анекдотическая, о Вышинском и его клиенте, знаменитом эстрадном певце Александре Вертинском. После того как Вертинский благодаря Вышинскому получил возможность вернуться в СССР из Китая, где жил в эмиграции, Вышинский якобы пришел однажды на его концерт. Там он «скромно сидел в боковой ложе, укрытый от любопытных глаз бархатными занавесками. Однако для артиста на сцене его присутствие не осталось тайной. Он прекрасно знал, кому Судьба предназначила стать его благодетелем. Начиная петь, он в знак уважения слегка повернулся к этой ложе. Совсем чуть-чуть, но все же заметно. И поклонился в сторону той же ложи отдельно и с особенным достоинством»⁵⁹.

Наталии Сац, сосланной в 1940-х гг. в провинцию, было чрезвычайно важно обзавестись новыми клиентскими связями в местах ссылки. Судя по ее рассказу, это означало любыми средствами добиться встречи с потенциальным патроном и – самое главное – постараться при этом каким-то образом завязать с ним отношения мало-мальски личного характера. Например, в Алма-Ате, после того как ей наконец удалось увидеться со вторым секретарем ЦК партии Казахстана Жумабаем Шаяхметовым, доказательством успеха встречи – то есть установления личной связи – стал коробок спичек с его стола, на мгновение привлечший внимание Сац, который Шаяхметов (тоже умевший играть в эту игру) в шутку прислал ей потом с курьером. Позже, когда враги в саратовском театре грозили ей переводом еще

---

⁵⁹ Vaksberg A. The Prosecutor and the Prey. P. 237.

дальше в глушь, она «собралась с духом, отправила лично... обливаясь слезами, просьбу» первому секретарю обкома Г. А. Боркову – патрону, устроившему ее в этот театр⁶⁰.

Иерархия патронажа

Юрий Елагин рассказывает в своих воспоминаниях об эпической «битве патронов» между двумя театральными деятелями, обладавшими хорошими связями: администратором театра Вахтангова Л. П. Руслановым и директором московского театра Красной армии А. Д. Поповым. Русланов и Попов жили в одном доме, и трения между ними начались из-за того, что Попов вывешивал на балконе ящики с цветами, которые, по мнению Русланова, представляли опасность для прохожих. Используя свои связи, Русланов добился от начальника райотдела милиции распоряжения убрать ящики. Попов в ответ получил от начальника московского горотдела милиции разрешение их сохранить. Русланов пошел к начальнику всей советской милиции, Попов организовал письмо от Ворошилова, который велел оставить его цветы в покое. Но Русланов все-таки победил: он дошел до председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина, и тот распорядился-таки снять злополучные ящики⁶¹.

Может быть, это апокриф, но он прекрасно иллюстрирует иерархию патронажа, которой мог воспользоваться настойчивый клиент со связями. Театр Вахтангова, по словам Елагина, до 1937 г. располагал определенным кругом патронов среднего уровня – М. Горький, А. С. Енукидзе, Д. Е. Сулимов (председатель Совнаркома РСФСР), Я. С. Агранов (заместитель наркома внутренних дел) – «которые всегда были готовы сделать для нашего театра все возможное». Но имелись и еще более высокопоставленные лица, в частности Ворошилов и Молотов (члены Политбюро, а Молотов – в придачу председатель Совнаркома СССР), к которым обращались в крайнем случае⁶². Патроны среднего уровня сами являлись клиентами, чья эффективность как патронов часто зависела от доступа к их собственным патронам наверху. Горький, к примеру, добивался положительных результатов в этой роли, только пока Сталин, Молотов, Ягода и пр. прислушивались к его просьбам за клиентов.

Естественно, в политически опасной атмосфере Советского Союза 1930-х гг. статус патрона далеко не всегда отличался стабиль-

⁶⁰ Сац Н. Жизнь – явление полосатое. С. 443–444, 479.

⁶¹ Елагин Ю. Укрощение искусств. С. 66–69.

⁶² Там же. С. 48.

ностью: патрон мог подниматься и падать в иерархии патронажа; он мог вообще полностью утратить статус патрона и превратиться в клиента-просителя⁶³. История Бухарина – яркий пример подобного процесса. Остроглазая Надежда Мандельштам подметила: «Вплоть до 28-го года он восклицал: “идиоты!” и хватал телефонную трубку [когда Мандельштам прибежал к его заступничеству], а с тридцатого хмурился и говорил: “Надо подумать, к кому обратиться...”» Одним из патронов, к которому Бухарин в начале 1930-х гг. с успехом обращался ради Мандельштама, был Молотов. Горького Бухарин знал не очень хорошо, но, признавая его могущество как патрона в то время, «в поисках “приводных ремней” все рвался к “Максимуму”». Орджоникидзе и Ворошилова он в последние годы просил уже за себя самого⁶⁴.

Беды и радости патронажа

Как уже отмечалось, советский патрон не получал от клиентов осязаемой выгоды. Срок пребывания советских официальных лиц в должности не зависел от популярности или победы на выборах. Клиенты славил великодушие своих благодетелей, но грубая лесть и пылкие изъявления восторга в адрес какого-нибудь местного руководителя могли спровоцировать обвинение в том, что он насаждает свой «культ личности». По сути, в проникнутом подозрительностью мире сталинской политики чрезмерно активное и ответственное отношение к роли патрона было связано с определенным риском. В годы Большого террора, когда местных руководителей разоблачали

---

⁶³ Отметим, что отношения патронажа были небезопасны для клиента: патрон мог попасть в опалу. В 1939 г. молодому писателю А. О. Авдеенко поставили в вину контакты с разоблаченными «врагами народа» – промышленным управленцем Г. В. Гвахарией и уральским партийным руководителем И. Д. Кабаковым (Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 26–27). Связи с представителями оппозиции в конечном итоге сыграли и против Пильняка. Существует мнение, что театральное режиссера Мейерхольда привели к падению его клиентские отношения с Троцким и Зиновьевым в начале 1920-х гг. (Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich. P. 80) или с Рыковым и другими «правыми оппозиционерами» в конце этого десятилетия (Елагин Ю. Темный гений. С. 319). Впрочем, у Мейерхольда в разное время было так много политических патронов, что трудно судить наверняка (в равной мере вероятно связь его судьбы с участием его патронов из НКВД в 1930-х гг.).

⁶⁴ Мандельштам Н. Воспоминания. С. 124; Гронский И. М. Из прошлого... С. 125; Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989. С. 315, 325.

как «врагов народа», то и дело звучали презрительно-осуждающие словечки «хвосты» и «семейства». Пример потенциальной опасности патронажа можно найти в воспоминаниях редактора «Известий» И. М. Гронского, который в 1930-е гг. оказывал покровительство художникам старой реалистической школы. После того как группа «клиентов» проводила его домой в знак признательности за выступление в защиту реализма на одном собрании художников, Гронскому позвонил Сталин, резко и угрожающе спросивший: «Что вчера была за демонстрация?»⁶⁵

То, что патронирование интеллигенции могло встретить у Сталина негативное отношение, подтверждается замечанием Молотова по поводу Ворошилова, который «любил немножко, так сказать, мецената изображать, покровителя художников и прочее». В глазах Сталина это была слабость, «потому что художники – они-то ротозеи. Они сами невинные, но вокруг них всякой шантрапы полосатой полно. И используют эту связь – с подчиненными Ворошилова, с его домашними...»⁶⁶

Архетипичный пример «хорошего» большевика, которого погубила страсть к патронажу, – Авель Енукидзе, секретарь ЦИК СССР. Его внезапная опала в 1935 г. стала одним из предвестий Большого террора. Енукидзе был известен и как покровитель деятелей искусств, особенно балерин, и как один из партийных лидеров, наиболее способных посочувствовать положению «бывших» – представителей дореволюционного дворянства и других привилегированных классов, которых при советской власти лишали прав и подвергали другим формам дискриминации⁶⁷. Обвинения, выдвинутые против него на июньском пленуме ЦК 1935 г., в основном касались последнего: по словам Ежова, «своим непартийным поведением, своей небольшевистской работой Енукидзе создал такую обстановку, при которой любой белогвардеец легко мог проникнуть и проникать на работу в Кремль, часто пользуясь прямой поддержкой и высоким покровительством Енукидзе». Люди получали работу в аппарате ЦИК благодаря дружеским и семейным связям, и сам Енукидзе был «связан личными

---

⁶⁵ Гронский И. М. Из прошлого... С. 143. Отметим, впрочем, что, несмотря на грозное вступление, Сталин, по словам Гронского, проникся сочувствием к художникам, когда Гронский описал ему ситуацию и энергично вступился за них.

⁶⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 315.

⁶⁷ В архиве ЦИК содержится много соответствующих материалов. См., напр.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 918. Л. 1–13 (записка Енукидзе Сталину о злоупотреблении лишением прав, 1930 г.); Д. 1227. Л. 101 (о конфликте между Енукидзе и московским ОГПУ в 1933 г. из-за отказа последнего выдавать паспорта «бывшим»).

дружественными отношениями» со многими сотрудниками аппарата. Даже когда НКВД сообщал ему об их чуждом социальном происхождении и «антисоветских настроениях», он продолжал их защищать и отказывался увольнять, использовал для поддержки нуждающихся «государственные средства из секретного фонда», в том числе «[было выдано] одной из жен сосланного за пасквили против Советской власти писателя Эрдмана Степановой – 600 руб.». Все вышеперечисленное, заявил Ежов, сделало Енукидзе «наиболее типичным представителем разлагающихся и благодушствующих коммунистов, которые не только не видят классового врага, но фактически смыкаются с ним»⁶⁸. Это также неизбежно привело его к моральной распушенности и нечистоплотности в финансовых делах⁶⁹.

Защищаясь на закрытом заседании ЦК, Енукидзе сожалел, что в некоторых случаях невольно помогал классовому врагу, но все еще пытался доказать, что патронаж с его стороны был необходим и по-человечески оправдан: «Но такую помощь, которая сейчас квалифицируется как высокое мое покровительство в отношении некоторых лиц, я оказал решительно очень многим... К сожалению, так сложились обстоятельства, что за всем обращались ко мне: нужна ли квартира, материальная помощь, вещи или посылка куда-нибудь в дома отдыха. И наши, и чужие получали через меня эту помощь, эта помощь распространялась на всех»⁷⁰.

Что же лично Енукидзе выигрывал от своей деятельности в качестве патрона (пока не потерял из-за нее жизнь), неизвестно. Но вообще патроны получали от патронажа нематериальные, неосязаемые выгоды: престиж и статус, связанные со способностью к патронированию; сознание верности принципу *noblesse oblige* или удовлетворение желания играть роль большого человека в ее традиционном понимании, чувствовать себя добрым и великодушным; лесть и бла-

---

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 542. Л. 79–86 (стенограмма пленума с правкой выступавших). Благодарю Арча Гетти, великодушно предоставившего мне этот материал.

⁶⁹ В обвинительной речи Ежова говорится о взятках и подарках больше чем на тысячу рублей (видимо, принимавшихся не самим Енукидзе, а его подчиненными). Об интимной жизни в сохранившемся тексте упоминаний нет, но, должно быть, они там присутствовали, поскольку Енукидзе отрицал, что «сожительствовал с кем-либо из арестованных» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 542. Л. 128). О слухах насчет сексуального аспекта скандала вокруг Енукидзе см.: Дневник М. А. Сванидзе // Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива. М., 1993. С. 182.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 542. Л. 139.

годарность клиентов. «Тухачевский любил покровительствовать искусству, – писал его клиент и друг Шостакович. – Ему нравилось открывать “юные таланты” и помогать им. Возможно, потому что сам маршал был военным вундеркиндом, а может быть, потому что он любил демонстрировать свою огромную власть»⁷¹. Патронаж – традиционная прерогатива власти и видимый знак ее. Одна информантка в исследовании А. Леденевой о блате, писавшая о своем принципиальном нежелании вступать в патронажные связи, замечает: «Номенклатурщики, которых я встречала, не уважали меня за это. Они уважали тех, кто давал им почувствовать себя могущественными и полезными»⁷². По ее мнению, они думали бы о ней лучше, если бы она приходила к ним скромной клиенткой, которая просит об одолжении.

Патронирование искусства давало дополнительные преимущества в виде доступа в мир знаменитостей – прославленных певцов, киноактеров, писателей и ученых с международным именем, – притягивавший членов сталинского Политбюро точно так же, как звезды Голливуда и спорта притягивают современных американских политиков. Подобно правителям многих стран, сталинские политики явно считали, что связи с учеными и деятелями искусства их украшают. До некоторой степени патронаж для советских лидеров служил показателем «культурности». Гронский в рассказе, приведенном выше, признается, что был смущен, но вместе с тем и польщен преувеличенным выражением восхищения со стороны художников – «старых прославленных мастеров живописи»⁷³.

В риске, связанном с покровительством попавшему в немилость человеку, который имел громкое имя в мире деятелей культуры, было даже что-то заманчивое. Чаще всего это видно на примере патронов «среднего звена», например редакторов журналов, решавшихся напечатать опасные стихи или рассказ, дабы заслужить своей смелостью почет у интеллигенции. Но, возможно, те же мотивы действовали и на более высоком уровне, как показывает, например, патронаж Вышинского над бывшим эмигрантом Вертинским, чье полуопальное положение подчеркивалось запретом на рекламу концертов, которые ему время от времени позволяли давать после возвращения⁷⁴.

---

⁷¹ Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich. P. 98.

⁷² Ledeneva A. V. Formal Institutions and Informal Networks in Russia: A Study of Blat: Ph. D. diss. Cambridge University, 1996. P. 105–106.

⁷³ Гронский И. М. Из прошлого... С. 142–143.

⁷⁴ Vaksberg A. The Prosecutor and the Prey. P. 237.

Патронажные сети имеют большое значение для функционирования многих обществ, а патронирование искусств в той или иной форме существует практически во всех, но насколько важен патронаж в повседневном быту клиентов и патронов – зависит от того, насколько серьезно и часто клиенты нуждаются в защите. Сталинская Россия была опасным местом. Неуверенность, вечная угроза личной катастрофы была фактом жизни и низших социальных слоев, и элиты (может быть, еще в большей степени). Даже среди привилегированной интеллигенции человек не так уж редко мог внезапно оказаться в отчаянном положении в результате потери квартиры, права на льготное снабжение или после несчастного случая на работе, объявленного «вредительством». Арест или публичное очернение, с большой вероятностью влекущее за собой увольнение и арест, случались не менее часто. Наличие патрона, к которому можно «пойти», в таких условиях порой означало возможность выжить.

Это одна из черт советского патронажа, отличающая его от патронажа в России позднего имперского периода или в большинстве других современных обществ. Другая отличительная черта заключалась в том, что товаров и услуг в сталинский период хронически не хватало и партия-государство монопольно контролировало их распределение. И если кому-то не повезло иметь приличную квартиру в Москве, как мог он ее получить, не обращаясь к патрону? Если тяжело заболел ребенок, как иначе найти для него хорошего доктора и хорошую больницу? Если ты потерял работу или тебе по чьему-то произволу отказали в доступе в «закрытый» продовольственный магазин, как уладить дело без помощи патрона? Плохое функционирование советской правовой системы – еще одна черта сталинского общества, которая делала патронаж – так же как и его более скромный аналог, практику ходатайств – жизненной необходимостью.

Один из удивительных аспектов патронажа в сталинском обществе – его странные взаимоотношения с официальной идеологией. С одной стороны, патронско-клиентские отношения служили субъективным интересам бюрократического аппарата и потому, как правило, осуждались, а порой сурово карались как коррупция. С другой стороны, они же воплощали собой мотив человечности и семейственности, составлявший основу сталинского дискурса о правителях и народе⁷⁵. Метафора семьи представляла весь Советский Союз одной семьей с отцом Сталиным, а от «семьи» до «семейства» (как

---

⁷⁵ Этой мыслью я обязана дискуссии с Юрием Слезкиным, а также с Катериной Кларк по поводу ее трактовки мифа о «Большой Семье» в кн.: Clark K. *The Soviet Novel. History as Ritual*. Chicago, 1985. P. 114–117.

неодобрительно назывались отношения политического патронажа) – всего лишь небольшой семантический шаг. Если Сталин был «отцом» и «благодетелем» своего народа, не становился ли он тем самым универсальным «патроном» советских граждан, связанным узами взаимной любви со своими клиентами? И разве все «вожди», местные и региональные, не выступали в роли благосклонных патронов населения, готовых откликнуться на его нужды и спасти его от беды? Можно сказать, что патронско-клиентские отношения в повседневной действительности в глазах советских граждан как раз и претворяли эту риторику в жизнь, делали практику патронажа интуитивным доказательством идеологического постулата, что советский режим – благодетель народа.

ЧАСТЬ IV
ДОНОСЫ

ГЛАВА 11

СИГНАЛЫ СНИЗУ*

ДОНОС. Орудие борьбы буржуазно-черносотенной реакции против революционного движения – сообщение царскому или другому реакционному правительству о тайно готовящихся революционных выступлениях, о деятельности революционных организаций или отдельных революционеров. *По доносу предателя царские жандармы разгромили подпольную большевистскую организацию. Фашисты, на основании доноса провокатора, бросили в тюрьму группу комсомольцев.*

СИГНАЛ. 2. Предупреждение о чем-н. нежелательном, что может совершиться, предостережение (нов.). *Большевистская партия требует чуткости к сигналам, идущим снизу, в порядке самокритики¹*

Донос – добровольное сообщение властям о проступках других граждан – явление весьма неоднозначное. В некоторых обстоятельствах он может считаться примером гражданской доблести, продиктованным альтруистической заботой об общественном благе. Но чаще доносы рассматриваются как акты предательства, вызванные алчностью или злобой. Эта сложность и неоднозначность отражается в языке. В нем одновременно могут существовать два слова для обозначения этого понятия – одно нейтральное или положительное (французское «*dénonciation*»; русское, сталинской эпохи, «сигнал»), другое уничижительное (французское «*délation*»; русское «донос»). Есть множество эвфемизмов, как, например, современное американ-

---

* Это сокращенный вариант статьи: Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Journal of Modern History. 1996. Vol. 68. No. 4. Перепечатана в сб.: Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989 / eds. S. Fitzpatrick, R. Gellately. Chicago, 1996.

¹ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

ское «whistle-blowing» («разоблачительство», буквально – «сигнал свистка»). Родственная доносу и почти всеми презираемая практика осведомительства – т. е. регулярные донесения за плату или иное вознаграждение – породила массу нелестных наименований в разговорной лексике.

Многих авторов занимал вопрос, как отличать «хороший» донос от «плохого». В издании «Британской энциклопедии» начала XX в. после рассуждений о моральном статусе обычая публичного обвинения в Древнем Риме (деляция) следует вывод, что главное различие заключается в личной заинтересованности или незаинтересованности обвинителя: «Пока [деляция] совершалась по патриотическим и бескорыстным мотивам... [ее] эффект был благотворен, но с тех пор, как стал действовать принцип вознаграждения, это было уже не так»². Энциклопедия Дидро предлагала более сложную классификацию в зависимости от намерения: «Можно сказать, что доносчик – продажный человек, обвинитель – разгневанный человек, обличитель – возмущенный человек». Там же отмечалось: «Все трое равно отвратительны в глазах людей»³.

В двадцатом столетии донос меньше привлекал внимание мыслителей, чем в восемнадцатом. В англоязычных странах о нем обычно говорили в контексте тоталитаризма и с чувством морального превосходства, весьма напоминаям прежнюю традиционную либерально-протестантскую англосаксонскую манеру писать об инквизиции⁴. Однако донос – повседневно явление в любом обществе, варьирующееся только по типу, фактору видимости (степени признания и проблемности этой практики) и широте охвата. Советский Союз 1930-х гг., где более чем зримо и в широчайших масштабах процветало доносительство самых разных типов, предоставляет в этом плане богатый, но отнюдь не уникальный материал для исследования.

Традиция доносительства укоренилась в России задолго до того, как большевики захватили власть в 1917 г.⁵ Большевики и другие

---

² Delator // The Encyclopaedia Britannica. 11 ed. New York, 1910. Vol. 7.

³ Dénonciateur // Encyclopédie ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers, par une Société de Gens de Lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot. Losanne; Berne, 1779. Vol. 10.

⁴ Классический пример: Lea H. C. A History of the Inquisition of Spain in Four Volumes. London, 1906.

⁵ О доносе на Руси в допетровский и петровский периоды см.: Kleimola A. M. The Duty to Denounce in Muscovite Russia // Slavic Review. 1972. Vol. 31. No. 4; Hellie R. The Origins of Denunciation in Muscovy Law // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 1–2; Анисимов Е. Донос // Родина. 1990. № 7.

русские революционеры эту традицию презирали и считали наследием прогнившего старого режима, так же как когда-то их братья по духу в годы Французской революции. Но вместе с тем и большевики, и якобинцы быстро поняли, что *революционный* донос – дело нужное и славное. Ввиду опасности контрреволюции граждан надлежало поощрять доносить на врагов, шпионов и заговорщиков. В рядах самой революционной партии доносы на ренегатов и двурушников были долгом каждого ее члена, гарантией ее чистоты и незапятнанности, от которых зависела революция. Большевики, в отличие от якобинцев, не философствовали о принципах доносительства, но инстинктивно усвоили его практику, как многие и многие годы делала любая другая секта революционных или религиозных энтузиастов⁶. В сообществе святых не может быть секретов.

Со временем эта практика приняла рутинный характер. Забота большевистской партии о чистоте институционализировалась в периодические партийные «чистки» 1920–1930-х гг., в ходе которых каждый член партии должен был публично рассказывать о себе и отвечать на вопросы, критику, обвинения. В данном ритуале запечатлелся обычай коммунистов доносить друг на друга, впрочем, он существовал и независимо от чисток.

Что касается доносительства в народе, режим активно поощрял доносы граждан на злоупотребления должностных лиц. Это расценивалось как своего рода народный контроль над бюрократией, некая форма демократического политического участия. Одним из ее институциональных плодов стала рабоче-крестьянская инспекция, так сильно занимавшая мысли Ленина в последние годы жизни. Другим – рекрутирование газетами добровольных внештатных корреспондентов среди рабочих и крестьян, призванных служить «глазами и ушами советской власти», сообщая о злоупотреблениях ее представителей на местах и следя за деятельностью классовых врагов, кулаков и священников. Третьим – институт «самокритики» на предприятиях, побуждающий рабочих высказывать свои претензии, обличать проступки и некомпетентность управленцев и специалистов⁷.

Доносы как социальную практику в значительной мере стимулировало в конце 1920-х гг. решение советской власти экспроприиро-

---

⁶ См.: Lucas C. The Theory and Practice of Denunciation in the French Revolution // Accusatory Practices. P. 22–39.

⁷ На большевистском жаргоне «самокритика» изначально означала самокритику коллектива. Но на практике она вылилась в публичную критику начальства со стороны рядовых работников и признание начальниками ее справедливости (ср. приведенное выше толкование слова «сигнал» в словаре Ушакова).

вать, депортировать и карать иным образом целые категории классовых врагов. Таких врагов, старавшихся скрыть свое лицо, следовало «разоблачать», и донос составлял важную часть этого процесса. Через несколько лет доносительство обрело своего официального героя и мученика в лице Павлика Морозова, юного пионера (во всяком случае так его называли), донесшего на собственного отца, который обманывал советскую власть, утаивая хлеб, и убитого за это родственниками. Более пятидесяти лет, пока в горбачевскую эпоху его памятники не свалили (в буквальном смысле) негодующие граждане, Павлик оставался примером доблестного советского мальчика, поставившего общественные интересы выше личных и семейных привязанностей⁸.

Большой террор 1937–1938 гг. дал новый импульс народному доносительству, поскольку граждан усиленно призывали высматривать шпионов и саботажников и разоблачать затаившихся «врагов народа» – этот термин в первую очередь означал опальных начальников-коммунистов. Вскоре доносы хлынули таким потоком, что их пагубные последствия для эффективности работы государственного аппарата и промышленной производительности начали тревожить партийных лидеров, и те ополчились на «ложные доносы», имея в виду обвинения откровенно вздорные, необоснованные или вместо общественного блага служившие личным интересам доносчиков. Следует, впрочем, отметить, что доносы граждан представляли собой лишь один из источников «компрометирующей информации», говоря советским языком⁹. Советские органы внутренних дел были весьма крупной организацией, располагали сетью постоянных осведомителей (секретных сотрудников) и, кроме того, значительную долю материала, используемого против «врагов народа», добывали на допросах заключенных и тех, кто еще оставался на свободе.

В контексте нашего разговора донос будет определяться как добровольно направляемое властям письменное сообщение, которое

---

⁸ О культе Павлика Морозова см.: Conquest R. *Harvest of Sorrow*. New York, 1986. P. 293–296; Фицпатрик Ш. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М., 2001. С. 285–286.

⁹ Российская исследовательница, работавшая с материалами архивов КГБ на Урале, сообщает, что большинство доносов в следственных делах – это показания, полученные в ходе следствия, и лишь малая часть – добровольные «сигналы» от представителей общественности. См.: Попова С. М. Система доносительства в 30-е годы (К проблеме создания базы данных на материалах Урала) // Клио. 1991. № 1. С. 71–72. (Благодарю Хироаки Куромию, привлечшего мое внимание к этой статье.)

содержит информацию, порочащую другое лицо¹⁰. Вопреки стереотипному представлению о доносах в полицейском государстве, органы внутренних дел не были исключительным или хотя бы главным адресатом советских доносов¹¹. Коммунисты обычно доносили на других коммунистов в какую-нибудь партийную инстанцию¹². Иные доносы направлялись в правительство и отдельные правительственные ведомства, например в Рабоче-крестьянскую инспекцию (Рабкрин). Некоторые люди писали прямо Сталину, Молотову и другим членам Политбюро либо первому секретарю своего обкома, который зачастую становился объектом местного «культа личности», наподобие сталинского. Граждане также адресовали доносы непосредственно в НКВД и прокуратуру или, как и другие письма во власть, в газеты. Многие доносы отправлялись и в газеты, и в соответствующие партийные и государственные органы, несмотря на то что пересылка каждого письма по почте обходилась отправителю в 20 копеек.

Существовали доносы *разного* образца. Наиболее знакомый нам тип можно назвать политически мотивированным доносом «а-ля Павлик Морозов» (граждане исполняли свой долг, информируя государство об угрозе его безопасности), но не меньшую роль играли и несколько не столь известных типов. Немаловажную категорию составляли доносы подчиненных – «оружие слабых», по выражению

---

¹⁰ Это соответствует определению доноса в стандартном советском словаре: тайное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-нибудь незаконной деятельности (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964). Я поставила «порочащую информацию» вместо «незаконной деятельности», потому что последнее понятие слишком узко и не охватывает весь спектр запретных, а следовательно, провоцирующих донос действий. (Например, поддержка Троцкого в 1920-е гг. отнюдь не была незаконной, однако в 1930-е гг. на многих коммунистов доносили именно в связи с ней.) Отметим, что мое определение касается только писем, написанных гражданами по собственной инициативе в частном порядке. Это исключает такие типы письменных документов, как донесения постоянных осведомителей или официальных лиц, пишущих по долгу службы, и показания, добытые сотрудниками НКВД у свободных граждан и заключенных на допросе либо иным образом.

¹¹ Доносы, которые я цитирую в этой главе, обнаружены в различных партийных и государственных архивах, к сожалению, архив НКВД (ныне ФСБ) был для меня недоступен. Однако, судя по исследованию В. А. Козлова, посвященному доносам в органы внутренних дел 1940-х гг., они похожи на те, что хранятся в других архивах (Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance: A Study of Denunciations and Their Bureaucratic Handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // *Accusatory Practices*. P. 121–152).

¹² В Центральный комитет, Центральную контрольную комиссию (Комиссию партийного контроля) и ее региональные отделы, региональные партийные комитеты, политические управления Красной армии и других военизированных структур и т. д.

Джеймса Скотта¹³. Они давали простым людям возможность обвинить власть имущих в преступлениях и злоупотреблениях. Своекорыстные доносы – призванные принести автору конкретную выгоду или личное удовлетворение – часто имитировали первые два образца, но преследовали иную цель: навлечь немилость на профессионального конкурента или соперника в политической жизни села, добиться выселения соседа из переполненной коммуналки, свести счеты с личным врагом.

Три основных типа обвинений в доносах 1930-х гг. – политическая нелояльность, чуждое классовое происхождение и злоупотребление властью. Четвертый тип – обвинения в аморальном поведении – в довоенный период не так распространен. Давайте рассмотрим каждый из них по очереди.

О нелояльности

Существовало много разных способов политически скомпрометировать человека, и самый главный из них – напомнить о его бывшей принадлежности к какой-либо из партийных оппозиций (троцкистской, зиновьевской, правой) либо к другой политической партии, например к эсерам или меньшевикам. Прочие проявления нелояльности лежали в диапазоне от «антисоветских разговоров» до террористической деятельности и участия в контрреволюционном заговоре. В качестве «компрометирующих фактов» чаще всего назывались поддержка белых в годы Гражданской войны, участие в мятежах против советской власти и какие угодно связи с оппозиционерами, иностранцами или родственниками-эмигрантами.

Долгом коммуниста было доводить до сведения партии любую компрометирующую информацию о других коммунистах, которая станет ему известна. Некоторые доносы по поводу нелояльности так и начинались стандартной преамбулой: «Считаю своим партийным долгом сообщить...» Но многие авторы обходились без вступительных фраз или прибегали к более расплывчатой: «Считаю необходимым сообщить...» Множество подобных доносов явно было написано из страха перед последствиями *недонесения*, особенно во время Большого террора, когда число сигналов о нелояльности резко возросло.

Некоторые доносы на первый взгляд продиктованы гражданской ответственностью, хотя такие субъективные оценки текста без учета общей ситуации его возникновения, естественно, могут оказаться

---

¹³ См.: Scott J. C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, 1985.

ошибочными. Например, своего рода гражданское чувство (правда, несколько истерического толка) демонстрирует письмо ленинградской писательницы-коммунистки В. К. Кетлинской осенью 1934 г. секретарю Ленинградского обкома А. А. Жданову о врагах в партийном руководстве Комсомольска – нового города на советском Дальнем Востоке, откуда Кетлинская только что вернулась¹⁴. Группа молодых южноосетинских комсомольцев, работавших на строительстве московского метро, в более рассудительном тоне написала коллективное письмо Сталину, Кагановичу, Молотову и Калинин, предупреждая о перерождении партийной верхушки Южной Осетии в результате того, что туда проникли меньшевики и «оппортунисты»¹⁵.

В иных доносах звучит подлинное негодование. Один разгневанный гражданин, по-видимому молодой инженер, в 1936 г. в письме Н. И. Ежову¹⁶ просил «обратить внимание на возмутительные факты», касающиеся директора ленинградской фабрики «Красное знамя»: тот насмеялся над молодыми инженерами-коммунистами, над фабричным парткомом, помогал арестованным НКВД террористам и в довершение всего имел чуждое социальное происхождение – его отец был при старом режиме богатым купцом¹⁷.

Как и следовало ожидать, во многих доносах чувствуется личная злоба, хотя, несомненно, более искусные авторы умели ее скрывать. Но, пожалуй, гораздо больше, чем злоба на бытовой почве, смущает дух «юного мстителя», которым проникнуты некоторые доносы от бдительных подростков. Например, четырнадцатилетний сельский комсомолец в 1937 г. написал Сталину возбужденно-самодовольное и весьма кровожадное письмо о том, что в его районе до сих пор разгуливают на свободе местные троцкисты, не говоря уже о бандитах в лесах. Мальчик, жаждущий славы Павлика Морозова, хвастался, что уже «посадил» одного колхозного председателя¹⁸.

Во время Большого террора, как и в некоторые более ранние периоды русской истории, недонесение могло иметь очень серьезные последствия, особенно для коммуниста. Архивные дела 1937–1938 гг.

---

¹⁴ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2222. Л. 202–208.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 42. Л. 103.

¹⁶ Тому самому Ежову, который во время Большого террора возглавил НКВД. Однако этот донос был послан ему (лично), еще когда он работал в Комиссии партийного контроля.

¹⁷ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1570. Л. 216, 219.

¹⁸ См.: Там же. Д. 2226. Л. 78–79. Глагол «посадить» в его просторечном значении – «добиться чьего-либо ареста», к счастью, не имеет точного аналога в английском языке.

содержат много доносов, которые несомненно были продиктованы страхом или, по крайней мере, желанием обезопасить себя, а не подлинным чувством долга, возмущением или хотя бы злобой. Один такой донос в 1935 г. прислали Я. Б. Гамарнику, начальнику Политического управления Красной армии¹⁹. Он посвящен антисоветским разговорам на вечеринке, состоявшейся предыдущим летом. В присутствии автора (и «еще нескольких товарищей»), «подвыпив, Смирнов произнес фактически речь в защиту Зиновьева и особенно Троцкого». Он сказал, что «если бы Ленин был жив, то Троцкий и Зиновьев, Бухарин и др. были бы в Политбюро и работали бы на благо партии, что вообще колесо истории, вероятно, вертелось бы по-иному», назвал Троцкого «исключительно талантливым» и вообще вторым человеком в партии после Ленина. Замечания достаточно смелые, чтобы хоть один из слушателей пропустил их мимо ушей, а значит, остальные присутствовавшие, промолчав, могли навлечь на себя неприятности. Мотив самосохранения, руководящий автором письма, и отсутствие у него энтузиазма при выполнении своей задачи видны как на ладони: «Не могу, как член Партии, об этом не сообщить, несмотря на то, что это было на вечеринке, и несмотря на то, что Смирнов был в полупьяном состоянии». Конец письма сдобрен ноткой лицемерного пафоса: «для профессора диалектики» (каковым, по-видимому, являлся Смирнов), заключает автор, «такие разговоры даже в пьяном виде не к лицу».

Большой террор вызвал появление множества доносов о заговорах, а также о зловещих признаках и подозрительных связях, все значение которых, как писали авторы, стало им ясно только теперь. В Сибири полуграмотная работница совхоза написала в 1937 г. в обком партии, что чтение «всех этих статей т. Жданова, Вышинского»²⁰ заставило ее задуматься о лояльности парторга, который работал у них в совхозе в 1933 г.: его теща, приехавшая из Латвии, употребляла в разговоре дореволюционное обращение «господин», а сам он унаследовал шестьдесят долларов от какого-то латышского родственника²¹.

В начале 1937 г. один местный прокурор написал, что в связи с недавним самоубийством прокурора Ленинградской области Пальгова он только что вспомнил кое-что подозрительное: у Пальгова был друг по фамилии Нечанов, тоже прокурор, на которого жена то ли

---

¹⁹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 94.

²⁰ А. А. Жданов стал первым секретарем Ленинградского обкома после убийства С. М. Кирова. А. Я. Вышинский был прокурором на знаменитых показательных процессах против бывших лидеров оппозиции, проходивших в Москве в 1936, 1937 и 1938 гг.

²¹ ПАНО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 41. Л. 97.

донесла, то ли грозила донести как на троцкиста. Может быть, Пальгов и Нечанов вместе участвовали в каком-нибудь заговоре? Не этим ли объясняются самоубийство Пальгова и удивительно быстрое продвижение по службе Нечанова?²²

Один инженер донес на чиновника по фамилии Уралов, который отвечал за приобретение самолетов и распределение их по авиалиниям. Тот часто принимал неудачные решения, и автор письма не раз с ним конфликтовал. «В то время мне казалось, – писал инженер в ноябре 1937 г. в Политуправление Североморских авиалиний, – что Уралов просто невежда, профан и как инженер – не инженер, а сплошная безграмотность, но после обследования мною Тюменской авиалинии я проанализировал ряд фактов и пришел к выводу что Уралов – враг, вредитель»²³.

Порой о подобном озарении говорилось приподнято-торжественным тоном. «Я обвиняю ПОПОВЬЯНА, члена партии в 1918 г., как врага народа – троцкиста», – писала в свой партком в октябре 1937 г. коммунистка М. П. Грибанова. Она работала с Поповьяном, когда тот был главврачом больницы на острове Шпицберген, и припомнила, что Поповьян с женой имели весьма подозрительную встречу за закрытыми дверями с неким норвежцем, который явился в больницу в восемь часов утра: «Беседа велась по-английски, частично по-немецки – довольно тихо. Перед уходом ПОПОВЬЯН передал ему пакет, прибавил по-немецки, что, я не знаю»²⁴.

Иногда письмо дышало озабоченностью, чуть ли не отчаянием, из-за того, что явный враг доньне избегает разоблачения. «Мне непонятно, почему до сих пор ВАНЮШИН, С.П. пользуется почетом, уважением в нашей системе, кто ему покровительствует? – спрашивал обескураженный доносчик в мае 1938 г. – Я уже писал раз 8 в разные места, однако Ванюшин до сих пор почему-то остается неуязвим»²⁵. Учитывая приведенные в письме факты, а именно связи этого Ванюшина с видными партийными деятелями, которые были расстреляны как враги народа, действительно странно, что ему удалось остаться на свободе. Такие люди не только подвергались большой опасности сами, но и невольно представляли опасность для всех, кто их окружал. Видимо, поэтому автор доноса, скорее всего коллега Ванюшина, так стремился от него отделаться.

---

²² ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2478. Л. 25–26.

²³ РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 10. Л. 356–357. Выделено в оригинале.

²⁴ Там же. Л. 2.

²⁵ Там же. Д. 16. Л. 180–182.

Та же забота хорошо видна в одном из самых поразительных доносов, какие мне попадались, – в письме, написанном редактору «Правды» (Л. З. Мехлису) в 1936 г. комсомольцем, студентом Ленинградского технического института²⁶. Его «мучило», что другого студента его института Н. В. Китаева недавно восстановили в партии, хотя в партийных дебатах 1925–1926 гг. тот поддерживал Зиновьева и, хуже того, работал, а может быть, и дружил с одним из ленинградских оппозиционеров, расстрелянных за соучастие в убийстве Кирова: «Как можно паразиту, *рыдавшему всегда именем Ленина и стонавшему именем Сталина* (это не слова, т. Мехлис, а страшная действительность), как можно позволить оставаться ему в стенах института, как можно, т. Мехлис, согреть змею у себя на груди?» Поскольку его «так волнует» присутствие Китаева, пишет автор доноса, Мехлис мог бы заподозрить, что у него с Китаевым личные счеты: «Нет, т. Мехлис, много хуже, – 4 года до февраля 1935 г. мы преклонялись перед ним, как перед “настоящим партийцем”, хорошо политически развитым, активистом, выступавшим всюду и везде на собраниях, совещаниях, и везде он проводил цитаты из Ленина и Сталина и был в наших глазах (комсомольцев) воплощением *партийной совести, этики и партийности*». Автору больно вспоминать, как студенты института, комсомольцы, защищали Китаева несколько лет назад, когда того хотели исключить за академическую неуспеваемость. Былое восхищение теперь превратилось в ненависть: «После убийства Кирова он внушает мне животный страх, органическое отвращение, т. к. я раньше преклонялся, уважал его, так боюсь его теперь, жду от него какой-то страшной подлости, какого-то непоправимого вреда для всей страны. Если бы вы видели неподдельную радость всех нас... когда узнали после расстрела Зиновьева и Каменева о исключении его из института... нельзя, преступно давать ему закончить институт, ибо, т. Мехлис, его даже *лагеря НКВД не исправят*... Страшно жалею теперь, что он не сидел рядом со своим кумиром Зиновьевым и Каменевым [на суде, где им вынесли смертный приговор]».

О классовом происхождении

Классовое происхождение в качестве основания для доноса в равной мере пользовалось популярностью и у городского, и у сельского населения. Среди горожан (несколько неожиданно) беспартийные, кажется, чаще писали «классовые» доносы, чем коммунисты, и в сво-

---

²⁶ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1628. Л. 79–82.

их письмах нередко намекали, что партийные и государственные лидеры чересчур мягкотелы в классовом вопросе.

В значительной части «классовых» доносов попросту заявлялось, что некий член партии или ответственный работник имеет чуждое классовое происхождение и его надлежит исключить из партии либо снять с должности. Например, некий человек, представившийся беспартийным, в 1935 г. написал в Ленинградский обком, что в местном совете много классовых врагов (которых он назвал по именам): две дочери богатого кулака, арестованного и умершего в тюрьме, работают в отделе образования, дочь бывшего помещика – секретарь суда, есть кулаки в отделе сельского хозяйства и «не менее трех кулаков» в Госбанке²⁷.

От девяти «старых членов партии, участников гражданской войны» поступил более пылкий донос. Они написали в 1934 г. Молотову (см. рис. 8) о классовых врагах, которые занимают ответственные должности в крымской партийной организации: четверо купеческих сыновей; двое сыновей священников, причем один из них бывший царский офицер; трое сыновей мулл, из них один – ректор местного коммунистического вуза, и т. д. Все о них знают, но хранят молчание. Авторы не решились поставить под письмом свои имена, боясь возмездия. Если Молотов не отреагирует, писали они, «тогда придется обращаться к т. Сталину, если т. Сталин не примет мер, тогда нужно прямо во всеулышание сказать, что у нас власть не социалистическая, а КУЛАЦКАЯ»²⁸.

Сибирский шахтер донес секретарю обкома на председателя местного профсоюза, о котором узнал, что тот «сын крупного купца», женат на кулацкой дочери, в партию попал, изменив имя и скрыв свое подлинное лицо. «...Сволочь нужно убрать из профсоюза, – писал шахтер. – Если не примете меры, я напишу прямо в ЦК ВКП(б)»²⁹.

Подразумевающиеся в последних двух доносах угрозы нетипичны, но отнюдь не уникальны. Небольшая, однако заметная подгруппа доносчиков как будто получала удовольствие, страдая важного человека, которому адресовалось письмо, и/или намекая, что он (а может быть, и вся советская власть) разделяет с жертвой доноса ее грехи.

Лейтмотив многих «классовых» доносов – возмущение, что «они» (бывшие привилегированные и власть имущие, сохранившие при

²⁷ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 164–166.

²⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 27. Л. 172.

²⁹ ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 801. Л. 209.

новом режиме по крайней мере частичку своего могущества) «обращаются с нами как в старые времена». Когда в Сибирском управлении речного транспорта в 1930 г. проходила очередная чистка, несколько рабочих, помнивших эти старые времена, написали в комиссию по чистке донос на «буржуазных специалистов», наследие дореволюционной бюрократии. Эти люди до революции пороли матросов и арестовывали рабочих, утверждалось в письме. Они в 1918 г. добровольно служили колчаковскому правительству; они защищали контрреволюционеров. «Хитрый этот гражданин Мешков Гаврила, – писал один рабочий о специалисте, который возглавлял управление речного транспорта при царе, – но я гражданина Мешкова знаю с 1903 года... его поведение знаю как свои 5 пальцев». По словам этого автора, Мешков притворялся, будто верен советской власти, а на самом деле, как показывает его послужной список, готов был работать на любой режим – хоть царский, хоть колчаковский, хоть советский³⁰.

Работницы ленинградской трикотажной фабрики в 1931 г. прислали в газету донос на своего директора, бывшего предпринимателя (как они утверждали), окружившего себя людьми того же сорта. Этот «бывший хозяйчик», жаловались они, «по-зверски обращается с работниками, доводя до истерики, и он отвечает прямо как хозяйчик: “не нравится, можете уходить, я на ваше место возьму других!”»³¹

Группа крестьян, донося в 1938 г. на председателя своего колхоза, в том же духе вспоминала, что его отец, подрядчик, всегда эксплуатировал и обманывал бедняков: «Так отец Романенкова проводил все время до самой революции, а также издевался над людьми и бил, как фашистский подрядчик, об этом знают старики этого сельсовета, а сам сельсовет, как молодой, не знает этого»³².

Многие «классовые» доносы имели целью добиться конкретных правовых или административных санкций против объекта доноса. Например, некий член профсоюза, написавший в 1929 г. в Центральную избирательную комиссию, требовал лишить избирательных прав женщину, живущую по соседству с ним, поскольку она – не неквалифицированная работница, как утверждает, а бывшая монахиня, добывающая средства на жизнь торговлей иконами и крестами. Другой донос был прислан в 1933 г. в Комиссию по паспортизации, дабы

³⁰ ГАНО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 902. Л. 4–6.

³¹ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 1027. Оп. 2. Д. 860. Л. 52 об.

³² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 66–69.

воспрепятствовать выдаче паспортов лицам, которых автор объявил классово чуждыми³³.

Коммунисты, когда писали доносы по классовым мотивам, обычно стремились разоблачить другого партийца, скрывающего «чуждое» классовое происхождение. В одном таком письме (1935 г.) старый коммунист (участник Гражданской войны) доносил в областной комитет партии на коммунистку по фамилии Холмянская, проживавшую в Новосибирске. По имеющейся у автора информации, Холмянская утверждала, что вступила в партию в своем районе в 1922 г. Это невозможно, заявлял он, так как ему известно, что она сестра богатого торговца шерстью и кожей, который в Гражданскую войну воевал против красных и впоследствии был выслан. Поэтому она, очевидно, получила партбилет обманным путем и лгала о своем социальном происхождении. К тому же, добавлял автор, она наверняка до сих пор поддерживает связь с братом-капиталистом, в чьем доме росла и воспитывалась: «По сведениям, брат Холмянской в данное время тоже находится в Новосибирске и торгует папиросами в ларьке против гостиницы Советов»³⁴.

Особенная бдительность в отношении классовых врагов проявлялась в конце 1920-х – начале 1930-х гг., во время коллективизации, раскулачивания, экспроприации городских нэпманов, массовых арестов священников. Любой коммунист, достойный этого звания, чувствовал себя обязанным внимательно следить за местными «кулаками», подобно комсомольцу из Кунцево, в 1933 г. просившему районный отдел НКВД «обратить внимание на граждан, проживающих в деревне Усово, Степана Васильевича Ватусова и его жену Надежду Сенафантьевну», поскольку те, по его наблюдениям, вели себя как затаившиеся кулаки. До 1930–1931 гг. у них было единоличное хозяйство почти с пятью гектарами земли, которую они обрабатывали, эксплуатируя бедняков. Теперь земли отошли колхозу, но Ватусовы наживались, сдавая отдыхающим свой благоустроенный дом с пристройками. По всей видимости, у них и золото водилось, потому что они то и дело возвращались из Москвы со всевозможными покупками, которые, судя по оберткам, могли сделать только в Торгсине³⁵.

---

³³ ЦМAM. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 79. Л. 86–87; Ф. 3109. Оп. 2. Д. 2140 (благодарю Викторю Тяжелникову, предоставившую мне последний документ). О ходатайствах против лишения прав см.: Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003.

³⁴ ПАНО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 801. Л. 10.

³⁵ ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 62. Л. 125–126. В начале 1930-х гг. государственные магазины сети Торгсина продавали дефицитные товары только за твердую валюту, золото и серебро (не за рубли).

Некоторые «классовые» доносы кажутся упреждающими ударами со стороны людей, не чувствующих себя в безопасности ввиду собственного происхождения. Например, в доносе одного статистика на секретаря райкома в 1937 г. говорилось, что тот является сыном местного волостного писаря и сам работал писарем (порочащее свидетельство готовности служить старому режиму, хотя бы и в низкой должности), а часть своего дома сдал под коммерческую чайную. Автор добавлял, что этот человек распускал клевету насчет *его* социального происхождения³⁶.

Хотя Конституция 1936 г. как будто покончила с классовой дискриминацией, прежние классовые ярлыки и подозрения не были забыты и в конце 1930-х гг.³⁷ В 1938 г. бдительный житель деревни Максимовка Воронежской области, прочитав в газете о назначении В. С. Тюкова заместителем председателя Госбанка, понял, что в высшие государственные органы мог проникнуть классовый враг. Он написал Молотову, предупреждая, что это, возможно, Валентин Тюков (или его брат Виталий), сын крупного местного помещика Степана Тюкова, который внезапно исчез из их района со всей семьей около 1925 г.³⁸ Даже в декабре 1940 г., через несколько лет после того, как партия отказалась от классового критерия приема новых членов, один коммунист написал жалобу, что некто Михайлов, недавно ставший кандидатом в члены партии, недостойн быть коммунистом, так как его «родители б[ывшие] содержатели меблированных комнат и торговых бань в г. Тамбове»³⁹.

О злоупотреблении властью

Письма о злоупотреблении властью – одна из самых интересных категорий доносов сталинской эпохи⁴⁰. Они фактически находятся на грани между доносом (где основное внимание уделяется преступной деятельности другого лица) и жалобой (где акцент делается на

---

³⁶ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 15. Л. 3–8.

³⁷ См. выше, с. 60–63.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 65. Л. 53.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 28. Л. 395.

⁴⁰ Подробнее о письмах о злоупотреблении властью от крестьян см.: Fitzpatrick S. Readers' Letters to *Krest'ianskaia gazeta*, 1938 // Russian History. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 149–170. В архиве «Крестьянской газеты» (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10, 11) такие письма хранятся в папках под заглавием «Вредительство и злоупотребления в колхозах» (или что-нибудь подобное).

обиде, нанесенной автору). При советской власти, так же как и до революции, большинство писем о злоупотреблениях поступали от крестьян, хотя порой встречаются доносы подобного типа от горожан, направленные против представителей власти в небольших городках, директоров фабрик и т. д.⁴¹ Эти доносы, многократно упоминающие о бедности и беспомощности автора и вызывающие не к букве закона, а к естественной справедливости, представляют собой квинт-эссенцию «оружия слабых».

В отличие от крестьянских петиций 1905 г., проанализированных Эндрю Вернером⁴², советские письма о злоупотреблениях редко исходили от сельской общины в целом, хотя порой их подписывали несколько колхозников (но не больше пяти-шести). Однако столь же редко автор такого письма выступал исключительно от себя лично. Стандартная фраза: «Все колхозники возмущены». Часто автор называл имена других колхозников, которые уже жаловались властям на того же обидчика, или перечислял тех, кто поддержит его версию событий, или даже прикладывал к письму копию протокола колхозного собрания, вынесшего обидчику порицание⁴³.

Письма о злоупотреблениях 1930-х гг. имели не только дореволюционные, но и советские прототипы – сообщения, которые посылали в газеты сельские корреспонденты (селькоры) в 1920-е гг.⁴⁴ Однако к концу 1930-х гг. это движение сошло на нет. Среди сельских авторов писем в «Крестьянскую газету» в 1938 г. очень немногие именовали себя селькорами или демонстрировали типичное для селькора самоотождествление с советской властью и коммунистической партией, хотя значительная часть позаимствовала кое-что от стиля селькоровских сообщений, не один год печатавшихся в газетах, пользуясь советскими словечками вроде «разоблачить» и «вредитель», а порой давая своим письмам заголовки (например: «Кто расхищает колхозные средства?»). Большинство авторов писем о злоупотреблениях в конце 1930-х гг. были обычными крестьянами, у которых имелись претензии к руководству колхоза. Доносы они писали с целью добиться снятия с должности (а более мстительные – и ареста) председателя или бригадира.

---

⁴¹ См., напр.: ПАНО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 41. Л. 31–36; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 48. Л. 22–25.

⁴² См.: Verner A. M. Discursive Strategies in the 1905 Revolution: Peasant Petitions from Vladimir Province // *Russian Review*. 1995. Vol. 54. No. 1.

⁴³ См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 142. Л. 493, 496–497; Д. 161. Л. 128, 289.

⁴⁴ Подробнее о селькорах см.: Coe S. R. Peasants, the State, and the Languages of NEP: The Rural Correspondents Movement in the Soviet Union, 1924–1928: Ph. D. diss. University of Michigan, 1993.

В отличие от доносов о нелояльности или чуждом классовом происхождении, типичные доносы о злоупотреблениях не сосредотачиваются на единственном или главном качестве либо проступке своего объекта. Наоборот, здесь валяются в кучу все преступления, просчеты, ошибки, недостатки, темные пятна, какие только можно с той или иной степенью правдоподобия приписать обвиняемому (особенно такие, которые могут иметь серьезное значение в глазах вышестоящих инстанций). На первом месте в моей подборке стоит «обкрадывание» колхозников. Это, как правило, не воровство в обычном смысле слова, а, скорее, незаконное присвоение колхозных средств, на которое легко шли колхозные председатели и бухгалтеры: обсчет колхозников при начислении трудодней, конфискация их скота, незаконные штрафы и множество других форм поборов, обращение с колхозными лошадьми как с личной собственностью, снятие денег с колхозного счета в банке на личные нужды и т. д.

В одном доносе описывается, как колхозные руководители не давали заслуженному колхознику двадцать четыре килограмма муки, требуя в уплату его полушубок: «Эти отбросы кулачества сами берут хлеб, продают по 50 руб. за пуд, но труженики голодают. Товарищи, где же ваша бдительность? 20 лет сов. власти и творятся безобразия и террор над темной массой»⁴⁵.

На втором месте среди прегрешений, обличаемых в деревенских доносах о злоупотреблениях, стоит «зажим критики» – расхожее выражение, которое могло означать целый ряд проявлений произвола и тирании со стороны председателя: «Предколхоза Задорожный Ф. А. колхозникам на собрании не дает говорить, если кто чего-нибудь выступит и скажет, он, Задорожный, говорит, что ты срываешь собрание и ты не наш человек, колхозники из-за этого и не ходят на собрания, говорят так, что мы пойдем туда, если Задорожный не дает говорить и критику и самокритику он глушит»⁴⁶.

Авторы таких писем часто жалуются, что председатель к ним назначен из района, навязан колхозникам против воли. Не реже встречаются возмущенные рассказы о том, как председатели и бригадиры оскорбляют достоинство колхозников: издеваются над ними, унижают, бьют, ругают («пушит всех колхозников матом и не знает, как назвать хуже колхозников»)⁴⁷. Председателей также обвиняют в покровительстве родственникам и в пьянстве.

Быстро научившись пользоваться словом «кулак» для дискредитации колхозных председателей в глазах вышестоящего начальства,

---

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 158–159.

⁴⁶ Там же. Д. 86. Л. 71–73.

⁴⁷ Там же. Д. 161. Л. 84–87.

крестьяне не менее быстро подхватили излюбленные риторические обвинения эпохи Большого террора – «враг народа», «террорист», «троцкист»: «Печальное положение у нас в колхозе. Товарищи, ответьте нам, пожалуйста, где добиться правды. Мы часто читаем газеты и видим в них, какую большую подлость нанесли в нашем Советском Союзе враги народа, право-троцкистский блок, до каких больших размеров докатились, как вредили в сельском хозяйстве, сколько погибло лошадей, племенного скота... Сколько раз заявляли об этом своей местной власти, как правлению колхоза, а также и представителю сельсовета Савони, который сейчас разоблачен как враг народа, и начальник милиции Архипов тоже изъят органами НКВД... никаких результатов нет»⁴⁸.

Крестьяне поняли механизм обвинения на основании порочащих связей и часто им пользовались, когда районных руководителей – которых всегда можно было более или менее верно представить патронами нижестоящих начальников, председателей колхозов и сельсоветов – арестовывали как «врагов» в годы Большого террора. Вот, например: «Много раз я как селькор посылал сигналы председателю сельсовета Чистякову и в Большесольский район о вредительстве колхозного председателя и конюха, но они были глухи к моим сигналам. Теперь председатель райсовета Бугеев посажен в тюрьму как вредитель, пора взяться за всех остальных вредителей»⁴⁹.

Крестьяне, доносившие на своих председателей или других местных должностных лиц, хотели, чтобы те были наказаны, «получили по заслугам». Они просили вышестоящие инстанции «помочь очистить колхоз от этого жулья», «помочь раз и навсегда избавиться от этих преступников», «освободить нас от этих врагов народа, проникших в колхоз»⁵⁰. Авторы некоторых писем прямо просили снять своих обидчиков с должности или отдать под суд⁵¹. Одна женщина, которая уже послала материал на председателя своего колхоза в местный отдел НКВД, особенно настаивала на необходимости его ареста. Власти обязательно должны, писала она, «расспросить колхозников на месте, разоблачить Бакаляева как врага народа, уволить его с работы, судить и убрать из колхоза»⁵².

---

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 65. Л. 212–214.

⁴⁹ Там же. Д. 161. Л. 29–32. См. также: Там же. Д. 142. Л. 173–177.

⁵⁰ Там же. Д. 26. Л. 137–139, 158–159; Д. 87. Л. 125–126, 281–284; Д. 161. Л. 203–204; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1570. Л. 49.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 142. Л. 141–142; Д. 161. Л. 84–89.

⁵² Там же. Д. 161. Л. 84–89.

Доносы от членов семьи и ревнителей нравственности

Судя по громкой славе «подвига» Павлика Морозова, можно предположить, будто доносы одного члена семьи на другого в сталинской России стали обычным делом, однако архивы 1930-х гг. дают мало свидетельств в пользу этой гипотезы. Конечно, есть отдельные случаи внутрисемейного доносительства. Но в общем и целом этот жанр блистательно отсутствует. Таким образом, данный раздел, по сути, – рассказ «о собаке, которая не лаяла».

В архивах 1930-х гг. много писем «по семейным вопросам», которые *не* являются доносами⁵³. Родители часто просят оказать детям медицинскую помощь, принять их в техникумы и вузы или поместить в детский дом (поскольку у них не хватает средств, чтобы их кормить). Есть письма от жен, умоляющих разыскать пропавших мужей и заставить их платить алименты, есть письма-«исповеди», в которых женщины рассказывают далекому представителю власти (обычно региональному партийному руководителю) о своих страданиях из-за неверности или ухода супруга. В конце 1930-х гг. в архивы попало огромное количество ходатайств и запросов от жен, чьи мужья были арестованы, вместе с такими же письмами от мужей, родителей и детей жертв. Авторы таких писем почти всегда уверяют адресатов в невинности арестованных родственников и молят освободить их.

Письма последнего типа, возможно, дают нам разгадку немногочисленности доносов на членов семьи. Читая их, трудно не почувствовать, что, вопреки теории «атомизации» Ханны Арендт⁵⁴, советский террор не ослабил, а укрепил семейные узы в России⁵⁵. Существовали, впрочем, и практические соображения, не позволявшие доносить на близких родственников ни в годы Большого террора, ни раньше, во время террора в деревне, связанного с раскулачиванием. Если один член семьи был раскулачен или заклеен как «враг народа», страдала вся семья. В начале 1930-х гг., когда ссылали кулаков, их семьи отправляли в ссылку вместе с ними. В конце

⁵³ Подробнее о них см. выше, гл. 9.

⁵⁴ См.: Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York, 1951.

⁵⁵ Интервьюруя послевоенных беженцев из Советского Союза в рамках Гарвардского проекта, исследователи обнаружили, что, по мнению большинства респондентов из всех социальных слоев, «в советских условиях семья стала сплоченнее», а не наоборот. Такой ответ особенно часто давали те, у кого близкие родственники были арестованы органами внутренних дел. См.: Inkeles A., Bauer R. A. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. New York, 1968. P. 211–213.

1930-х гг. в ГУЛАГе появились специальные лагеря для «жен изменников родины»⁵⁶.

Разумеется, нет правил без исключений. В 1927 г. жена помощника прокурора с Украины написала Сталину, жалуясь на оскорбления, которые она терпит от супруга, после того как донесла на него как на оппозиционера, участвовавшего в подготовке вооруженного восстания (!)⁵⁷. В 1938 г. разъяренный бывший муж, которому суд при разводе не отдал малолетнюю дочь, написал в секретариат Калинина, обвиняя бывшую жену в распущенности и в том, что ее любовник арестован как враг народа⁵⁸.

Бывшие супруги, конечно, составляют особую категорию. У многих людей остается обида на бывшего мужа или жену, и донос – один из способов свести счеты. Эта мысль, очевидно, приходила и кое-кому в советском пропагандистском аппарате. В середине 1937 г., сразу после тайного военного суда над маршалом Тухачевским, генералом Якиром и другими командующими Красной армии, «Правда» объявила: «Редакцией “Правды” получено письмо от бывшей жены Якира, осужденного по делу военно-шпионской группы, в котором она отрекается и проклинает своего бывшего мужа, как изменника и предателя родины»⁵⁹. Это, по всей вероятности, должно было послужить примером другим, так же как история Павлика Морозова. Однако спустя год газета изменила тон и осудила «ложные» (т. е. написанные по злобе) доносы от бывших супругов⁶⁰. Возможно, здесь сыграло роль неприятие предложенной инициативы в народе, а не чрезмерный поток доносов, поскольку никаких следов подобного потока в архивах не обнаруживается, даже в разгар Большого террора⁶¹.

---

⁵⁶ Хорошее описание такого лагеря см.: Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989. С. 9–23.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 492. Л. 37.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 29. Д. 312. Л. 12–13.

⁵⁹ Правда. 1937. 18 июня. С. 6. Объявление было дано в разделе хроники. Текст письма «Правда» не напечатала. По словам жены Бухарина, Анны Лариной, встретившейся с Саррой Якир в лагере, та была ошеломлена этой публикацией и уверяла, что это чистой воды фальшивка: Ларина А. М. Незабываемое. С. 157–158.

⁶⁰ См., напр., заметку в «Правде» (1938. 8 июня. С. 6) о «ложном доносе» одной бывшей жены и ее брата, обвинивших экс-супруга в том, что тот во время зарубежной поездки продал свой паспорт иностранцам.

⁶¹ Я не нашла доносов, открыто написанных бывшими супругами. В ленинградском партийном архиве есть несколько писем, которые, судя по некоторым признакам, вышли из-под пера бывших жен или отвергнутых любовниц, но авторы себя таковыми не признают. См., напр., донос на мужчину-коммуниста от женщины, обвиняющей его в том, что он бывший троцкист, и в других прегрешениях: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1516. Л. 74.

Экс-супруг тоже удерживало от доносов на бывших мужей чувство самосохранения: арест «врага народа» мог иметь пагубные последствия не только для его новой жены и детей, но и для бывших жен, и даже для их родственников и новых мужей.

Что касается примера Павлика Морозова, то, конечно, находились «юные мстители», которые охотно и без особых колебаний строчили доносы, надеясь прослыть героями (см. выше, с. 243), но даже претенденты на славу Павлика, как правило, не писали о собственных отцах и матерях. Встречавшиеся мне доносы этого типа метили в людей из окружающего коллектива – соседей, учителей, школьных товарищей⁶².

Хотя добровольные доносы детей на родителей в письменном виде были редкостью, однако во время Большого террора детей школьного возраста не так уж редко заставляли публично отрекаться от арестованных родителей – «врагов народа» на школьных и комсомольских собраниях. Иногда, как в случае с Якиром, такие отречения появлялись в печати. Но подобная практика, очевидно, не пользовалась в народе одобрением. Республиканская газета «Красная Татария» весной 1938 г. выступила с резким протестом против нее, несмотря на официальную поддержку культа Павлика Морозова. Поводом послужила публикация в более мелкой местной газете письма молодого человека, который обличал своего отца, сельскохозяйственного рабочего, как «врага народа» за то, что тот украл корма из совхоза, где работал. «Весь тон письма явно фальшивый... – замечает «Красная Татария», прозрачно намекая, что районная газета сфабриковала письмо или вынудила автора написать его. – Это письмо не вызвало одобрения читателя. Оно лишь морально раздавило несчастного отца. Шутка ли, родной сын всенародно называет своего отца врагом и отказывается он него»⁶³.

Порой в архивах попадаются доносы на родственников со стороны мужа или жены, но в большинстве случаев они явно продиктованы стремлением защитить себя. Один коммунист в 1930 г. донес на тестя, бежавшего из деревни и пытавшегося найти убежище в его городской квартире, как на кулака. Сделал он это неохотно, и ему пришлось пожалеть об этом, возмущенно писал он семь лет спустя, когда в 1937 г. его за «кулацкие связи» (т. е. отношения с тестем) исключили из партии⁶⁴.

---

⁶² См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2226. Л. 78–79; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 335. Л. 29; Оп. 82. Д. 94. Л. 19.

⁶³ Красная Татария. 1938. 5 апр. С. 2.

⁶⁴ ПАНУ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 542. Л. 140–141. См. также нечто похожее на донос на тестя, недавно арестованного НКВД, от одного из стенографистов Молотова: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 56. Л. 22.

Письма от женщин по поводу неуплаты им мужьями алиментов, так же как «исповеди» брошенных жен, иногда содержали элементы доноса, но главная цель у них была другая. За редкими исключениями, в таких письмах нет просьб о наказании блудного супруга. Авторы писем об алиментах хотели получить деньги⁶⁵, авторы «исповедей» просили о моральной поддержке, понимании, о личной встрече с адресатом. Несомненно, женщины в 1930-е гг. не придавали своим письмам форму доносов, потому что режим тогда еще не проявлял склонности карать людей за аморальное поведение. Правда, закон против абортотворцев 1936 г.⁶⁶ предусматривал небольшие сроки заключения за неуплату алиментов и повышал плату за развод, но сам развод «без вины сторон» по-прежнему разрешался. После войны, когда был принят более строгий закон о разводах, требующий доказательства вины одной из сторон, письма от брошенных жен быстро приобрели характер доносов⁶⁷.

Вопросы нравственности не слишком волновали советское общество в 1930-е гг., судя по тому, что в доносах они поднимались сравнительно нечасто. После 1936 г., когда аборт или принуждение женщины к аборту стали уголовными преступлениями, каравшимися тюремным заключением, появилось небольшое число доносов, касавшихся этой темы: например, в доносе 1938 г. на колхозного председателя из Курской области содержалось обвинение в том, что он заставил свою жену сделать аборт, отчего та умерла⁶⁸.

Хотя мужской гомосексуализм в 1934 г. был объявлен вне закона, мне не попадались доносы по поводу этого или каких-либо других сексуальных «извращений». По-видимому, единственное сексуальное преступление, которое интересовало авторов доносов, – женская половая распущенность. О женщинах-администраторах или женах администраторов нередко писали, что они имеют любовников, оказывают им благодеяния и продвигают по службе. Авторы этих писем следуют привычному стереотипу «Екатерины Великой»: по их мнению, власть женщины неразрывно связана с необузданными сексу-

---

⁶⁵ Одно исключение – письмо 1934 г. от обманутой и брошенной жены коммуниста, которая, хоть и отметила, что муж ей ничего не платит на ребенка, как будто больше была заинтересована не в материальной помощи, а в том, чтобы добиться его наказания или, по крайней мере, испортить ему репутацию. См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 769. Л. 78.

⁶⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортотворцев... усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» (Известия. 1936. 28 июня).

⁶⁷ См. гл. 12 этой книги.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 87. Л. 207.

альными аппетитами, и то и другое заслуживает осуждения как нечто противоестественное. «...Вся система разговоров о моем прошлом направлена к тому, чтобы дискредитировать меня, как руководителя», – писала партийная работница, жалуясь на доносы, ложно обвинявшие ее в любовных связях с коллегами-мужчинами⁶⁹. В одном анонимном доносе, который в 1935 г. печатными буквами написал «работник райкома», речь идет не о любовниках. Он посвящен чрезмерному сексуальному влиянию женщины на мужа, возглавлявшего районный комитет партии, где она сама работала: «Золина является второй женой Касимова, а поэтому все сотрудники райкома находятся в руках Золиной, а если кто не понравится ей, то под влиянием сладкой минутки на кровати только стоит сказать Касимову, и на второй же день будет выполнена просьба Золиной, сотрудники должны страдать... Необходимо повести борьбу против полового разврата в организациях и удалить Золину из райкома»⁷⁰.

Женщины редко доносили на мужчин за сексуальные домогательства (если воспользоваться анахроничным термином). В архиве «Крестьянской газеты», к примеру, очень мало доносов от крестьянок, обвиняющих местных должностных лиц в принуждении к вступлению в половую связь, хотя из других источников мы знаем, что это было отнюдь не редкое явление⁷¹. Один из немногих примеров – яркое описание попытки изнасилования крестьянки Суслоевой местным чиновником по фамилии Павленко: «2 марта 38 г. приехал в станицу Даховскую, напился пьяный, часов в 8 вечера пришел на квартиру к Суслоевой Елене и говорит: “Иди в становой совет, вызывает тебя НКВД”. Женщина испугалась, спрашивает зачем. Он отвечает, оттуда не вернешься, а на пути говорит, все в моих руках, могу спасти тебя. Сусллова стала просить его, он набрасывается на нее и начинает безобразничать. Сусллова стала защищаться и стала просить его. Если ты упираешься, говорит Павленко, то будет хуже, посадим... Сусллова, несмотря на угрозы Павленко, всячески старалась бежать к дому. Он ее ловил, терзал, пытаясь изнасиловать. Сусллова продолжала кричать и защищаться. Павленко, видя, что он проигрывает, хватает Сусллову и хотел ее бросить в колодезь, но потому, что был пьяный, поскользнулся и упустил добычу. И Сусллова прибежала в квартиру вся избитая, после чего лежала в постели с опухшими руками, в синяках.

---

⁶⁹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1514. Л. 28–30.

⁷⁰ Там же. Д. 1518. Л. 62.

⁷¹ См., напр., показания, взятые сотрудниками НКВД у пяти колхозниц в рамках более широкого расследования по делу их председателя: Smolensk Archive. WKP 355. 48.

А к Павленко мер не принято... Я, Суслова, прошу редакцию Крестьянской Газеты помочь мне хулигана привлечь к ответственности»⁷².

Использование доноса с целью манипуляции

Советское государство очень чутко реагировало на доносы, а значит, легко поддавалось манипуляциям со стороны доносчиков, преследовавших личные цели. Региональные администраторы хорошо понимали, что крестьяне пользуются доносами друг на друга как оружием в деревенских распрях⁷³. «Крестьянская газета» разоблачила прекрасно продуманную мошенническую схему, в основе которой лежала практика доносов о «злоупотреблении властью». Два белорусских афериста вступили в краснодарский колхоз и принялись дискредитировать председателя. Они подбивали колхозников критиковать его на собраниях, а затем, используя полученные таким образом данные, писали весьма правдоподобные и обстоятельные доносы о «злоупотреблениях». Их цель заключалась в том, чтобы добиться снятия председателя, посадить на эту должность своего человека и с его помощью прибрать к рукам колхозные средства⁷⁴.

К манипуляциям путем доносов прибегали также деятели науки и культуры. Для этой среды были характерны интенсивная фракционная борьба, а также тесные клиентско-патронские отношения между ведущими представителями тех или иных специальностей и политическими лидерами. Как доносы использовались в качестве оружия во фракционных стычках советских архитекторов, хорошо показал на архивном материале Хью Хадсон⁷⁵. Донос молодого математика-коммуниста из Московского университета на физика П. Л. Капицу, хотя на письме стоит послевоенная дата, проникнут воинственным духом культурной революции начала 1930-х гг. Капица, на которого с подозрением поглядывали многие коллеги, коммунисты и «почвенники», из-за его работы в Кембридже в 1921–1934 гг., обвиняется в том, что возглавил прозападную клику, монополизировавшую все средства и посты в физике. Эта клика, дескать, открыто выражает антисоветские взгляды и с презрением относится к совет-

---

⁷² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 66. Л. 180.

⁷³ См.: Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. С. 290–292.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 67. Л. 219. О похожем случае см.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1534. Л. 105, 109.

⁷⁵ См.: Hudson H. D., Jr. Terror in Soviet Architecture: The Murder of Mikhail Okhitovich // Slavic Review. 1992. Vol. 51. No. 3. P. 455, 462–463.

ским физикам, не принадлежащим к ней, особенно коммунистам и патриотам, выходцам из низов и не таким космополитам, как Капица и его друзья. Тот факт, что высокопоставленный представитель власти отмахнулся от обвинений, в принципе весьма правдоподобных, сочтя донос не более чем плодом профессиональной вражды и соперничества, как нельзя лучше показывает, насколько высок был авторитет Капицы в глазах партийной верхушки⁷⁶.

Театры, особенно Большой в Москве и Кировский в Ленинграде, печально прославились размахом доноительства, процветавшего в их стенах. «Анонимные письма о балетной труппе театра им. С. М. Кирова поступают почти ежедневно в различные организации», – констатировал ленинградский чиновник в докладной записке Жданову в 1940 г. В московских архивах агитпропа содержится множество писем от ведущих актеров, актрис, оперных певцов и певиц с доносами на режиссеров, которые их обижали и не давали им подходящих ролей⁷⁷.

Наилучшим примером манипулятивного использования доносов служат «квартирные» доносы. В бывшем Советском Союзе, даже теперь, выражение «квартирный донос» понятно всем без долгих объяснений. Оно сразу заставляет вспомнить о перенаселении, от которого десятилетиями страдали советские города – особенно с начала 1930-х до 1960-х гг. В то время квартиры, когда-то принадлежавшие одной семье, стали «коммунальными» – по комнате на семью, кухня и ванная общие для всех обитателей. «Квартирный» донос – это донос одного соседа на другого, зачастую мотивированный желанием увеличить свою жилплощадь.

В 1933 г. донес на своих соседей некто И. А. Леонтьев, житель дома № 19 по Большому Спасоболванскому переулку в Москве⁷⁸. В этом маленьком доме жили восемнадцать семей. Обычно квартирные доносы метили в кого-то одного или, по крайней мере, в одну семью, но Леонтьев предпочел неприцельную стрельбу и вывалил имеющуюся у него порочащую информацию на всех без исключения. Е. М. Дмитриева, бывшая владелица дома, продолжавшая жить в нем

---

⁷⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 361. Л. 19–31, 37–49 (отдел агитации и пропаганды ЦК). Комментарии по поводу доноса принадлежат С. В. Кафтанову, председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы. Документы относятся к 1945–1946 гг. Наверное, похожие доносы могли бы найтись в архивах агитпропа 1930-х гг., но в РГАСПИ этих архивов нет – возможно, они пропали во время войны.

⁷⁷ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 226. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 33–35, 51–54 (письма 1941 и 1943 гг.).

⁷⁸ ЦМАМ. Ф. 1474. Оп. 7. Д. 79. Л. 86–87.

после национализации, лишена избирательного права как буржуйка. Несколько других жильцов, родственники Дмитриевой, относятся к той же «чуждой» классовой категории. Е. И. Трегубова, бывшая лишенка, стала председателем домового комитета, дабы оказывать покровительство своим подозрительным родственникам, тоже жильцам дома; В. Н. Суслин, конторский работник, скорее всего, происходит из семьи священника; З. Е. Экштейн, безработный, «по-видимому, чем-то торгует (надо проверить)»; В. Г. Шеншев, государственный служащий, «имеет буржуазные наклонности, особенно его жена» и т. д. и т. п. Леонтьев адресовал письмо Комиссии по паспортизации, которая в то время (март 1933 г.) давала жителям столицы внутренние паспорта и городскую прописку, а заодно чистила городское население от «социально чуждых элементов».

В другом случае два коммуниста, муж и жена, написали каждый по доносу на человека по фамилии Володарский, тоже коммуниста, когда-то жившего в их квартире и продолжавшего сохранять там за собой комнату. Когда эти письма показали самому Володарскому, тот объявил их результатом запутанного конфликта из-за жилплощади. По его словам, соседка хотела поселить в его комнату свою сестру и предложила ему обмен, но он отказался, чем испортил отношения с обоими супругами. Потом он нашел новую работу в другом месте и переехал, фактически оставив комнату в распоряжении соседей, однако по-прежнему имея законные права на нее. Тогда уже он попытался устроить обмен, благодаря которому в квартире появился бы новый постоянный жилец, – отсюда и доносы, заключает Володарский⁷⁹.

Красноречивым свидетельством силы квартирных склок служит просьба, направленная в 1939 г. А. Я. Вышинскому, заместителю председателя Совнаркома и бывшему прокурору СССР. Автор ее – московская учительница, мужа которой приговорили к восьми годам за контрреволюционную агитацию. Эта семья (муж, жена и двое сыновей) девятнадцать лет жила в сравнительно большой (42 квадратных метра) комнате в московской коммуналке. «На протяжении всех этих лет наша комната была яблоком раздора для всех жильцов нашей квартиры», – пишет учительница. Доносы от соседей нескончаемым потоком шли в различные местные инстанции. В итоге семью лишили избирательного права, затем взрослым ее членам не выдали паспортов, и, наконец, мужа арестовали как контрреволюционера, а остальным пришлось отбиваться от приказов о выселении. Когда Вышинский затребовал докладную по этому делу, прокуратура при-

---

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 9. Л. 82–88. Соседка обвиняла Володарского в троцкизме, ее муж – в распущенном образе жизни.

знала, что источником всех неприятностей семьи учительницы являются доносы от враждебно настроенных соседей, однако, по словам прокурора, враждебность соседей как раз и объяснялась антисоветским поведением данного семейства⁸⁰.

Секретность

Долю анонимок среди доносов точно подсчитать трудно, но в любом случае она на удивление мала. Судя по журналам регистрации входящих писем середины 1930-х гг. в секретариате Ленинградского обкома партии, от анонимных авторов приходило менее одного письма на тысячу⁸¹. Это намного меньше, чем в почте «Крестьянской газеты» за 1938 г., – там анонимки составляют около 20 %⁸². Следует, правда, принять во внимание, что некоторые письма подписывались вымышленными именами, т. е. по сути тоже являлись анонимками⁸³. Но даже с учетом таких писем анонимные доносы представляют собой исключение, а не правило.

Доносчики подписывали письма главным образом потому, что это добавляло их обвинениям убедительности. «Мы просим это [изложенное в письме] рассмотреть не как анонимку, а как действительность», – писал коллектив авторов, не назвавших своих имен⁸⁴. Авторы анонимных доносов часто выражали опасение, что их письма, как анонимки, не будут приняты всерьез, хотя на основе имеющихся архивных материалов трудно понять, так ли это было на самом деле. Например, секретариат Жданова в Ленинграде, по всей видимости,

---

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 94. Л. 207–209.

⁸¹ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2г. Д. 13. Л. 3, 12–14; Д. 46. Л. 31–77. Категория «писем» включает просьбы, жалобы и другие типы писем от граждан, не только доносы.

⁸² Восемнадцать из девяноста четырех доносов (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10; подсчитано Гольфо Алексопулосом). Беглый обзор архивов «Крестьянской газеты» конца 1920-х гг. (Там же. Оп. 6, 7) показывает, что по неустановленным причинам в то время анонимные письма встречались чаще, чем десятилетие спустя.

⁸³ См., например, донос 1939 г., подписанный «А. Митрофановым» (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 154. Л. 2). Как свидетельствует сопроводительная записка, расследование НКВД установило, что Митрофанов не писал этого письма, автор которого так и остался неизвестным. См. также: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1534. Л. 105–109 (письмо подписано именем одного колхозника, но в действительности написано двумя другими без его ведома).

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 27. Л. 172. См. также: Там же. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2070. Л. 4.

не делал разницы между анонимной корреспонденцией и подписанными письмами⁸⁵.

Некоторые авторы чувствовали неловкость из-за своей анонимности, подобно человеку, писавшему в 1933 г. московским городским властям по поводу неких финансовых махинаций: «Вынужден писать анонимно по следующей причине – я не трус, но это мое второе письмо в ОГПУ за 1933 год, и после первого письма меня в порошок стерли, хотя я оказал республике большую услугу. Я до-сыта нахлебался оскорблений и решил не писать своего имени. Если сами отгадаете – могу только поздравить»⁸⁶. Анонимные доносчики часто обещали открыть свое имя, как только увидят, что по их доносу принимаются меры⁸⁷. «Эх! Михаил Иванович! – по-свойски советовал Калинину в 1937 г. «пока неизвестный», сообщивший ему о террористическом заговоре против Микояна. – Проверьте, и, когда эта группа будет фигурировать в печати, я явлюсь и буду разоблачать»⁸⁸.

Большинство анонимных авторов вроде бы стремились избежать внимания НКВД, но некоторые положительно его искали. «Пока до дальнейшей работы с вами, и буду писать Вам фамилию и все», – уверял анонимный доносчик, заявивший, будто раньше служил осведомителем, не говоря уже о том, что помогал Кирову ловить белых в Астрахани и вообще имеет революционные заслуги «с 1888 г.»⁸⁹ Этот автор, видимо, надеялся, что ему предложат работать секретным сотрудником НКВД, который действительно вербовал осведомителей среди авторов анонимок. В одном подобном случае (о нем есть мимолетное упоминание в архиве Молотова) таковым стал студент вуза, чьи последующие донесения – так же как, скорее всего, и первоначальный донос – к большой досаде чекистов, оказались ничего не стоящими фантазиями⁹⁰.

Несмотря на то что большинство авторов доносов подписывались своими именами, секретность оставалась одной из их главных забот. На некоторых письмах отправителями поставлена пометка «секретно» или «совершенно секретно». Многие доносчики заявляли, что боятся мести, тем более если объектами доносов были их начальни-

---

⁸⁵ См.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518 (дело 1935 г. с анонимными письмами первому секретарю Ленинградского обкома партии).

⁸⁶ ЦМАМ. Ф. 3109. Оп. 2. Д. 2140.

⁸⁷ См.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 27. Л. 172.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2070. Л. 4.

⁸⁹ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 945. Л. 3 (курсив мой).

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 5446с. Оп. 81а. Д. 94. Л. 19 (докладная 1939 г.).

ки⁹¹. Крестьяне, доносившие на колхозных председателей и других представителей сельской администрации, особенно беспокоились на этот счет (и, как мы увидим, не без оснований). Хотя их письма обычно подписаны, но изобилуют тревожными предостережениями: не сообщайте имена в район, там скажут колхозному начальству, и «нас выгонят из колхоза»; «адрес на меня не пишите, потому что Доронины перехватывают»; «просьба только не выяснять мою фамилию и отчество и имя, иначе мне будет плохо»⁹².

Последствия

В марте 1936 г. в Стародубский райотдел НКВД поступил донос на начальника местной тюрьмы Георгия Молоткова, офицера НКВД и члена партии с 1918 г.⁹³ По словам автора, встречавшегося с Молотковым на отдыхе, тот в случайном разговоре клеветал на ряд сотрудников НКВД (перечисленных по именам), называя их «фашистами», недостойными своих постов. Кроме того, Молотков упомянул, что у него в Москве есть подруга Катя, которая работает поварихой в каком-то иностранном консульстве, и через нее он познакомился с консулом и его женой.

Этот донос инициировал весьма сложный процесс. Перво-наперво стародубская партийная организация решила, что Молотков – подозрительная личность, и временно исключила его из партии. Поскольку тогда шел обмен партбилетов (т. е. чистка партийных рядов), ему просто не выдали новый. Затем, поскольку у Молоткова больше не было партбилета, его уволили из НКВД. Причин ему никто не объяснял. Он пришел к правильному выводу, что стал жертвой доноса, но неверно вычислил доносчика: предположил, что это Стриго, начальник Стародубского райотдела НКВД, и что донос как-то связан с расследовавшимся тогда делом о неправомерном заключении в тюрьму. В результате он отправил в Москву Ежову собственный контрдонос, обвиняя Стриго в этом и в других похожих инцидентах.

---

⁹¹ Одно из подобных заявлений в анонимном доносе на директора завода, подписанном: «рабочий производства», см.: ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 8.

⁹² РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 128. Л. 66–69, 158–159, 262. См. также: Там же. Д. 65. Л. 212–214; Д. 86. Л. 71–73; Д. 87. Л. 281–284; Д. 142. Л. 40–41; Д. 161. Л. 289.

⁹³ Smolensk Archive. WKP 355. 10–11. В документах дается два варианта имени Молоткова – Георгий и Сергей, но отчество везде одно и то же – Григорьевич.

Главное управление НКВД стало проверять Молоткова и обнаружило в его деле кое-какие темные пятна, включая выражение недовольства жизнью в Советском Союзе и восхваление «порядков и жизни за границей» в присутствии беспартийных. Но больше всего проверяющих явно беспокоили Катя и ее иностранные работодатели: «Мы придаем очень серьезное значение полученным материалам о связях Молоткова с одним иностранным консульством в Москве». В итоге было принято решение, что Молотков больше работать в НКВД не должен.

Другую столь подробную документацию о расследовании доноса и его результатах найти трудно. Часто в архивном деле совсем не бывает сведений о том, какие по доносу принимались меры и принимались ли вообще. В иных случаях вся информация заключается в пометке на полях, свидетельствующей о первоначальном этапе бюрократической процедуры: «архив» (т. е. оставить без последствий), «переслать в НКВД», «переслать прокурору» или «запросить райком».

Архив «Крестьянской газеты» – один из лучших источников информации о последствиях доносов, поскольку газета старательно отслеживала реакцию на доносы и жалобы. Ее статистика обработки писем показывает, что из каждых семи доносов, поступавших в «Крестьянскую газету» в середине 1935 г., один приводил к успеху (т. е. к наказанию лица, о чьих прегрешениях говорилось в письме), один оканчивался неудачей для автора, а пять остальных не приносили особых результатов⁹⁴. Это соотношение, пожалуй, верно не для всех доносов: если речь шла о письмах о «злоупотреблениях» от крестьян, то чрезвычайно высока была вероятность, что они будут иметь печальные последствия прежде всего для их авторов. Тем не менее сами три типа исхода дела универсальны. Успешный исход означал увольнение объекта доноса с работы, исключение из партии, арест, уголовное преследование либо и то, и другое, и третье, и четвертое вместе. Например, сибирский инженер, на которого по отдельности донесли в 1930 г. двое рабочих, не смог пройти очередную чистку и, по-видимому, лишился работы. Заведующего отделом ЦК, обвиненного в 1937 г. в снисходительном отношении к троцкизму, немедленно сняли с должности. Колхозного председателя, злоупотреблявшего властью, после того как на него донесли колхозники, уволили с работы, исключили из партии и в конце концов арестовали. Банда хулиганов, терроризировавших колхоз, в результате доноса одного из колхозников попала под суд. По доносу на колхозного бухгалтера была проведена проверка финансовой документации

---

⁹⁴ См.: Fitzpatrick S. Readers' Letters to *Krest'ianskaia gazeta*, 1938. P. 165.

11 10/11/37

вд

Тамбовская обл.
Вессоновский р-н
Председателю РККа лично

Копия - Райпрокурору.

Посылаем вам копию письма комсомольца тов. Ермолова И.А. / к-з "Завет Ильича" сел. Степановка/.

В письме автор сообщает, что рядом лиц на кассы колхоза взято около 7000 рублей, которые до сих пор не возвращены.

Предколхозах, а также хозяйством в р-н бригадиров пьянствуют. В колхозе баская ответственность и злоупотребления.

Просим срочно проверить факты по письму и о данных развее и принятых мерах сообщить редакция.

Замыслив автора письма просим не разглашать.

Зав. сектором отд.
селькорев и писем:

/Вейникович/

Отв. инструктор:

Голодецко

/Голодецко/

Рис. 9. «Просим срочно проверить факты по письму...» Письмо от «Крестьянской газеты» председателю райисполкома и районному прокурору с просьбой проверить донос и принять меры, 1937 г. (РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 142. Без паг.)

колхоза. Один «многоцелевой» анонимный донос на классовых врагов в райсовете в 1935 г. увенчался впечатляющим успехом: по крайней мере четыре человека потеряли работу после расследования, немедленно проведенного НКВД⁹⁵.

Самый простой неудачный исход доноса – расследование, оканчивающееся выводом о необоснованности обвинений. Возьмем, к примеру, анонимный донос 1934 г., предположительно от рабочего Путиловского завода, на бригадира строителей как на «бывшего подрядчика и эксплуататора». Заводской парторг, на чье рассмотрение поступили эти обвинения, сказал, что они не имеют под собой оснований, и дело прекратил. Донос работницы на заведующую яслями по поводу ее халатного отношения к своим обязанностям и плохого обращения с детьми в 1935 г. проверялся и был найден малообоснованным, хотя проверяющий признал, что заведующая бывает резка и груба; судебного дела заводить не стали. Заявление Сусловой о попытке изнасилования (см. выше, с. 259–260) местный прокурор также отклонил. Впрочем, в данном случае непонятно, проводилось ли настоящее расследование: главный вывод, о котором прокурор сообщил «Крестьянской газете», заключался в том, что «сама Сулова является женой врага, изъятого органами НКВД», – стало быть, ее жалоба не стоит внимания⁹⁶.

Обвинения, выдвигавшиеся колхозниками против своих председателей в письмах в «Крестьянскую газету», частенько отменялись после проверки в местных инстанциях, куда газета их передавала. Вдобавок доносы на местных руководящих работников порой давали обратный эффект, приводя к наказанию автора письма вместо обличаемого лица⁹⁷. Крестьяне, писавшие о «злоупотреблениях», нередко подвергались уголовному преследованию за воровство, забой скота без разрешения и тому подобные экономические преступления, но существовала и специальная уголовная статья, применявшаяся в случае ложного доноса: о клевете. Ленинградец, который донес на соседей-коммунистов, называя их «кулаками» и «зиновьевцами», уже имел судимость за клевету на тех же соседей и, видимо, такого же

---

⁹⁵ ГАНО. Ф. 288. Оп. 2. Д. 902. Л. 4–5, 6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 822. Л. 62; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 121. Л. 52–55; Д. 142. Л. 493, 496–497; Д. 161. Л. 53; ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1518. Л. 164–166. В последнем случае, отметим, расследование было проведено так стремительно и анонимный донос получил столь полное подтверждение, что невольно закрадывается подозрение, будто дело тут нечисто.

⁹⁶ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 727. Л. 325; Д. 1534. Л. 166, 168–170; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 66. Л. 180.

⁹⁷ См., напр.: Fitzpatrick S. Readers' Letters to *Krest'ianskaia gazeta*, 1938. P. 166–168.

характера. Колхозника, чей донос на председателя был сочтен «явно клеветническим», продиктованным желанием отомстить за потерю должности заведующего колхозной фермой, посадили в тюрьму, очевидно также по статье о клевете⁹⁸.

Иногда даже успешный донос имел нежелательные последствия в виде уголовного преследования доносчика. Например, в одном случае местные власти рапортовали, что в результате проведенного ими расследования доноса «председатель колхоза Маненков смещен с должности, возбуждены уголовные дела против ряда лиц, *в том числе автора письма...* [который] арестован за антисоветскую деятельность, развал работы в колхозе, пьянство, хулиганство, клевету на уважаемых работников и т. д.»⁹⁹

В архивах порой можно найти материалы, показывающие, как длительная проверка доноса в конце концов приводила к тому, что первоначальный результат превращался в свою противоположность. Донос на директора фабрики, поступивший в ленинградскую комиссию по чистке в 1931 г., расследовался с величайшей тщательностью: разыскивались и опрашивались дополнительные свидетели, изучались биографии обвинителей, с обвиняемого была взята пространная объяснительная. Поначалу казалось, будто донос достиг своей цели: комиссия постановила снять директора с должности и на три года запретить ему занимать руководящие посты. Однако по его апелляции дело пересмотрели, и в итоге он, по всей видимости, сохранил должность¹⁰⁰.

Такая же история, но в более драматичном варианте, произошла после того, как «Крестьянская газета» в октябре 1937 г. передала районному прокурору донос на одного колхозного председателя. Прокурор председателя арестовал и возбудил против него уголовное дело, однако затем тот был освобожден – причина не указана, но, вероятно, вмешались его патроны в районном руководстве – и вернулся на прежнюю работу. Очевидно, он знал, кто на него донес, поскольку доносчика (колхозника по фамилии Павленко) тут же арестовали. «И сидит он в Усть-Лабинской тюрьме, – с пафосом писала жена Павленко в «Крестьянскую газету» в ноябре, – а остальные кохозники и говорят: вот-де и пиши в газету, и разоблачай безобразия, то и попадешь куда не следует»¹⁰¹.

⁹⁸ ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1516. Л. 88, 90; РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 68. Л. 78.

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 68. Л. 325 (курсив мой).

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 860. Л. 52 об.

¹⁰¹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 10. Д. 68. Л. 82. Получив письмо от жены Павленко, «Крестьянская газета» послала корреспондента расследовать дело, но тот в конце концов согласился с вердиктом райкома партии, что донос Павленко был злопыхательским, а председатель, по сути, невинновен.

На функции доноса можно смотреть с разных точек зрения. С одной стороны – задаться вопросом, что давали режиму доносы от граждан. С другой – поинтересоваться, что получали граждане, писавшие эти доносы.

Первый подход традиционен для советологии, рассматривавшей доносительство как форму тоталитарного контроля – пользуясь словами Мерла Фейнсода, как «один из важных приемов, разработанных режимом, дабы заставить граждан шпионить друг за другом и сообщать о злоупотреблениях местного аппарата, чтобы можно было измерять степень народного недовольства и при необходимости принимать меры к его смягчению»¹⁰². Подобный подход подразумевает, что доносительство является неотъемлемой частью тоталитаризма, продуктом порождаемой тоталитарными режимами атмосферы настороженности и взаимной подозрительности, а также реакцией на присущие им идеологическую ортодоксальность, конформизм, исключение «чуждых элементов» из сообщества.

Это можно назвать **надзорной** функцией доноса. О ней традиционно говорят в связи с тоталитаризмом, однако ее без труда можно переформулировать в терминах Фуко¹⁰³. В советском контексте данной функции лучше всего соответствовали доносы коммунистов о «нелояльности» других коммунистов, хотя кляузы от любителей совать нос в чужие дела, «в каждой бочке затычек», сюда тоже подходят. В общем и целом с ней ассоциируется категория доносов «а-ля Павлик Морозов», о которой шла речь во вводном разделе этой главы.

Если мы хотим взглянуть на донос со второй точки зрения, нужно поставить себя на место гражданина и подумать, что мог дать донос отдельному человеку, для чего тот использовал это оружие. Джен Гросс сделала любопытное предположение, что тоталитарный режим в силу своей готовности реагировать на доносы граждан, по сути, ставил органы государственного принуждения на службу индивиду. Механизм доносительства, пишет она, давал «любому из граждан... прямой доступ к аппарату государственного принуждения», который мог «помочь отдельному гражданину быстро разрешить какой-либо частный спор в свою пользу». В этом смысле тоталитарное государст-

¹⁰² Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. Cambridge, Mass., 1958. P. 378.

¹⁰³ О применимости в данном случае теории «дисциплины и наказания» Мишеля Фуко см.: Gellately R. *Denunciations in Twentieth-Century Germany: Aspects of Self-Policing in the Third Reich and the German Democratic Republic // Accusatory Practices*. P. 185.

во находилось «в распоряжении каждого своего жителя, на короткий срок поступая к нему внаем»¹⁰⁴.

Назовем это **манипулятивной** функцией доноса. Ей особенно хорошо соответствовала категория своекорыстных доносов – «квартирных», связанных с профессиональным соперничеством, деревенскими склоками и т. п., – но, естественно, манипулятивные цели могли преследовать доносы любого жанра. Те, кто использовал донос подобным образом, обычно не имели доступа к другим социальным механизмам, таким, как «семейства» и блат (знакомства и связи).

Манипуляция ради личной выгоды, однако, далеко не единственная цель, побуждавшая граждан писать доносы – как в Советском Союзе, так и в других странах. В любом обществе есть люди, которые прибегают к публичному обвинению как к средству восстановить справедливость или защитить интересы сообщества. В современной Америке таковы «разоблачители» (whistle blowers), хорошо известные своими разоблачениями правонарушений в корпорациях и государственных учреждениях¹⁰⁵. Во французском контексте, проанализированном социологом Люком Болтански, это те, кто пишет письма в газету «Монд», вскрывая скандальные факты и протестуя против судебных ошибок¹⁰⁶. В СССР крестьянские письма 1930-х гг. о «злоупотреблении властью», продолжающие давнюю русскую традицию челобитных против произвола чиновников и помещиков, составляют немаловажную подгруппу разоблачительных доносов.

Авторы доносов подобного рода пытаются, по выражению Болтански, осуществлять «полномочия правосудия»¹⁰⁷. Эта **судебная** функция характерна для «доносов подчиненных». Могущественным людям нет нужды использовать донос в поисках справедливости, так же как и с целью манипуляции.

На донос можно посмотреть и как на способ сокращения пути или суррогат других социальных механизмов. Если бюрократия работает плохо и на обычные бюрократические процедуры полагаться нельзя, донос позволяет срезать дорогу, обойти бюрократические рогатки. Если правовая система неэффективна и судебный процесс – недо-

---

¹⁰⁴ Gross J. T. A Note on the Nature of Soviet Totalitarianism // Soviet Studies. 1982. Vol. 34. No. 3. P. 375.

¹⁰⁵ О «разоблачительстве» см.: Whistle Blowing! Loyalty and Dissent in the Corporation / ed. A. F. Westin. New York, 1981.

¹⁰⁶ См.: Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences: Trois essais de sociologie de l'action. Paris, 1990. 3e partie, passim; Boltanski L., Darré Y., Schiltz M.-A. La dénonciation // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 51 (на основе этой статьи написан указанный выше очерк).

¹⁰⁷ Boltanski L. L'Amour et la Justice comme compétences.

ступная роскошь, донос служит заменой закону. В России сталинского периода он выполнял обе эти суррогатные функции. Что касается закона, то народные суды, вполне адекватно разбирая иски одного гражданина к другому, не были способны удовлетворить претензии гражданина к представителю власти. Очень многие доносы прямо или косвенно посылались прокурорам, нередко заставляя тех предъявлять уголовные обвинения объектам доносов. Легко понять, почему советский гражданин выбирал такой путь: шансы на успех судебного разбирательства, несомненно, возрастали, если дело возбуждалось по инициативе прокурора, а не по иску частного лица в суде низшей инстанции¹⁰⁸.

Доносы никогда не пишутся в вакууме. Прежде всего это письма *во власть*, а у власти в каждом конкретном контексте – свои коды, правила, предпочтения и сферы действия. Люди пишут такие доносы, которые, по их мнению, будут властью услышаны и заставят ее принять меры. На практике это, в частности, означает, что они доносят о прегрешениях, осуждаемых и караемых данной властью. Социетальные интересы тоже играют роль, но, как можно догадаться, не столь большую. В конце концов, донос, как правило, есть взаимодействие между индивидом и государством. Лишь в исключительных ситуациях он приобретает характер коллективного торга либо сознательного выражения общественного мнения.

В сталинские времена советские граждане доносили на «классово чуждых», потому что чуждое социальное происхождение влекло за собой лишение прав и прочие санкции. Они доносили на «кулаков», потому что кулаки подлежали экспроприации и депортации, так же как и лишению прав. На евреев не часто доносили именно за то, что они евреи (как делалось в нацистской Германии), поскольку советский режим в 1930-е гг. евреев не третировал и осуждал антисемитизм. Столь же редко доносили на людей нетрадиционной сексуальной ориентации – либо потому, что для властей это, по общему мнению, не представляло интереса, либо потому, что и в обществе это не было предметом главной заботы.

В годы Большого террора, когда советская власть призвала всех к доносительству самого разного рода, граждане охотно откликнулись, часто обращаясь к партийной номенклатуре преступников и строча доносы на «троцкистов», «врагов народа», «вредителей», «шпионов». Однако не стоит думать, будто режим мог регулировать поток доносов, по своему усмотрению открывая и закрывая «кран»,

---

¹⁰⁸ Это поднимает любопытный вопрос: не являются ли доносы от граждан неотъемлемой частью любых правовых систем прокурорского типа?

или с точностью до запятой «заказывать» их содержание. Как мы видели, в реальной жизни павлики морозовы, как правило, не доносили на собственных родителей, видимо, зная, что в глазах большинства людей, даже коммунистов, подобное достойно осуждения. Бывшие супруги благоразумно не спешили следовать примеру первой жены генерала Якира, несмотря на поощрение со страниц «Правды».

Доносить или нет – всегда вопрос личного выбора, как бы ни стимулировал доносительство режим и какие бы выгоды оно ни сулило. Слово «донос» в русском языке в 1930-е гг. уже имело негативное значение, а это подразумевает, что многими или даже большинством практика доноительства осуждалась¹⁰⁹. Но если большинство людей думало, что писать доносы плохо, почему же столь многие это делали?

Во-первых, писали не все (во всяком случае мы так полагаем), и только меньшинство писало часто. Среди этого меньшинства историк узнает знакомые типы: параноики с манией преследования; люди, снедаемые злобой и завистью, ищущие, кого бы ужалить побольнее; графоманы (возможно, специфически русского типа)¹¹⁰, пишущие из любви к самому процессу и ради того, чтобы их читали; непременные «в каждой бочке затычки», которых всегда интересуют чужие дела и грехи.

Во-вторых, авторы обличительных писем зачастую, несомненно, не смотрели на них как на доносы. Человеку свойственно по-разному классифицировать одни и те же действия в зависимости от того, кто их производит (если я пишу донос, то я – общественно активный гражданин; если его пишет мой враг, то он – презренный доносчик). Многие из тех, кто писал письма о «злоупотреблении властью», наверняка мысленно не относили их к категории доносов¹¹¹. Это давалось им тем легче, что советские граждане привыкли писать властям всевозможные письма (жалобы, ходатайства, просьбы), которые действительно не являлись доносами и в которые не вкладывалось чувство ненависти¹¹².

---

¹⁰⁹ Это косвенным образом признает словарь Ушакова 1935 г. (см. эпиграф к данной главе) и прямо – «Словарь русского языка» Ожегова (1964 г.). См. также: Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance. P. 121.

¹¹⁰ См.: Boym S. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge, Mass., 1994. Ch. 3.

¹¹¹ Российский ученый Владимир Козлов говорит, что когда он писал статью о доноситечестве, то мысленно использовал для доносов, которые относил к категории «бескорыстных», обозначение, лишенное негативного смысла. См.: Kozlov V. A. Denunciation and Its Functions in Soviet Governance. P. 130–131.

¹¹² О типизации писем граждан см. выше, гл. 9.

Наконец, главная причина, заставлявшая человека писать доносы, даже если он в принципе осуждал подобную практику, заключалась в том, что выбор других возможных мер у советских граждан был невелик. Закон функционировал плохо, бюрократия – еще хуже. Посреднических институтов, которые вели бы дела с государством от имени индивида, – раз-два и обчелся, да и те слабые (как, например, профсоюзы). Некоторые люди в сталинском обществе, имея хорошие связи, могли потянуть за нужные ниточки, чтобы исправить ошибку или несправедливость, преодолеть бюрократические препоны. Но для огромного большинства, не обладавшего ни могуществом, ни связями, донос представлял собой одну из немногих доступных форм личного действия, благодаря ему маленький (а также злобный) человек мог надеяться заставить окружающих с собой считаться.

ГЛАВА 12

ИСТОРИИ ЖЕН

Регулирование партией интимных отношений давно стало в стране предметом насмешек. Однако многие советские женщины до сих пор считают партком последней инстанцией, призванной возвращать в семью неверных супругов, защищать их дочерей от соблазнительей и наказывать развратников и развратниц¹

В 1930-е гг. парткомы, кажется, не слишком беспокоились о частной жизни и нравственности членов партии. Не потому, что идеологические соображения запрещали вторжение в приватную сферу: напротив, партия всегда в принципе настаивала на своем праве интересоваться личной жизнью граждан, особенно партийцев, и регулярно этим правом пользовалась в таком, например, специфическом вопросе, как соблюдение религиозных обрядов коммунистами и членами их семей. Но на практике до войны она не желала ничего слышать о половой жизни людей (а также и о пьянстве, если только оно не приводило к полной потере трудоспособности), негласно признавая, что у нее есть более серьезные заботы².

Пятьдесят лет спустя Владимир Шляпентох описал совершенно иную ситуацию: партия горячо интересуется частной жизнью своих членов, женщины привыкли обращаться к властям с личными проблемами. Этот интерес, по словам Шляпентоха, появился «давно»;

---

¹ Shlapentokh V. Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union. New York, 1984. P. 106.

² Сталин, например, в выступлении «Против опошления лозунга самокритики» (июнь 1928 г.) без всякого энтузиазма говорит о «рекламных выкриках против крайностей в личной жизни» (с неодобрением цитируя заголовки статей в одной региональной газете: «Несдержанность в половой жизни – буржуазна», «Одна рюмка тянет за собой другую», «Бандиты двухспальной кровати»). См.: Сталин И. В. Сочинения. М., 1952. Т. 11. С. 135.

наверняка он был уже в 1960-е гг., когда поэт-бард Александр Галич высмеял его в своей песне «Красный треугольник, или товарищ Парамонова» (1964). Песня написана от лица незадачливого мужа, о чьих похождениях с некой Ниной из анонимки узнала жена, ушла из дома и обратилась к партии, требуя наказать его. Неверного супруга вызвали на партсобрание, он признал свою вину («И в моральном, говорю, моем облике / Есть растленное влияние Запада») и получил строгий выговор с занесением в учетную карточку³, который отпугнул Нину и позволил супругам примириться под партийным крылышком⁴.

Когда именно и почему произошла такая перемена во взглядах и методах партии, еще предстоит исследовать, но она стала заметной вскоре после войны, в 1940-е гг. Архивы писем во власть конца 1940-х – начала 1950-х гг. показывают, что в это время, в отличие от 1930-х гг., женщины то и дело доносили на мужей, обвиняя их не только в супружеских грешках, но и в других (порой уголовных) преступлениях, причем особенно популярными адресатами (если мужья состояли в партии) были партийные инстанции и партийные контрольные комиссии. В тот же период и партия, по всей видимости, стала с большим интересом прислушиваться к подобным жалобам, наказывать своих членов за «аморальное поведение в быту», а еще чаще – давать им советы в личных делах, т. е. взяла на себя роль, которую в других обществах исполняют священник, психиатр или какая-нибудь Энн Ландерс. (В предпоследней строфе песни Галича мельком показана партийная работница в этой роли: «И сидим мы у стола с нею рядышком, / И с улыбкой говорит товарищ Грошева: / “Схлопотал он строгаца, ну и ладушки! / Помиритесь вы теперь по-хорошему!”»⁵)

В голосе, который начали поднимать женщины, звучали злоба и мстительность. В ответе партии – отеческая забота, порой сочувствие к заблудшим мужьям, но при этом стремление защитить слабых (женщин и детей) и неодобрение беспорядочной жизни и распущенных нравов. Цель данной главы – изучить произошедшие изменения, сравнивая то, как жены рассказывали представителям власти о себе и своих мужьях в довоенный и послевоенный периоды, и рассматривая возможные социально-политические и демографические причины изменений.

---

³ 6-й пункт в шкале партийных взысканий (см. ниже, прим. 21).

⁴ Галич А. Сочинения: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 217–219.

⁵ Там же. С. 219.

Адюльтер

Начну с истории одного адюльтера и его обличителей, которая имела место в Риге в 1952 г. и стала мне известна по материалам латвийского партийного архива. 17 июня 1952 г. полковник МГБ Г.⁶ написал военному прокурору войск МГБ в Риге об интрижке между служащим в этом городе полковником К., женатым мужчиной, разменявшим пятый десяток, и 47-летней жительницей Риги, юристом С. Информацию Г. получил от дочери С., студентки Рижского университета: та донесла об этом деле властям по телефону (возможно, самому Г., видимо, знакомому с семьей С.), со слезами обвиняя полковника К. в том, что он разрушил брак ее родителей, и умоляя республиканскую военную прокуратуру вмешаться, дабы наказать К. и спасти ее семью⁷.

Полковник Г. соответственно начал расследование. Первым делом он завербовал в осведомительницы лучшую подругу С. «гражданку Х.» (в дальнейшем она фигурирует в документах как У.)⁸. Гражданка Х. согласилась сотрудничать при условии, что ее имя будет сохранено в тайне, поскольку не одобряла поведения С., считала К. слишком молодым для нее и боялась пагубного воздействия распада семьи на впечатлительную и ранимую дочь С. Она говорила С. о своих опасениях, но та ее не слушала. Еще раньше, чем полковник Г. с ней связался, гражданка Х. сама сделала попытку положить конец интрижке: написала К. анонимное письмо, призывая его «как офицера и коммуниста» подумать о своей жене и семье и угрожая сообщить о преступной парочке в партийные органы и на работу. Как рассказала Х. полковнику Г., анонимка встревожила любовников, но они ошибочно решили, будто ее автор – бывшая секретарша К.⁹

Затем полковник Г. вызвал К. на беседу. Тот признался в своем романе, но сказал, что все это несерьезно, обещал прекратить связь с С. и «больше ничего подобного не делать». Полковник Г. сначала был готов удовлетвориться этими заверениями, но потом изменил мнение: ему стало ясно, писал он, «что т. К. не хочет по-серьезному устроить свою семейную жизнь в гор. Риге и все еще оглядывается на имеющуюся у него “виллу” в гор. Симферополь» (жена К. жила в Симферополе, ухаживая за больной матерью). «Живя на два фрон-

---

⁶ Я заменила буквами настоящие имена действующих лиц, которые, конечно, приведены в оригинале архивного документа.

⁷ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 15. Д. 122. Л. 93.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 105–106.

та, он в морально-бытовом отношении оказался нестойким и совершил грязный поступок – вмешавшись в семейную жизнь С-ов», – с неодобрением констатировал Г.¹⁰

Следующим шагом полковника Г. стал вызов неверной жены С., которая (по-видимому, лично зная его) говорила с ним на удивление свободно. Они с К. договорились скрывать свою связь, сказала она, но потом К. проболтался полковнику Г. – испугался за свою карьеру и, по ее мнению, «повел себя по-мальчишески». Она призналась, что и сама виновата. «Один видный партийный работник» еще раньше советовал ей порвать с К., и «некоторое время назад... она на... партийном собрании пыталась сообщить коммунистам о своем моральном падении, но в последнюю минуту “не хватило сил и решимости”». Однако, судя по всему, у нее не было ни желания, ни силы воли, чтобы расстаться с К. Полковнику Г. она заявила: «Если тов. К. будет строго наказан и если ему придется выехать в отдаленные районы страны, то в случае отказа супруги К. следовать с ним она полна решимости бросить семью и нести ответственность перед партией, [ехать] с тов. К. к месту новой работы и сгладить свою вину перед ним»¹¹.

Расследование полковника Г. закончилось тем, что К. отослали из Риги на менее приятную службу в российской провинции; К. и С. было рекомендовано не переписываться, и те согласились. Они, впрочем, все-таки переписывались тайно, и этот факт в свое время дошел до сведения начальства¹². Однако полковник Г. больше никаких мер не предпринимал, так что на сей раз проступок остался без последствий, по крайней мере в Риге.

Партия и частная жизнь

Трудно точно установить момент, с которого частная жизнь – или, как говорили в то время, «так называемая частная жизнь»¹³ – начала привлекать пристальное внимание партии. Здравый смысл подсказывает, что подобные изменения обычно происходят постепенно, хотя в нас въелась советологическая привычка непременно

---

¹⁰ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 15. Д. 122. Л. 107.

¹¹ Там же. Л. 108–110.

¹² Там же. Л. 116.

¹³ Два примера употребления этого выражения приведены ниже в этом абзаце. Отметим также кавычки в заглавии статьи Д. Беяева в «Правде» (1947. 4 июля. С. 3) – «К вопросу о “частной жизни”».

подыскивать для объяснения социально-культурных сдвигов какое-нибудь постановление или официальную идеологическую декларацию. Война и сопутствующая ей разруха, распад браков, вызванный военными разлуками, наверняка сыграли свою роль. Пополнение населения после чудовищных военных потерь стало главной заботой государства, и, как показывает закон от 8 июля 1944 г. («Об увеличении государственной помощи беременным женщинам...»¹⁴), необходимым условием прироста населения считалось укрепление семьи (наряду с государственной помощью детям, рожденным вне брака). Брошюра «О моральном облике советского человека», выпущенная в 1948 г. в помощь партийным агитаторам и пропагандистам, напоминала членам партии, что «отношения между полами не только личное дело», что «так называемая частная жизнь требует понимания своего долга перед семьей», а «распушенность вызывает в нашем обществе всеобщее возмущение и презрение»¹⁵. Газеты периодически печатали статьи, осуждающие поведение мужчин, которые бросают свои семьи, где проблема рассматривалась в более широком нравственном плане, чем в статьях на ту же тему в 1930-е гг.¹⁶ Фельетон «К вопросу о “частной” жизни», опубликованный в «Правде» в 1947 г., порицал трудовые коллективы, которые в таких случаях отказываются вмешаться и призвать к ответу блудного мужа на том основании, что «это относится к его частной жизни». Рассказывая о мужчине, не только бросившем ради другой женщины беременную вторую жену и ребенка, но и пытавшемся выселить их из квартиры, автор отмечал, что изменник в то же самое время подал заявление о переводе его в члены партии из кандидатов, но «он забыл, что в святые двери партии не входят с чистым воротничком

---

¹⁴ Постановление «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». О документальных свидетельствах активной озабоченности партийного руководства восстановлением населения в связи с законом 1944 г. см.: Nakachi M. *The Patronimic of Her Choice: Khrushchev and the Postwar Family Law* (диссертация, над которой автор работает в настоящее время в Чикагском университете, глава «Replacing the Dead: The Politics of Reproduction in the Postwar Soviet Union, 1944–1955»). Подробнее о законе см. ниже, с. 292.

¹⁵ О моральном облике советского человека: Сборник материалов в помощь пропагандистам и агитаторам / сост. А. С. Александров. М., 1948. С. 107, 109, 110.

¹⁶ В 1930-е гг. такие статьи, как правило, основное внимание уделяли практическому вопросу, как заставить мужей платить алименты на детей и наказать неплательщиков. См., напр.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. Гл. 6.

и с биографией, запятнанной безразлично где – в общественной или в так называемой “частной” жизни»¹⁷.

Поскольку в основе фельетонов «Правды» обычно лежали донос или жалоба, присланные в газету пострадавшими гражданами, вероятно, источником этой статьи также послужило письмо брошенной жены, поведавшей о своих обидах. История рижского адюльтера, рассказанная выше, не совсем типична, так как в ней речь шла о неверности жены, а не мужа, но и она началась таким же образом – с просьб и доносов от женщин (телефонного звонка дочери С., анонимки, написанной ее обеспокоенной подругой). Дальнейшая процедура, как мы можем наблюдать в рижском деле, предполагала вызов представителями власти (в данном случае военной, потому что мужчина служил офицером) виновных, вместе или по отдельности, и беседе с ними. Полковник Г. в Риге мог бы закрыть дело, удовлетворившись обещаниями К. порвать внебрачную связь, но решил продолжать его, придя к выводу, что К. с ним нечестен. С. на беседе признала, что ей, коммунистке (и даже секретарю местной парторганизации), следовало бы откровенно рассказать о своем романе на партийном собрании и получить от него оценку своего «морального падения».

Массу сходных сценариев можно обнаружить в архивах Комиссии партийного контроля (КПК) – органа, ответственного за дисциплину отдельных членов партии. Расследования КПК тоже почти всегда начинались с доноса¹⁸, и в ходе их проведения представитель комиссии вызывал на собеседование виновника, а зачастую и обвинителя¹⁹. Во время войны таких дел было немного, и КПК не слишком интересовалась вопросами нравственности: например, в 1943 г., когда бывшая жена видного партийного работника (второго секретаря Воронежского обкома) пожаловалась на поведение мужа, КПК нашла достаточным для решения вопроса вызвать мужа и получить

---

¹⁷ Правда. 1947. 4 июля. С. 3.

¹⁸ Одно из дел архива КПК, посвященное этим вопросам (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1598), озаглавлено «Материалы по проверке заявлений о неправильном поведении в быту, пьянстве, хулиганстве» (январь 1943 – декабрь 1950). «Заявление» – один из самых распространенных архивных эвфемизмов для обозначения доноса (см. гл. 11 этой книги).

¹⁹ Комсомол тоже выполнял подобные функции. См., например, дело куйбышевского студента, который бросил свою сожительницу, когда та попросила на ней жениться, и получил за это выговор с занесением в комсомольскую учетную карточку: Центр хранения документации новейшей истории Самарской области (ЦХДНИСО). Ф. 1683. Оп. 18. Д. 181. Л. 44 (выписка из протокола собрания Куйбышевского горкома комсомола, 16 февраля 1950 г.).

от него объяснения, но, беспокоясь, как бы слухи о его семейных неприятностях, хорошо известных в Воронеже, не подорвали его авторитет, почла за лучшее перевести его на такую же должность в другой регион²⁰.

Многие доносы от жен были вызваны ситуацией, когда муж заводил любовницу и жил вместе с ней, а нередко вдобавок имел от нее ребенка. Жены просили, чтобы органы власти либо заставили мужа вернуться, либо гарантировали им права на мужнину квартиру и алименты. Вызывать мужей для объяснений в конце сталинской эпохи стало для КПК или местных партийных бюро обычной практикой. Чаще всего объяснений, возможно вместе с обещанием исправиться, оказывалось достаточно, но в некоторых случаях неверный супруг получал официальное взыскание²¹. Около 1952 г., к примеру, бюро горкома партии в Горьком рассматривало заявление женщины, члена партии, обвинявшей мужа, тоже коммуниста, начальника отдела в местном управлении милиции, в том, что он «недостойно ведет себя в частной жизни, оставил семью и живет с другой женщиной». Муж получил взыскание 4-й степени тяжести²². Коммунисты, имеющие беспартийных жен, часто отделялись более легко. Сын бывшего секретаря обкома Н. донес, что отец имеет любовницу и, когда его послали на учебу в Москву, вместо жены взял с собой ее и их маленького сына. Н. в свою защиту поведал, что «жена, не работая и не учась, отставала, становилась обывательницей, окружила себя соответственной средой, в результате чего духовная связь между ними и интерес к ней исчезли», и фарисейски заявил, что теперь он чувствует «моральную обязанность» жениться на любовнице (его бывшей секретарше) и помогать ей растить их ребенка. КПК не сочла нужным выносить ему выговор²³. В другом случае жена просила КПК принять меры против мужа, слушателя высшей партийной школы при ЦК, якобы оставившего ее с дочерью. Следователь КПК обнаружил, что женщина больна шизофренией, муж отослал ее к родителям на Дальний Восток и ежемесячно выплачивает ей крупную сумму. Буду-

---

²⁰ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1598. Л. 2–3.

²¹ Обычно выговор, с занесением или без занесения в учетную карточку. В иерархии партийных взысканий, венчавшейся исключением из партии (1. Предупредить; 2. Поставить на вид; 3. Выговор без занесения в учетную карточку; 4. Выговор с занесением в учетную карточку; 5. Строгий выговор без занесения в учетную карточку; 6. Строгий выговор с занесением в учетную карточку; 7. Исключить), эти санкции занимали среднее положение. Я не нашла в послевоенных архивах КПК ни одного случая исключения из партии за «аморалку».

²² См. выше, прим. 21.

²³ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1598. Л. 100–103 (1949 г.).

чи вызван на собеседование, муж рассказал, что просил развода и опеки над дочерью, но жена не согласилась, и он забрал оба заявления. Следователь не нашел в его поведении ничего предосудительного²⁴.

В начале 1950-х гг. внимание партии несколько раз привлекало дело одного знатного стахановца и рационализатора 1930-х гг., ставшего инженером и депутатом Верховного Совета, назовем его Г. «Послужной список» Г. включал трех жен, детей (в отношении одного ребенка существовали сомнения насчет отцовства) и тяжелый алкоголизм. В 1950 г. он получил партийное взыскание за «недостойное поведение в быту». В 1953 г. его вторая (гражданская) жена Т. пожаловалась, что он плохо обращается с ней и ее ребенком, и попросила снова принять к нему дисциплинарные меры. Оставив первую жену и троих детей в 1941 г., Г. жил в незарегистрированном браке с Т. и их вторым и единственным выжившим ребенком (отцом которого себя не признавал) на своей даче. Там он «бесчинствовал в пьяном виде, устраивал скандалы, выгонял в ночное время с дачи Т-у и сына», а затем, в довершение всего, наконец официально развелся с первой женой, ушел и женился на третьей женщине. Когда его вызвали в КПК, Г. признал, что лечится от алкоголизма и что плохо вел себя с Т. (правда, тут он выдвинул встречные обвинения, по-видимому, связанные с происхождением второго ребенка), пообещав исправиться. КПК решила, что в дополнительных дисциплинарных мерах нет необходимости²⁵.

Высокопоставленные коммунисты, с которыми обычно имела дело КПК, как правило, оказывали детям материальную помощь и либо отдавали бывшим женам свою квартиру (возможно, переселяясь на дачу, как Г.), либо находили им другое жилье. Так было и в случае с еще одним неверным супругом Л., который в 1948 г. оставил вторую жену и стал жить с другой женщиной (очевидно, тоже на даче), но платил жене на двоих детей (шестнадцати и десяти лет) 5 000 руб. в месяц помимо другой финансовой помощи и «уступил для них (жены с детьми) прекрасную квартиру в Москве»²⁶. Однако жена хотела большего – все имущество, нажитое вместе в московской квартире, и дачу со всей обстановкой, садом и стройматериалами, «чтобы Л. никаких построек для другой своей семьи на усадьбе не возводил» и его брошенные дети не страдали от соседства с его новой семьей. Л., явно считая, что и так проявил достаточную щедрость, держался непримиримо. КПК однозначного ответа не дала: женщина, проводившая расследование, Абрамова, склонялась к мысли, что Л. заслуживает выговора по партий-

---

²⁴ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1666. Л. 3 (вероятно, 1952 г.).

²⁵ Там же. Л. 74–75.

²⁶ Там же. Д. 1598. Л. 133–136.

ной линии, но заместитель председателя комиссии М. Ф. Шкирятов, по всей видимости, не был в этом полностью убежден.

Жилье в советском быту всегда оставалось большим вопросом, и порой обращение в КПК являлось лишь одним из направлений атаки в сложной стратегии борьбы за него. Например, дочь министра, заявляя в КПК о своих правах на комнату в его московской квартире, одновременно подала соответствующий иск в народный суд. В этой истории мы наблюдаем некоторые типичные для советской жизни сюжетные линии. Министр Д. в свое время рано женился в провинции, в результате в 1928 г. родилась дочь, которой дали звучное имя Спарта. В 1930 г. он уехал учиться в Ленинград и к семье так и не вернулся. Спарта в 1941 г. переехала из провинции в Москву, жила у тети. В 1947–1948 гг. она училась в техникуме, и отец ежемесячно посылал ей 300 руб. В ноябре 1948 г. Д., у которого в Ленинграде были вторая жена и двое детей, получил квартиру в Москве. Он перевез туда свою ленинградскую семью, но и Спарте позволил жить вместе с ними, возможно, для того чтобы ей дали московскую прописку. Менее чем через год мачеха «выгнала Спарту из квартиры». Спарта к тому времени вышла замуж, но все равно желала вернуть себе комнату в квартире Д. Вызвав Д. и выслушав его точку зрения на происходящее, КПК пришла к выводу, что требование это необоснованное, однако отметила, что дело остается открытым²⁷.

В докладах представителей КПК, как и у рижского полковника Г., нередко и все сильнее чувствовалось личное участие, объективный стиль первых послевоенных лет сменялся менее беспристрастным. В частности, индивидуальность Шкирятова, как и женщины-следователя Абрамовой, отчетливо проявляется в таких документах, и мы все чаще становимся свидетелями взаимоотношений между следователем и фигурантами дела. Шкирятов в докладе секретарю ЦК Н. С. Хрущеву по жалобе одной женщины З. на бывшего мужа Н., высокопоставленного работника аппарата ЦК, чуть ли не основное внимание уделяет собственной реакции. З., вышедшая замуж вторично после развода с Н., заявляла, что с недавних пор Н. начал ее соблазнять, приглашать на свидания и хочет разрушить ее новый брак. Получив от Секретариата ЦК поручение расследовать жалобу, Шкирятов вызвал на беседу и З., и Н., но, с раздражением докладывает он, разговоры смысла не имели: Н. факта свиданий не отрицал, однако сказал, что инициатива принадлежала самой жалобщице. «Выяснить такой вопрос не представляется возможным и разбирать его по существу нечего», – заключает Шкирятов, объявляя дело закрытым²⁸.

---

²⁷ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1599. Л. 29–33.

²⁸ Там же. Д. 1666. Л. 128.

Абрамова, с которой мы уже встречались в деле Л. как с более строгим судьей грешков коммунистов-начальников, нежели Шкирятов, старалась сделать для женщин-жалобщиц все возможное, но не всегда добивалась успеха. В ответ на просьбу К., чтобы КПК помогла ей «сохранить семью», после того как муж оставил ее и дочерей, Абрамова вела «многочисленные... разговоры» с К. и ее мужем, товарищем С., но не сумела убедить его вернуться к жене, «о чем... и сообщила т. К-ой». Отметив, что С. уже получил взыскание от парторганизации по месту работы, она закрыла дело, не рекомендуя никаких дальнейших мер²⁹. Еще один следователь КПК так же напрасно потратил время на сотрудника аппарата ЦК Н. и его жену, которая обвиняла мужа в «недостойном поведении в быту» (т. е. в связи с сотрудницей А.) и подала на развод. Н. уже получил выговор по партийной линии, и по работе его перевели из ЦК на низшую должность в журнале «Новости», но его жену это не удовлетворило, хотя понять, чего конкретно она добивается, было трудно. Наконец «при прямо поставленном вопросе Н-ой: что она хочет от КПК, ответила, чтобы Н. закрепил за ней жилплощадь, в суде при рассмотрении вопроса о разводе не говорил на нее неправды и к дочери относился лучше». Тот обещал (неизвестно, правда, сдержал ли обещание), а КПК не стала продолжать дело³⁰.

Супружеская верность

Читая доносы на мужей, которые обманутые и брошенные жены посылали в органы власти после войны, – многие из них дышат злобой, а некоторые еще и алчностью, – легко забыть, что всего несколько лет назад жены писали о мужьях письма совсем иного типа. Женщина, у которой в конце 1930-х гг., во время Большого террора, арестовывали супруга, обычно пылко за него ходатайствовала, настаивала на его невиновности, умоляла освободить его³¹. Хотя жены «врагов народа» ipso facto оказывались под угрозой и для них даже

---

²⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1667. Л. 48 (1954 г.).

³⁰ Там же. Л. 64 (1954 г.).

³¹ Примеры таких писем см. выше, с. 187. К этому жанру относится также письмо Марины Цветаевой о ее арестованном муже Сергее Эфроне, где она говорит, что «ни на какое предательство, двурушничество и вероломство он не способен» (цит. по: Шенталинский В. Донос на Сократа. М., 2001. С. 362). Мужья тоже выступали в защиту арестованных жен, правда, это случалось не так часто, потому что женщины реже подвергались аресту. Один трогательный пример подобного рода см. выше, с. 204.

имелись специальные лагеря³² (правда, в обязательном порядке арестовывали, кажется, только жен очень высокопоставленных «врагов»), ходатайство за супруга перед властями, судя по всему, не представляло дополнительного риска; власти как будто ожидали этого и считали вполне естественным, что родные не только просят за заключенных, но и пытаются с ними переписываться, посылают им передачи и т. д. Образ верной жены, в значительной мере навеянный историческим примером жен декабристов и их героическими портретами, созданными поэтом Некрасовым³³, в годы Большого террора очень отчетливо просматривался не только в ходатайствах, но и в реальной жизни.

Однако в послевоенный период мы куда реже встречаем этот образ в архивных материалах³⁴. В делах КПК я нашла единственный пример – жены Н., на которого сын донес, что тот имеет любовницу (см. выше). Эта женщина, когда ее вызвали в КПК, удивлялась письму сына, хвалила мужа, сказала, что до недавнего времени у них был хороший брак и она «из нежелания причинить этим мужу неприятность» не будет давать письменные показания против него. (В ответ неблагодарный супруг назвал ее обывательницей – правда, она наверняка не давала ему развода.)³⁵

Один из больших недостатков писем во власть как источника заключается в том, что они показывают нам своих авторов в единственный конкретный момент. Мы как будто видим их застывшими в одном образе – например, верной жены – и с трудом представляем себе, что они могут играть другую роль. Впрочем, в деле С., героини рижской любовной истории, рассказанной в предыдущем разделе, нам повезло больше благодаря информации, которую С. доверила полковнику Г. во время их беседы. Стараясь внушить Г., что ее отношения с К. действительно серьезны и длительны, С. поведала ему, что они впервые встретились в 1937–1938 гг. на Украине, куда их направили на работу вместе с супругами. У них начался роман, и, по словам С., К. даже предлагал, чтобы они оба развелись (хотя его жена

---

³² См. выше, с. 256.

³³ В поэме «Русские женщины» (1871–1872).

³⁴ Читая (должна признаться, выборочно) письма от граждан в латвийских партийных архивах за 1945–1952 гг., я не обнаружила ходатайств жен за арестованных мужей, хотя мне попались несколько таких ходатайств от других членов семьи, например протест сестры против ареста брата по обвинению в уголовных преступлениях в 1947 г. (LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 10. Д. 111. Л. 2), просьба дочери за мать, заключенную в тюрьму за оскорбление действием, в 1952 г. (Там же. Оп. 15. Д. 597. Л. 13–14).

³⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1598. Л. 102.

в то время была беременна) и поженились. Но потом мужа С., армейского офицера, арестовали. Сказав К., что «она не имеет морального права оставить мужа в таком положении», С. порвала с ним и «серьезно занялась хлопотами» о супруге. Как ни удивительно, она своего добилась: его скоро выпустили из тюрьмы, восстановили в звании и в партии.

К 1950-м гг. муж настолько утратил свое значение в глазах С. (хотя, видимо, не в глазах дочери), что почти не упоминается в обширной документации, посвященной ее роману и его последствиям³⁶. Но в конце 1930-х, когда его арестовали, она, по сути, отвела ему роль декабриста, а себе – преданной жены декабриста и была готова пожертвовать для него всем. Она сохранила приверженность этой роли и в 1950-е гг., только ей пришлось переписать ее применительно к новым обстоятельствам: в своем пылком, романтическом заявлении полковнику Г. она утверждала, что если ее любовника (который, следует напомнить, уверял того же самого собеседника, что в их отношениях ничего серьезного нет) в наказание переведут в отдаленный район и жена откажется следовать за ним, то она, С., возьмет на себя долг женской преданности, бросит работу и семью в Риге и поедет с ним, дабы искупить свою перед ним вину.

Разгневанные жены

Романтический порыв С. – приятное исключение среди женских заявлений в рижском архиве, где преобладают гнев и обида. Обманутые жены³⁷ часто обвиняли мужей и в других преступлениях, помимо плохого обращения с ними самими и их детьми³⁸. Например,

---

³⁶ По словам ее подруги, майор С., оставивший военную службу по состоянию здоровья, незадолго до этой истории «ушел с работы и, говорят, завел роман с какой-то женщиной» (LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 15. Д. 122. Л. 105).

³⁷ Почти все они писали по-русски и носили русские или украинские фамилии, что, несомненно, отражало этнический состав правящего истеблишмента в Риге, представители которого (в отличие от латышского населения) считали себя вправе и имели склонность писать местным коммунистическим властям по поводу своих личных дел.

³⁸ Отметим, что данный архивный источник отличается от дел КПК, о которых шла речь ранее: это собрание полученных писем (с приложением некоторой информации об их последствиях), а не материалов расследований по таким письмам. Латвийский партийный архив также отличается от других (главным образом довоенных) архивов писем граждан, которые я просматривала, тем, что в нем прямо обозначены доносы, т. е. письма, содержащие «компромат на членов КПСС». Доносы жен составляют значительную часть писем в подобных папках.

гражданская жена одного кооперативного работника, коммуниста, сообщила, что ее муж – растратчик, а также дурно обращается с ней и сыном и заставил ее сделать нелегальный аборт. (Муж уже подвергался партийному взысканию из-за «неэтичного отношения к семье».)³⁹ В другом похожем случае Л., 20-летняя жена коммуниста, работавшего в заводской администрации, написала в ЦК Латвии: «Поведение моего мужа недостойно звания члена партии: домой является всегда пьяный, устраивает семейные скандалы, оскорбляет меня нецензурными словами и даже действиями руками, часто не приходит ночами домой, всегда ссылаясь на то, что занят на работе, однако по имеющимся у меня данным мне известно, что на работе у моего мужа далеко не благополучно». Он пьет самогон, продолжала Л., и спит с работницами завода; одна из них от него забеременела, и он заставил ее сделать аборт. Теперь он бросил Л. и двухлетнего сына, оставив их без средств к существованию. (Этот донос принес мужу выговор от местной парторганизации.)⁴⁰

В некоторых семьях донос, кажется, стал привычным ходом со стороны жены. Коммунист П. в результате постоянных доносов супруги получил несколько партийных взысканий; за трехлетний период в конце 1940-х гг. его пять раз увольняли или заставляли уйти с работы по этой причине. В 1950 г., когда жена П. снова донесла, что он бросил ее и тринадцатилетнего сына, было назначено партийное расследование, но потом обнаружилось, что супружеская чета опять воссоединилась, так что никаких дальнейших мер не понадобилось⁴¹.

Помимо гневных обличительных писем латвийские партийные органы получали от жен – «слабых беззащитных женщин», как аттестовала себя одна из них⁴², – просьбы о защите. В., жена высокопоставленного районного руководителя, обратилась за «неотложной помощью по семейным делам» прямо к первому секретарю ЦК КП Латвии Я. Э. Калнберзину: после тридцати лет брака, когда «мы уже на пороге коммунизма», ее «дорогой товарищ жизни» в возрасте 58 лет связался с 26-летней комсомолкой З., работавшей у него в Вентспилском райисполкоме⁴³. Дело В. осложнялось тем, что помимо жены о его романе в том же месяце 1952 г. анонимно донесли

---

³⁹ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 12. Д. 290. Л. 4–7 (1949 г.). Взыскание заключалось в «предупреждении» (самая первая, легкая степень).

⁴⁰ Там же. Л. 11–12 (1949 г.). Выговор – взыскание третьей или четвертой степени.

⁴¹ Там же. Оп. 13. Д. 387. Л. 155–159, 161.

⁴² Там же. Оп. 12. Д. 290. Л. 172.

⁴³ Там же. Оп. 15. Д. 597. Л. 1.

вентспилсские общественники, которые жаловались, что райисполком превратился в бордель, весь город смеется над этой интрижкой, «да и деревня все знает». Когда жену В. перевели в Москву (дата в письме жены не упоминается), З. стала распоряжаться в исполкоме как у себя дома, «да и такие слухи ходят, будто эта девушка имеет специальное задание, обработать таких начальников. Ведь она жила и с его, т. е. В., предшественниками... и все они были семейные люди»⁴⁴.

Естественно, В. изложил другую версию событий. По его словам, жена устраивала ему сцены из-за З. еще раньше, чем у нее появились для этого реальные основания; в действительности она просто хотела вернуться в Москву и теперь своего добилась. Он хотел развестись и настаивал на этом желании, когда его вызвали к секретарю латвийского ЦК. Поскольку он «отказывался продолжать свою семейную жизнь» с женой, ему велели «решить... вопрос на основании закона» (т. е., видимо, подать на развод) и оказывать семье материальную помощь. Было также принято решение (несомненно, в свете анонимного доноса), что «по окончании весенней посевной товарищ В. будет переведен на работу в другой район»⁴⁵.

Подобно КПК в Москве, латвийские партийные власти колебались между инстинктивным стремлением защищать своих, т. е. заблудших мужей, и сознанием своей обязанности помогать «беззащитным женщинам». Жена В. не вызвала у них большого сочувствия, так же как молодая незамужняя женщина по фамилии А., обвинившая в «морально-бытовом разложении» своего бывшего любовника студента Ч., который якобы ее соблазнил, попользовался ею и бросил. Приложив к своей жалобе в качестве вещественного доказательства одиннадцать любовных писем от Ч., А. просила наложить на него суровое партийное взыскание. Ее история такова: Ч. приехал в ее город на практику, месяц жил с ней как с женой в доме ее родителей, она кормила его, давала ему деньги, вещи. «Скрываясь под маской "чистой любви" ко мне, он... преследовал лишь материальную сторону, имея связь с другими женщинами». Жениться он не спешил, говоря, что ему нужно сначала найти квартиру и закончить учебу, а потом исчез. Когда А. встретила с ним снова, это был уже другой человек – «хулиган», «хам»⁴⁶. Однако местный партийный секретарь, расследовавший дело, кажется, больше симпатизировал молодому донжуану, чем его жертве. Ч. действительно обманул и бросил А.,

---

⁴⁴ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 15. Д. 597. Л. 2.

⁴⁵ Там же. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Оп. 12. Д. 290. Л. 145–146.

докладывал следователь, но он признал свою ошибку в парторганизации по месту учебы и обещал больше так не делать. Кроме того, он недавно женился на сотруднице аппарата Киевского горкома партии (явно стоявшей на социальной лестнице выше его любовницы из маленького городка), и сейчас у него медовый месяц. Ч. отделался самым легким взысканием – предупреждением⁴⁷.

Иногда, правда, партийное осуждение бывало гораздо более суровым. Хирург А. (судя по фамилии, русский по национальности) неоднократно становился объектом жалоб и доносов со стороны гражданской жены, матери его сына, потому что отказывался жениться на ней и не платил денег на ребенка. Сначала он получал мягкие выговоры, но в конце концов его действительно исключили из кандидатов в члены партии «за бытовое разложение, выразившееся в многоженстве», и «моральное разложение, выразившееся в незаконном сожителестве». Что имелось в виду под последними словами, непонятно (сожителество вне брака обычно не называли «незаконным»), но, по всей видимости, одним из главных факторов, повлиявших на партийное решение, стало нежелание А. оказывать материальную помощь сыну⁴⁸.

В случае вынесения супружеских и личных конфликтов на суд властей в Латвии дело осложнялось тем, что это была недавно присоединенная территория, ранее находившаяся в немецкой оккупации и все еще не до конца советизированная. Следовательно, как и в России 1920-х гг., многие люди имели в биографии «темные пятна» в виде семейных связей с эмигрантами и коллаборационистами («белогвардейцами»). Подобные связи, если о них становилось известно, делали обвинения более весомыми и наказание более вероятным. Например, в 1952 г. слушательница партийной школы донесла о любовной связи преподавателя Т. и преподавательницы М. (он был женат, она замужем). Расследование показало, что оба уже получали строгие официальные предупреждения о недопустимости своего поведения, однако не обращали на них внимания и «демонстративно подчеркивали свою дружбу, считая замечания руководства и мнение слушателей по этому вопросу проявлениями обывательщины и мещанства». Такая дерзость сама по себе очень плохо их характеризовала, но обнаружилось и кое-что похуже: у Т. три брата оказались «кулаками», а четвертый – «белогвардейцем». В результате расследования Т. уволили из школы⁴⁹.

---

⁴⁷ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 12. Д. 290. Л. 157.

⁴⁸ Там же. Оп. 11. Д. 279. Л. 48–63 (1948 г.).

⁴⁹ Там же. Оп. 15. Д. 598. Л. 57.

Верно и обратное – жалоба, даже обоснованная, от человека с «темным пятном» не могла рассчитывать на сочувственное внимание представителей власти. Так, в 1950 г. один секретарь райкома, докладывая о расследовании жалобы жены на мужа, отметил, что хотя муж «как коммунист имеет большую часть вины в ненормальном положении его семейной жизни», но сама жена – «политически непроверенная, легкомысленная женщина», а брат у нее, «оказывается, предатель Родины и осужден». Поэтому желание мужа развестись можно было понять, и местная парторганизация его в этом намерении поддержала⁵⁰.

Проблема развода

Во время войны мужа и жены часто находились в разлуке, боялись за жизнь друг друга и не были уверены, что когда-нибудь встретятся вновь. Миллионы мужчин (и некоторые женщины) ушли на фронт, миллионы женщин эвакуировались в отдаленные уголки Советского Союза. Народная культура отразила эмоциональное смятение тех лет. Всячески прославлялась женская верность, яркими свидетельствами этому служат чрезвычайно популярная песня «Жди меня»⁵¹ и гимн И. Г. Эренбурга «женам и девушкам, которые ждали своих любимых – с нежностью, стойкостью и силой, достойной не романов, а античной трагедии»⁵². В то же время мужчины на фронте боялись, что их женщины дома найдут себе других⁵³. У женщин имелись свои опасения насчет возможной измены мужчин с так называемыми военно-полевыми женами – женщинами, служившими в армии (чаще всего санитарками). А во многих случаях, когда оба супруга оказывались вдали от своего довоенного дома, к этим тревогам добавлялся общий страх, что они не смогут вернуть себе кварти-

---

⁵⁰ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 12. Д. 290. Л. 174.

⁵¹ Песня из одноименного фильма 1943 г., слова К. Симонова, музыка М. Блантера. В ней говорится, что, если женщина «умеет ждать», ее мужчина останется в живых и вернется к ней.

⁵² Цит. по: Эренбург И. Глаза Золушки // О моральном облике советского человека. С. 105–106.

⁵³ Во фронтовых дневниках и письмах часто выражаются подобные опасения. См., напр.: Фронтовой дневник Н. Ф. Белова, 1941–1945 годы // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2 / под ред. М. А. Безнина. Вологда, 1997. С. 471–472; Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 50 (письмо А. Д. Жарикова жене, 7 марта 1943). В фильме «Жди меня», упомянутом выше, показаны верная и неверная жены: у первой муж остается жив, у второй бывший муж погибает.

ру, которую вместе с большинством имущества нередко занимали какие-нибудь учреждения или посторонние люди.

Когда война кончилась, возрождение мирной жизни ставило едва ли менее тяжкие проблемы⁵⁴. На демобилизацию всех фронтовиков потребовалось несколько лет. Те, кто возвращался из эвакуации в области, побывавшие в оккупации, частенько находили на месте своих домов развалины и пепелища, а приезжавшие в крупные города, например в Москву, обнаруживали, что в их квартирах живут другие люди, не желающие оттуда выселяться, а вещи пропали, украдены или уничтожены. Колхоз, откуда уходили на фронт многие мужчины, далеко не у всех вызывал желание вернуться туда. Миллионы мужчин погибли на войне; женщин в пропорциональном отношении умерло меньше. В возрастной группе от 20 до 40 лет по окончании войны на двух мужчин приходилось более трех женщин, среди тех, кому в 1945 г. было сорок и более лет, на одного мужчину – более двух женщин⁵⁵. Иными словами, мужья снова стали дефицитным товаром, и обострившаяся конкуренция поставила жен в довольно тяжелое положение. Из множества историй об обманутых надеждах женщин, к которым по тем или иным причинам не вернулись мужья, особенно горек рассказ одной женщины из Омска: супруг прислал ей весточку, что демобилизовался в Риге, но так к ней и не доехал, пропав где-то по дороге домой (то ли с ним что-то случилось, то ли нашел другую)⁵⁶.

Литература послевоенного периода дает много примеров того, как мучительно приходилось воссоединившимся супругам заново «притираться» друг к другу⁵⁷. Естественно, в подобных ситуациях многие

---

⁵⁴ См.: Edele M. A «Generation of Victors»? Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization, 1941–1956: Ph. D. diss. University of Chicago, 2004.

⁵⁵ Данные переписи 1959 г. Цит. по: Eisendrath E. Das Bevölkerungspotential der Sowjetunion. Berlin, 1960. S. 34.

⁵⁶ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 10. Д. 111. Л. 52.

⁵⁷ О рассказе Веры Кетлинской «Настя» (1945), в котором инженер Павел возвращается после войны к суетной и циничной «хорошей жене», но всей душой стремится к своей боевой подруге, живущей в Ленинграде, см.: Dunham V. S. In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction. Cambridge, Mass., 1976. P. 55–58. Повесть Ванды Василевской «Просто любовь» (1945) о мужчине, который возвращается к жене страшно искалеченным, рассматривается в ст.: Krylova A. «Healers of Wounded Souls»: The Crisis of Private Life in Soviet Literature, 1944–1946 // Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. No. 2. P. 321–324, 327–329. В брошюре 1948 г. «О моральном облике советского человека» также затрагивается этот вопрос и отмечается, что большинство подобных случаев были «смело и по-человечески» разрешены благодаря готовности (и даже горячему стремлению) женщин принимать обратно мужей-инвалидов (с. 105).

подумывали о разводе, как во всех воевавших странах, однако в Советском Союзе это оказалось не таким легким делом. Развод, легко доступный до 1936 г., законом 1936 г. был несколько затруднен. Еще труднее стало получить его благодаря закону военного времени от 8 июля 1944 г., который в соответствии с заявленной целью «укрепления советской семьи и брака» впервые после революции потребовал рассматривать дела о разводе в суде и повысил плату за него до 500–2 000 руб. (от 100–200 руб. по закону 1936 г.)⁵⁸. Судей инструктировали не удовлетворять «безответственные» заявления о разводе и пытаться по возможности добиться примирения сторон. Ужесточенная процедура развода приобрела еще более устрашающий характер вследствие того, что прокуроры, которые в народном сознании ассоциировались с уголовными (и политическими), а не гражданскими делами, теперь должны были принимать участие в бракоразводных процессах при наличии у сторон имущественных споров и маленьких детей, допрашивая обоих супругов и их свидетелей (неясно, правда, насколько это действительно осуществлялось на практике)⁵⁹.

Новый закон оказал поразительное влияние на число разводов. В Москве перед войной ежегодно разводились 10–12 тысяч пар. Во время войны это количество сократилось до 4 тысяч в год в 1943 и 1944 гг., а в 1945 г., после введения в действие нового закона, стремительно упало до 679 (менее 6 % от цифры 1940 г.). В 1947–1948 гг. ежегодно совершалось от 4 до 5 тысяч разводов, в 1949–1950 гг. – до 7–8 тысяч, но только в 1960-е гг. их число сравнялось с показателями за 1940 г.⁶⁰ По всему Советскому Союзу количество разводов снизилось от 198 400 в 1940 г. до 6 600 (около 3 %) в 1945 г. и к 1948 г. возросло до 41 000⁶¹.

Судя по материалам латвийского партийного архива, после войны в большинстве случаев подавали на развод мужчины (часто по-

---

⁵⁸ Свод наиболее важных законодательных положений о разводе см.: Свердлов Г. М. Советское законодательство о браке и семье. М.; Л., 1949. С. 64.

⁵⁹ См.: Тадевосян В., Загоре С. Практика применения указа Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. о расторжении брака // Социалистическая законность. 1945. № 8. С. 6–7. По словам Тадевосяна и Загоре, прокуроры обязаны участвовать в процессе, но на практике это бывает редко, потому что они не знают, что должны делать. Мне не попадались упоминания об участии прокуроров в материале о разводах конца 1940-х гг.

⁶⁰ Цифры см.: ЦМАМ. Ф. 2511. Оп. 1. Д. 1.

⁶¹ Демографическая ситуация в СССР в 40-е годы (по документам «особой папки» Сталина) // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 28. Отметим, что в Москве в конце 1940-х гг. совершалось значительно больше разводов, чем в Советском Союзе в целом: количество разводов в Москве за 1948 г. составляло 40 % от показателей 1940 г., тогда как по Союзу – 20 %.

тому, что нашли другую партнершу), сопротивлялись разводу, как правило, женщины⁶². Это впечатление подтверждается гендерной классификацией заявителей, ходатайствующих о разводе, в делах, которые рассматривались коллегией Верховного суда СССР по гражданским делам в 1947 г.: из 103 заявителей, чью половую принадлежность оказалось возможным установить, 89 чел. (86 %) – мужчины⁶³. Нельзя сказать, что женщины реже прибегали к юридическим мерам, поскольку суды были завалены их заявлениями о взыскании алиментов на детей. Проблема неуплаты алиментов в случаях раздельного проживания и развода всегда существовала в Советском Союзе, но теперь она обострилась: как отмечал Генеральный прокурор СССР, число направленных в прокуратуру жалоб по поводу неуплаты алиментов в 1946–1947 гг. резко возросло, а их удовлетворение затруднялось тем обстоятельством, что многие неплательщики попросту исчезли, воспользовавшись послевоенной неразберихой⁶⁴.

Одна из особенностей закона 1944 г. заключалась в том, что, требуя от лица, добивающегося развода, серьезных обоснований своей просьбы, чтобы суд мог ее удовлетворить, он не пояснял, какие именно основания считаются достаточно вескими⁶⁵. В подавляющем большинстве случаев, когда на развод подавал мужчина, настоящей причиной, по-видимому, служило желание жениться на другой женщине (с которой заявитель чаще всего уже сожительствовал и имел ребенка). Но иногда заявители ссылались на разнузданное поведение жены (которая, к примеру, «оскорбляла и угрожала застрелить» мужа) или ее неверность⁶⁶. Бывало, муж утверждал, что отдалился от жены из-за ее культурной отсталости. «Я квалифицированный инженер.

---

⁶² См.: LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 12. Д. 84 (Обзор о судебной практике Верховного суда Латвийской ССР по делам о расторжении брака, сент.–нояб. 1949 г.).

⁶³ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 5. Сами дела не были доступны исследователю, расчет сделан по архивной описи (с благодарностью Александру Лившину за помощь). Число заявителей, чья половая принадлежность не подавалась идентификации по фамилии, – 40 чел.

⁶⁴ Доклад Генерального прокурора СССР Горшенина, 23 дек. 1948: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3805. Л. 70. К. П. Горшенин замечает, что одно из самых распространенных средств избежать уплаты алиментов – «прекратить связь с семьей и скрывать свое местонахождение».

⁶⁵ Как говорит В. Тадевосян (Социалистическая законность. 1944. № 11. С. 41), закон 1944 г. «не перечисляет причин, служащих основанием для расторжения брака. Суд решает этот вопрос в индивидуальном порядке с учетом обстоятельств».

⁶⁶ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 12. Д. 84. Л. 12. Суд этому утверждению не поверил, придя к выводу, что на самом деле заявитель добивается развода, потому что живет с другой женщиной.

Я возвращаюсь в культурном обществе, – писал в заявлении о разводе некто Ф. – Мои друзья – инженеры, шахматисты – часто бывают у меня дома. Я шахматист-любитель. Моя жена – отсталая, некультурная личность. Она работает поварихой. Она не только художественную литературу не читает, но даже газеты читает очень редко. Она не умеет играть на пианино, понятия не имеет о шахматах и не интересуется ими. Мне стыдно перед товарищами за такую жену. Прошу расторгнуть наш брак»⁶⁷.

В последнем случае суду было сравнительно легко принять решение: он отказал инженеру Ф. в разводе⁶⁸. Но другие дела могли быть очень сложными, и особенно потому, что закон не конкретизировал основания для расторжения брака. Один ученый-правовед, анализируя 400 бракоразводных дел, рассмотренных за первый год применения закона, заключил (с одобрением), что суды, очевидно, считают адекватным основанием для развода взаимное согласие сторон, хотя порой не спешат расторгать брак в спорных случаях, когда есть маленькие дети, в остальном же трудно установить, какими критериями они руководствуются⁶⁹. Экспертные заключения юристов в 1946–1947 гг. рекомендовали развод, если брак явно и окончательно распался⁷⁰ или если он был заключен формально, но не повлек за собой подлинных супружеских отношений⁷¹. Супружеская измена сама по себе не считалась основанием для расторжения брака (правда, когда ее совершала жена, а не муж, к ней относились серьезнее), но, если неверный партнер фактически вступал в новый гражданский брак и у него рождался ребенок, развод ему обычно давали⁷². В 1946–

---

⁶⁷ Цит. по: Социалистическая законность. 1949. № 3. С. 5–6.

⁶⁸ Там же. Расследование, проведенное судом (или прокуратурой?) обнаружило, что эта пара жила в браке двенадцать лет и имела троих детей. Жена пять лет содержала мужа, выдвигенца из рабочих, пока тот учился. Когда суд разъяснил, что у Ф. нет оснований просить развода, «Ф., смущенный, забрал заявление и попросил у жены прощения».

⁶⁹ Свердлов Г. М. Некоторые вопросы судебного расторжения брака // Советское государство и право. 1946. № 7. С. 23–26.

⁷⁰ Например, в деле пары, которая разошлась в 1944 г., поделив совместно нажитое имущество и договорившись, что двое детей останутся с отцом (Судебная практика Верховного суда СССР. 1946–1947. Вып. 9. С. 7).

⁷¹ Это может означать отсутствие консуммации брака: суд пришел к выводу, что «фактическое отсутствие брачных отношений» является основанием для расторжения брака, но в комментарии к решению не говорится о половых отношениях, основное внимание сосредоточено на том, что супруги живут в разных квартирах и у них обнаружилось «большое несходство характеров» (Там же. С. 7–8).

⁷² См.: Социалистическая законность. 1946. № 6. С. 29.

1947 г. Верховный суд рассматривал апелляцию по одному делу, касавшемуся высокопоставленной персоны (генерала и члена Академии наук). Суд низшей инстанции не удовлетворил его заявление о разводе, потому что этому противилась жена и в семье был ребенок (для заявителя – приемный). Однако Верховный суд пересмотрел это решение на том основании, что жена стремилась сохранить не столько брак, сколько права на имущество мужа, супруги не имели общих детей, а от нового («счастливого») союза генерала уже появился на свет один ребенок и ожидался второй⁷³.

Положение осложнилось в 1949 г., когда Верховный суд СССР решил, что суды низшей инстанции чересчур либеральны в вопросе о разводе. Число разводов действительно стало резко расти, хотя все еще не достигало довоенного уровня: в 1949 г., несмотря на предполагаемое влияние июльского решения Верховного суда во второй половине года, в Москве совершилось разводов на 63 % больше, чем в 1948-м⁷⁴. И, по-видимому, стремительное падение их числа в первые послевоенные годы объяснялось не столько отрицательными вердиктами судов, сколько тем, что запуганные граждане не решались подавать на развод⁷⁵. Верховный суд вознамерился изменить ситуацию. Суды, объявил он, ошибаются, если полагают, будто «желание супругов расторгнуть брак» – достаточная причина, чтобы их развести. И не следует думать, что вступление мужа во внебрачную связь с другой женщиной само по себе является основанием для расторжения законного брака. Народные суды недостаточно серьезно относятся к возложенной на них задаче примирения супругов. Они должны помнить, что самое главное для них – «укрепление советской семьи и брака» (в интерпретации Верховного суда на тот момент это означало сохранение уже легально существующих браков)⁷⁶.

О серьезности намерений Верховного суда свидетельствует вердикт по делу, которое прошло несколько судебных инстанций. Тридцатидвухлетний брак П. «прекратился» в 1940 г. Во время войны жена П. была в эвакуации, местопребывание мужа, по-видимому

---

⁷³ Судебная практика Верховного суда СССР. 1946–1947. Вып. 7. С. 19–20.

⁷⁴ См.: ЦМАМ. Ф. 2511. Оп. 1. Д. 1. Цифры таковы: 4 811 разводов в 1948 г., 7 581 – в 1949 г.

⁷⁵ По данным Г. Свердлова, исследовавшего 400 бракоразводных дел 1945 г. (см. выше, прим. 69), отклонялись только 5–6 % заявлений. Даже в спорных случаях, составлявших около трети от общего количества, отрицательных решений было только 23 %.

⁷⁶ См.: Постановление пленума Верховного суда СССР, 16 сент. 1949 // Судебная практика. Верховного суда СССР. 1949. Вып. 11. С. 1–4.

высокопоставленного руководителя, неизвестно: вероятно, в силу возраста он не ушел на фронт, а оставался в Москве, в квартире, полученной им от своего ведомства. Как бы то ни было, в конце войны П. перевез туда другую женщину, а когда его жена, ставшая инвалидом первой группы, вернулась из эвакуации, отказался ее прописывать и не позволил опять вселиться в квартиру, попытавшись вместо этого сдать ее в психиатрическую лечебницу. Верховный суд охарактеризовал его поведение как «преступное» и подтвердил право жены жить в квартире мужа и получать от него материальную помощь⁷⁷.

Судя по имеющимся данным, новая директива Верховного суда произвела определенный эффект, но не переломила тенденцию роста числа разводов (в Москве, например, оно в 1950 г. увеличилось на 7 % по сравнению с 1949 г., хотя, конечно, это куда меньше, чем 63%-ный рост в предыдущем году)⁷⁸. В Латвии республиканский Верховный суд вынес отрицательные решения по 39 % бракоразводных дел, поступивших к нему по апелляции в сентябре–ноябре 1949 г. (и по 61 % спорных случаев)⁷⁹.

* * *

Имея дело с послевоенными материалами о частной жизни и разводе, видишь настоящую «борьбу полов», в которой враждебность между мужчинами и женщинами достигает уровня, немислимого в довоенный период. Свидетельств, приведенных в данной главе, недостаточно для решительных выводов, но представляется, что этот вопрос стоит дальнейшего изучения. Если послевоенная борьба полов действительно имела место, то война наверняка сыграла здесь важную и многостороннюю роль, разлучив семьи, что в результате привело к распаду браков, погубив множество мужчин и тем самым сделал мужчину дефицитным товаром, за который женщины – хотели они того или нет – оказались вынуждены сражаться. Еще одним влиятельным фактором, должно быть, стал закон о семье 1944 г., наложивший ограничения на развод.

В тот же период усилилось вмешательство партии в частную жизнь своих членов. (Неясно, возросло ли в такой же степени в первые годы после войны вмешательство государственных органов и адми-

---

⁷⁷ Судебная практика Верховного суда СССР. 1949. Вып. 4. С. 3.

⁷⁸ См.: ЦМАМ. Ф. 2511. Оп. 1. Д. 1. Точные цифры: 7 581 развод в 1949 г. и 8 091 в 1950 г. В последующие несколько лет прирост оставался примерно на том же уровне.

⁷⁹ LVA SPDN. Ф. 101. Оп. 12. Д. 84. Л. 129.

нистрации трудовых коллективов в частную жизнь беспартийных граждан, хотя очевидные свидетельства подобного вмешательства в середине 1950-х гг. имеются.)⁸⁰ Можно предположить, что для мужчин, служивших, как правило, мишенью критики, такое повышенное внимание было нежелательно, но это не обязательно верно в отношении женщин, которые обычно выступали в роли жалобщиц. Судя по материалам КПК (где речь идет об элите общества, поскольку КПК имела дело только с коммунистами и их семьями), многие женщины жаждали, чтобы партия вмешалась в их личную жизнь, ожидая от нее поддержки в конфликтах с уклоняющимися от ответственности мужьями и любовниками. Аналогичные надежды питали женщины, которые в 1930-е гг. просили государство и партию помочь им разрешить споры об алиментах на детей, но теперь тон их просьб изменился (до войны он был смиренно-просительным, после нее стал гневно-самоуверенным).

Использование доносов как оружия в супружеских битвах кажется, главным образом, новшеством послевоенного периода и характерно в основном для женщин. Разумеется, тут существовал инструментальный мотив – донос приобрел новый смысл, помогая предотвратить нежелательный развод. Но представляется вероятным, что женщины (в отличие от мужчин), как показывает эпиграф к данной главе, часто положительно реагировали на развивающийся патернализм партии-государства, считали себя под его защитой и использование доносов против мужей и любовников отражало эти настроения. Гипотеза, что женщины приветствовали вмешательство постсталинского партии-государства в «так называемую частную жизнь», а мужчин оно возмущало, заслуживает дальнейшей проверки.

Женщины писали доносы об аморальном поведении мужчин, рассчитывая, что их письма встретят у властей благосклонный прием. Это, возможно, объяснялось не только твердой линией государства в защиту семьи и против беспорядочных связей, но и энергичным государственным поощрением доносительства в послевоенный период: примером, в частности, может служить постановление 1947 г., согласно которому уголовной ответственности наряду с преступниками подлежали также лица, знавшие о преступлении, но не донес-

---

⁸⁰ См.: Field D. A. Irreconcilable Differences: Divorces and Conceptions of Private Life in the Khrushchev Era // *Russian Review*. 1998. Vol. 57. No. 4. P. 599–600; LaPierre B. Redefining the Hooligan: The Rise of Domestic Hooliganism, 1939–1966 (2-я глава диссертации «Defining and Policing Hooliganism in Soviet Russia, 1945–1964», над которой автор в настоящее время работает в Чикагском университете).

шие о нем (недоносители). Постановление (где речь конкретно шла о таких преступлениях, как хищение и растрата) вменяло доносительство в обязанность всем, не исключая членов семьи, и было охарактеризовано одним комментатором-юристом как «новое выражение общественного долга и общественной морали советского человека»⁸¹.

---

⁸¹ Это положение, содержащееся в постановлении Верховного Совета от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», рассматривается в ст.: Александров Г. Ответственность недоносителей по указам Верховного Суда СССР от 4 июня 1947 г. // Социалистическая законность. 1950. № 7. С. 26–34; Горелик И. Ответственность недоносителей по указам президиума Верховного Суда СССР от 4 июня 1947 г. // Социалистическая законность. 1950. № 12. С. 28–30.

ЧАСТЬ V

САМОЗВАНСТВО

ГЛАВА 13

МИР ОСТАПА БЕНДЕРА*

Образ плута имеет долгую историю и в реальной жизни, и в литературе. Это персонаж мирового фольклора¹. Главная его черта заключается в том, что он всех разыгрывает, обманывает и водит за нос; тем не менее фольклорный плут, как правило, вызывает симпатию и свои проделки зачастую совершает исключительно по веселости характера, а не ради личной выгоды. Фольклорные плуты бывают озорниками, как Тиль Уленшпигель; могут превращаться в животных; часто подрывают авторитет власти и протестуют против социальных условностей; среди них есть «умельцы», способные выпутаться из неприятностей, используя все, что окажется под рукой; иногда, подобно Гермесу (или Паку в шекспировском «Сне в летнюю ночь»), они даже служат посланцами богов². Значение образа плута в фольклоре толкуется на самые разные лады, но большинство интерпретаций подчеркивает его функцию ниспровергателя устоявшихся норм, чьи проказы (по словам Мэри Дуглас) заставляют людей осознать «необязательность общепринятых образцов» и показывают, что «любой способ упорядочения опыта может быть произвольным и субъективным». Как в мире бахтинского карнавала³, ниспровергательство это не постоянное и совсем не обязательно угрожает существующей власти: проделки плута «несерьезны, в том смысле, что они не представляют

---

* В основе этой главы лежит работа: *The World of Ostop Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 3. P. 535–557.*

¹ См.: Hynes W. J., Doty W. G. *Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticisms.* Tuscaloosa; London, 1993.

² Типология взята из книги Хайнса и Доти, см.: *Ibid.* P. 32–45.

³ См.: Bakhtin M. *Rabelais and His World / trans. H. Izwolsky.* Bloomington, Ind., 1984. P. 94, *passim.*

реальной альтернативы, а лишь дают радостное чувство свободы от формы вообще»⁴.

В каждом обществе и в каждой литературе – свои плуты. В современную эпоху одним из наиболее распространенных вариантов этого типа стал мошенник, прикидывающийся кем-то другим ради собственной выгоды, обычно для того, чтобы вытянуть деньги у легковерных простаков. Его литературные – а также, вполне вероятно, и реальные – архетипы создала Америка⁵. Говорят, будто «американский плут – по преимуществу бродячий торговец»⁶. На самом деле американская литература XIX в. предлагает широкий ассортимент типов мошенников, от харизматичных проповедников до продавцов «змеиного масла». «Мошенник» Германа Мелвила, классическое исследование на данную тему, написанное в 1850-х гг., показывает нам устрашающий легион подобных субъектов, которые орудуют на борту парохода, курсирующего по Миссисипи, и, прибегая ко всевозможным уловкам и личинам, заставляют пассажиров расстаться со своими денежками⁷.

В России литературная и реальная родословная плута имеет свои особенности, в частности акцент на самозванстве⁸. Классическим литературным примером часто считается гоголевский Хлестаков – молодой вертопрах, по пути из Петербурга в имение отца попадающий в небольшой городок, где местные чиновники ошибочно принимают его за правительственного ревизора и всячески стараются задоб-

---

⁴ Douglas M. The Social Control of Cognition: Some Factors in Joke Perception // *Man*. 1968. Vol. 3. No. 3. P. 365.

⁵ Отметим, однако, что фигура мошенника пользовалась также большим успехом в немецкой литературе XX в., в частности у дадаистов 1920-х гг., см.: Serner W. *Letzte Lockerung: Ein Handbrevier für Hochstapler und solche die es werden wollen*. München, 1984; 1-е изд.: 1927). Наверное, самое знаменитое из всех литературных произведений о мошенниках – роман Томаса Манна «Признания авантюриста Феликса Круля» (впервые опубликован в 1954 г., но действие его происходит лет на сорок-пятьдесят раньше, главным образом в Европе).

⁶ Greenway J. *Literature among the Primitives*. Hatboro, Penn., 1964. Цит. по: Hynes W.J., Doty W.G. *Mythical Trickster Figures*. P. 18.

⁷ Такого рода литературе посвящен ряд научных монографий, начиная с кн.: Kulmann S. *Knave, Fool, and Genius: The Confidence Man as He Appears in Nineteenth-Century American Fiction*. Chapel Hill, 1974. Одна из наиболее полезных: Lindberg G. *The Confidence Man in American Literature*. New York, 1982. Об американских мошенниках в реальной жизни см.: Maurer D.W. *The Big Con*. New York, 1940; Nash J.R. *Hustlers and Con Men*. New York, 1976.

⁸ Традиционные русские слова «плут» и «плутовство» в начале советского периода стали считаться устаревшими, и в прессе того времени для обозначения плутов чаще всего использовались термины «мошенник», «жулик» и «аферист».

рить взятками⁹. Более древний образец русского плута-самозванца – самозванцы, выдававшие себя за царей, например Лжедмитрии в начале XVII в. и Пугачев в XVIII в.¹⁰ В. Г. Короленко в конце XIX в. произвел от старого слова новый дериват «самозванщина» для обозначения разного рода мелких жуликов – странствующих святых старцев, самозванных инженеров, судей, чиновников, о чьей криминальной деятельности сообщала в рубрике «Происшествия» бульварная пресса 1890-х годов¹¹.

В тот же период, описывая уголовный мир Киева, А. И. Куприн отметил появление нового яркого типа преступника – афериста: «Он одевается у самых шикарных портных, бывает в лучших клубах, носит громкий (и, конечно, вымышленный) титул. Живет в дорогих гостиницах и нередко отличается изящными манерами. Его проделки с ювелирами и банкирскими конторами часто носят на себе печать почти гениальной изобретательности, соединенной с удивительным знанием человеческих слабостей. Ему приходится брать на себя самые разнообразные роли, начиная от посыльного и кончая губернатором, и он исполняет их с искусством, которому позавидовал бы любой первоклассный актер»¹². Один из приведенных Куприным примеров – Николай Савин, легендарный аферист рубежа XIX–XX вв. Среди его «подвигов» числится получение под именем графа Тулуз-Лотрека крупного займа у парижских банкиров для болгарского правительства. Благодарная нация была готова возвести «графа» на болгарский трон, но тут Савина при турецком дворе разоблачил парикмахер, знавший его в России¹³.

---

⁹ В действительности, как указала мне Катриона Келли, Гоголь настаивал (вопреки распространенному мнению), что Хлестаков не имел намерения никого обманывать, и в качестве литературного образца плута лучше может послужить герой пьесы XVIII в. «Хвастун» (автор – Я. Б. Княжнин), выдававший себя за графа.

¹⁰ О самозванцах см.: Ingerflom C. S. Les representations collectives du pouvoir et «l'imposture» dans la Russie des XVIIIe–XXe siècles // *La royauté sacrée dans le monde chrétien* / dir. A. Boureau, C. S. Ingerflom. Paris, 1992.

¹¹ См.: Короленко В. Г. Современная самозванщина // Полн. собр. соч.: В 9 т. СПб., 1914. Т. 3. С. 271–368.

¹² Куприн А. И. Вор // Собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 1. С. 416.

¹³ О карьере Савина см.: Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок» // Ильф И., Петров Е. Золотой теленок: Роман. М., 1995. С. 447–449. В самом романе Ильфа и Петрова Остап Бендер признает Савина своим достойным предшественником, чьи приемы, однако, уже не слишком пригодны в советских условиях: «Возьмем, наконец, корнета Савина. Аферист выдающийся. Как говорится, негде пробы ставить. А что сделал бы он? Приехал бы к Корейко на квартиру под видом болгарского царя, наскандалил бы в домоуправлении и испортил бы все дело» (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 107).

Архетипом мошенника в советской литературе стал Остап Бендер, персонаж сатирических романов И. Ильфа и Е. Петрова¹⁴. Критик-формалист В. Б. Шкловский проследивал происхождение Бендера не от русских предшественников, а от героев европейского и американского плутовского романа – лесажевского Жиля Блаза, филдинговского Тома Джонса, марк-твеневского Гекльберри Финна¹⁵. Однако «великий комбинатор» Ильфа и Петрова явно имел предтеч и в русской¹⁶, и в еврейской¹⁷ литературе, а также в лице реальных самозванцев и аферистов, подвизавшихся в России на рубеже веков. Подобно всякому уважающему себя мошеннику, Бендер способен с апломбом исполнять множество разных ролей, мгновенно меняя маски, и выпутываться из неприятностей, ловко импровизируя с помощью «подручных средств». Он завоевывает доверие недовольных «бывших», тоскующих по старому режиму («Двенадцать стульев»), без труда вливается в группу советских писателей, собирающихся освещать открытие Турксиба. Однако главный его талант, при всех мечтах о далеком сказочном Рио-де-Жанейро, – умение совершенно свободно и убедительно «говорить на большевистском языке», а самый испытанный прием, начиная с выступления в амплу «сына лейтенанта Шмидта» (героя революции 1905 г.), – использование этих лингвистических способностей для того, чтобы убеждать в своей добропорядочности доверчивых провинциалов или воспроизводить повадки советского бюрократа (присваивая заодно его привилегии).

Романы о Бендере не встретили полного одобрения у властей (и, кстати сказать, у интеллигенции) из-за своего легкомысленного характера и отсутствия в них четко выраженной нравственной позиции, зато мгновенно и надолго завоевали популярность у советских

---

¹⁴ «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931).

¹⁵ См.: Шкловский В. «Золотой теленок» и старый плутовской роман // Литературная газета. 1934. 30 апр. С. 3.

¹⁶ См., напр.: Эренбург И. Хулио Хуренито (1922) // Собр. соч.: В 9 т. М., 1962–1967. Т. 1; Каверин В. Конец хазы (1924) // Собр. соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 5–86. Эпитет «великий комбинатор», данный Бендере Ильфом и Петровым, напоминает эренбургское «великий провокатор» («Хулио Хуренито»). Высказывалось также предположение, что прототипом Бендера послужил герой повести И. Л. Кремлева-Свена «Сын Чичерина», напечатанной в сатирическом журнале «Бегемот» в 1926 г., но сам Кремлев это отрицал, утверждая, что и он, и Ильф с Петровым просто откликнулись на одно и то же явление действительности – расцвет самозванства в начале 1920-х гг. См.: Кремлев И. В литературном строю. Воспоминания. М., 1968. С. 189–190.

¹⁷ См.: Litvak O. The Literary Response to Conscriptation: Individuality and Authority in the Russian-Jewish Enlightenment: Ph. D. diss. Columbia University, 1999. P. 32.

читателей¹⁸. Хотя эпоха огромных тиражей в советском книгоиздании наступила только после 1956 г., эти две книги, печатавшиеся и вместе и по отдельности, выдержали до Второй мировой войны двадцать изданий¹⁹. За исключением, может быть, неслышимого и пламенного Павла Корчагина из полуавтобиографического романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1932), никто из «положительных героев» социалистического реализма в 1930-е гг. не мог похвастаться такой славой и популярностью, как Остап Бендер, и, конечно, ничьи высказывания не цитировались так часто и не были так быстро усвоены разговорной речью²⁰.

Тема советских мошенников нечасто возникает в работах по советской истории (примечательное исключение – недавнее увлекательное исследование Гольфо Алексопулоса, посвященное крупному мошеннику 1930-х гг., Громову)²¹. И очень жаль, потому что в особен-

---

¹⁸ О превратностях отношений Ильфа и Петрова с режимом и интеллигенцией и об их высоком авторитете в глазах публики см.: Курдюмов А. А. В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Париж, 1983. Статистику выдачи книг в библиотеках в начале 1930-х гг., свидетельствующую о высоком читательском спросе на произведения Ильфа и Петрова, см.: Вулис А. И. Ильф, Е. Петров. Очерк творчества. М., 1960. С. 4, прим. 1 (цитируется «Правда» от 7 июня 1934 г.). О толпах людей, которые пришли почтить память И. Ильфа, когда тот скончался в 1937 г., см. воспоминания М. Ардова: Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове. М., 1963.

¹⁹ Не считая публикаций в периодике (и «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» сначала печатались отдельными выпусками в журнале «30 дней», в 1928 и 1931 гг. соответственно). Общее число экземпляров в довоенных тиражах книжных изданий превышало 260, см.: Préchac A. Ilf et Petrov. Témoins de leur temps. Stalinsme et littérature. Paris, 2000. Vol. 3. P. 751–753. О послевоенной судьбе и истории публикации романов о Бендере см. ниже, гл. 14.

²⁰ Даже враждебно настроенные критики романов Ильфа и Петрова отмечают, с какой скоростью афоризмы Бендера вошли в разговорную речь. Примеры см.: Белявин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994. С. 21, 61, 85, 134. (Благодарю Стивена Ловелла за то, что привлек к ним мое внимание.)

²¹ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 4. Темы самозванства касается мимоходом, не рассматривая ее непосредственно, Арч Гетти (Getty J. A. Origins of the Great Purges. Cambridge; New York, 1985), обращающий внимание на беспокойство партии по поводу обманного проникновения в ее ряды и махинаций с партбилетами. Приводя примеры таких махинаций, Гетти рассказывает об одесском уголовнике, который с помощью поддельного партбилета ограбил Государственный банк (Ibid. P. 32). «Не было бы ничего удивительного... – предполагает он, не имея точных данных на этот счет, – если бы обнаружилось, что [партийные] билеты дорого стоили» на черном рынке (Ibid.). Ныне архивные материалы свидетельствуют, что это действительно так и на черном рынке бойко шла торговля и партбилетами, и другими идентификационными документами.

Рис. 10. Остап Бендер в одиночестве танцует танго, мечтая о Рио-де-Жанейро и прижимая к груди папку, которая, как он надеется, должна принести ему богатство. Рисунок К. Ротова для первой публикации романа «Золотой теленок» в журнале «30 дней» (1931). Репродукция из кн.: Ильф И., Петров Е. Собр. соч. М., 1961. Т. 2. С. 233

ности социальным историкам она помогла бы многое узнать. Мошенник на свой лад является проницательным социальным комментатором. Доскональное знание современных ему социальных и бюрократических практик для успеха его замыслов не менее важно, чем способность внушать доверие. Главное оружие ловкачей-махинаторов, о которых рассказывается на следующих страницах, заключается в умении безошибочно лавировать в дебрях советской бюрократии, вечно требующей «бумажки» и принимающей на веру любой официальный бланк с печатью, и манипулировать советскими гражданами, постоянно алчущими дефицитных потребительских товаров и хватающимися за любую возможность приобрести их «левым» путем. Они знают, как добраться до наличности (в советских условиях это означало и товарную «наличность»), осевшей в директорских фондах советских предприятий. Им известны различные каналы, по

которым благодаря патронажу и блату циркулируют товары в «первой» и «второй» экономиках. Они разбираются в том, какие должности и статусы дают преимущественный доступ к товарам и услугам и как использовать для личной выгоды распространенные обычаи – например, письменных ходатайств.

Моя цель в данной главе – рассмотреть истории мошенников, реальных и вымышленных, как часть советского дискурса и с их помощью исследовать различные социальные, культурные и бюрократические практики. Источниками мне послужили в первую очередь сообщения центральных и региональных газет о мошенниках и их махинациях, а также некоторые судебные дела, воспоминания и материалы российских государственных и партийных архивов, в том числе одно серьезное дело, о котором много говорилось в донесениях сталинских спецслужб в послевоенный период. Я широко привлекала и литературные источники, поскольку в 1920-е и 1930-е гг. с необычайной интенсивностью шел процесс симбиоза между «реальными» мошенниками (которые известны нам благодаря рассказам журналистов и прокуроров, а в отдельных случаях – их собственным откровениям) и их литературными двойниками: это значит, что на вымышленные истории оказывали влияние отчеты о «реальных» событиях, но и повествования о случаях «из реальной жизни» многим обязаны художественной литературе²².

Революция и самозванство

Революции среди прочего вызывают кризис идентичности, требующий от граждан пересотворять себя заново²³. В своих воспоминаниях о времени Гражданской войны на юге писатель Константин Паустовский – уроженец Одессы, так же как Ильф и Петров, – показывает, что грань между подобным пересотворением и мошенничеством очень тонка. В первой главе, озаглавленной «Предки Остапа Бендера», Паустовский описывает, как он сам, растерянный молодой человек, влачивший голодное и бесцельное существование в Одессе в 1920 г., принял участие в чисто бендеровской аванюре группы журналистов, которые, не имея никаких официальных полномочий, объявили себя «информационным отделом» только что созданного

---

²² Подробнее об этом см. ниже, с. 310.

²³ Это положение развивается в моей статье: Fitzpatrick S. Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in Twentieth-Century Russia // *Kritika*. 2001. Vol. 2. No. 3. P. 469–487.

советского учреждения под названием Опродкомгуб²⁴. Наглость по-полам с удачей помогли журналистам легализовать свой «отдел» и попасть в официальный штат служащих учреждения, получающих оклады и пайки²⁵. В конце главы (впервые опубликованной уже в советскую эпоху) Паустовский довольно неловко сворачивает рассказ об удачной афере, уверяя, что он и его друзья потом во всем признались своему новому начальнику и тот не только их простил, но и сказал, будто все время знал об обмане²⁶. Благодаря подобной развязке государство по-прежнему выглядит всеведущим, как ему и положено, а мошеннический трюк превращается в нечто совершенно иное – классический революционный сюжет об «интеллигентах, пришедших работать на советскую власть».

История Паустовского помогает понять расцвет самозванства в послереволюционные десятилетия и реакцию на него в обществе. Она заставляет предположить, что для многих людей в революционную эпоху мир Остапа Бендера не был какой-то особой, чуждой средой, где мошенники проворачивают свои делишки, а органы правосудия делают все возможное, чтобы их поймать и наказать. Они сами жили в этом мире, и, чтобы выжить в нем, каждому приходилось стать немножко махинатором и самозванцем.

Мошенники, особенно прикидывающиеся должностными лицами и использующие в своих целях язык и нравы советской бюрократии, – привычная примета советского городского ландшафта в межвоенный период. 1920–1930-е гг. стали благодатной порой для аферистов и самозванцев всех мастей (в особенности перед всеобщей паспортизацией); характерным типом мошенника в СССР был жулик, выступающий в роли официального лица и с устрашающей беглостью изъясняющийся на «советском» языке, который многим простым людям еще только предстояло усвоить. О широком распространении такого рода самозванства современники знали благодаря газетным репортажам (их авторы иногда называли своих героев «настоящими Остапами Бендерами»), анекдотам и собственному повседневному опыту. На черном рынке в 1920–1930-е гг. процветала торговля пустыми официальными бланками, печатями и всевозможными поддельными документами – партийными, комсомольскими, профсоюзными билетами, трудовыми книжками, паспортами, справками

---

²⁴ По словам Паустовского, это расшифровывалось как «Особый продовольственный губернский комитет».

²⁵ Паустовский К. Повесть о жизни: Время больших ожиданий // Собр. соч.: В 9 т. М., 1981–1986. Т. 5. С. 6–23.

²⁶ Там же. С. 22–23.

о прописке, справками из местных советов, удостоверяющими личность и социальное положение их обладателя, и т. д. После введения паспортов в 1933 г. добывать такие документы стало труднее и опаснее, но, разумеется, не совсем невозможно²⁷.

Самозванство как таковое согласно Уголовному кодексу не являлось уголовным преступлением, хотя «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или права на имущество или иных личных выгод (мошенничество)» (ст. 169) и подделка или использование подложных документов (ст. 170) считались противозаконными²⁸. Огромное множество советских афер базировалось на трех обстоятельствах: ненасытной жажде документов у новой советской бюрократии, доверчивости многих чиновников к любым предъявляемым бумагам и сравнительной легкости, с какой можно было достать поддельные или фальшивые документы. Наличие в более или менее свободном доступе массы поддельных документов оказалось чрезвычайно полезно для мошенников. У одного 25-летнего афериста, задержанного в 1925 г., обнаружили партбилет, полученный якобы еще до революции, профсоюзный билет, членские карточки Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а также документы, удостоверявшие его участие в революции 1905 г. (!)²⁹. Но в поддельных документах нуждались не одни только мошенники. Многим в принципе честным гражданам тоже приходилось прибегать к их помощи – например, чтобы скрыть факт раскулачивания своей семьи.

Одна из традиционных форм русского самозванства – присвоение громкого имени и титула (в том числе и царского) – пережила революцию и успешно адаптировалась к советским условиям. Она

---

²⁷ Интервью послевоенного Гарвардского проекта дают много информации об этом. См., напр.: Russian Research Center, Harvard University. Project on the Soviet Social System. Interview Records. «А» Schedule Protocols. # 167 (v. 13). P. 12–13; # 358 (v. 19). P. 18; # 432 (v. 21). P. 19; # 87 (v. 30). P. 3; # 338 (v. 33). P. 3, 19–20; # 527 (v. 27). P. 29. Один источник называет ходовую цену на поддельные паспорта в сельских районах Мордовии в 1935 г. – от 50 до 80 рублей: Известия. 1935. 15 мая. С. 3.

²⁸ См.: Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. с постанейно-систематизированными материалами / сост. С. С. Аскарханов и др. М., 1927; Уголовный кодекс. С изменениями на 1 июня 1937 г. М., 1937. Как ни удивительно, но даже выдача себя за официальное лицо не считалась преступлением. Единственный тип самозванства, специально упоминаемый в кодексе, – занятие врачеванием без надлежаще удостоверенного медицинского образования (ст. 180).

²⁹ Кремлев И. В литературном строю. С. 189–190.

весьма занимала писателей 1920-х гг. Ильф и Петров отмечали, что по всей стране «передвигаются фальшивые внуки Карла Маркса, несуществующие племянники Фридриха Энгельса, братья Луначарского, кузины Клары Цеткин или, на худой конец, потомки знаменитого анархиста князя Кропоткина»; И. Л. Кремлев написал об одном таком случае небольшую повесть «Сын Чичерина»; М. А. Булгаков опубликовал фельетон под названием «Лжедмитрий» о человеке, называвшем себя братом наркома просвещения Луначарского³⁰. Как рассказывает Булгаков, фальшивый Луначарский обратился в одно провинциальное учреждение и заявил, что прислан из Москвы возглавить его, но, к несчастью, по дороге у него украли чемодан, деньги и документы. Это не вызвало сомнений у работников учреждения (так и вспоминается гоголевский «Ревизор»!): «А заведующего нашего как раз вызвали в Москву... и мы знали, что другой будет». Они великодушно снабдили самозванца деньгами, одеждой и другими предметами первой необходимости, выдали ему 50 рублей аванса, после чего «Дмитрий Васильевич» скрылся в неизвестном направлении»³¹. В другом похожем случае обманщик под именем председателя ЦИК Узбекистана Файзуллы Ходжаева объезжал южные городки, в том числе Ялту, Новороссийск, Полтаву, и «получал деньги у доверчивых председателей горисполкомов»³².

Как показывают эти примеры, самозванцы 1920-х гг. чаще имели обыкновение выдавать себя не за самих знаменитых людей, а за их родственников. Позже, в сталинскую эпоху, распространенная практика просьб и ходатайств в адрес сильных мира сего породила особый вариант, когда автор ходатайства представлялся адресату давно пропавшим из виду родственником и просил о материальном вспомоществовании. К. Е. Ворошилов, долгое время занимавший пост главнокомандующего Красной армией, член Политбюро, получал

---

³⁰ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 20; Кремлев И. В литературном строю. С. 189. О булгаковском «Лжедмитрии Луначарском» см.: Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». С. 352. История самозванца у Ильфа и Петрова стала художественным произведением, повесть Кремлева была напечатана также как литературное произведение, однако позже он сам называл ее по сути документальной, а булгаковский фельетон относится к небеллетристическому жанру (хотя сейчас этот автор лучше известен именно как беллетрист). В плане стиля и содержания между этими тремя вещами очень мало различий. Почти наверняка замысел каждой из них был навеян газетными репортажами – но сами репортажи, в свою очередь, писались журналистами, которые все чаще имели возможность прочесть похожие истории в сатирической литературе.

³¹ Щеглов Ю. К. Комментарии к роману «Золотой теленок». С. 352.

³² Там же. Щеглов цитирует репортаж Л. Сосновского в «Правде» (1926 г.).

так много подобных писем, что они образовали особый раздел в его архиве³³.

«Братья Луначарского» любили также прикидываться старыми большевиками или героями революции и Гражданской войны. Знаменитый пример – тридцать «сыновей лейтенанта Шмидта» в «Золотом теленке»³⁴. В реальной жизни самозванство этого типа часто бывало долгосрочным проектом, а не разовой авантюрой (как в романе Ильфа и Петрова). Старые большевики и революционеры, герои Гражданской войны пользовались рядом привилегией: они имели право на первоочередное получение жилья, дополнительные пайки, доступ в закрытые магазины, а также вполне могли рассчитывать на персональную пенсию и хорошие перспективы продвижения по службе. Громов, мошенник, о котором писал Гольфо Алексопулос, однажды объявил себя партизаном, сражавшимся в Гражданскую войну на стороне красных: в 1920-х – начале 1930-х гг. в Сибири и других местах существовал официальный статус «красного партизана», дававший определенные льготы его обладателю³⁵. Авантюрист Сергей Месхи, перебравшийся в начале 1920-х гг. с Кавказа в Москву, выдавал себя за «старого большевика», «героя Гражданской войны» и даже «27-го бакинского комиссара». Благодаря этому он сделал весьма успешную карьеру, дослужившись в середине 1930-х гг. до поста директора московского отделения «Интуриста»³⁶.

---

³³ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 54. Д. 25, 33, 44, 57, 68, 81, 101, 127 (1945–1952 гг.). Судя по содержанию писем, некоторые представляли собой мошенническую уловку, но другие были написаны бедствующими или неуравновешенными людьми, потерявшими родных и пытавшимися на расстоянии создать эмоциональные узы между собой и политическим лидером, на которого обычно смотрели как на отца. Сам Сталин получал такие письма: например, один шестнадцатилетний мальчик в 1924 г. попросил у него разрешения взять фамилию Сталин, на что генсек ответил удивительно тепло: «Против присвоения фамилии Сталин никаких возражений не имею, наоборот, буду очень рад, так как это обстоятельство даст мне возможность иметь младшего брата (у меня братьев нет и не бывало)». См.: Источник. 1996. № 2 (21). С. 158.

³⁴ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 18–29.

³⁵ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man. P. 779. Эти льготы, по всей видимости, в середине 1930-х гг. были отменены, что вызвало возмущенную реакцию среди населения. См. рапорт заместителя начальника Западно-Сибирского управления НКВД от 14 февраля 1936 г.: ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 206. Л. 119–121.

³⁶ О разоблачении Месхи и суде над ним (главным образом за сексуальные преступления, а не за представление ранее ложных сведений о себе) см.: Известия. 1935. 10 июля. С. 4; 22 июля. С. 4.

Необычайную историю человека, неоднократно и подолгу носившего чужую личину, для которого притворство и грандиозные авантюры стали образом жизни, недавно обнаружил в одном московском архиве Гольфо Алексопулос. Самозванец Громов начал свою удивительную карьеру с того, что представлялся инженером и начальником промышленных новостроек. «Громов... разгуливал в форме сотрудника ОГПУ со значком партизана. В любой организации он говорил, что пришел по поручению наркома Микояна»³⁷.

Самозванное присвоение официального статуса лежало в основе огромного множества советских афер. Один мошенник «раздобыл военную гимнастерку и начал являться в различные учреждения под видом командира Красной армии»³⁸, другой выдавал себя за следователя Прокуратуры СССР³⁹. Леонид Иноземцев, образованный человек с культурными манерами, для своих махинаций мастерски пользовался телефоном. Притворяясь сотрудником правительственного аппарата, он звонил родным недавно умерших советских функционеров среднего звена и говорил, что в знак признания выдающихся заслуг покойного им предоставляется возможность заказать продукты и другие товары по низким ценам из закрытого магазина для элиты. (Система «закрытого распределения» по особым спискам, существовавшая в течение всей сталинской эпохи и еще долго после нее, тесно срослась со «второй экономикой» и давала повод для многих злоупотреблений.)⁴⁰ Люди делали заказ, Иноземцев уславливался с ними о встрече в определенном месте, чтобы передать продукты, а когда заказчики приходили, забирал у них деньги и исчезал⁴¹.

Некто Халфин, уроженец Тифлиса, специализировался на том, что разыгрывал по телефону роль советского начальника или его секретаря и давал сам себе фальшивые рекомендации.

«Нужна, например, Халфину машина, – он немедленно звонит в гараж какого-нибудь наркомата:

– Алло! Подайте машину наркома.

И через несколько минут Халфин едет в машине.

От имени МК комсомола Халфин рекомендует себя на работу: «К вам придет прекрасный парень. Всячески рекомендую комсомоль-

---

³⁷ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man. P. 780. Громов ходил по организациям с проектом строительства рыбоконсервного завода, а А. И. Микоян был наркомом продовольствия и членом Политбюро.

³⁸ Красная газета (Ленинград). 1936. 6 мая. С. 4.

³⁹ Известия. 1936. 11 янв. С. 6.

⁴⁰ См.: Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. М., 1993. С. 63–107.

⁴¹ Шейнин Л. Записки следователя. М., 1965. С. 76–80.

ца Халфина». А вслед за этим разговором в учреждение является и сам «прекрасный парень»».

Подобные уловки помогли Халфину в 1931 г. устроиться секретарем в один из отделов Наркомата внешней торговли. Когда у него попросили документы, он немедленно ушел с работы. Все так же, с помощью телефона, он получил новое место – консультанта в Наркомате юстиции: «...Но здесь его вскоре разоблачили. Халфина пригласили к следователю, арестовали и дали “путевку” в горсуд, который приговорил авантюриста к 2 годам заключения»⁴².

Бывали особо изощренные аферы, когда изобретались целые государственные учреждения, с эффектными аббревиатурами в названии, со своими бланками, официальными печатями, штампами и прочими бюрократическими аксессуарами. Некий А. Левяго, потеряв работу в техническом институте, чтобы добыть денег, решил создать собственное мифическое ведомство – Центральное управление по оказанию научно-технической помощи и внедрению новейших достижений в строительную промышленность (сокращенно ЦУНТП). Действуя предположительно под именем бывшего сослуживца по институту, Левяго открыл счет в сберегательном банке, заказал печать и штамп. Затем он стал от имени ЦУНТП рассылать по школам и другим учебным заведениям предложения приобрести плакат в честь экспедиции челюскинцев стоимостью 21 рубль, каковую сумму следовало перевести на счет ЦУНТП⁴³. В скором времени на счету оказалось 18 000 руб., хотя ни одного плаката Левяго так и не выслал⁴⁴.

В 1930-е гг. такой же трюк, говорят, проделали два журналиста – не с целью наживы, а чтобы продемонстрировать уязвимость бюрократии перед лицом находчивых мошенников. Они поставили себе задачу легитимировать мифическую организацию и получить заказы на предлагаемую ею столь же мифическую продукцию. Заговорщики с помощью некой хитрости сумели раздобыть официальный штамп несуществующего Всесоюзного треста по эксплуатации метеоритных металлов, напечатали бланки и послали ряду промышленных предприятий письма с предложением поставить высококачественный металл, полученный из метеоритов, которые (как утверждал дутый трест) должны в ближайшем будущем в определенные дни упасть

---

⁴² Известия. 1935. 15 марта. С. 4.

⁴³ Арктическая экспедиция на пароходе «Челюскин» в 1933–1934 гг. и драматическая история спасения челюскинцев со льдины вызывала огромный интерес у советской общественности. См.: McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. New York; Oxford, 1998. P. 61–68.

⁴⁴ Известия. 1936. 5 февр. С. 6.

в Средней Азии. Несмотря на всю нелепость предложения, на него откликнулось множество различных экономических ведомств, в том числе Автомобильный трест, предложивший автомобили в обмен на металл. Ответные письма были предъявлены в Государственный банк, который ссудил крупную сумму на расширение деятельности треста. Затем заговорщики запросили у Наркомата тяжелой промышленности разрешение на строительство завода для обработки их «особых металлов» – и тут, наконец, кто-то почувал неладное. К большому разочарованию журналистов, им запретили публиковать эту историю, поскольку она выставляла на посмешище слишком много должностных лиц⁴⁵.

Провинциальные советские управленцы в 1920–1930-е гг. сильно зависели от визитов уполномоченных разных учреждений и членов политического руководства, которые регулярно наезжали к ним с проверкой или для наведения порядка. Подобная практика также порождала злоупотребления. Уже известный нам Громов, как мы помним, выдавал себя на Дальнем Востоке за эмиссара наркома продовольствия А. И. Микояна⁴⁶. Другой мошенник, проворачивая свои делишки в провинции, представлялся скромнее – «московским уполномоченным Главпрофобра⁴⁷». Этот «ученик Остапа Бендера», как называли его «Известия», открывал в провинциальных городах платные курсы по бухгалтерскому учету за 120 рублей (с оплатой вперед), рекламируя их с надлежащим соблюдением всех советских формул (например, члены партии и комсомола принимались на курсы в первую очередь). Занятия начинались лекцией «Место бухгалтерского учета в мировой экономике». После столь многообещающего вступления жулик скрывался вместе с собранными деньгами⁴⁸.

Одна из самых странных историй с участием мнимых «уполномоченных» произошла в 1927 г. в Джетысуйской области Казахстана, где коммунист по фамилии Мухаровский объявил себя уполномоченным «московского центра» партийной оппозиции. Мухаровский, по-видимому, действительно принадлежал к небольшой группе местных сторонников оппозиции (за что был исключен из партии), а так-

---

⁴⁵ An American Engineer in Stalin's Russia: The Memoirs of Zara Witkin, 1932–1934 / ed. M. Gelb. Berkeley, 1991. P. 211–212. Этими журналистами были А. Н. Гарри (Виткин называет его просто Гарри), работавший в «Известиях», и Бельский из сатирического журнала «Крокодил».

⁴⁶ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man. P. 780.

⁴⁷ Управление Наркомата просвещения, отвечавшее за профессионально-техническое образование.

⁴⁸ Известия. 1936. 12 янв. С. 4. Трюк успешно сработал в Азово-Черноморском крае и в Ташкенте, но в Ярославле мошенника задержали.

же мошенником, вытянувшим у казахских организаций 9 000 рублей и новую пишущую машинку. Однако роль представителя «московского центра» он, скорее всего, играл в попытке шантажировать местных руководителей промышленности, поскольку от имени этого «центра» передавал им требование скрывать, из тактических соображений, их предполагаемые симпатии к оппозиции, но поддерживать ее дело, помогая деньгами исключенным оппозиционерам, в частности самому Мухаровскому⁴⁹.

Большой популярностью у жуликов пользовалась личина сотрудника ОГПУ/НКВД. Громов, как известно, носил форму ОГПУ⁵⁰. Газеты часто сообщали о ворах, которые проникали в квартиры под видом оперативников органов внутренних дел, проводили там обыск и «конфисковали» все ценное⁵¹. Один предприимчивый жулик, назвавшись сотрудником НКВД, убедил ряд московских коммерческих магазинов позволить ему «обыскивать» покупателей под предлогом проверки документов⁵². Иногда к такого рода притворству прибегали по другим мотивам, например, чтобы завоевать престиж в местном сообществе. Один крестьянин со Средней Волги объявил себя агентом НКВД и сказал другим колхозникам, что, «если у кого есть жалобы, пусть ему отдадут, а он их пустит в ход»⁵³.

Литературному Остапу Бендеру однажды довелось изображать журналиста, то же самое делали и реальные мошенники⁵⁴. Еще одна

---

⁴⁹ 6-я Всеказахская конференция ВКП(б) 15–23 ноября 1927 года: Стеногр. отчет. Кзыл-Орда, 1927. С. 57–58. Мухаровский, человек, должно быть, не совсем психически нормальный, в разное время заявлял также, что он сын немецкого генерала, племянник начальника венской полиции и что он работал в ЧК.

⁵⁰ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man. P. 780.

⁵¹ См., напр.: Известия. 1936. 28 апр. С. 4; Красный Крым (Симферополь). 1937. 28 авг. С. 4. Такими же методами действовала одна саратовская банда, разве что там воры заявляли, что проводят обыск от имени уголовного розыска и налоговой инспекции: Коммунист (Саратов). 1935. 3 окт. С. 4.

⁵² Советская юстиция. 1937. № 4. С. 50.

⁵³ Красный Крым. 1937. 15 сент. С. 2. Этот особый тип обмана, подобно многим другим, практиковавшимся в советское время, имел дореволюционные корни. Среди рассказов Короленко о самозванцах начала XX в. есть история о деревенском парне Смоковенко, который в 1910 г. «надел папаху, привесил маску (!)... и явился в 12 часов в село Разумовку (Черниг. губ.), заявив, что он стражник и агент сыскаго отделения (маска, очевидно, подчеркивала звание *тайного* агента). Потребовав к себе обход, он произвел во многих домах форменные обыски... В действиях Смоковенко не было никаких признаков корысти, и присяжные его оправдали»: Короленко В. Г. Современная самозванщина. С. 328.

⁵⁴ Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 255–269. О реальном мошеннике, прикинувшемся корреспондентом «Известий», см.: Известия. 1936. 12 апр. С. 4.

проделка, аналогичная бендеровской, которая имела место в действительности и попала в газеты, – выступление в роли шахматного гроссмейстера (в «Двенадцати стульях» Бендер таким путем выманил у жителей деревни Васюки 50 рублей⁵⁵). В 1934 г. «Известия» сообщили, что бывший заключенный по фамилии Шкрябков (в отличие от Бендера, хорошо игравший в шахматы) написал себе рекомендательные письма на бланках шахматного журнала и под именем хорошо известного в стране шахматиста ездил по Советскому Союзу, проводя сеансы одновременной игры⁵⁶.

Приписывание себе несуществующей квалификации с целью получить работу было в 1920–1930-е гг. настолько распространено, что его даже вряд ли стоит называть мошенничеством. Засилье в промышленности «практиков» (т. е. инженеров без специального диплома) и обычай поощрять работников учиться без отрыва от производства придавали этому явлению некую «пограничную» легитимность⁵⁷. Тем не менее среди массы инженеров-практиков в советской промышленности 1930-х гг. попадались и настоящие мошенники. В качестве самозваного инженера и начальника строительства на промышленных новостройках в отдаленных районах СССР начал свою карьеру афериста Громов, и спустя некоторое время он, подобно многим другим, почувствовал, что сжился со своей ролью: «Если я... и присвоил звание инженера, не имея на то права, то почти за шестьдесят лет я приобрел опыт в области строительства»⁵⁸. Это замечание напоминает нам, что профессиональные мошенники во многих отношениях представляли лишь часть гораздо более широкой группы людей, которых революция заставила пересотворять себя. Так же как Громов, ощутивший, что стал более или менее настоящим инженером, обычный, не связанный с преступным миром гражданин, скрывающий нежелательное социальное происхождение, мог сказать, что «начал чувствовать себя именно тем, кем притворялся»⁵⁹.

В глазах властей переодевание также являлось формой самозванства, имеющего жульнические цели (во всяком случае это явствует

---

⁵⁵ См.: Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант. М., 1997. С. 368–384.

⁵⁶ Известия. 1936. 2 февр. С. 4.

⁵⁷ О «практиках» и их роли в советской промышленности см.: Bailes K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978.

⁵⁸ Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man. P. 783–784.

⁵⁹ Цит. по: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 161 (данная тема подробно рассматривается на с. 160–166).

из всех сообщений, которые я читала)⁶⁰. В Донбассе одна женщина по фамилии Заварыкина четыре года выдавала себя за мужчину, чтобы (как пишет газета) «жениться» на разных женщинах и обирать их: «За четыре года Заварыкина, щеголяя в мужском костюме, “женилась” 9 раз. И каждый раз она в первый же день спаивала своих “жен” до бесчувствия, а затем скрывалась, забирая с собою их вещи. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что Заварыкина – вполне нормальная женщина. Совершив очередную аферу, она сбрасывала мужской костюм и таким образом сбивала со следа работников Уголовного розыска»⁶¹. В другом случае женщина, переодевшись мужчиной, под именем А. Иудушкина работала ночным сторожем в кооперативном ресторане и таскала оттуда деньги. То, что Иудушкин был женщиной, открылось только после ареста и признания воровки. У читателя может возникнуть вопрос, зачем, собственно, ей понадобилось переодеваться, но в официальном сообщении без тени сомнения говорится: «Переодевание в мужской костюм и даже фиктивная “женитьба” на одной из знакомых – все это проделывалось аферисткой для того, чтобы успешно обрабатывать кооперативных простофиль»⁶².

* * *

Глядя на многообразие мошеннических трюков в 1920–1930-е гг., можно найти у них некоторые общие черты, заслуживающие комментария. В первую очередь следует отметить, что множество афер совершались по одной схеме: мошенник приезжал в отдаленный провинциальный город – на черноморское побережье, Дальний Восток, в Среднюю Азию, Поволжье или в один из тех безымянных маленьких городков центральной России, где так часто действовал Бендер, – проворачивал свои дела и мгновенно скрывался. Как показываютхождения Бендера, в провинции мошенничество легче сходило с рук, а стремительное бегство с места преступления служило наилучшим способом замести следы. Единственный недостаток российской провинции заключался в том, что она была слишком бедна и даже удачное жульничество там приносило весьма скудную поживу.

---

⁶⁰ По-видимому, в царской России власти смотрели на это точно так же. Короленко рассказывает о нескольких случаях переодевания в 1890-е гг., в том числе о женщине, переодевавшейся в мужчину, которая, по словам писателя, происходила из семейства, вообще склонного к самозванству, – ее брат выдавал себя то за военного врача, то за профессора Казанского университета, то за сына эмира Бухарского. См.: Короленко В. Г. Современная самозванщина. С. 348.

⁶¹ Известия. 1935. 15 дек. С. 4.

⁶² Рабочий путь (Смоленск). 1937. 6 июля. С. 4.

Что касается общих уроков, которые можно извлечь, исследуя тему мошенников сталинской эпохи, то сатирический характер имеющихся текстов не позволяет замахнуться на что-нибудь чересчур многозначительное и высокопарное. В работах, посвященных советскому обществу, слова о том, что такие-то и такие-то социальные явления несовместимы с тоталитарной моделью, уже превратились в клише; тем не менее в данном случае это клише не мешает повторить, поскольку, хоть Остап Бендер и аттестовал себя как «идейного борца»⁶³, трудно усмотреть эффективную тоталитарную мобилизацию и контроль в обществе, где до такой степени процветают мошенничество и самозванство. Советское государство, которое водили за нос реальные бендеры, отличалось не столько тоталитарным контролем, сколько плохими коммуникациями, отсутствием эффективной отчетности, институциональными традициями накопления «про запас» и «внебюджетного» распределения, легковерием и необразованностью чиновников, повсеместной привычкой полагаться на личные связи.

Когда речь идет о советских мошенниках, самым примечательным, помимо их пронизательности в качестве наблюдателей социальных практик и ловкости в манипулировании этими практиками, мне кажется то, как на них реагировали остальные люди. В 1920–1930-е гг. фигура афериста, судя по всему, необычайно занимала воображение населения СССР. Мало того, что из всех советских литературных героев Остап Бендер пользовался у читателей самой большой популярностью (хотя значение этого факта тоже не стоит недооценивать), – но и похождения реальных мошенников привлекали большое внимание, часто с оттенком восхищения, со стороны журналистов и даже официальных лиц⁶⁴. Граница, которая, по идее, должна четко отделять мошенников от писателей, журналистов и других предположительно законопослушных граждан, стала странно расплывчатой. Журналист Гарри прикидывался жуликом; писатель Паустовский вел себя как аферист. С другой стороны, Ильф и Петров не только заставили своего Бендера в «Золотом теленке» изображать писателя, но и всячески постарались показать, что он владел советскими газетными штампами лучше профессионалов⁶⁵,

---

⁶³ Бендер называл себя «идейным борцом за денежные знаки». См.: Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 135.

⁶⁴ Увлечение журналистов темой мошенничества особенно заметно в «Известиях» середины 1930-х гг., когда газетой руководил Бухарин.

⁶⁵ См. составленные Бендером словарь обязательных «советских» слов и выражений и образцы написания произведений в разных жанрах, в том числе газетной передовицы и очерка-фельетона: Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 264–267.

а реальный мошенник Громов в завершение своей карьеры притворился (или действительно стал?) писателем и на этом основании просил о смягчении наказания⁶⁶. Как будто в сознании и писателей, и мошенников манипулятор человеческими душами (специальность мошенника) оказался неотличим от «инженера человеческих душ» (задача советского писателя)⁶⁷.

Такое слияние ясно показывает, что советская литература о плутах тоже имела подрывной аспект, тенденцию переворачивать с ног на голову общепризнанные иерархии и ценности и высмеивать официальные дискурсы, характерную для данного жанра. Но это еще не все: советские мошенники, виртуозы самосотворения, занимали свое место в великом революционном и сталинском проекте перековки человека и общества. Конечно, в строгом смысле слова Бендера вряд ли можно назвать Новым Советским Человеком – но кто был таковым в обществе Старых Досоветских Людей, старавшихся пересотворить себя? Находя скучным строить социализм⁶⁸, Бендер и его собратья-мошенники демонстрировали примеры строительства *своего* «Я». И это заставляет нас внимательнее присмотреться к самой метафоре строительства, ключевой для довоенного сталинизма. Не являлось ли притворство, специальность мошенников, ее оборотной стороной?

---

⁶⁶ Находясь в тюрьме, Громов написал пьесу и послал ее Вышинскому. Тот передал рукопись Льву Шейнину (фигура, уже знакомая нам в связи с темой мошенников), который, в свою очередь, направил ее на оценку в Союз писателей. См.: Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man. P. 785–788.

⁶⁷ См. заявление Бендера: «Я невропатолог, я психиатр. Я изучаю души своих пациентов» (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. С. 59).

⁶⁸ См. слова Бендера на этот счет: Там же. С. 25.

ГЛАВА 14

ЖУЛИК-ЕВРЕЙ*

В очерках о мошенниках, которыми изобиловали советские газеты 1930-х гг., вопрос об их национальной принадлежности не поднимался. Иногда тот или иной мошенник носил русскую или украинскую фамилию, иногда – еврейскую или грузинскую, но репортеры редко заостряли внимание на их национальности и никогда (во всяком случае в статьях, которые я читала) – если речь шла о еврее (или о ком-то похожем на еврея)¹. Однако мы не можем на этом основании предположить, что русские читатели не усматривали никакой связи между «жуликоватостью» и еврейством. Литературная традиция изображения евреев-мошенников (главным образом еврейскими писателями) существовала с 1920-х гг. Например, Каверин прямо называет своего вымышленного героя-налетчика Барабана евреем². В реальной жизни также попадались известные мошенники еврейской национальности, стоит вспомнить историю Громова, урожденного Гриншпана (не освещавшуюся в прессе тех лет). И прежде всего был Остап Бендер, герой двух самых популярных литературных произведений довоенной советской эпохи. У Ильфа и Петрова о нем говорится только, что он «сын турецко-подданного», но читатели, как

---

* Эта глава представляет собой дополненный вариант последних разделов статьи: *The World of Ostar Bender: Soviet Confidence Men in the Stalin Period // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 3. P. 546–557.*

¹ Если в газетных очерках о мошенниках 1930-х гг. и назывались фамилии (что случалось нечасто), они редко бывали еврейскими (исключение представляет Халфин: см. выше, с. 312–313). То же самое относится к рассказам в «Записках следователя» Шейнина (М., 1965), многие из которых впервые публиковались в газетах. Вполне возможно, что в 1920–1930-е гг. журналисты избегали приводить в своих статьях о мошенниках явно еврейские фамилии, дабы не способствовать закреплению антисемитских стереотипов.

² Каверин В. *Конец хазы* (1924) // Собр. соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 36. См. также об этом: Kochan L. *Jewish Themes in Soviet Russian Literature // Kochan L. The Jews in Soviet Russia since 1917.* London; New York, 1970. P. 196.

правило, считали его одесским евреем; вероятно, таковым он представлялся и самим авторам³.

Исследование вопроса о национальности Остапа Бендера могло бы остаться не более чем интересным примечанием к рассказу о мошенниках в сталинскую эпоху, если бы не тот факт, что после войны, в обстановке роста официального и народного антисемитизма, вылившегося в «дело врачей», тема еврейства не зазвучала под сурдинку в официальных сообщениях о мошенниках, в частности во время кампании против «ротозеев» в советском аппарате, которая была развернута одновременно с «делом врачей» в начале 1953 г. Притворство – основной прием мошенников, подразумевал новый дискурс, характерно и для евреев; евреи умнее русских, и именно русские обычно становятся жертвами двуличности мошенника/еврея. В этой главе я постараюсь нащупать точку соприкосновения сюжета о советском мошеннике с антисемитизмом в послевоенные годы.

Самозванство и мошенничество в послевоенный период

Учитывая, какой хаос произвела война, расцвет всевозможного жульничества, мошенничества и самозванства после ее окончания был практически неизбежен. За годы войны пропало или погибло множество личных документов, в том числе целые собрания городских записей о рождениях, смертях и браках. В архивах прокуратуры и милиции содержится немало донесений о поддельных паспортах и прописках или о настоящих документах, полученных в соответствующих инстанциях за взятку⁴. Привычные с довоенного периода

---

³ Относительно «турецких корней» Бендера М. Одесский и Д. Фельдман пишут в комментариях к роману «Двенадцать стульев» (Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Первый полный вариант. М., 1997. С. 467): «Ссылка на турецкое подданство отца не воспринималась современниками в качестве указания на этническую принадлежность героя. Скорее, тут видели намек на то, что отец Бендера жил в южнорусском портовом городе, вероятнее всего – Одессе, где многие коммерсанты, обычно евреи, принимали турецкое подданство, дабы дети их могли обойти ряд дискриминационных законоположений, связанных с конфессиональной принадлежностью, и заодно получить основания для освобождения от воинской повинности». Оба автора романов о Бендере родились в Одессе – городе, известном как центр и еврейской культуры, и еврейской преступности, правда, евреем был только Ильф (Курдюмов А. А. В краю непуганых идиотов: Книга об Ильфе и Петрове. Париж, 1983. С. 59). Рэчел Рубин пишет, что Бендер, «повидимому, еврей», указывая, что «некоторые критики прямо называют Бендера евреем или полуевреем, а некоторые обходят этот вопрос»: Rubin R. Jewish Gangsters of Modern Literature. Urbana; Chicago, 2000. P. 47, 154 (п. 78).

⁴ См., напр.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3874 (1947 г.); Д. 4570 (1948 г.).

формы жульничества и самозванства в первые послевоенные годы получили широчайшее распространение, однако произошло некоторое явное смещение акцентов, появились новые темы. Чаше, чем до войны, стали подделываться дипломы об образовании, махинации на стыке официальной и неофициальной экономик также переживали очевидный подъем. Самозванцы освоили новый жанр, прикидываясь героями и инвалидами войны.

Популярность афер с использованием фальшивых дипломов в послевоенный период, несомненно, связана с тем, что квалификация любого рода резко повысилась в цене и возрос престиж университетского образования⁵. Мошенники регулярно выдавали себя за инженеров⁶, врачей⁷ и других специалистов⁸. Разумеется, подобное явление существовало и до войны, о чем свидетельствует дело Громова, – но тогда в промышленности трудилось столько инженеров-«практиков», что прикинуться инженером, как поступал Громов, было достаточно легко, не беспокоясь о приобретении фальшивого диплома⁹. После войны поддельный документ начинает играть главную роль, поскольку работодатели, по всей видимости, стали настойчивее требовать официальных дипломов.

Подача просьб и ходатайств, лично или в письменной форме, была прочно укоренившейся социальной практикой и до, и после войны¹⁰. Случайно или нет, но в послевоенные годы мы находим больше сообщений о мошенничестве, связанном с личным ходатайством – когда проситель сам приходит изложить свое дело в государственное учреждение или посылает кого-то вместо себя. Депутаты Верховного Совета регулярно получали просьбы от граждан, и им вменялось в обязанность решать проблемы своих избирателей вместе с соответствующими ведомствами. В 1947 г. предприимчивый

---

⁵ В этой связи интересно отметить, что в 1945 г. было написано постановление об учреждении специального значка, который выпускники университетов могли носить на груди, как военную медаль, см.: ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 381. Л. 3–4. Политбюро, по-видимому, приняло это постановление 29 августа 1945 г., см.: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. М., 2001. Т. 3. С. 398 (№ 227). (Благодарю Марка Эделе за последнюю ссылку.)

⁶ См., напр.: Известия. 1953. 11 февр. С. 1 (передовица); 18 февр. С. 2–3; 25 марта. С. 2.

⁷ См., напр.: Правда. 1953. 7 февр. С. 2.

⁸ См.: Труд. 1953. 25 февр. С. 2.

⁹ Фактически диплом – почти единственный документ, который Громов, видимо, не дал себе труда подделать. См.: Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 4. P. 778.

¹⁰ О письменных просьбах и ходатайствах см. гл. 9.

жулик З. Д. Лаврентьев увидел возможность извлечь выгоду из этого обычая. Представляясь депутатом Верховного Совета РСФСР, Лаврентьев давал понять, что может – за определенную плату – помочь гражданам подать жалобу и добиться удовлетворения их претензий в советских инстанциях. Его арестовали, когда он в сопровождении своих клиентов явился в приемную заместителя прокурора г. Москвы и потребовал пересмотреть уголовные дела против них, размахивая депутатским значком (не в силах, однако, каким-либо иным образом подтвердить свои полномочия)¹¹.

Блат, неформальная система взаимных одолжений, благодаря которой граждане получали дефицитные товары и услуги, – еще одна довоенная практика, продолжавшая процветать и после войны¹²: журнал «Крокодил» ядовито превозносил в сатирических стихах «незаменимого» «блатмейстера» Антона Фомича, который «поднимет трубку, позвонит – / Любая база / Без отказа / Ему на помощь поспешит». «Вот, говорят, он плут отменный, – замечал один почтенный гражданин другому. – Да, это так. Он плут... но ценный!»¹³ Если антоны фомичи в реальной жизни и были махинаторами, то они, по крайней мере, действительно доставляли людям товары, в отличие от жуликов, выступавших в подобной роли. В Новосибирске в 1953 г. было, например, совершено мошенничество, которое основывалось не только на присвоении официального статуса, но и на убежденности жертв, что должностные лица могут по собственному произволу распоряжаться товарами, находящимися в их ведении, и что дефицитные товары чаще всего можно достать только через торговые точки, закрытые для широкой публики. Элегантно одетый человек, представлявшийся работником новосибирского управления розничной торговли, ходил по квартирам местной элиты, предлагая заказать свежие фрукты. Он собрал не одну тысячу рублей с доверчивых академиков, деятелей культуры, высокопоставленных хозяйственников и управленцев¹⁴.

---

¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3874. Л. 404. О росте во время войны и в послевоенные годы взяточничества, распространившегося даже в судебных органах, прокуратуре и милиции, см. сопроводительную записку к проекту нового закона против взяточничества 1946 г.: Там же. Д. 2825. Л. 140–144.

¹² О довоенном блаате см.: Fitzpatrick S. *Blat in Stalin's Time // Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s* / eds. S. Lovell, A. Ledeneva, A. Rogachevskii. London, 2000. P. 166–182.

¹³ Масс В., Червинский М. Незаменимый // Крокодил. 1952. № 9. С. 3.

¹⁴ Известия. 1953. 31 янв. С. 1. Подобно многим мошенникам, этот Захаркин был перелетной птицей. Ранее он успешно провернул такие же аферы в Казани и Томске.

Обманщики, рассказывавшие лживые байки о своей военной службе и ранениях, встречались повсюду – по той простой причине, что статус ветерана войны (особенно имеющего награды) или инвалида войны обеспечивал особые привилегии в получении товаров и работы, а также социальный престиж. Типичный пример – дело Александра Ивановича Рыбальченко, который в 1945 г., в возрасте 22 лет, раздобыл фальшивые документы и военную форму и начал притворяться фронтовиком-орденоносцем, удостоенным звания «Героя Советского Союза». Он жил тем, что разъезжал по Иркутской области, выступая с рассказами о своих боевых подвигах по приглашениям местных партийных комитетов, вдохновленных восторженными заметками в областной прессе. Ему как «герою» оказывали материальную помощь продуктами и другими товарами, дарили подарки восхищенные женщины¹⁵.

Несмотря на повсеместный расцвет мошенничества, литературный «великий комбинатор» Остап Бендер переживал не лучшие времена. Первые признаки грядущих неприятностей появились в 1946 г., когда издательству «Советский писатель» посоветовали «тщательно пересмотреть» произведения (в том числе Ильфа и Петрова), планируемые к переизданию в серии «Избранные произведения советской литературы»¹⁶. Год спустя отдел пропаганды и агитации ЦК рекомендовал тому же издательству убрать романы Ильфа и Петрова из серии (хотя оно, судя по всему, рекомендации не последовало)¹⁷. Затем в конце 1948 г. «Советский писатель» подвергся суровому осуждению за новое издание двух романов об Остапе Бендере тиражом в 75 000 экземпляров. В итоге романы Ильфа и Петрова было запрещено переиздавать, и запрет оставался в силе до 1956 года¹⁸.

Опала Остапа Бендера, несомненно, отражала более общие социально-политические тенденции, в том числе повышенную чувствительность в вопросе о советском (русском) достоинстве, а также, возможно, растущий антисемитизм¹⁹, однако ближайшие ее истоки,

---

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 437. Л. 221–224. О другом обманщике, притворявшемся фронтовиком, см.: Известия. 1953. 30 янв. С. 2.

¹⁶ Постановление Секретариата Союза советских писателей СССР от 15 ноября 1948 г. // Источник. 1997. № 5. С. 90.

¹⁷ Записка от 14 декабря 1948 г., подписанная Д. Т. Шепиловым и другими, см.: Там же. С. 92.

¹⁸ См.: Курдюмов А. А. В краю непуганых идиотов. С. 265.

¹⁹ Союз писателей осудил Ильфа и Петрова в том же месяце (ноябрь 1948 г.), когда был закрыт Еврейский антифашистский комитет (см. ниже, с. 330).

по-видимому, кроются в ситуации, сложившейся в литературе. Она последовала за скандалом вокруг рассказа М. М. Зощенко «Приключения обезьяны», осужденного за непочтительное отношение к советскому народу и советскому образу жизни. ЦК объявил в 1946 г., что Зощенко «клеветнически представляет советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами»²⁰. Два года спустя он обнаружил те же недостатки в романах Ильфа и Петрова: «Остап Бендер... по-своему смел, изворотлив, остроумен, находчив; в то же время все люди, встречающиеся на его пути... показаны как примитивные и смешные обыватели»²¹.

Афера Вайсмана

Дело Вениамина Боруховича Вайсмана воплотило многие характерные черты послевоенного мошенничества и, кроме того, дважды попадало на глаза Сталину в еженедельных докладах МВД в июне 1947 г.²² Вайсман, родившийся в 1914 г., был обычным вором, но после ампутации обеих ног и руки (отмороженных при неудачном побеге из лагеря) не смог дальше заниматься привычным ремеслом и переквалифицировался в мошенника. За 20 тысяч рублей он приобрел удостоверение дважды Героя Советского Союза и украсил свой китель семью орденами и тремя медалями. Тем самым Вайсман пополнил ряды многочисленных аферистов, присваивавших себе статус фронтовиков. Но он также воспользовался традицией ходатайств (правда, не совсем так, как в деле, о котором говорилось выше) и фактом наличия во всех бюрократических ведомствах значительных резервов «живых» денег и товаров, что составляло одну из структурных основ блата и «второй» (неофициальной) экономики.

---

²⁰ «Приключения обезьяны» были осуждены в постановлении Оргбюро ЦК «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.) как «пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей». См.: «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1994. С. 221.

²¹ Источник. 1997. № 5. С. 92. Эта же критика в основном была воспроизведена в статье «Серьезные ошибки издательства “Советский писатель”», напечатанной 9 февраля 1949 г. в «Литературной газете».

²² ГА РФ. Ф. 9401 («Особая папка И. В. Сталина»). Оп. 2. Д. 170. Л. 65–69, 77–79. Докладная, подписанная заместителем министра внутренних дел И. А. Серовым, адресована Сталину, Молотову, Жданову. Еще один доклад по тому же делу см.: ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3874. Л. 60–61. Обе докладных опубликованы в сб.: Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 478–480.

Вайсман приходил в министерства и другие центральные органы, представляясь раненым героем войны, который раньше работал в подведомственных им учреждениях, и просил выдать ему денежное пособие, отпустить те или иные товары или оказать другого рода помощь. Перед каждым визитом проводилась тщательная разведка: как объяснял Вайсман сотрудникам органов внутренних дел после ареста, его *modus operandi* заключался в том, чтобы добыть список директоров предприятий, подчиняющихся данному министерству, выбрать несколько подходящих имен, а затем собрать справки и документы, удостоверяющие его работу в данной отрасли промышленности до войны (зачастую справки писались должностными лицами под диктовку самого Вайсмана). Эти документы вкупе со знанием предприятий и фамилий их директоров придавали достоверность его словам, когда он посещал головное министерство.

Успеха Вайсман добился необычайного. Ему почти всегда удавалось попадать на прием к министрам или заместителям министров (дело само по себе нелегкое) и выманить у них десятки тысяч рублей или товары равноценной стоимости. В общей сложности на удочку Вайсмана попались двадцать семь министерств, в числе его жертв оказалось множество советских руководителей высокого ранга, например министр металлургической промышленности И. Т. Тевосян, министр транспортного машиностроения В. А. Малышев и министр финансов А. Г. Зверев²³. Иногда руководители, к которым приходил Вайсман, давали ему наличные деньги (до 3 000 рублей одновременно), но часто он также получал пособия «натурой»: скажем, в Министерстве лесной промышленности, где он представился шофером лесного кооператива, – 2 500 рублей плюс «отрез бостона, два пальто под каракуль, два дамских жакета и другие промтовары». Секретарь МК ВКП(б) Г. М. Попов распорядился выдать Вайсману два отреза бостона, один синий американский костюм, три пары обуви, 20 метров ткани и 300 рублей. Министр торговли А. В. Любимов обещал ему мануфактурные товары на 4 000 рублей – но из магазина, где эта мануфактура отпускалась, Вайсман ухитрился уйти с товарами на сумму, почти вдвое большую.

Чтобы обеспечить себе некоторые особые товары и услуги, Вайсман уговорил ряд высокопоставленных лиц воспользоваться их собственными «блатными» связями. Например, секретарь ЦК Н. С. Патоличев, ни больше ни меньше, поручил начальнику отдела руководящих кадров помочь Вайсману получить квартиру в Киеве; другой

---

²³ Министерству тяжелого машиностроения, по-видимому, принадлежит заслуга разоблачения Вайсмана, поскольку именно там его арестовали. См.: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 65.

сотрудник аппарата ЦК достал ему билет на самолет. В Киеве Вайсман добился, чтобы местные власти предоставили ему бесплатно мебель для квартиры, а также выдали 2 500 рублей и «из числа американских подарков 28 комплектов»²⁴. Члены Академии наук оказались не менее великодушны: после того как Вайсман навестил академиков Вавилова и Бардина, они взяли его под свое крыло и написали директору Протезного института профессору Чаплину письмо с просьбой принять Вайсмана в число пациентов и обеспечить высококачественными протезами.

В тоне, каким рассказывается история Вайсмана в докладе Сталину, не слышится чересчур сурового осуждения (Вайсман представлен не как «враг» – всего лишь как уголовный преступник, к тому же талантливый); по сути, в рассказе сквозит некое восхищение ловкостью мошенника, характерное для довоенных газетных репортажей на подобную тему, так же как и для романов Ильфа и Петрова. Этот доклад (точнее, два следующих друг за другом доклада) по стилю напоминает большой анекдот в одесском духе. Несомненно, он отражает манеру речи самого Вайсмана и его гордость своими достижениями, поскольку явно основан на материалах его допросов после ареста. Вайсман, изгой общества, преодолевая встающие на его пути трудности, проявляет чудеса находчивости, а его жертвы – могущественные коммунистические чиновники, которые распоряжаются огромными средствами и время от времени испытывают склонность (воспитанную в них системой ходатайства) совершать отдельные акты личной благотворительности, – выглядят недалекими и мягкотелыми. Стивен Ловелл писал о русском плутовском романе, что его герой «свободен от социальных и этнических обязательств и ограничений своих жертв; он чужой для групп, с которыми входит в контакт. Порой он может на самом деле казаться гораздо симпатичнее, чем представители этих групп...»²⁵

Если сравнивать «подвиги» Вайсмана с похождениями довоенных мошенников, больше всего поражает то, на каком высоком уровне государственной и политической элиты проворачивал свои аферы Вайсман. Мне не встречалось ни одного довоенного дела о мошенническом обмане министров и секретарей ЦК, хотя, учитывая фрагмен-

---

²⁴ Что это за подарки, не поясняется. Возможно, речь идет либо о товарах, поступавших по лендлизу, либо о пожертвованиях американских благотворительных организаций, которые, по обычаю советской бюрократии, поступали в распоряжение различных предприятий и ведомств, пополняя их фонды денежной и товарной «наличности».

²⁵ Lovell S. Reciprocity and the Soviet Cultural Revolution: The Literary Perspective // Bribery and *Blat* in Russia. P. 154.

тарный характер доступных нам источников довоенного периода, это еще не значит, что таких дел вовсе не было. С должной поправкой на неполноту данных мы все-таки можем предположить, что между серединой 1930-х гг. (к этому времени относится большинство имеющихся у меня сведений) и серединой 1940-х гг. произошли какие-то изменения (то ли свободных фондов у ведомств стало больше, то ли коррупция среди высокопоставленных управленцев возросла), сделавшие представителей высшего эшелона советского руководства более уязвимой мишенью для аферистов. Мы очень мало знаем о нравах советского государственного аппарата первых послевоенных лет, однако, судя хотя бы по огромным суммам, которые сумел выдобрать из него Вайсман, там явно было не все в порядке с финансовой отчетностью и процветала практика личных связей. При дальнейшем изучении афера Вайсмана может оказаться одним из первых тревожных сигналов о коррумпированности политической и государственной верхушки, которая стала очевидной в брежневскую эпоху.

Послевоенный антисемитизм

Тот факт, что Вайсман еврей, четко обозначен в первом предложении первой докладной записки о нем, представленной Сталину²⁶, но далее об этом больше не упоминается. Поскольку два пространных доклада на самый верх о деяниях одного-единственного мошенника – отнюдь не типичное явление, можно было бы подумать, будто национальность Вайсмана все-таки имела какое-то значение. Однако, по правде говоря, размах его преступлений, показанные ими слабые места советской системы и видное положение вайсмановских жертв (почти всех Сталин знал лично) служили достаточным оправданием для столь необычного внимания.

Тем не менее как раз в тот период поднял голову и народный, и фактически официальный антисемитизм. Народный антисемитизм, по-видимому, был усугублен (а до некоторой степени и порожден) войной, эвакуацией и оккупацией, правда, не до конца понятным образом. В Средней Азии враждебно встречали эвакуированных евреев, в частности, потому что они (как докладывал НКВД в 1942 г.) старались получить там работу «в системе торговли, снабжения и заготовок»²⁷.

---

²⁶ «Вор-аферист Вайсман Вениамин Борухович, он же Трахтенберг, он же Рабинович, он же Ослон, он же Зильберштейн, по национальности еврей, 33 лет, уроженец г. Житомира»: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 65.

²⁷ Костырченко Г. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 15.

На западных территориях, по мнению многих, немцы-оккупанты способствовали антисемитизму своим примером (хотя иногда бывало и обратное)²⁸. Но главным питомником антисемитизма во время войны представляется советская армия, откуда демобилизованные солдаты потом разносили его по всему Советскому Союзу. Антисемитизм военного времени в особенности сосредоточивался на тезисе о нежелании евреев служить в армии (давно укоренившийся элемент стереотипного представления о евреях в России, о котором нам напоминает и выражение «сын турецко-подданного» у Ильфа и Петрова) и являлся частью более широкого дискурса о привилегированном положении евреев и отсутствии у них патриотизма²⁹. На фронте евреев не было, писал анонимный автор в «Правду» в 1953 г.; евреи первыми покинули Москву, когда немцы подошли к ней в 1941 г. (имеется в виду – из трусости), и первыми вернулись, когда победа советских войск уже не оставляла сомнений (здесь подразумевается стремление воспользоваться моментом, в том числе чтобы занять квартиры, разведать, где хранятся товарные запасы, устроиться на хорошие места и т. д.)³⁰. «Я всю войну был в окопах, – сказал один куйбышевский рабочий, – видел много национальностей с собой рядом, но евреев не видел. Они не защищали наше отечество, они бегли на Восток, а мы, русские, шли на Запад»³¹.

Официальный антисемитизм представлял собой более двусмысленное явление. С одной стороны, национальная политика режима, в основе которой лежал принцип равенства всех национальностей и народностей, запрещала дискриминацию по национальному и этническому признаку, в том числе (и часто в особенности) антисемитизм. Это оставалось в силе и в конце сталинской эпохи. В 1946 г. официальный идеологический печатный орган партии «Большевик» объявил антисемитизм «пережитком расового шовинизма», сославшись (без точного указания источника) на слова, якобы принадлежащие Сталину: «...Антисемитизм, как крайняя форма расового шови-

---

²⁸ См. письмо Сталину от группы киевских евреев (октябрь 1945 г.), которые объясняли недавний погром в Киеве тем, что город ранее побывал в немецкой оккупации. Цит. по: Костырченко Г. В плену у красного фараона. С. 53.

²⁹ О дискурсах относительно евреев и военной службы в царское время см.: Litvak O. The Literary Response to Conscription: Individuality and Authority in the Russian-Jewish Enlightenment: Ph. D. diss. Columbia University, 1999. О смысле выражения «сын турецко-подданного» применительно к Остапу Бендеру см. выше, с. 321, прим. 3.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 602. Л. 32. О мифе насчет «отсутствия евреев на фронте» на Украине см.: Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001. P. 221–225.

³¹ ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 39.

низма, является наиболее опасным пережитком каннибализма»³². Комиссия партийного контроля действительно продолжала выносить порицания коммунистам, обвинявшим всех евреев за прегрешения отдельных представителей этой национальности, в то самое время (начало 1950-х гг.), когда официальный антиеврейский курс подразумевал, что именно так они и *должны* поступать³³. Даже во время вспышки антисемитизма в связи с «делом врачей» в 1953 г., явно спровоцированной действиями власти, местные партийные работники пытались остановить тех, кто «смешивает группу предателей с народом», напоминая им, что советская национальная политика направлена против антисемитизма³⁴.

Официальный антисемитизм всегда выражался косвенным образом, никогда не принимая форму прямых утверждений о вреде или неполноценности евреев и о том, что еврейская национальность как таковая уже дает основания для подозрений. С другой стороны, действия режима в недавнем прошлом (например, депортация «народов-предателей» во время войны) очевидно противоречили этой принципиальной позиции неприятия этнической дискриминации, так же как и ряд политических решений касательно евреев, принятых в 1940-е гг. Сразу после войны главными мишенями официального квазиантисемитизма стали Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), который был создан в 1942 г. как отделение Совинформбюро и представлял собой некую аномалию, учитывая нетерпимость режима к любым объединениям частного характера начиная с 1920-х гг., а также различные еврейские культурные учреждения и группы еврейской интеллигенции. В ноябре 1948 г. был упразднен ЕАК, в феврале 1949 г. – распущены еврейские писательские организации и закрыты еврейские театры³⁵. Весной и летом 1952 г. прошел закрытый судебный процесс над руководителями ЕАК, закончившийся вынесением тринадцати смертных приговоров по 58-й статье Уголовного кодекса, за преступления против государства³⁶.

---

³² Колбановский В. О коммунистической морали // Большевик. 1946. № 15. С. 24.

³³ См.: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1574. Л. 6. Этот документ 1951 г. не предназначался для печати, поэтому в нем, в отличие от осуждений антисемитизма в прессе начала 1950-х гг., нельзя заподозрить пропагандистский трюк с целью ввести в заблуждение зарубежных критиков.

³⁴ ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 25, 55.

³⁵ Костырченко Г. В плену у красного фараона. С. 124, 154, 162–164.

³⁶ См.: Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee / eds. J. Rubenstein, V. P. Naumov; trans. L. E. Wolfson. New Haven, 2001. P. XI, 491–492, *passim*.

Апогеем официального квазиантисемитизма в послевоенный период стало «дело врачей», о котором ТАСС объявил в коммюнике, перепечатанном всеми газетами, 13 января 1953 г. Оказалось, что группа кремлевских врачей, почти все с еврейскими фамилиями, арестованы за участие в террористическом заговоре против советских руководителей, инспирированном иностранными разведками: «Большинство участников террористической группы – Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие – были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”». Директивы «об истреблении руководящих кадров СССР» заговорщики получали, в частности, от «известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса». В лексике газетных передовиц звучало странное эхо эпохи культурной революции конца 1920-х гг.: сурово осуждая «правых оппортунистов, людей, стоящих на антимарксистской точке зрения “затухания” классовой борьбы», они утверждали (подобно Сталину в 1930-е гг.), что сами успехи советской власти ведут к обострению классовой борьбы: «В СССР эксплуататорские классы давно разбиты и ликвидированы, но еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали, – сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали – живые люди, скрытые враги нашего народа. Именно эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, будут вредить и впредь»³⁷. И теперь под скрытыми врагами явно подразумевались евреи.

Чего, собственно, хотел добиться Сталин, по всей видимости главный вдохновитель кампании против «врачей-убийц», и насколько далеко он собирался зайти – остается предметом для дискуссий³⁸. Поскольку ближайшие помощники Сталина в руководстве сразу после его смерти свернули кампанию и освободили осужденных врачей, мы можем предположить, что они считали все это неблагоприятным. И у них имелись причины так думать. Не говоря уже о том, что «дело врачей» подхлестнуло волну народного антисемитизма, а также всерьез и надолго испортило отношения режима с русской/советской интеллигенцией (среди которой евреи составляли

---

³⁷ Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 янв. С. 3. Данная цитата сильно напоминает высказывание Сталина в 1934 г., приводившееся выше, см. с. 61.

³⁸ В качестве одного из последних вкладов в полемику см.: Brent J., Naumov V. P. *Stalin's Last Crime. The Plot against the Jewish Doctors, 1948–1953*. New York, 2003. Беспристрастный обзор событий см.: Gorlizki Y., Khlevchiuk O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. New York, 1954. P. 153–159.

не просто значительную, но значительную *советскую* часть), такое официальное поощрение антисемитизма мгновенно ударило рикошетом по самому режиму. На Украине появились листовки, призывавшие вооружаться, чтобы «уничтожить евреев», – однако по сути это был призыв к вооруженной борьбе против советской власти. «Смерть евреям и коммунистам! – провозглашала одна из подобных листовок. – Везде заправляют жида. Зарплату рабочим урезают. Где наше добро, которое колхозы отдают государству? Требуйте повышения зарплаты и товаров в магазинах»³⁹. Другая листовка, ходившая в Киевской области, рекомендовала политические действия в легальных рамках, убеждая «рабочий класс и... трудовое крестьянство объединиться на выборах в местные советы... вокруг единого требования: убрать евреев... с Украины, потому что эти люди продались американскому империализму»⁴⁰.

В центральной России антисемитская кампания государства тоже вызвала бурную реакцию, хотя и не столь боевого характера, как на Украине. На собраниях, посвященных обсуждению сообщения ТАСС, которые в январе–феврале 1953 г. проводили партийные организации предприятий и учреждений⁴¹, постоянно звучали требования выслать всех евреев – в Сибирь, в Палестину или в США, часто со ссылкой на депортацию в годы войны «предательских» народов вроде крымских татар и чеченцев. Некоторые предлагали более мягкую меру – выгнать евреев из крупных городов (Москвы, Ленинграда, Киева)⁴². Одна из главных тем дискуссий в народе – привилегиро-

---

³⁹ Цит. по украинским архивным документам, опубликованным Мордехаем Альтшулером: Altshuler M. More about Public Reaction to the Doctors' Plot // Jews in Eastern Europe. 1996. Vol. 30. P. 28–29.

⁴⁰ Ibid. P. 45.

⁴¹ После войны ЦК партии периодически прощупывал общественное мнение относительно тех или иных внутривластных событий, например сообщения о «деле врачей» в 1953 г. или «закрытого доклада» Хрущева в 1956 г. От работников местных партийных комитетов требовали проводить на предприятиях и в партийных собраниях с обсуждением этих вопросов, запоминать неофициальные высказывания в коридорах и частных разговорах и затем отсылать подробные доклады в центр. Здесь я как раз опираюсь на один такой доклад, составленный Куйбышевским обкомом.

⁴² Доклады о подобных обсуждениях, тщательно выдержанные в тоне беспристрастного изложения (см., напр.: ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780 [доклады Куйбышевского обкома]; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407 [доклады отдела партийных, профсоюзных и комсомольских организаций ЦК партийному руководству]), не дают ответа на горячо дебатированный вопрос, планировал ли Сталин депортацию евреев, как утверждают давно ходящие слухи, или эта идея действительно шла «снизу» и не получила официального одобрения. Секретарь Куйбышевского

ванное положение евреев в Советском Союзе. Судя по подборке писем, составленной «Правдой» для партийного руководства в начале 1953 г., многие люди жаловались «на то, что лучшие квартиры в гг. Одессе, Киеве, Минске, Риге и др. заняты евреями, что многие евреи, получая зарплату 500–700 р. в месяц, живут роскошно, имеют прекрасные дачи, хорошо одеваются, ежегодно выезжают целыми семьями на курорты в Крым и другие места»⁴³. Евреи, дескать, повсюду пристраиваются на «теплые места»⁴⁴, никогда не занимаются тяжелым физическим трудом⁴⁵. Они «командуют в народном хозяйстве», особенно в органах снабжения, на транспорте и в пищевой промышленности⁴⁶. Их непропорционально много в высших учебных заведениях⁴⁷ и, как следствие, среди представителей определенных профессий (часто конкретно указываются медицина и сфера искусства), а также на высокооплачиваемых должностях в государственном аппарате⁴⁸. Большинство участников обсуждений соглашались, что пора вычистить евреев из партии, с руководящих постов и из таких профессиональных областей, как медицина, торговля и куль-

---

горкома В. Трусенко 19 января 1953 г. охарактеризовал такие народные требования как «неправильное мнение» (ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 25), но, возможно, он просто был плохо информирован о том, что считалось правильным с точки зрения центра. Тон докладов явно выдает неуверенность партийных функционеров (особенно Трусенко, который писал многие куйбышевские доклады в ЦК, но также, хоть и в меньшей степени, и работников ОППКО ЦК, отчитывавшихся перед своим руководством) в том, какова на самом деле новая политическая линия и насколько далеко она ведет, их обеспокоенность антисемитским подтекстом этой политики и вызванным ею в народе разрушительным энтузиазмом. О перестраховке со стороны работников ОППКО наглядно свидетельствует их решение (поддержанное секретарем ЦК А. Б. Аристовым) включить в подборку мнений по поводу сообщения ТАСС решительное письмо от члена партии М. А. Файкина, утверждавшего, что «дело врачей» наряду с процессом Сланского возбуждают антисемитизм среди населения и необходимо четкое официальное заявление в прессе, чтобы положить этому конец (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407. Л. 33).

⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407. Л. 104.

⁴⁴ Цит. по публикации архивных документов: Altshuler M., Chentsova T. The Party and Popular Reaction to the «Doctors' Plot» (Dnepropetrovsk Province, Ukraine) // Jews in Eastern Europe. 1993. Vol. 21. P. 57.

⁴⁵ ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 27.

⁴⁶ Altshuler M., Chentsova T. The Party and Popular Reaction to the «Doctors' Plot». P. 56.

⁴⁷ Замечание из Киевской области, см.: Altshuler M. More about Public Reaction to the Doctors' Plot. P. 39–40.

⁴⁸ ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 6.

тура⁴⁹, ограничить их прием в партию⁵⁰ и вузы («пусть воспитываются трудом»)⁵¹.

Выше, говоря об украинских листовках, мы видели, что народное обличение еврейских привилегий могло подойти опасно близко к обличению режима, который дал евреям такие привилегии («Смерть евреям и коммунистам!»). И это нельзя назвать бездумным воспроизведением старого мифа о «еврейском большевизме», хотя тот наверняка играл определенную роль; в смысле образования, «хороших» профессий, административных постов и даже членства в партии евреи заметно превосходили представителей других советских народов, включая русских, и добились они подобного положения после революции и в значительной мере благодаря ей⁵². Неудивительно, что при данных обстоятельствах некоторые коллеги Сталина в партийном руководстве сомневались в разумности кампании против «врачей-убийц» по прагматическим соображениям, даже если не принимать во внимание тревогу в связи с нарушением давней заповеди партийной идеологии о недопустимости антисемитизма.

Еще одним лейтмотивом обсуждений стала характерная для традиционного антисемитизма тема нечестности, лживости евреев, их стремления к наживе. Евреев надо вычистить из торговли, «потому что они особенно обмеривают и обвешивают»⁵³. Евреи – «торгаши, хитрые и всегда норовят обмануть»⁵⁴. Они «хитрые» (это слово повторялось снова и снова), умеют найти патронов и протекцию («Дело не обошлось без кумовства!» – восклицал один возмущенный автор письма, когда евреев-врачей освободили после смерти Сталина⁵⁵) и достать все что угодно⁵⁶. В куйбышевском молодежном городке (который после сообщения ТАСС «гудел как улей») молодые люди «выражали сильное возмущение против евреев как людей, которые

---

⁴⁹ Обширный, однако типичный перечень подобных требований см.: Altshuler M., Chentsova T. *The Party and Popular Reaction to the «Doctors' Plot»*. P. 63.

⁵⁰ ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 31.

⁵¹ Altshuler M., Chentsova T. *The Party and Popular Reaction to the «Doctors' Plot»*. P. 63.

⁵² Подробнее см.: Slezkine Yu. *The Jewish Century*. Princeton, 2004. P. 220–226.

⁵³ Altshuler M., Chentsova T. *The Party and Popular Reaction to the «Doctors' Plot»*. P. 63.

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407. Л. 45.

⁵⁵ Там же. Оп. 30. Д. 5. Л. 10. На протекцию намекали также утверждения, что евреям – выпускникам институтов легче устроиться на работу в Москве (ЦХДНИСО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1780. Л. 6).

⁵⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407. Л. 75.

коварно живут за счет русских»⁵⁷. В основе многих жалоб по поводу еврейской хитрости, по-видимому, лежало (хоть и нечасто формулировалось так прямо) ощущение природной несправедливости в отношениях евреев и русских: мало того что евреи образованнее, они еще, как подразумевалось, чересчур умны для простодушных русских. Говоря словами одного сторонника массовой депортации, надо «согнать их в одно место, пусть там друг друга обманывают»⁵⁸; тогда честные русские больше не будут их жертвами-ротозеями.

Кампания 1953 г. против ротозейства

Антисемитские официальные меры и политика конца сталинской эпохи касались почти исключительно представителей элиты – еврейских управленцев и специалистов в различных областях, прежде всего в медицине, деятелей литературы и театра – и их зарубежных связей⁵⁹. Однако в начале 1953 г. одновременно с объявлением о «деле врачей» возникла еще одна (правда, не столь громкая) тема еврея – жулика и мошенника. Она появилась в рамках недолговечной кампании против ротозейства в советском аппарате, развернутой в январе 1953 г. Насколько мне известно, этой кампании не уделялось внимания в обширной литературе, посвященной послевоенному антисемитизму, тем не менее она совершенно очевидно составляла часть общего процесса, так же как особого процесса «объевреивания» образа плута, о котором я собираюсь поговорить в данном разделе.

Слово «ротозейство», толкуемое в советском словаре 1939 года издания как «крайняя рассеянность, невнимательность»⁶⁰, изредка мелькало в риторике Большого террора, когда речь заходила о беспеч-

---

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407. Л. 40.

⁵⁸ Там же. Л. 45.

⁵⁹ Проблема сосредоточенности послевоенного антисемитизма на интеллигенции не поднималась в литературе, хотя наверняка стоит задаться вопросом, почему мишенью тогда послужила именно еврейская интеллигенция, а не весь еврейский народ в целом. Однако этот вопрос выходит за рамки данной главы.

⁶⁰ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3. Это слово, по-видимому, принадлежит главным образом советской эпохе, хотя во время многих прежних советских антибюрократических кампаний оно не слишком часто употреблялось. В. И. Даль включил в свой словарь только глагольную форму «ротозенть, ротозейничать» (в статье «Рот»), толкуя ее значение как «зевать, глазеть, глазопялить, глядеть попусту, хлопать глазами, глупо засматриваться на все встречное». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4 (1-е изд.: 1882).

ности аппаратчиков, не разглядевших врагов и вредителей в своей среде, – т. е. о недостатке бдительности. В том же смысле оно употреблено в комментарии «Правды» по поводу «дела врачей» в январе 1953 г., где говорится: «Кроме этих врагов [шпионов и убийц], есть еще у нас один враг – ротозейство наших людей. Можно не сомневаться, что пока есть у нас ротозейство, – будет и вредительство. Следовательно: чтобы ликвидировать вредительство, нужно покончить с ротозейством в наших рядах»⁶¹. «Известия» истолковали его в особенно мрачном духе, сославшись на знаменитое выступление Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., где тот, обличая врагов народа, якобы объявил ротозейство «идиотской болезнью» и призвал своих слушателей с ней бороться⁶². Так в газетах началась кампания против ротозейства. Вначале упор делался на таких прегрешениях, как небрежное обращение с секретными документами и выбалтывание государственных тайн⁶³, но в течение нескольких недель акцент сместился с беспечного отношения аппаратчиков к правилам секретности, на привычную для них практику патронажа и покровительства, в том числе защиты подчиненных, замешанных в преступлениях⁶⁴.

По мере развертывания кампании «ротозей» стали однозначно идентифицироваться как люди, чья неразумная склонность к пат-

---

⁶¹ Правда. 1953. 13 янв. С. 1.

⁶² Повысить политическую бдительность // Известия. 1953. 15 янв. С. 1. Газета не совсем точна в цитировании: хотя Сталин в выступлении 1937 г. один раз употребил слово «ротозейство» (сокрушаясь, что «руководящие товарищи... оказались... столь наивными и слепыми, что... не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа», и призывая ЦК после убийства Кирова не допускать в партийной организации «политического благодушия и обывательского ротозейства»: Сталин И. В. Сочинения. Т. 1 [14] / под ред. Р. Х. Макнила. Стэнфорд, 1967. С. 190–191), выражение «идиотская болезнь» в пассаже, процитированном «Известиями», в действительности относилось не к ротозейству, а к его «близким родственникам» – «беспечности», «благодушию» и «близорукости» (см.: Там же. С. 223).

⁶³ См.: Покончить с ротозейством в наших рядах // Правда. 1953. 18 янв. С. 1. См. также передовицу «Известий» от 15 января, приведенную выше. Во внутреннем циркуляре ОППКО ЦК, датированном 19 января, слово «ротозейство» употребляется применительно к неспособности органов госбезопасности раскрыть заговор врачей раньше: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 407. Л. 99.

⁶⁴ См.: Владимиров Г., Янсон Р. Под крылышком ротозеев // Правда. 1953. 1 февр. С. 2 (перепечатка из газеты «Советская Латвия»). О политическом патронаже и официальной критике этого явления см.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 134–140, 234–235.

ронажу и протекционизму позволяла бессовестным мошенникам совершать всевозможные правонарушения, в особенности экономические. Самая яркая черта этой кампании – явно подразумевавшаяся этническая составляющая. Ротозеи – должностные лица, которых использовали в своих целях бесчестные люди, – как правило, были русскими (либо четкие признаки их национальности отсутствовали), обманывавшие их подчиненные и протеже – преимущественно евреями⁶⁵.

Как и в других аспектах общественной антисемитской кампании, включая само «дело врачей», риторика не носила открыто антисемитского характера. В сообщении ТАСС, к примеру, не утверждалось, что врачи-евреи скорее всего способны к предательству; там просто приводился перечень фамилий врачей-предателей, которые почти все оказались еврейскими. Точно так же во время кампании против ротозейства никто не говорил, что работники и клиенты еврейской национальности в особенности склонны обманывать своих начальников и патронов; просто мошенники, о чьих преступлениях рассказывали газеты, тоже почему-то носили сплошь еврейские фамилии⁶⁶. Среди

---

⁶⁵ Это обобщение основано на материалах газет «Правда», «Известия», «Труд», «Вечерняя Москва», «Крымская правда» (Симферополь) и «Молот» (Ростов-на-Дону) за первые три месяца 1953 г. Следует, тем не менее, сказать, что бывали и исключения. Хотя в большинстве статей о ротозеях отрицательный герой носил очевидно еврейскую фамилию, но все-таки не во всех. Выходцы из Средней Азии также выступали в роли жуликов, дурачивших незадачливых бюрократов (скажем, в примерах, которые приводятся в передовице «Известий» от 11 февраля 1953 г. «Бдительно охранять и приумножать социалистическую собственность», двое мошенников евреи, один – азиат). Несмотря на то что почти все газеты, которые я читала, вели свою кампанию против ротозейства в рамках более широкой антисемитской кампании, «Вечерняя Москва», кажется, представляла собой славное исключение (она тоже освещала эту тему, но без явно антисемитского подтекста). Региональная газета «Крымская правда» напечатала серию злобно-антисемитских очерков о ротозействе, однако интересно, что эти очерки появлялись, пока ее постоянный редактор временно отсутствовал, и перестали публиковаться, как только он вернулся на свой пост.

⁶⁶ Как указывалось выше (см. прим. 65), не во всех газетных фельетонах ротозеи изображались жертвами людей, четко идентифицируемых как евреи, но даже в отсутствие конкретных указаний на национальность эти фельетоны, возможно, все равно воспринимались как антисемитские – что, конечно, предполагает весьма прочную связь между понятиями «мошенник» и «еврей» в сознании русских. В апреле 1953 г., после освобождения врачей, «Правда» получила ряд гневных писем по поводу антисемитской линии, которую она проводила в начале года; автор одного из этих писем утверждал, что в течение пятнадцати дней

них были, например, Мейер Шустерл, проворачивавший «грязные делишки» в одной артели в Крыму; Абрам Литман, директор универмага, имевший судимость и обманувший своего русского патрона; счетовод Кацман, называвший себя Кауфманом, который прикидывался ветераном войны; Абрам Натанович Хайтин, нашедший покровителей среди советского бомонда Латвии и растративший деньги Латвийского театрального общества; Леонид Фридман, ухитрявшийся заимствовать для свадеб в Ростове государственные автомобили; «некий Е. Гуревич», одурачивший своих патронов в управлении торфяной промышленности и укравший 60 000 рублей; «некто Розен», самозванный инженер-механик, который надул управление железнодорожного машиностроения более чем на миллион рублей⁶⁷.

Помимо еврейских фамилий некоторые из мошенников имели в своей биографии факт уклонения от службы в армии во время войны, оправдывая народное мнение о евреях как о «ташкентских партизанах», старавшихся держаться подальше от фронта⁶⁸. Растратчик Александр Михайлович Любенский (его настоящее отчество оказалось «Моисеевич»), по словам репортера, в начале войны бежал из Одессы в Сталинград⁶⁹. Л. Е. Рофман бежал с Украины в Киргизию и воспользовался фальшивыми документами, чтобы устроиться на работу школьным инспектором, а затем в управленческий аппарат местной промышленности; в конце войны он перебрался в Москву и работал главным инженером на предприятии пищевой промышленности в Ногинске (благодаря фальшивому диплому Одесского инженерно-строительного института), пока не вернулся в Винницу, где в мае 1949 г. его арестовали⁷⁰.

с момента появления сообщения ТАСС «Правда» каждый день печатала фельетоны, где героями были исключительно евреи». На самом деле только один из трех фельетонов является (на взгляд беспристрастного читателя) откровенно антисемитским («Под крылышком ротозеев» Г. Владимирова и Р. Янсона, перепечатанный из латышской газеты в номере от 1 февраля). Еще один, о враче-самозванце Каждане (Буренко М., Тимаренко Н. Простак и проходимец // Правда. 1953. 7 февр. С. 2), можно истолковать как таковой, а третий (Волков Н. Ротозеи // Правда. 1953. 24 янв. С. 2) рассказывает об аферистке, не имеющей явных признаков еврейской национальности.

⁶⁷ Крымская правда. 1953. 8 февр. С. 2; Известия. 1953. 30 янв. С. 2; Правда. 1953. 1 февр. С. 2; Молот (Ростов-на-Дону). 1953. 26 февр. С. 3; Известия. 1953. 11 февр. С. 1; 25 марта. С. 2.

⁶⁸ О «ташкентских партизанах» см.: Weiner A. Making Sense of War. P. 221–222.

⁶⁹ Крымская правда. 1953. 18 февр. С. 3.

⁷⁰ Известия. 1953. 18 февр. С. 2–3.

По большей части евреи-мошенники, фигурировавшие в газетных фельетонах начала 1953 г., не обвинялись в том, что они шпионы и агенты иностранной разведки или хотя бы имеют связи за рубежом⁷¹. Тем не менее нотки добродушной снисходительности, смешанной с восхищением, некогда характерные для повествований о братьях Остапа Бендера, исчезли: в контексте кампании против ротозейства самозванство мошенников перестало быть чисто криминальным, приближаясь к политическому⁷². Тема маскировки стала постоянной: основное внимание уделялось фактам смены имен и фамилий, подделки дипломов, представления ложных сведений о военной службе. Евреи-жулики не просто обманывали людей – сама их идентичность, как выяснилось, была фальшивой; они являлись самозванцами «под маской» врачей, бухгалтеров, инженеров и т. д. – врагами, «маскирующимися под видом советских людей»⁷³.

* * *

Кампания 1953 г. против ротозейства оказалась недолгой; она закончилась всего через несколько месяцев, когда власти отказались продолжать «дело врачей» и, таким образом, прекратилось официальное поощрение антисемитизма⁷⁴. Но кое-какие следы она оставила, что, в частности, проявилось в пресловутой кампании по борьбе с экономическими преступлениями конца 1950-х – начала 1960-х гг. Данная кампания в первую очередь была направлена против спекулянтов валютой, а шире – против неформальной «второй экономики» вообще, и евреи столь часто попадали под удар, что это вызвало международные протесты и тревогу по поводу возрождения антисемитизма. Аркадий Ваксберг соглашается, что евреев сделали козлами отпущения, однако, отмечает он, «большинство “левых” дельцов» действительно составляли евреи, отчасти вследствие ограничения легитимных карьерных возможностей для представителей этой на-

---

⁷¹ Это немного удивляет, поскольку один из авторов «Правды» предупреждал, что иностранные шпионы «используют в качестве своих агентов всякие преступные и разложившиеся элементы» (Козев Н. О революционной бдительности // Правда. 1953. 6 февр. С. 3), как будто предлагая установить более явную связь между кампанией против ротозейства и «делом врачей».

⁷² О различении двух типов самозванства см. выше, с. 29–33.

⁷³ Правда. 1953. 13 янв. С. 1; Известия. 1953. 15 янв. С. 1.

⁷⁴ В передовице «Правды» под названием «Советская социалистическая законность неприкосновенна» (Правда. 1953. 6 апр. С. 1) объявлялось, что вредители в Министерстве государственной безопасности сфабриковали дело против «честных советских людей, выдающихся деятелей советской науки».

циональности в послевоенный период⁷⁵. С 1961 г. ввели смертную казнь за изготовление фальшивых денег, спекуляцию валютой и хищения⁷⁶; в 1961–1962 гг. прошел ряд громких процессов над валютными спекулянтами, где среди обвиняемых на первом месте фигурировали евреи. По данным Е. Эвельсон, за 1961–1967 гг. 1 676 евреев были привлечены к суду по экономическим делам, 163 из них получили смертный приговор⁷⁷. В ходе кампании внимание больше, чем в 1953 г., акцентировалось на алчности обвиняемых, их тяге к иностранному образу жизни и в меньшей степени – на их коварстве и склонности к самозванству. В остальном риторика весьма схожа. Еврейские фамилии и отчества многозначительно подчеркивались, в газетных репортажах о судебных делах появлялись неуместные замечания о том, что обвиняемые с еврейскими фамилиями «путешествовали из города в город, давая взятки братьям по духу», или о том, что вильнюсская сеть валютных спекулянтов решала свои внутренние споры, обращаясь не в советский суд, а «к местному раввину»⁷⁸.

Что же касается Остапа Бендера, то, несмотря на официальное осуждение в 1948 г. и развенчание этого образа в ходе кампании

---

⁷⁵ Vaksberg A. *Stalin against the Jews* / trans. A. W. Bouis. New York, 1994. P. 285. См. также: Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (60-е годы). Лондон, 1986. С. 21–22. Константин Симис (Simis K. M. *USSR: The Corrupt Society. The Secret World of Soviet Capitalism*. New York, 1982) не делает общих выводов о вкладе евреев во «вторую экономику», но, судя по тому, что он рассказывает, роль евреев и грузин в ней была весьма значительна, а Москва, Одесса, Рига и Тбилиси предстают ключевыми центрами «второй экономики» (с. 147).

⁷⁶ Полный текст постановления, опубликованного в «Известиях» (1959. 7 мая), см.: *Current Digest of the Soviet Press*. 1959. Vol. 13. No. 17.

⁷⁷ Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР. С. 308. Эти данные, полученные в результате изучения 400 судебных дел, к сожалению, не включают сведений о других этнических группах, поэтому невозможно сказать, какую долю от всех обвиняемых и приговоренных к высшей мере наказания составляли евреи. Ваксберг (Vaksberg A. *Stalin against the Jews*. P. 287) цитирует слова Эвельсон, что на 163 смертных приговора евреям приходится 5 вынесенных лицам другой национальности, но я не смогла найти подобных слов в ее книге. Из ее описания процессов следует, что многие обвиняемые были евреями, но некоторые не были. Одно из первых получивших громкую известность дел, например, рассматривалось в Тбилиси, главными обвиняемыми по нему проходили пять человек, все с грузинскими фамилиями, к высшей мере приговорили одного (Заря Востока. 1961. 4 дек. С. 4; 12 дек. С. 4).

⁷⁸ *Current Digest of the Soviet Press*. 1961. Vol. 14. No. 2. P. 4 («Советская Киргизия»); 1959. Vol. 14. No. 2. P. 5 («Труд»).

против ротозейства, его по-прежнему любили читатели, и после смерти Сталина понадобилось совсем немного времени, чтобы звезда «великого комбинатора» засияла вновь. А. Д. Синявский рассказывает, что уже во время «оттепели» 1953–1954 гг. студенты-юристы Московского университета инсценировали «суд» над Бендером, и студент, игравший роль защитника, вызвал скандал импульсивным восклицанием: «Остап Бендер – любимый герой советской молодежи!»⁷⁹ Запрет на публикацию романов о Бендере в хрущевскую эпоху сняли, и в 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. их тиражи достигли феноменальных размеров: в 1956–1965 гг. в СССР было напечатано свыше 2 миллионов экземпляров, в 1966–1979 гг. – почти 3 миллиона, в 1980-х гг. – свыше 9 миллионов⁸⁰. Романы пользовались таким спросом, что каждое новое издание «расходило мгновенно»⁸¹. Правда, определенное меньшинство в литературном мире даже в 1960-е и 1970-е гг. не жаловало Ильфа и Петрова, равно как и других писателей «одесской школы»⁸². С переходом к рыночной системе после 1991 г. огромная популярность романов Ильфа и Петрова у российской читательской аудитории побуждала множество издателей от Карелии до Владивостока переиздавать их снова и снова, пусть и меньшими тиражами, чем в советское время. Только в 1994–1995 гг. в России вышло по меньшей мере 21 издание того или другого романа об Остапе Бендере⁸³ – хотя, как сказал юморист Михаил Жванецкий в 1997 г., в сто-

---

⁷⁹ Sinyavsky A. *Soviet Civilization: A Cultural History* / trans. J. Turnbull. New York, 1990. P. 180. «Суд» то ли оправдал Бендера, то ли вынес ему недопустимо мягкий приговор. В результате последовавшего скандала одного студента исключили из комсомола, другого – из университета.

⁸⁰ Подсчитано в кн.: Préchac A. Ilf et Petrov. *Témoins de leur temps. Stalinisme et littérature*. Paris, 2000. Vol. 3. P. 754–757.

⁸¹ Курдюмов А. А. В краю непуганых идиотов. С. 33.

⁸² См., напр.: Михайлов О. Верность: Родина и литература. М., 1974. С. 172 и далее в разных местах. По мнению Курдюмова (Курдюмов А. А. В краю непуганых идиотов. С. 20–21), эта критика носит скрытый антисемитский характер.

⁸³ Подсчитано по «Книжной летописи» (М., 1994; 1995) (некоторые издания за 1994 г. там пропущены). Из новых изданий 1990-х гг. наиболее примечательны «первые полные варианты» «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» под редакцией и с примечаниями М. Одесского и Д. Фельдмана (М., 1997 и 2000), выпущенные издательством «Вагриус», и вышедший в издательстве «Панорама» двухтомник с обширными комментариями Ю. К. Щеглова (М., 1995). Общее число экземпляров «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца», напечатанных в Российской Федерации за 1992–1995 гг., составляло около 2,4 миллиона (Préchac A. Ilf et Petrov. P. 758–760).

летнюю годовщину И. А. Ильфа, на самом-то деле не было нужды переиздавать и даже перечитывать эти произведения: «мы... знали [их] наизусть»⁸⁴.

Возможно, русские продолжали видеть в Бендере еврея, но это явно не мешало его необычайной популярности у советских читателей. По словам Синявского, Бендер – «пройдоха», обладающий опытом выживания «советского гражданина, который впитал эту систему телом и душой»⁸⁵. Короче говоря, плут-еврей стал олицетворением реального Советского Человека.

---

⁸⁴ Жванецкий М. Ильфу – сто лет // Собр. произведений: В 4 т. М., 2001. Т. 4. С. 299.

⁸⁵ Sinyavsky A. Soviet Civilization. P. 174–180.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ГЛАВА 15

КАК СТАТЬ ПОСТСОВЕТСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ*

Если в революционную эпоху нужно было учиться большевистскому языку, то после 1991 г. пришлось быстро от него отучаться. Советская идентичность отбрасывалась, изобреталась новая, постсоветская. Начался процесс, противоположный усвоению большевистского языка в 1920–1930-е гг., – люди нарочито старались очистить свое сознание от советской морали, а речь от советизмов и таким образом приноровиться к роли граждан нового постсоветского мира. Как и раньше, в первые годы советской власти, переделка себя воспринималась как освобождение, но давалась нелегко, порой мучительно. Она могла потребовать отречься от памяти о собственной былой идентичности лояльного (более или менее) советского гражданина, а то и отправить в черную дыру забвения все семьдесят четыре года советской власти.

Когда постсоветские русские оглядывались на прошлое, им иногда приходила в голову мысль о самозванстве – о том, что смирительная рубашка советской культуры вынудила их принять образ, который теперь не казался им подлинным. «У меня такое чувство, будто я прожила не свою жизнь», – сказала пожилая русская женщина в 1990-х гг.¹ В соответствии с требованиями новой эпохи переиначивались биографии и родословные. Например, поэт Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Придворов) в своих советских биографиях всячески подчеркивал скромность своего происхождения (рос при жестокой матери в бедной крестьянской среде), несмотря на то что

---

* Первая версия части этой главы публиковалась как заключительный раздел в работе: *Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in Twentieth-Century Russia* // *Kritika*. 2001. Vol. 2. No. 3 (Summer). P. 483–487. Благодарю Катерину Кларк, Юрия Слезкина и Катриону Келли за ценные советы.

¹ Интервью с Анной Акимовной Дубовой, см.: *A Revolution on Their Own: Voices of Women in Soviet History* / eds. B. A. Engel, A. Posadskaya-Vanderbek. Boulder, 1998. P. 46.

ходили опасные слухи, будто он незаконнорожденный отпрыск одного из великих князей. В версии 1990-х гг., принадлежавшей внуку поэта, тема аристократического происхождения вышла на передний план, отодвинув в тень и притязания Бедного на звание «человека из народа», и другую статусную претензию его семьи в советские времена – на принадлежность к высшим кругам советской элиты².

Первая половина 1990-х гг. стала порой бурных, хаотичных социальных изменений и лихорадочного индивидуального пересотворения себя. Сравнительная краткость этой фазы, возможно, должна напомнить нам, что, несмотря на элементы сходства с 1917 г., события 1991 г. были революцией лишь в определенном смысле. Речь шла не о социальной революции, когда брожение внизу, усиливаясь, наконец взрывается неодолимым народным порывом, который сметает старый режим. Скорее, имел место драматичный случай внезапного распада государства. Таким образом, ситуацию в России начала 1990-х гг. в той же мере стоит сравнивать с обстановкой в Германии и Японии после 1945 г., где старый режим стремительно рухнул в результате военного поражения. Конечно, Россию после 1991 г. не оккупировала иностранная держава, однако в культурном плане происходившее тогда можно рассматривать как своего рода западную оккупацию. В советское время капиталистический Запад выступал в роли «Другого». Теперь сама Россия стала этим «Другим»: «нормальная, цивилизованная жизнь» – распространенный лозунг и предмет чаяний в 1990-е гг. – обязательно имела западный облик, поскольку «западное» служило привычной антитезой «советскому».

Различия в ключевых обстоятельствах 1917 и 1991 гг. делают тем любопытнее сходство поведенческих и психологических реакций со стороны отдельных граждан. В новую эпоху не менее широко, чем в прежнюю, практиковалось перевоплощение – а также наверняка и самозванство. Бывшие советские граждане теперь пересотворяли себя в «менеджеров», «брокеров» и «бизнесменов» (форма женского рода – «бизнес-леди», «бизнесменки», «бизнесменши»); специалистов по «консалтингу» и «паблик-релейшнз»; «риэлторов» и «рэкетиоров»; «программистов» и «хакеров»; «секс-бомб» и «яппи»; «геев» и «бисексуалов» – само экзотическое звучание заимствованных неологизмов передавало ощущение новизны предлагаемых идентичнос-

---

² Краткие автобиографии Демьяна Бедного 1921 и 1942 гг. см.: Бедный Д. Собрание сочинений. М., 1965. Т. 8. С. 253–255. Сообщение без указания на источник о его незаконном происхождении от великого князя см.: Reeder R. Анна Akhmatova: Poet and Prophet. New York, 1994. P. 187. Благодарю Роберта Хорвата (Мельбурн) за то, что обратил мое внимание на этот случай и дал мне информацию о нынешнем поколении семьи.

тей. Открылись пути для трансформации в «мэра» (если пожелает «электорат»), в «гуру», «экстрасенса» или, как говорит новая наука «уфология» (изучение неопознанных летающих объектов), в «контактера» (в женском роде «контактерша» – тот или та, кто вступает в контакт с представителями внеземных цивилизаций, получает информацию из космоса)³. Новые идентичности требовали новых форм поведения, одежды, новой организации труда, досуга, межличностных отношений, новых способов обращения с деньгами и т. д. Всем этим следовало как можно быстрее овладеть и наглядно демонстрировать усвоенные навыки: брать «ипотеку» для приобретения «коттеджей», если не хватает «баксов»; делать себе «акупунктуру» и есть «пищцу»; осуждать «сексизм»; сидеть в «Интернете»; интересоваться «шоу-бизнесом» и «рейтингами»; заниматься «шейпингом» под руководством «тренера» и следить за своими «биоритмами»; обзавестись новым хобби в виде «шоппинга». Даже без «шоковой терапии» как правительственной экономической стратегии люди жили в состоянии шока, и без прилагательного «шоковый» было не обойтись.

Шок начала 1990-х складывался из множества разных составляющих. В страну хлынули зарубежные товары, которые поначалу продавались в импровизированных киосках и на уличных лотках. Заработки стремительно падали – из-за инфляции и потому что государственные предприятия хронически задерживали зарплату. Государственная промышленность приватизировалась, что приносило огромные прибыли маленькой горстке людей. Частные банки появлялись и очень часто внезапно лопались, забирая с собой сбережения многих граждан. Система защиты правопорядка находилась в коллапсе, так же как большая часть системы государственного финансирования культуры. Прежние ограничения на передвижения внутри страны, смену места жительства и работы, зарубежные поездки были сняты, что породило, наряду с чувством освобождения, ощущение дезориентации⁴. Приватизация городских квартир дала простор для развития новой сферы коммерческих операций с недвижимостью,

---

³ Все эти слова и их толкование см.: Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

⁴ Одна исследовательница-социолог, рассказывая об этих процессах, отмечала, что внезапно появившаяся свобода передвижений и выбора места работы стала одним из самых больших потрясений для граждан, привыкших к жизни, которая регулировалась до мелочей. См.: Рывкина Р. В. Образ населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 37.

а также для всевозможных махинаций, которые оставили на улице значительное число бывших квартирладельцев; в качестве обозначения нового масштабного явления стал употребляться термин «бомжи» (лица без определенного места жительства)⁵. Серьезные перебои с продовольствием в начале 1990-х гг. превратили городских жителей в садоводов и огородников, выращивающих фрукты и овощи на маленьких пригородных участках. Гражданская война на Кавказе создала новый класс беженцев в придачу к большому числу русских, пытающихся вернуться в центральную Россию из бывших союзных республик или приходящих в упадок индустриальных городов и поселков севера. Алкоголизм, наркомания, число самоубийств резко возросли, а средняя продолжительность жизни мужчин упала до уровня, беспрецедентно низкого для развитого общества в мирное время.

Интеллигенция, политическое влияние и нравственный авторитет которой достигли апогея в горячие деньки перестройки, обнаружила, что само ее существование в постсоветской России находится под угрозой в результате радикального сокращения государственного финансирования науки и культуры. Ее деморализации способствовали также стремительное падение престижа образования (одной из наиглавнейших советских ценностей!) и «утечка мозгов» – массовый отъезд ученых за рубеж. «Лишившись денег, престижа и веры», по словам Маши Гессен, она внутренне раскололась «на тех, кто делал деньги и кто не делал, тех, кто менял профессию и приспосабливался к новым условиям, и тех, кто гордо перебивался привычными крохами»⁶. Некоторые столичные комментаторы испытывали злорадное удовлетворение от того, что интеллигенции в конце концов придется отказаться от своих моральных претензий, зарабатывать на жизнь, как все, и превратиться в профессиональный класс западного типа⁷. Между тем в провинции учителя, врачи и библиотекари сталкивались с другими проблемами. «Необходимость огородничать, чтобы кормить семью, является, вероятно, главным общим фактором, способствующим утрате интеллигенцией в Зубцове своей идентичности», – сообщала британский социолог, цитируя печальные сетования местной женщины-врача, которая «хотела бы считать себя интелли-

---

⁵ См.: Журавлев В. Ф. Причины бездомности сквозь призму биографического анализа // Социально-экономические проблемы современного периода преобразований в России. Вып. 7. М., 1996. С. 107–121.

⁶ Gessen M. Dead Again: The Russian Intelligentsia after Communism. London, 1997. P. 18.

⁷ Дубин Б., Гудков Л. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., 1995. С. 7.

генткой... если бы могла больше читать и меньше заниматься сельхоз-работами»⁸.

Юморист Михаил Жванецкий заметил, что «в России нет капиталистов и коммунистов. Есть люди, которые приспособились и которые не приспособились»⁹. Одна исследовательница-социолог разделила этот процесс на три этапа: первый шоковый этап, когда человек борется за выживание; второй «адаптационный» этап, когда он мобилизует адаптивные резервы и ресурсы; наконец, успешное завершение процесса адаптации – преуспевание. Она отметила крайние варианты степени адаптации среди российского населения: одни прошли все три этапа, другие же «вообще застряли на стадии переживания “шока”, не умея не только адаптироваться, но и выработать скольконибудь определенную линию рационального поведения в условиях изменения своего положения в общественной иерархии»¹⁰.

Шок и дезориентация проявлялись во всем, от самой глубинной сферы ценностей до бытовой проблемы обращения к встречным. «Как бы вы ни обратились к незнакомому человеку в современной России, в четырех случаях из пяти вы рискуете его рассердить», – глаголи итоги опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 1993 г.¹¹ В вопросе о том, как следует обращаться к группам незнакомых людей, мнения широко разошлись: на одном конце спектра 20 % опрошенных считали наиболее естественным советское «товарищи»; на другом – примерно столько же человек отдали предпочтение дореволюционному (и западному) «дамы и господа» или православному «братья и сестры»; остальные респонденты либо выбрали более нейтральные формы, такие, как «друзья», «граждане» или просто «люди», либо затруднились ответить. Разумеется, возрастная группа старше пятидесяти лет склонялась к «товарищам», а тем, кому было чуть за двадцать, больше нравились «дамы и господа». В придачу к этой путанице гораздо реже стали употребляться вежливые формы обращения по имени и отчеству, вследствие чего социальные контакты лишались защитного слоя уважения и почтительности. «Известия» с грустью констатировали, что

---

⁸ White A. Social Change in Provincial Russia: The Intelligentsia in a Raion Centre // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 4. P. 677–694.

⁹ Цит. по: Shiraev E., Glad B. Generational Adaptations to the Transition // The Russian Transformation: Political, Sociological, and Psychological Aspects / eds. B. Glad, E. Shiraev. New York, 1999. P. 172.

¹⁰ Беляева Л. А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 45.

¹¹ Известия. 1993. 24 июля. С. 8.

«чисто лингвистические затруднения переходного периода по-своему способствуют общей агрессивности людей»¹².

Ценности подвергались пересмотру так же, как формы поведения. В первые годы переходного периода, начиная еще с эпохи перестройки, это, как правило, означало отрицание и дискредитацию всего советского и соответственно превознесение всего, что в советское время осуждалось. В начале 1990-х гг., по словам Нэнси Рис, отрицание всего советского стало излюбленной темой в средствах массовой информации: «Мифы об общественном порядке и безопасности сокрушались с помощью постоянных, подробных репортажей о самых жестоких преступлениях; раньше о преступности говорили исключительно как о западном бедствии. Мифы о любви к родной земле подтачивались рассказами о чудовищном загрязнении природной среды в СССР. Мифам о планировании и контроле противопоставлялись разоблачения самых нелепых, смехотворных и расточительных методов производства и распределения. А миф о партии как добром старшем брате, воплощении зрелости, мудрости и справедливости, был вдребезги разбит шквалом сенсационных сообщений о злоупотреблениях властью и привилегиях»¹³. Параллельно происходила инверсия прежней дихотомии «советское = хорошее / западное = плохое»: «Советские средства массовой информации постоянно изображали жестокость, несправедливость и противоречия капиталистических систем, а в эпоху перестройки все стало наоборот, и картины медицинского обслуживания бедняков в клиниках США накладывались на интервью с русскими матерями, которые не могли получить отчаянно необходимые их детям лекарства и врачебную помощь»¹⁴. Такая инверсия нередко приводила в замешательство гостей с Запада, когда их русские друзья, к примеру, вдруг начинали отрицать наличие социальной проблемы бездомности за пределами России (где она оказалась неприятной новостью) или приходили в восторг от очарования и женственности Нэнси Рейган после визита президента США в СССР в 1988 г. Инверсионный императив господствовал и в «женском вопросе», торжествуя над другим постсоветским императивом – вестернизацией. Поскольку эмансипация женщин путем их привлечения в ряды наемной рабочей силы была советским кредо, теперь, по логике инверсии, ее следовало дискредитировать. В соот-

---

¹² Известия. 1993. 24 июля. С. 8.

¹³ Ries N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca, 1997. P. 170.

¹⁴ Ibid. P. 174.

ветствии с новым постсоветским этосом женщину призывали вернуться к ее «естественной роли» хозяйки дома¹⁵.

«Мы должны стать другими людьми», – снова и снова слышала Нэнси Рис в Москве 1990 г.¹⁶ Отдельные русские и прочие постсоветские граждане в 1990-е гг. активно занимались самообразованием, и в конце десятилетия на шумевший бестселлер Виктора Пелевина «Generation П»¹⁷ представил свидетельство поразительного прогресса в этом деле. В черном фарсе Пелевина имидж – всё, а идентичности не просто сконструированы – они «фальшивы». Герой Пелевина (само имя которого подвергается постсоветскому пересмотру) пересотворил себя в рекламного «копирайтера» и «криэйтора», но не верит ни в собственное творение, ни в творения других. Никаких убеждений и ценностей не осталось; главное – выбрать себе имидж и проецировать его в мир, так что даже пламенный антисемит в романе Пелевина, оказывается, ничего не имеет против евреев, он всего лишь старается поддерживать образ русского патриота¹⁸. Самоидентификация «Нового Постсоветского Человека» в изображении Пелевина возможна только через список потребляемых им продуктов: каждый из них связывается с определенной чертой характера, склонностью или свойством, и комбинация этих черт и склонностей создает «впечатление реальной личности»¹⁹.

По пелевинскому «Generation П», главным руководством по самообразованию служат реклама и телевидение. Реклама действительно играла центральную роль и как новая сфера профессиональной ориентации для молодежи, и как всеобщий учитель нравов. В одной газете 1991 г., например, реклама банка иллюстрировалась фотографией спешащего куда-то молодого человека в костюме и галстуке с надписью: «Новые люди». Текст рекламы гласил: «В отделениях Сбербанка на смену счетным доскам приходят компьютеры. А вместе с ними – новое молодое поколение услужливых сотрудников, которые дают советы, сокращают очереди, учатся улыбаться... Это **Новые Люди...**»²⁰ Намерение Сбербанка учить людей улыбаться не было исключением. Умение улыбаться входило в программу под-

---

¹⁵ Ries N. Russian Talk. P. 178.

¹⁶ Ibid. P. 119.

¹⁷ Пелевин В. Generation П. М., 2000. О влиянии романа на молодое поколение после его сенсационной публикации летом 1999 г. см.: Cowley J. Gogol A Go-Go // New York Times Magazine. 2000. 23 January. P. 20–23.

¹⁸ Пелевин В. Generation П. С. 122.

¹⁹ Там же. С. 113.

²⁰ Moscow News. 1991. No. 31. P. 11. Выделено в оригинале.

готовки работников «Макдоналдса», который открылся в Москве в начале 1990-х гг.²¹, ему уделялось огромное внимание в постсоветских рекомендательных пособиях и книгах по этикету²². Советы о том, как должен себя вести новый человек, пользовались большим спросом и предоставлялись в изобилии. Целые серии только что изданных справочников снабжали постсоветского человека оружием для выживания в новом мире: словари по маркетингу, банковскому и биржевому делу, предпринимательству, международному туризму (имевшему для постсоветского образа жизни не менее важное значение, чем шоппинг), интеллектуальной собственности, политическим партиям и ассоциациям, гражданскому обществу и политологии; справочники «кто есть кто» в правительстве, бизнесе и «научной элите»; даже словарь «бизнес-сленга для “новых русских”»²³. Книга Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» (впервые вышедшая в США в 1937 г.) с 1989 по 1997 г. выдержала шестьдесят восемь изданий на русском языке²⁴. «Сила позитивного мышления» Нормана Винсента Пила тоже имела в начале 1990-х гг. большой успех, хотя интеллектуалы – знакомые Нэнси Рис (они все эту книгу читали, но воспринимали довольно критически) «давали понять [своими шутками и вздохами], что, по их мнению, у [русского] негативного мышления достаточно силы, чтобы перекрыть и поглотить любые инструкции по позитивному мышлению». Тем не менее программы самопомощи и самоусовершенствования множились

---

²¹ Ries N. Russian Talk. P. 118.

²² Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001. P. 374.

²³ См., напр.: Словарь делового человека. М., 1992; Деловой мир Карелии: справочник бизнесмена. Петрозаводск, 1992; Маркетинг: толковый терминологический словарь-справочник. М., 1991; Московский банкир: справочник. М., 1994; Толковый биржевой словарь. М., 1996; Толковый словарь предпринимателя. М., 1993; Краткий словарь технологических терминов международного туризма. М., 1994; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: Справочник. М., 1991; Романенко Л. М. Гражданское общество: социологический словарь-справочник. М., 1995; Политологический словарь / под ред. В. Ф. Халипова. М., 1995; Кто есть кто в России. М., 1998; Кто есть кто в политической науке России: справочник. М., 1996; Научная элита: кто есть кто в Российской академии наук. М., 1993; Пономарев В. Т. Бизнес-сленг для «новых русских»: словарь-справочник. Донецк, 1996. Благодаря Джун Фэррис, библиографа-слависта из Чикагского университета, за очень полезные «Избранные списки новой литературы: Восточная и Юго-Восточная Европа и страны бывшего Советского Союза», которые она распространяла среди славистов университета начиная с 1991 г. и которые я широко использовала в данной главе.

²⁴ Kelly C. Refining Russia. P. 373.

в Москве времен перестройки, как грибы, предлагая советы по выработке уверенности в себе и оптимизма²⁵.

Оптимизм и уверенность в себе являлись ценным подспорьем для преодоления шока переходного периода, однако требовалось и более практическое переоснащение. На свет появились такие новые специальности, как рекламное дело, пиар и риэлторство. 27 июня 1991 г. «Известия» сообщили, что «в Доме Советов РСФСР состоялась необычная церемония – официальная презентация новой профессии “социальный работник”. Специальности, которой в СССР не было никогда»²⁶. Частные детективы впервые стали лицензированными специалистами по закону Российской Федерации 1992 г. «О частной детективно-охранной деятельности»²⁷. В 1996 г. Ельцин президентским указом № 1044 санкционировал возрождение и развитие психоанализа²⁸. Новые профессии, в свою очередь, вызвали появление новых учебных заведений. В 1995 г. в Москве открылась Высшая школа рекламы; в том же году Институт безопасности предпринимательства предложил пятилетнюю программу обучения «менеджеров по вопросам безопасности предпринимательской деятельности»²⁹. Помимо занятий по «основам юридических и экономических знаний, английскому языку, методике сбора и анализа информации» учащимся обещали также усиленную «физическую подготовку»³⁰.

Учителя и директора начальных и средних школ изо всех сил старались скорректировать учебные планы так, чтобы дать ученикам образование, пригодное для постсоветского мира. Но в действительности, как правило, ученики сами находили способы адаптироваться к новым правилам жизни. В одной газетной статье 1995 г. отмечалось, что дети вместо «казаков-разбойников» предпочитают теперь роли «боевиков и спецназовцев». Девочки же играют не в «дочки-матери», а в конкурсы красоты. «Почти везде безобидные скакалки

---

²⁵ Ries N. Russian Talk. P. 117–118.

²⁶ Худякова Т. В России будут социальные работники // Известия. 1991. 27 июня. С. 3.

²⁷ Moscow News. 1994. No. 1. P. 15.

²⁸ Bennett D. Guilt as Capital: Psychoanalysis and the New Russians // Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society. 2001. Vol. 6. No. 1. P. 123. По словам профессора Решетникова из Восточноевропейского института психоанализа в Санкт-Петербурге, вдохновителем этой законодательной инициативы был академик Д. С. Лихачев, см.: Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society. 2001. Vol. 6. No. 2. P. 357 (письмо редактору).

²⁹ Сотникова Т. С появлением нового вуза предприниматели почувствуют себя в большей безопасности // Сегодня. 1995. 23 нояб. С. 6.

³⁰ Current Digest of the Post-Soviet Press. 1995. Vol. 47. No. 48. P. 20–21.

и классики уступили место более меркантильным играм. Дети играют в рэкетиров, грабителей и владельцев магазина – используя настоящие деньги...»³¹

Основные усилия тех, кто придумывал себе постсоветское «Я», направлялись на то, чтобы стать западным и современным «нормальным, цивилизованным человеком» без позорных признаков «совка» – этим презрительным словечком в начале 1990-х гг. стало модно называть типичных советских граждан³². Одной из характерных для нормального, цивилизованного человека вещей являлась компетентность в вопросах секса, публичное обсуждение которых в советское время всегда подвергалось жесткой цензуре по соображениям морали и хорошего вкуса. «У нас секса нет!» – жалобно воскликнула представительница русской аудитории на совместной телепередаче, проведенной в 1987 г. Филом Донахью и Владимиром Познером и получившей громкую известность под названием советско-американского «телемоста». Как указывает Элиот Боренштейн, это утверждение было почти абсолютной правдой применительно к *дискурсам* о сексе, и если верить Фуко, заявлявшему в своей «Истории сексуальности», что современность характеризуется «стремлением производить все больше и больше дискурса о сексе», то постсоветская Россия, безусловно, дала впечатляющий пример стремительной модернизации «фукоистского» толка³³.

В придачу к переводам западной порнографической литературы и классических руководств по сексу вроде «Радости секса» Алекса Комфорта, выпущенной в 1991 г. в роскошном издании большого формата с цветными иллюстрациями на всю полосу³⁴, появился ряд российских журналов и газет, специально посвященных этой теме. Первым в 1989 г. стартовал «СПИД-инфо» – в качестве издания, предназначенного (пока еще в квазисоветском духе) для просвещения общественности относительно СПИД и венерических заболеваний. Вскоре он сменил название (на «SPEED-INFO» латинскими буквами) и превратился в «настоящую энциклопедию сексуальной жизни», предлагающую информацию и консультации специалистов по вопросам секса и всех его социальных, экономических и культур-

---

³¹ Current Digest of the Post-Soviet Press. 1995. Vol. 47. No. 39. P. 20 («Новая ежедневная газета»).

³² См.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 564.

³³ Borenstein E. *About That: Deploying and Deploring Sex in Postsoviet Russia* // Studies in Twentieth Century Literature. 2000. Vol. 24. No. 1. P. 53.

³⁴ Kelly C. *Refining Russia*. P. 369–370.

ных проявлений, – в журнал, который, по словам Боренштейна, «существует не для того, чтобы провоцировать сексуальное желание, а для того, чтобы провоцировать вербализацию желания»³⁵. Стала доступна и жесткая порнография, например газета «Еще», которую Боренштейн считает адресованной специально «советским» людям, нуждающимся в адаптации к постсоветскому миру: «Искатели эротических приключений в ней – шоферы-дальнобойщики и колхозники, истории их сексуальных экспериментов в других странах рассказываются с точки зрения ошарашенного секс-туриста из бывшего СССР»³⁶. Другие издания прославляли разнообразные формы сексуальной активности, считавшиеся ранее извращенными или постыдными, рекомендовали вниманию читателей недавно открытый стиль жизни геев и призывали их наслаждаться мастурбацией, не испытывая чувства вины³⁷.

Новый интерес к сексу выразался не только в том, что люди учились говорить о нем. Проституция (с иностранцами за твердую валюту) в конце 1980-х гг. стала бурно развивающейся индустрией в крупных городах, и фильм П. Е. Тодоровского на эту тему, «Интердевочка» (снятый в 1989 г. по одноименной повести В. В. Кунина 1988 г.), вызвал оживленные дискуссии³⁸. На международный рынок торговли «живым товаром» в 1990-е гг. поступило большое количество молодых русских и украинок, работавших во многих странах Европы и Ближнего Востока³⁹. Экономическая необходимость, конечно, играла тут определенную роль, и многие девушки, несомненно, были введены в заблуждение насчет характера «работы за рубежом», которую им предлагали. Но, кажется, в самой готовности молодых женщин ухватиться за эту возможность, наличествовал элемент постсоветского пересотворения себя. Так же как реклама и пиар, международная секс-торговля стала одной из новых сфер трудоустройства в постсоветскую эру.

Вновь открытые религия и духовность располагались на другом конце нравственного спектра, но для значительного числа бывших

---

³⁵ Borenstein E. *About That*. P. 60.

³⁶ Ibid. P. 61–62.

³⁷ Omel'chenko E. *New Dimensions of the Sexual Universe: Sexual Discourses in Russian Youth Magazines // Gender and Identity in Central and Eastern Europe / ed. C. Corrin. London, 1999. P. 99–133.*

³⁸ Обзор различных интерпретаций см.: Borenstein E. *About That*. P. 65–66.

³⁹ См., напр.: *New York Times*. 1998. 11 January. P. 1, 6; Нехамес И. Секс-рабыни на вызов // *Литературная газета*. 2004. № 15 (14–20 апр.). С. 5. Фильм Лукаса Мудиссона «Лиля 4-ever» (2002) также посвящен этой теме.

советских граждан представляли собой почти такую же экзотику. Постсоветские русские, обращавшиеся (возвращавшиеся) в лоно православия, тоже нуждались в помощи, поскольку мало кто из них знал достаточно о христианстве, православных обрядах, церковной иерархии и организации или о старообрядчестве. На рынке мгновенно появились пособия и справочники по православию, иконы и образки массового производства, духовные тексты и другие предметы православного культа⁴⁰. Число присутствующих на церковных службах за короткое время резко возросло. Рассказывая о периоде перестройки, Рис отметила «массовый выход коммунистов из партии, который в 1990 г. напоминал безудержный поток, и одновременное принятие многими бывшими партийцами христианства и его обрядов; как будто они за одну ночь обменяли один символ легитимности на другой»⁴¹.

Пышным цветом расцвели народные суеверия, не говоря уже об особой науке под названием «культурология» – о возрождении русской души и ее духовной миссии⁴². Появились справочники, посвященные колдовству и демонам⁴³, наблюдался «бурный рост спроса на “альтернативных” целителей: экстрасенсов, магов, колдунов, “астрологов-психоаналитиков”, биоэнергетиков, оккультистов всех мастей – кое-кто из них работал под вывеской православной церкви, используя молитвы, иконы и кресты в ритуалах исцеления путем “изгнания злых духов”». Некоторые экстрасенсы, астрологи и самозваные колдуны приобрели немало приверженцев благодаря национальному телевидению. Рекламные объявления обещали «очищение от сглаза и снятие порчи», психоаналитики-самоучки предлагали «покупателям и прохожим на улицах Москвы и Санкт-Петербурга дать консультацию не сходя с места»⁴⁴.

Возрождение «русскости» было в 1990-е гг. главной заботой, плохо живавшейся с присвоением современных, западных идентичностей. Особенно острый конфликт вспыхнул в области языка. Засилье

---

⁴⁰ Из последних пособий см.: Христианство: словарь. М., 1994; Покровский Д. Словарь церковных терминов. М., 1995; Религиозные объединения Российской Федерации: справочник. М., 1996; Утраченные святые Ярославля: Справочник-путеводитель. Ярославль, 1999; Православие: библиографический указатель книг на русском и церковнославянском языках за 1918–1993 гг. М., 1999; Олейникова Т. С. Словарь церковно-славянских слов. М., 1997.

⁴¹ Ries N. Russian Talk. P. 177.

⁴² См.: Культурология: краткий словарь. 2-е изд. СПб., 1995.

⁴³ Грушко Е., Медведев Ю. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Н. Новгород, 1995; Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

⁴⁴ Bennett D. Guilt as Capital. P. 134.

в журналистском лексиконе иностранных слов вместе с молодежным сленгом и лагерной феней вызвало резкую реакцию ревнителей чистоты русского языка, которые заговорили о его «извращении» и «насилии» над ним. «Разве наши города, где все улицы пестрят рекламной и вывесками на иностранном языке, нередко написанными латинскими буквами, не напоминают города, покоренные чужими странами?» – возмущенно спрашивал один критик⁴⁵. Даже тинейджеры иногда отмечали растерянность старшего поколения перед лицом нашествия Запада. Один подросток сказал интервьюеру в начале 1990-х гг.: «Мои родители уже в шоке от того, что русской культуры больше нет... Все западное, ничего нашего не осталось»⁴⁶.

Можно было, однако, попробовать возродить более старую культуру. В 1990 г. Солженицын опубликовал замечательный «Русский словарь языкового расширения», где перечислил слова, которые «преждевременно» исчезли из языка в советское время и еще «имеют право жить»⁴⁷. Некоторые русские чувствовали такую же ностальгию по обычаям российского дворянства, и их желание больше узнать о нем (зачастую вкупе с притязаниями на дворянское происхождение) вызвало бум публикаций, посвященных его истории, традициям и представителям⁴⁸. Те, кто желал приобрести «манеры русского джентльмена», могли проконсультроваться с книгой Ольги Мурановой «Как воспитывался русский дворянин»⁴⁹ или вступить в Английский клуб – прославленное заведение царской России, воскрешенное в Москве в 1996 г. и устраивающее балы, пикники и банкеты в традиционном стиле⁵⁰.

Государство, как и его граждане, тоже решало проблему установления новой идентичности и/или возрождения старой. Начало 1990-х гг. стало периодом полной смены символики. Статуи Ленина и Дзержинского демонстративно убрали; Ленинград в результате

---

⁴⁵ Gorham M. S. *Natsiia ili snikerizatsiia?* Identity and Perversion in the Language Debates of Late- and Post-Soviet Russia // Russian Review. 2000. Vol. 59. No. 4. P. 621–622. Цитируются слова Л. И. Скворцова, ректора Литературного института им. Горького.

⁴⁶ Markowitz F. *Coming of Age in Post-Soviet Russia*. Urbana; Chicago, 2000. P. 63.

⁴⁷ Gorham M. S. *Natsiia ili snikerizatsiia?* P. 626.

⁴⁸ См., напр.: Родная старина: слова, термины, образы. М., 1995; Дворянство Российской империи: Справочник. М., 1995; Князев Е. А. Дворянский календарь: справочная родословная книга российского дворянства. СПб., 1996.

⁴⁹ Об этом издании 1995 г. см.: Kelly C. *Refining Russia*. P. 378.

⁵⁰ Goscilo H. *The New Russians*. Introduction: A Label Designed to Libel versus Meimetic Modeling and Parthenogenesis // Russian Review. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 5.

народного голосования (правда, закрытого) вернул себе прежнее имя Санкт-Петербурга; государство получило новое название, новый флаг и новый герб (с двуглавым орлом и Святым Георгием, что подчеркивало связь с имперским прошлым). На этом, впрочем, изменения закончились: попытки вынести тело Ленина из Мавзолея не увенчались успехом, а советский государственный гимн, после долгих споров, при Путине был сохранен со словами, переписанными его первоначальным автором Сергеем Михалковым⁵¹.

Ельцин хотел найти новую доминантную «идею для России» и даже провел в 1996–1997 гг. публичный конкурс по ее поиску. Победитель, Гурий Судаков, подчеркивал, что России чужды материализм и индивидуализм: «русский национальный характер сформирован не на основе рыночной деятельности», благодаря которой в Западной Европе такое важное значение имеют свобода и право; для русского более значимы «общество, Родина, слава и власть»⁵². Но отголоски прошлого проникли и сюда, несмотря на ясные указания, что новая русская идея должна в корне отличаться от старой советской. Участники конкурса в своих поисках часто обращались к теме победы в Великой Отечественной войне, а мысль, что «России в предыдущие десятилетия приходилось справляться с несчетными трудностями и она способна преодолеть любое препятствие», чем-то напоминала старое сталинское изречение о том, что нет таких крепостей, которых не смогли бы взять большевики⁵³. Путин в 2001 г. открыто реабилитировал отдельные элементы советского прошлого: «...Неужели за советский период существования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королева и достижения в области космоса? Куда мы денем полет Юрия Гагарина?»⁵⁴

Многим русским нелегко было вернуть себе ощущение, что они русские, а не советские, и еще тяжелее – смириться с требовавшей от них этого утратой империи. Как сказал один подросток: «Труднее всего привыкнуть говорить “Россия”. Первое, чему нас учили, – что мы живем в Союзе Советских Социалистических Республик, в СССР, в Союзе. А потом пошло: Россия, Россия, Россия...»⁵⁵ По

---

⁵¹ Service R. *Russia: Experiment with a People*. Cambridge, Mass., 2003. P. 211–212. Весь процесс смены символики хорошо описан в гл. 13 книги Сервиса («Symbols for Russia»).

⁵² Ibid. P. 184–185.

⁵³ Ibid. P. 184.

⁵⁴ Цит. по: Ibid. P. 195.

⁵⁵ Markowitz F. *Coming of Age in Post-Soviet Russia*. P. 145.

словам политолога Ксении Мяло, «в советский период, казалось, мы все так перемешались и денационализировались, что перестали ощущать собственную идентичность и самобытность»⁵⁶. Надо сказать, другие наблюдатели приходили к иным выводам: например, антрополог Дейл Писмен в начале 1990-х гг. обнаружил в Иркутске влиятельный и заметный дискурс об уникальности «русской души»⁵⁷. Но «русский вопрос» 1990-х гг. касался общей идентичности особого рода – связанной с государством. Согласно результатам опроса общественного мнения в 1995 г., 75 % граждан Российской Федерации сожалели об исчезновении СССР и не находили большого преимущества в том, что у них теперь независимое Российское государство. Год спустя только половина респондентов чувствовала себя «гражданами России», правда, к 2000 г. их доля возросла до двух третей⁵⁸. В конце концов, быть гражданином Советского Союза означало принадлежать к одной из двух мировых сверхдержав; звание гражданина России такого удовольствия не доставляло. Обидно было видеть, что Россия, «которая раньше была таким великим государством... развалилась и... стала страной третьего мира. Ну, не на самом деле, мы на самом деле не третий мир, дела идут более или менее нормально, но мы и не Российская империя»⁵⁹. Обижала и неблагодарность – как отделившихся бывших союзных республик, так и стран Восточной Европы («после всего, что мы для них сделали!»)⁶⁰.

Для миллионов этнических русских, оказавшихся после распада СССР за пределами Российской Федерации, идентичность представляла собой более конкретную и острую проблему. Они не по своей воле образовали новую этническую группу «русскоязычного населения ближнего зарубежья»⁶¹. Если они пытались переехать в Россию, то сталкивались с огромными трудностями в поисках жилья и работы. Если оставались на месте, их, скорее всего, ожидала в лучшем случае маргинализация, в худшем – враждебность.

По мере того как прежняя советская жизнь уходила в прошлое, в народной речи укоренялось ироническое выражение «хомо совети-

---

⁵⁶ Current Digest of the Post-Soviet Press. 1993. Vol. 45. No. 17. P. 12.

⁵⁷ Pesman D. Russia and Soul: An Exploration. Ithaca, 2000.

⁵⁸ Service R. Russia: Experiment with a People. P. 116.

⁵⁹ Markowitz F. Coming of Age in Post-Soviet Russia. P. 152 (цитируются слова респондента-подростка).

⁶⁰ Ries N. Russian Talk. P. 104.

⁶¹ Laitin D. D. Identity Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, 1998. P. 33, passim. На 1989 г. за пределами РСФСР, но в пределах СССР проживало свыше 25 млн русских, см.: Демографические перспективы России. М., 1993. С. 38.

кус» (*Homo Sovieticus*)⁶². Это почти по определению всегда был не сам говорящий, а кто-то другой, ибо немногие теперь согласились бы признаться в искренности своих былых перевоплощений в Нового Советского Человека. В 1990-е гг. очистить язык от советизмов считалось не менее важным, чем в 1920-е гг. – усвоить их. Появилось даже специальное пособие – «Толковый словарь Совдепии», – помогающее выявить подлежащие забвению слова и обороты⁶³. В то же время в этом словаре явно отражалась ностальгия по советскому языку, примерно такая же, как та, что в середине 1990-х гг. обеспечила популярность многосерийной телепередачи «Старая квартира», где с любовью демонстрировались артефакты советской материальной и народной культуры.

На противоположном полюсе от *Homo Sovieticus* находились «новые русские» (прозвище, прочно приклеившееся к постсоветским нуворишам). Эта группа имела очевидные и привлекавшие всеобщее пристальное внимание проблемы с идентичностью и самоформированием. С одной стороны, нарождающихся капиталистов можно было рассматривать как авангард российских преобразований; с другой – не один только Судаков (победитель конкурса «Идея для России») считал, что рыночные ценности, олицетворяемые «новыми русскими», враждебны самой сути русского человека. В народе «новые русские» вызывали смешанные чувства: «с одной стороны, это люди, поймавшие удачу за хвост... с другой стороны, они безнравственны, бесцеремонны и непростительно, непозволительно богаты», причем негативные тенденции преобладают⁶⁴. «Новые русские» стали героями бесчисленных шуток, вдохнув жизнь в жанр анекдота, которому грозило отмирание, после того как рухнула его излюбленная мишень – советское государство. Остроты анекдотам о «новых русских»

---

⁶² См. «Толковый словарь русского языка конца XX в.». Заметим, что Александр Зиновьев, придумавший это выражение, писал «гомо советикус», см.: Зиновьев А. Гомо советикус. Лозанна, 1982.

⁶³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. См. также: Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995; Толковый словарь русского языка конца XX в. Интересно сравнивать эти труды, работу профессиональных социолингвистов, с анализами послереволюционных изменений в русском языке, которые появлялись в 1920-е гг., например с «Языком революционной эпохи» Селищева. В наше время лингвисты внимательно изучают не только новый язык (как в «Толковом словаре русского языка конца XX в.»), но и прежний (как в словарях Купиной и Мокиенко, Никитиной).

⁶⁴ Balzer H. Routinization of the New Russians? // Russian Review. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 16.

добавляли «намек, что худшие из них – вообще не русские... постоянно фигурирующие здесь персонажи еврейского и кавказского происхождения... свидетельствуют, что слово “русский” в выражении “новые русские” часто имеет иронический подтекст, подразумевающий захват русских богатств представителями других национальностей»⁶⁵.

«Новые русские» оказались новыми «не только для нас... [но и] для самих себя»⁶⁶. Психологикам повезло с ними не меньше, чем рассказчикам анекдотов. Им велели по новым глянцевым журналам учиться быть «настоящими карьеристами» – этим термином, инвертирующим отвергнутую советскую негативную характеристику, обычно называли своих читателей-бизнесменов постсоветские журналы «Карьера» и «Профиль»⁶⁷. Их самосотворение (по словам одного антрополога) «требует бесконечных перформативных ритуалов – от телесных актов (внешность, одежда, жесты, движения, походка, манеры, голос, манера пить) до речевых (типы произношения, речевые жанры, использование английских и бранных слов)...»⁶⁸ Они «разглядывают страницы “Вог” и чувствуют, что должны вылепить из себя нечто лучшее, чем западные аналоги, ведь они русские, к тому же передовые. Отсюда такое пристрастие к салонам красоты и гимнастическим залам, где физически новые тела тузят и разглаживают, придавая им требуемую форму»⁶⁹. Они строят – не обязательно действительно поселяясь в них – претенциозные виллы с фронтонами, башенками и башнями, «навязчивая вертикальность» которых поражает наблюдателя «одновременной целеустремленностью и готовностью к обороне»⁷⁰.

Неудивительно, что образ нашего старого друга, афериста Остапа Бендера, всплыл в анекдотах и исследованиях о «новых русских»⁷¹. Как подразумевают анекдоты, «новые русские» – мошенники, потому что богатство их нажито нечестным путем: хитрость помогла им завладеть возможностями, которые всегда открываются при развале

---

⁶⁵ Balzer H. Routinization of the New Russians? P. 46–47.

⁶⁶ Graham S. The Wages of Syncretism // Russian Review. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 38 (цитируется статья 1995 г., принадлежащая А. Левинсону).

⁶⁷ Yurchak A. Entrepreneurial Ethic and the Spirit of «True Careerism» // Russian Review. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 73.

⁶⁸ Ibid. P. 80.

⁶⁹ Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life. Ithaca, 2002. P. 181.

⁷⁰ Ibid. P. 200–201.

⁷¹ См.: Lipovetsky M. New Russians as a Cultural Myth // Russian Review. 2003. Vol. 62. No. 1. P. 61–67; Graham S. The Wages of Syncretism. P. 49.

государства. Но позвольте: разве не были мошенниками именно *старые* русские? Разве не *советская* специфика, если верить Синявскому, выковала предприимчивый дух «пройдохи»?⁷² Разве авантюры Остапа Бендера не служили «обязательной предпосылкой для постижения советской жизни», по словам информантов Дейла Писмена в Омске?⁷³

Это не просто еще одно подтверждение французской поговорки: «Чем больше меняется, тем больше все остается неизменным». Бендера от всех мошенников отличал особый талант схватывать на лету язык и правила нового порядка. Он изображал человека, который чувствовал себя как рыба в воде, в ситуации, когда никто не мог сказать того же о себе. «Новым русским» языком он сумел бы овладеть с той же виртуозностью, с какой в свое время научился «большевицкому»; в переходный период 1991–1992 гг. его образ проливал свет не только на советские нравы, но и, как это ни поразительно, на «нашу русскую душу»⁷⁴. На пути к новой постсоветской идентичности самозванец, двуликий Янус, снова оказался впереди всех.

---

⁷² Sinyavsky A. *Soviet Civilization: A Cultural History* / trans. J. Turnbull with the assistance of N. Formozov. New York, 1988. P. 174–175.

⁷³ Pesman D. *Russia and Soul*. P. 204.

⁷⁴ *Ibid.* (цитируются слова информанта).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города, 1920/1930 годы. СПб., 1999.

Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003.

На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х годов / под ред. М. Витухновской. СПб., 2000.

Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России (1920–1939 гг.) / под ред. Т. Вишавайнена. СПб., 2000.

Осокина Е. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. М., 1993.

Письма во власть, 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 1998.

Письма во власть, 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов, О. В. Хлевнюк. М., 2002.

Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы: Новые архивные материалы и методы обработки. М., 1998.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 1998.

Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989 / eds. S. Fitzpatrick, R. Gellately. Chicago, 1997.

Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 4.

Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003.

Andrle V. Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy. New York, 1988.

A Revolution on Their Own: Voices of Women in Soviet History / eds. B. A. Engel, A. Posadskaya-Vanderbek. Boulder, 1997.

- Ball A. M. *Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929*. Berkeley, 1987.
- Boym S. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, Mass., 1994.
- Bribery and *Blat* in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s / eds. S. Lovell, A. V. Ledeneva, A. Rogachevskii. London, 2000.
- Brooks J. *Revolutionary Lives: Public Identities in Pravda during the 1920s // New Directions in Soviet History / ed. S. White*. New York, 1992.
- Brooks J. *Thank You, Comrade Stalin: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, 2000.
- Clark C. *Petersburg, Crucible of Cultural Revolution*. Cambridge, Mass., 1995.
- Clark C. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Chicago, 1981.
- Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881–1940 / eds. C. Kelly, D. Shepherd*. Oxford, 1998.
- Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941*. Cambridge, 1997.
- Durham V. S. *In Stalin's Time: Middle-Class Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976.
- Edele M. *Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. Bd. 50.
- Être communiste en URSS sous Staline / sous la dir. de N. Werth*. Paris, 1981.
- Figes O., Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven, 1999.
- Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York, 1999.
- Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994.
- Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca, 1992.
- Gerasimova K. *Public Privacy in the Soviet Communal Apartment // Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc / eds. D. Crowley, S. E. Reid*. Oxford, 2002.
- Gorsuch A. E. *Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents*. Bloomington, 2000.
- Halfin I. *From Darkness to Light: Class Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, 2000.
- Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, Mass., 2003.

Hellbeck J. *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi, 1931–39* // *Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000.

Hellbeck J. *Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s* // *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices* / eds. D. L. Hoffmann, Y. Kotsonis. Basingstoke, Hants., 2000.

Hessler J. *A Social History of Soviet Trade*. Princeton, 2004.

Hoffmann D. L. *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1928–1941*. Ithaca, 1994.

Hoffmann D. L. *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca, 2003.

Holmes L. *Part of History: The Oral Record and Moscow's Model School No. 25, 1931–1937* // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 2.

Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, Mass., 2002.

In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to the Second World War / eds. S. Fitzpatrick, Yu. Slezkine. Princeton, 2000.

Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s / eds. V. Garros, N. Korenevskaja, T. Lahusen. New York, 1995.

Kelly C. *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. Oxford, 2001.

Kharkhordin O. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley, 1999.

Kimerling E. *Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936* // *Russian Review*. 1982. Vol. 41. No. 1.

Koenker D. *Fathers against Sons / Sons against Fathers: The Problem of Generations in the Early Soviet Workplace* // *Journal of Modern History*. 2001. Vol. 73. No. 4.

Koenker D. *Men against Women on the Shop Floor in Early Soviet Russia: Gender and Class in the Socialist Workplace* // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. No. 5.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

Krylova A. *Healers of Wounded Souls: The Crisis of Private Life in Soviet Literature and Society, 1944–1946* // *Journal of Modern History*. 2001. Vol. 73. No. 2.

Lahusen T. *Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia*. Ithaca, 1997.

Lemon A. *Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism*. Durham, N.C., 2000.

Lovell S. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Ithaca, 2003.

- Lugovskaya N. *The Diary of a Soviet Schoolgirl, 1932–1937* / trans. J. Turnbull. Moscow, 2003.
- Making Workers Soviet: Power, Class and Identity* / eds. L. Siegelbaum, R. Suny. Ithaca, 1994.
- Models of Self: Russian Women's Autobiographical Texts* / eds. M. Liljeström, A. Rosenholm, I. Savkina. Helsinki, 2000.
- Moine N. *Passportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale* // *Cahiers du Monde Russe*. 1997. Vol. 38. No. 4.
- Naiman E. *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton, 1997.
- Nérard F.-X. *5 % de vérité: la dénonciation dans l'URSS de Staline*. Paris, 2004.
- On Living through Soviet Russia* / eds. D. Bertaux, P. Thompson, A. Rotkirch. London, 2004.
- Osokina E. *Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941* / ed. and trans. K. S. Transchel, G. Bucher. Armonk, N.Y., 1999.
- Parler de soi sous Staline: la construction identitaire dans le communisme des années trente* / sous la dir. de B. Studer, B. Unfried, I. Herrmann. Paris, 2002.
- Pesman D. *Russia and Soul: An Exploration*. Ithaca, 2000.
- Petitions and Denunciations in Russian and Soviet History* / ed. S. Fitzpatrick // *Russian History*. 1997. Vol. 24. No. 1–2 (special issue).
- Ries N. *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. Ithaca, 1997.
- Rossmann J. *The Teikovo Cotton Workers' Strike of April 1932: Class, Gender and Identity Politics in Stalin's Russia* // *Russian Review*. 1997. Vol. 56. No. 1.
- Russian Cultural Studies: An Introduction* / eds. C. Kelly, D. Shepherd. Oxford, 1998.
- Siegelbaum L. H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge, 1988.
- Slezkine Yu. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994.
- Stalinism as a Way of Life: A Narrative in Documents* / eds. L. Siegelbaum, A. Sokolov. New Haven, 2000.
- Stalinism: New Directions* / ed. S. Fitzpatrick. London, 2000.
- Steinberg M. D. *Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925*. Ithaca, 2002.
- Tomoff K. «Most Respected Comrade...»: *Patrons, Clients, Brokers and Unofficial Networks in the Stalinist Musical World* // *Contemporary European History*. 2002. Vol. 11. No. 1.

Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York, 1996.

Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001.

Zubkova E. Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957 / ed. and trans. H. Ragsdale. Armonk, N.Y., 1998.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абликов — 113–114
Абрамова — 282–284
Авдеенко А. О. — 228
Авербах Л. Л. — 81, 218, 220
Агранов Я. С. — 215, 219, 227
Адамова-Слиозберг О. Л. — 154–155
Александров Д. А. — 214
Алексопулос Г. — 181, 263, 305, 311–312
Алиханов Г. С. — 220
Альтшулер М. — 332
Алянская Б. М. — 172
Ангелина П. Н. — 151, 153, 159, 167, 174
Андерсон Б. — 41
Анджиевская А. — 159
Андреев А. А. — 55
Ардов М. В. — 305
Арендт Х. — 255
Аристов А. Б. — 333
Архипов — 254
Ауслендер Л. — 11
- Бабель И. Э. — 220–221
Багрицкий Э. Г. — 221
Базелева Н. П. — 151, 154
Бакаляев — 254
Балашова А. И. — 164, 172
Бардин И. П. — 327
Бауман К. Я. — 223
Бедный Д. — 345–346
Белых — 115–116
Бельская М. К. — 147, 154, 161, 171
Бельский — 314
- Бережная А. А. — 166
Берия Л. П. — 222
Бивербрук У. — 167
Бисмарк О., фон — 189
Блантер М. И. — 290
Богадирова — 114
Богдан В. А. — 154, 156, 161, 163, 166, 169, 173, 176–177
Богушевская — 114
Бойм С. — 195
Большански Л. — 271
Боннэр Е. Г. — 161, 163, 173, 220
Боренштейн Э. — 354–355
Борков Г. А. — 227
Бугеев — 254
Будагян З. С. — 164
Буденный С. М. — 160
Булгаков М. А. — 215, 224, 310
Булганин Н. А. — 218
Бурдые П. — 42
Бурмистрова Е. — 184
Бускова М. Т. — 172
Бухарин Н. И. — 32, 118, 210, 213, 215, 225, 228, 244, 256, 318
Бушуева А. Е. — 164
- Вавилов С. И. — 213, 221–222, 327
Вайсман В. Б. — 325–328
Ваксберг А. И. — 339–340
Вальтер А. Я. — 159
Ванюшин С. П. — 245
Варшер Т. С. — 147, 177
Васеев И. И. — 196
Василевская В. Л. — 291

- Ватусов С. В. — 250
 Ватусова Н. С. — 250
 Вейнтрауб К. — 146
 Вейт — 83
 Вернер Э. — 252
 Вертинский А. Н. — 226, 231
 Виткин З. — 314
 Витте С. Ю. — 90
 Власовская А. В. — 165–166
 Вовси М. С. — 331
 Волконская С. А. — 160, 165–166, 169–170
 Волконский П. П. — 165
 Волович Х. В. — 155
 Володарский — 262
 Воронский А. Д. — 220
 Ворошилов К. Е. — 215, 217, 221, 225, 227–229, 310
 Вышинский А. Я. — 30–31, 184, 187, 191, 206, 221, 226, 231, 244, 262, 319
 Гааль Ф. — 157
 Гагарин Ю. А. — 358
 Гадиляева Ш. Я. — 164
 Галич А. А. — 276
 Гамарник Я. Б. — 244
 Ганцевич А. М. — 154, 160
 Гарри А. Н. — 314, 318
 Гафнер (Хафнер) — 115, 120
 Гвахария Г. В. — 228
 Герасимов А. М. — 219, 225
 Герасимов С. В. — 219
 Гессен М. — 348
 Гетти Дж. А. — 230, 305
 Гинзбург Е. С. — 149–150
 Гоголь Н. В. — 303
 Горбачев М. С. — 112
 Горбунов Н. П. — 223
 Горичев — 113
 Горшенин К. П. — 293
 Горький М. — 150, 216, 220, 222–224, 227–228
 Гофман И. — 22, 111
 Грабарь И. Э. — 219
 Графтио Г. О. — 221
 Грибанова М. П. — 245
 Григорьев П. М. — 98
 Гринштейн А. М. — 331
 Громов (Гриншпан) В. И. — 305, 311–312, 314–316, 319–320, 322
 Гронский И. М. — 220, 229, 231
 Гросс Дж. — 270
 Гуревич Е. — 338
 Даль В. И. — 183–184, 335
 Деборин А. М. — 218
 Денисов — 192
 Державин Н. С. — 218
 Джилас М. — 52, 104
 Дзержинский Ф. Э. — 357
 Дидро Д. — 238
 Дмитриева Е. М. — 261–262
 Долгих Е. Т. — 166, 169
 Донахью Ф. — 354
 Дорожинская П. К. — 167
 Доронины — 265
 Дробецкая О. В. — 127, 129
 Дубова А. А. — 166, 169, 345
 Дуглас М. — 301
 Дудина Е. Ф. — 167
 Дунаевский И. О. — 358
 Евдокимов — 156
 Ежов Н. И. — 210, 215, 220–221, 229–230, 243, 265
 Екатерина Великая — 93, 99, 210, 258
 Елагин Ю. П. — 221, 227
 Еленевская И. Е. — 166
 Ельцин Б. Н. — 353, 358
 Енукидзе А. С. — 222, 227, 229–230
 Ерманский О. А. — 219
 Жаров А. А. — 218
 Жванецкий М. М. — 341, 349
 Жданов А. А. — 62, 183–184, 186, 190, 192–193, 200–201, 203–207, 218, 220, 243–244, 261, 263, 325
 Жемчужная З. Н. — 147, 153, 163, 166–167
 Завадовский Б. М. — 218
 Заварюкина — 317

- Загоре С. — 292
 Задорожный Ф. А. — 253
 Захаркин — 323
 Зверев А. Г. — 326
 Зекцер — 116, 118–119
 Зеленко 116, — 118–119
 Землячка Р. С. — 84
 Зильбер Г. — 24, 26
 Зиновьев А. А. — 360
 Зиновьев Г. Е. — 129, 188, 228, 244, 246
 Зиновьева А. Н. — 176
 Золина — 259
 Зощенко М. М. — 48, 325
- Иванов Вяч. И. — 73
 Иванова П. — 158
 Измайлов — 169, 172
 Измайлова — 169
 Ильф И. А. — 32, 48, 303–305, 307,
 310–311, 318, 320–321, 324–325,
 327, 329, 341–342
 Иноземцев Л. — 312
 Иогансон Б. В. — 220
- Кабаков И. Д. — 228
 Каверин В. А. — 320
 Каганович Л. М. — 215, 225, 243
 Каганович М. М. — 103
 Калинин М. И. — 184, 191–192, 214,
 225, 227, 243, 256, 264
 Калнберзин Я. Э. — 287
 Каменев Л. Б. — 188, 215, 246
 Капица П. Л. — 219, 221–223, 260–261
 Карасева — 74
 Карнеги Д. — 352
 Касимов — 259
 Кафтанов С. В. — 62, 261
 Кацман (Кауфман) — 338
 Келли К. — 11, 303, 345
 Керенский А. Ф. — 115
 Керженцев П. М. — 220
 Кетлинская В. К. — 243, 291
 Кипаренко А. В. — 165
 Киров С. М. — 63, 129–130, 168, 184,
 186, 188, 190–191, 193, 200, 207,
 214–215, 244, 246, 264, 336
- Кислова Е. В. — 151, 161
 Китаев Н. В. — 246
 Кларк К. — 11, 217, 232, 345
 Ключевский В. О. — 89
 Княжнин Я. Б. — 303
 Князев И. Е. — 70
 Коган Б. Б. — 331
 Коган Б. Я. — 157
 Коган С. Я. — 167
 Козин — 114–115
 Козлов В. А. — 241, 273
 Козырев Н. А. — 222
 Коллонтай А. М. — 189
 Колокольцова Н. Ф. — 156, 169
 Колчак А. В. — 125
 Комарова П. С. — 152–153
 Комендантов — 63
 Комфорт А. — 354
 Конквест Р. — 130
 Кореванова А. Г. — 158, 163–164, 168,
 176
 Корнев — 125
 Королев С. П. — 358
 Короленко В. Г. — 303, 315, 317
 Косоч Н. А. — 192
 Коткин С. — 17, 37
 Кремлев-Свен И. Л. — 304, 310
 Кропоткин П. А. — 310
 Крупская Н. К. — 173, 214
 Крыленко Н. В. — 61
 Куйбышев В. В. — 225
 Кунин В. В. — 355
 Куприн А. И. — 303
 Курдюмов А. А. — 341
 Куромия Х. — 240
- Лаврентьев З. Д. — 323
 Лакоба Н. А. — 210
 Ландау Л. Д. — 222
 Ландерс Э. — 276
 Ларина А. М. — 256
 Левяго А. — 313
 Леденева А. В. — 212, 231
 Ленин В. И. — 59, 67, 70, 72, 77, 92, 94,
 173, 189, 216, 239, 244, 246, 357–358
 Леонтьев И. А. — 261–262

- Либединская Л. Б. — 73, 149, 161, 163, 166–167, 169
 Либединский Ю. Н. — 163
 Лившин А. Я. — 182, 293
 Липин — 128, 131
 Липина — 127
 Липина-Казунина — 127–128
 Липины — 127–132
 Литвейко А. О. — 148, 163, 168, 172
 Литвинов М. М. — 189, 206
 Литман А. — 338
 Лихачев Д. С. — 353
 Ловелл С. — 305, 327
 Лоскутов — 125
 Лукьянов С. И. — 127, 129–131
 Луначарский А. В. — 93, 184, 189, 216, 310
 Лысенко Т. Д. — 219
 Лэйтин Д. — 19, 21
 Любенский А. М. — 338
 Любимов А. В. — 326
 Любимова — 116

 Макаренко А. С. — 33, 217
 Максимов А. А. — 219
 Маленков Г. М. — 58, 98, 215, 223
 Малышев В. А. — 326
 Мандельштам Н. Я. — 147, 160, 164, 181–182, 211, 225, 228
 Мандельштам О. Э. — 213, 228
 Маненков — 269
 Манн Т. — 302
 Мансурова Ц. Л. — 219
 Маркс К. — 17, 42, 176, 310
 Масленникова Е. В. — 174, 177
 Межлаук В. И. — 219, 222–223
 Мейерхольд В. Э. — 220, 222, 228
 Мелвил Г. — 302
 Мерридейл К. — 162
 Месхи С. — 311
 Мехлис Л. З. — 246
 Мешков Г. — 249
 Микоян А. И. — 215, 223, 264, 312, 314
 Милонов Ю. К. — 67
 Минц И. И. — 218
 Мисостишхова Б. Ш. — 160

 Митин М. Б. — 219
 Митрофанов А. — 263
 Михайлов — 251
 Михайловский Ю. — 83
 Михалков С. В. — 358
 Михоэлс С. М. — 331
 Молотков Г. Г. — 265–266
 Молотов В. М. — 54, 183–184, 186–189, 204–205, 208, 213, 215, 217–219, 221–225, 227–229, 241, 243, 247, 251, 257, 264, 325
 Молчанов — 113
 Морозов П. Т. (Павлик) — 240–241, 243, 255–257
 Мудиссон Л. — 355
 Муранова О. — 357
 Мухаровский — 314–315
 Мушинские — 172
 Мяло К. Г. — 359

 Найман Э. — 15
 Незгорова М. И. — 153, 165
 Некрасов Н. А. — 285
 Нечанов — 244–245
 Николай I — 194
 Никулина Е. А. — 154
 Никульшин К. В. — 136, 138–139
 Нилин П. Ф. — 186
 Новикова М. А. — 168

 Одесский М. П. — 321, 341
 Олицкая Е. Л. — 153, 155, 167–168, 171, 176–177
 Орджоникидзе Г. К. (Серго) — 214–215, 219–220, 224, 228
 Орлова Р. Д. — 148, 157, 163, 166
 Орловски Д. — 15, 213
 Остин Дж. Л. — 22
 Островский Н. А. — 305

 Павленко, колхозник — 269
 Павленко, представитель власти — 259–260
 Павлов И. П. — 182
 Павлова С. Н. — 159, 173
 Пальгов — 244–245

- Парк Р. Э. — 22–23
 Патоличев Н. С. — 326
 Патон Б. Е. — 225
 Патрикеева З. — 160
 Паустовский К. Г. — 307–308, 318
 Пелевин В. О. — 351
 Петр Великий — 98
 Петров Е. П. — 32, 48, 303–305, 307,
 310–311, 318, 320, 324–325, 327, 329,
 341
 Пешков З. А. — 220
 Пил Н. В. — 352
 Пильняк Б. А. — 210, 220–221, 228
 Писмен Д. — 359, 362
 Платонов А. П. — 48
 Плотников — 124
 Плотников-старший — 128, 131
 Плотникова А. М. — 121–133, 177
 Плотниковы — 125–129, 132
 Погребинский М. С. — 217
 Познер В. В. — 354
 Полуэктов А. И. — 134–145
 Полякова А. М. — 165
 Попков П. С. — 59
 Попов А. Д. — 227
 Попов Г. М. — 326
 Поповьян — 245
 Посадская-Вандербек А. — 158, 166
 Правдина Е. И. — 154, 156, 168, 171
 Пугачев Е. И. — 303
 Путин В. В. — 358
 Пушкин А. С. — 194
 Пышкин — 113
 Пятаков Г. Л. — 32

 Разина М. К. — 156
 Разумовская Е. Н. — 135
 Райх З. Н. — 220
 Ратайчак С. А. — 30, 32–33
 Рейган Н. — 350
 Решетников М. М. — 353
 Ригби Т. Г. — 210
 Рис Н. — 350–352
 Розен — 338
 Розенберг У. — 91
 Романенков — 249

 Рофман Л. Е. — 338
 Рубин Р. — 321
 Рубинин П. Е. — 223
 Рузняев — 115
 Румянцев И. П. — 184–185, 193, 197,
 205, 207
 Русланов Л. П. — 227
 Рыбальченко А. И. — 324
 Рыков А. И. — 221, 228
 Рэнсел Д. — 154, 210

 Савин Н. Г. — 303
 Савони — 254
 Сарбунова — 50
 Сац Н. И. — 155, 211, 223, 226
 Свердлов Г. М. — 295
 Свердлов Я. М. — 92
 Седова — 185, 202
 Селищев А. М. — 68
 Серов И. А. — 325
 Сидоренко Н. Н. — 218
 Симис К. — 340
 Симонов К. М. — 290
 Синявский А. Д. — 341–342, 362
 Скворцов Л. И. — 357
 Скворцов-Степанов И. И. — 221
 Скотт Дж. — 35, 241
 Скрыпник Н. А. — 74
 Сланский Р. — 333
 Слащев В. Ф. — 202
 Слезкин Ю. — 11, 135, 157, 212, 232,
 345
 Смирнов — 244
 Смирнов В. В. — 197
 Смирнова А. — 164
 Смоковенко — 315
 Солженицын А. И. — 357
 Сольвьева А. — 154
 Сольц А. А. — 76
 Сосновский Л. С. — 207, 310
 Спасский — 63
 Сталин И. В. — 23, 31, 52, 54–56,
 59, 61–63, 99–100, 102, 104, 123,
 129–130, 145, 148, 161, 167, 173,
 184–185, 189, 191–193, 198–199,
 215–216, 219, 222–224, 227, 229,

- 232– 233, 241, 243, 246–247, 256, 275, 311, 325, 327–329, 331–332, 334, 336, 341
- Степанова А. И. – 230
- Столыпин П. А. – 43
- Стриго – 265
- Судак – 113
- Судаков Г. В. – 358, 360
- Сулимов Д. Е. – 227
- Суни Р. – 11, 15, 16, 41
- Суслин В. Н. – 262
- Суслова Е. – 259–260, 268
- Тадевоян В. – 292, 293
- Такер Р. – 105
- Тевоян И. Т. – 326
- Тейлор Ч. – 18
- Тельман Э. – 191
- Тильба А. Г. – 54
- Тимошенко А. – 184
- Типольт – 63
- Тодоровский П. Е. – 355
- Толстая Л. см. *Либединская Л. Б.*
- Толстой А. Н. – 224
- Толстой Б. Д. – 169
- Толстой Л. Н. – 81
- Томофф К. – 159
- Томпсон Э. П. – 88
- Трегубова Е. И. – 262
- Трейвас Ф. Е. – 148, 155, 173–174
- Троцкий Л. Д. – 104, 148, 173, 215, 220, 228, 241, 244
- Трусенко В. – 333
- Тухачевский М. Н. – 219, 225, 231, 256
- Тушнев И. Д. – 136–137
- Тычинкин С. М. – 196
- Тюков Вал. С. – 251
- Тюков Вит. С. – 251
- Тюков С. – 251
- Тюфясов – 63
- Тяжельникова В. С. – 250
- Ульянова (Бубер) – 116–120, 153, 177
- Уралов – 245
- Урбан М. – 12
- Ушаков Д. Н. – 19
- Фадеев А. А. – 77, 221
- Файкин М. А. – 333
- Фейнсон М. – 270
- Фельдман А. И. – 331
- Фельдман Д. М. – 321, 341
- Филиппова О. П. – 168
- Флейшер В. К. – 166, 169
- Фок В. А. – 222
- Фридман Л. – 338
- Фуко М. – 15, 18, 270, 354
- Фурман – 116
- Фэррис Дж. – 352
- Хадсон Х. – 260
- Хаимсон Л. – 90
- Хайтин А. Н. – 338
- Халфин И. – 15, 17, 31
- Халфин, мошенник – 312–313, 320
- Харре Р. – 19, 21–24, 26
- Хархордин О. В. – 19
- Хелли Р. – 105
- Хелльбек Й. – 15, 17–18, 26
- Хлебников В. В. – 73
- Хобсбаум Э. – 42
- Ходжаев Ф. У. – 310
- Холмянская – 250
- Хорват Р. – 346
- Хорев М. – 124, 131
- Хорева М. М. – 124–125
- Хоревы – 128
- Хрущев Н. С. – 223, 225, 283
- Цветаева М. И. – 284
- Цеткин К. – 310
- Чаадаева О. Н. – 164
- Чаклин В. Д. – 327
- Чаянов А. В. – 77
- Черкасов Н. П. – 23
- Чижевский А. Л. – 218
- Чистяков – 254
- Чудов М. С. – 222
- Чуев Ф. И. – 215

- Чуковский К. И. — 216
Чурковы — 199, 205
- Шамлиян М. И. — 157, 167–169, 172
Шафран М. Л. — 193, 206, 220
Шаяхметов Ж. — 226
Шевелев-Лубков В. П. — 125
Шейнин Л. Р. — 32, 319–320
Шеншев В. Г. — 262
Шепилов Д. Т. — 324
Шереметевы — 219
Шихеева-Гайстер И. А. — 161, 174
Шкирятов М. Ф. — 283–284
Шкловский В. Б. — 303
Шкрябков — 316
Шляпентох В. Э. — 275
Шмидт О. Ю. — 182
Шмидт П. П. — 304, 311
Шолохов М. А. — 358
Шопен Ф. — 189
Шостакович Д. Д. — 219, 225, 231, 358
Штанге Г. В. — 225
Шульц В. А. — 162
Шустерл М. — 338
- Щеглов Ю. К. — 310, 341
Щеников Г. П. — 127–128
- Щербаков А. С. — 223
Щетинина А. И. — 160
- Эвельсон Е. — 340
Эделе М. — 322
Эзоп — 199
Эйзенштейн С. М. — 23
Эйхе Р. И. — 184, 186, 188, 193, 207
Экштейн З. Е. — 262
Элджер Г. — 59
Энгель Б. — 158, 166
Энгельс Ф. — 310
Эрдман Н. Р. — 230
Эренбург И. Г. — 290
Эрман Г. — 187, 206
Этингер Я. Г. — 331
Эфрон С. Я. — 284
- Юдин П. Ф. — 219
Юон К. Ф. — 219
- Ягода Г. Г. — 215, 220, 222, 227
Якир И. Э. — 256–257, 273
Якир С. Л. — 256
Яковлев Я. А. — 62
Якубова Х. Ш. — 156–157, 174
Янковская А. — 158, 176
Ярославский Е. М. — 75

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие и благодарности	7
ВВЕДЕНИЕ	
Глава 1. Как стать советским человеком	11
ЧАСТЬ I. КЛАССОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	
Глава 2. Как большевики изобретали классы	41
Глава 3. Классовая идентичность в обществе нэпа	65
Глава 4. Класс и сословие	87
ЧАСТЬ II. БИОГРАФИИ	
Глава 5. Жизнь под огнем	109
Глава 6. Два лица Анастасии	121
Глава 7. История деревенского правдолюбца	134
Глава 8. Женские судьбы	146
ЧАСТЬ III. ПРОСЬБЫ	
Глава 9. Просители и граждане	181
Глава 10. Патроны и клиенты	210
ЧАСТЬ IV. ДОНОСЫ	
Глава 11. Сигналы снизу	237
Глава 12. Истории жен	275
ЧАСТЬ V. САМОЗВАНСТВО	
Глава 13. Мир Остапа Бендера	301
Глава 14. Жулик-еврей	320
ПОСЛЕСЛОВИЕ	343
Глава 15. Как стать постсоветским человеком	345
Рекомендуемая дополнительная литература	363
Указатель имен	368

Научное издание

История сталинизма

Фицпатрик Шейла

СРЫВАЙТЕ МАСКИ!

Идентичность и самозванство в России XX века

Перевод с английского *Л. Ю. Пантиной*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *И. Д. Звягинцева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.11.2010.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Тираж 2000 экз.

Заказ 9031

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14